

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

2022 Том 13 № 2

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

**Научный журнал
Издается с 2010 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Денисенко Владимир Никифорович,

доктор филологических наук,
профессор, РУДН,
Москва, Российская Федерация
E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

Заместитель главного редактора

**Новоспасская Наталья
Викторовна,** кандидат филологиче-
ских наук, РУДН, Москва,
Российская Федерация
E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

Ответственный секретарь

Лазарева Олеся Викторовна,
кандидат филологических наук,
РУДН, Москва,
Российская Федерация
E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Беднарова-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов, Прешов, Словакия

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

Евграфова Юлия Александровна, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация

Иванов Евгений Евгеньевич, доктор филологических наук, доцент, МГУ им. А.А. Кулешова, Могилев, Республика Беларусь

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, ГИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Монфорте Дюбре Роберто, доктор филологических наук, доцент, Университет Страны Басков, Витория-Гастейс, Испания

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Поплавская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Республика Казахстан

Цзюй Юнь Шэн, доктор филологических наук, доцент, Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китайская Народная Республика

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 выпуска в год (ежеквартально)

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Языки: русский, английский.

Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory:

<http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала индексируются РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Scopus, Electronic Journals Library CyberLeninka, EBSCOhost, DOAJ.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика» издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в Перечень рецензируемых журналов ВАК РФ. Журнал ориентирован на широкую международную аудиторию.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей и частной теории языка; теорию речевой деятельности и речи; семиотические характеристики знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотику и поэтику художественных текстов; функциональную семантику лексических и грамматических единиц; предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование типологии категорий и единиц языка.

Журнал публикует статьи, доклады, рецензии и научную хронику исследований ведущих ученых различных областей гуманитарной сферы, а также материалы молодых ученых — докторантов, аспирантов и магистров. Материалы публикуются на русском и/или английском языках.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Подписной индекс по каталогу Роспечати — 80555.

Электронный адрес: semioticj@rudn

Литературный редактор: К.В. Зенкин
Редактор англоязычных текстов: О.Н. Кольшева
Компьютерная верстка: И.А. Чернова

Адрес редакции:
115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: semioticj@rudn.ru

Подписано в печать 01.07.2022. Выход в свет 10.07.2022. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 27.63. Тираж 500 экз. Заказ № 437. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,
тел. (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2022 VOLUME 13 No. 2

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Founded in 2010

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir N. Denisenko

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

DEPUTY-EDITOR-IN-CHIEF

Natalia V. Novospasskaya

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Olesya V. Lazareva

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Kludia Bednárová-Gibová, University of Prešov, Prešov, Slovak Republic

Nikolay N. Boldyrev, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation

Tatyana E. Vladimirova, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Languages University, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Yulia A. Evgrafova, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Evgeny E. Ivanov, Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Republic of Belarus

Vladimir I. Karasik, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

Valentina A. Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus

Roberto V. Monforte Dupret, University of Basque Country, Vitoria-Gasteiz, Spain

Marina L. Novikova, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Tatiana V. Poplavskaya, Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus

Vladimir P. Sinyachkin, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Zifa K. Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

Ju Yunsheng, Heilongjiang University, Harbin, People's Republic of China

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES,
SEMIOTICS AND SEMANTICS**
**Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

Publication frequency: quarterly

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Languages: Russian, English.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Scopus, EBSCOhost, DOAJ, Russian Index of Science Citation, Electronic Journals Library CyberLeninka

Aim and Scope

“*RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*” elaborates and deepens the topics of general and special theory of language, speech activity and speech; semiotic features of sign systems and those of language units, belonging to different levels and texts; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units; pays attention to complex and comparative typological research of language categories and units.

General goals and objectives of the journal, besides the development and propaganda of humanities, include the integral characteristics of paradigms of philological and humanitarian knowledge — symbolic and social paradigms, in particular. As to the application, methodology and complex, integral methods of theoretical research of language and society are being elaborated as well as the research in systemic linguistics and language modeling.

Academic Journal “RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics” was founded in 2010 (4 issues a year) and is a peer-reviewed journal on the list of the RF State Commission for Academic Degrees and Titles. It's an international journal regarding both the editorial board and contributing authors as well as research and topics of publications. Its authors are leading researchers possessing PhD and PhDr degrees, and PhD and MA students from Russia and abroad. The journal also introduces such sections as “Reviews”, “Scientific Reviews”, “Scientific Chronicles”.

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Access to full-text files of issues and articles on the journal website is open to all users. Print issues are subscribed.

E-mail: semioticj@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*
English Text Editor: *O.N. Kolysheva*
Computer Design. *I.A. Chernova*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russian Federation
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.ru
Printing run 500 copies. Open price
The Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russian Federation 6 Miklukho-Maklaya str., 117198

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russian Federation,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СЕМИОТИКА И ПОЭТИКА ТЕКСТА

- Темиргазина З.К. (Павлодар, Республика Казахстан).** Поэтема как инструмент анализа лирического текста в концепции Л.А. Новикова языка как искусства 249
- Якушевич И.В. (Москва, Российская Федерация).** Лингвосенсорика символов смерти в «Поэме воздуха» М.И. Цветаевой: к 130-летию со дня рождения поэтессы 262
- Семенова С.Н. (Краснодар, Российская Федерация).** Когнитивно-прагматические характеристики художественного текста на материале рассказа Д.Н. Мамина-Сибиряка «Емеля-охотник» 280
- Владимирова Т.Е. (Москва, Российская Федерация).** Семантический потенциал слова: на материале мифологемы священного брака Неба и Земли 294

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Максименко О.И. (Мытищи, Российская Федерация).** Словарь языка писателя и толковые словари литературного языка: системные и количественные соотношения 307
- Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И. (Мытищи, Российская Федерация), Будман Ю.Д. (Москва, Российская Федерация).** «КРИК» и «ДЕТИ» в переводах одного фрагмента притчей Соломона: допустимая интерпретация или отход от оригинала? 323
- Коровкина М.Е., Семёнов А.Л. (Москва, Российская Федерация).** Инферирование и функциональный подход к тексту: на материале синхронного перевода 337
- Евграфова Ю.А. (Мытищи, Российская Федерация).** Гипотипозис в гетерогенных экранных текстах на примере АСМР-видео 353
- Zvereva E.V. (Moscow, Russian Federation).** Neology Process in the Era of the COVID-19 Pandemic: Spanish and French Media and Social Networks Discourse (**Зверева Е.В. (Москва, Российская Федерация).** Неологические процессы в эпоху пандемии COVID-19: испанский и французский публицистический и дискурс социальных сетей) 364
- Filyasova Yu.A. (Saint Petersburg, Russian Federation) .** A Semantic Field of Perfectionism as a Social and Psychological Concept in Academic Discourse (**Филясова Ю.А. (Санкт-Петербург, Российская Федерация).** Семантическое поле перфекционизма как социально-психологического концепта в научном дискурсе) 382
- Kiose M.I. (Moscow, Russian Federation).** Event construal in text and image. Gaze behavior and discourse interpretations (**Киосе М.И. (Москва, Российская**

Федерация). Особенности конструирования события в тексте и иллюстрации. Глазодвигательные реакции и дискурсивные интерпретации).....	396
Вышенская Ю.П. (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Стилистическое использование грамматической категории времени на ранней стадии формирования английского языка.....	416
Дзюба Е.В., Рябова И.Ю. (Екатеринбург, Российская Федерация). Формально-содержательная организация гибридного художественно-правового дискурса.....	433
Novikov P.N. (Moscow, Russian Federation). Constructed Languages as Semantic and Semiotic Systems (Новиков Ф.Н. (Москва, Российская Федерация) Искусственные языки как семантические и семиотические системы).....	455

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Жаркынбекова Ш.К. (Нур-Султан, Республика Казахстан), Чернявская В.Е. (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Казахско-русская билингвальная практика: смешение кода как ресурс в коммуникативном взаимодействии.....	468
Чеснокова О.С., Усманов Т.Ф. (Москва, Российская Федерация). Образы природы в тувинских, татарских, русских и испанских загадках.....	483
Jin Lian, Lazareva O.V., Lazareva O.S. (Moscow, Russian Federation). Comparative analysis of the Russian adverb <i>чрезвычайно</i> and the Chinese adverb 非常 in the meaning of ‘extremely’ (Цзинь Лянь, Лазарева О.В., Лазарева О.С. (Москва, Российская Федерация). Сопоставительный анализ русского наречия <i>чрезвычайно</i> и китайского наречия 非常).....	502
Юсупова С.М. (Грозный, Российская Федерация). Сопоставительный анализ коммуникативных ценностей во фразеологии на материале английского, немецкого и русского языков.....	518
Ибрагим В.Ф. (Каир, Египет), Мамонтов А.С. (Москва, Российская Федерация). Метафоризация топонимов в русском и арабском языках: на материале российской и арабской прессы.....	536
Вэй Сяо, Лю Лифэн (Гуанчжоу, Китай), У Пэйхуа (Цзинань, Китай). Психолингвистическое описание ассоциативного поля МЕДИЦИНА в языковом сознании носителей русского и китайского языков.....	554
Kuzembayeva G.A. (Aktobe, Republic of Kazakhstan), Maigeldiyeva Zh.M. (Kyzylorda, Republic of Kazakhstan), Maydangaliev Zh.A. (Aktobe, Kazakhstan). The Perception of Medical Doctors on the Part of Hindu, Russian and Kazakh Linguoculture Bearers: Association Experiment (Кузембаева Г.А. (Актобе, Республика Казахстан), Майгельдиева Ж.М. (Кызылорда, Республика Казахстан), Майдангалиева Ж.А. (Актобе, Республика Казахстан). Восприятие врачей представителями индийской, русской и казахской лингвокультуры: ассоциативный эксперимент).....	567

CONTENTS

SEMIOTIC AND POETIC TEXT STUDIES

- Temirgazina Z.K. (Pavlodar, Republic of Kazakhstan).** A Poeteme as a Tool for the Analysis of a Lyrical Text in L.A. Novikov's Concept of Language as Art 249
- Yakushevich I.V. (Moscow, Russian Federation).** Linguosensorics of Death Symbols in Marina Tsvetaeva's "Poem of Air": to the 130-th Poetess's Anniversary 262
- Semenova S.N. (Krasnodar, Russian Federation).** Cognitive-pragmatic Characteristics of Fiction Text on the Material of D.N. Mamin-Sibiriyak's Short Story "Emelya the Hunter" 280
- Vladimirova T.E. (Moscow, Russian Federation).** Semantic Potential of the Word: by the Material of the Mythologem of the Holy Marriage of Heaven and Earth 294

COGNITIVE STUDIES

- Maksimenko O.I. (Mytishi, Russian Federation).** The Dictionary of the Author's Language and Explanatory Dictionaries of the Literary Language: System and Quantitative Correlations 307
- Khukhuni G.T., Valuitseva I.I. (Mytishi, Russian Federation), Budman Yu.D. (Moscow, Russian Federation).** 'CRYING' and 'CHILDREN' in Translations of the one Fragment of the Book of Proverbs: Possible Interpretation or the Digression from the Original? 323
- Korovkina M.Ye., Semenov A.L. (Moscow, Russian Federation).** Inferencing and Functional Approach to Text: Based on Simultaneous Interpreting 337
- Evgrafova Yu.A. (Mytishi, Russian Federation).** Hypotyposis in Heterogeneous Screen Texts: Case Study of ASMR-Videos 353
- Zvereva E.V. (Moscow, Russian Federation).** Neology Process in the Era of the COVID-19 Pandemic: Spanish and French Media and Social Networks Discourse 364
- Filyasova Yu.A. (Saint Petersburg, Russian Federation).** A Semantic Field of Perfectionism as a Social and Psychological Concept in Academic Discourse 382
- Kiose M.I. (Moscow, Russian Federation).** Event Construal in Text and Image. Gaze Behavior and Discourse Interpretations 396
- Vyshenskaya Yu.P. (Saint Petersburg, Russian Federation).** Stylistic Use of the Grammatical Tense Category in the Middle English Prose 416
- Dziuba E.V., Ryabova I.Y. (Yekaterinburg, Russian Federation).** Formal and Semantic Organization of Hybrid Literary-Legal Discourse 433

Novikov P.N. (Moscow, Russian Federation). Constructed Languages as Semantic and Semiotic Systems	455
--	-----

COMPARATIVE STUDIES

Zharkynbekova Sh.K. (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan), Chernyavskaya V.E. (Saint Petersburg, Russian Federation). Kazakh-Russian Bilingual Practice: Code-Mixing as a Resource in Communicative Interaction	468
---	-----

Chesnokova O.S., Usmanov T.F. (Moscow, Russian Federation). Images of Nature in Tuvan, Tatar, Russian, and Spanish Riddles	483
---	-----

Jin Lian, Lazareva O.V., Lazareva O.S. (Moscow, Russian Federation). Comparative analysis of the Russian adverb <i>чрезвычайно</i> and the Chinese adverb 非常 in the meaning of ‘extremely’	502
---	-----

Yusupova S.M. (Grozny, Russian Federation). Comparative analysis of communicative values in phraseology on the material of the English, German and Russian languages	518
---	-----

Ibrahim W.F. (Cairo, Egypt), Mamontov A.S. (Moscow, Russian Federation). Metaphorization of Toponyms in Russian and Arabic by the Material of the Russian and Arabic Press	536
---	-----

Wei Xiao, Liu Lifen (Guangzhou, China), Wu Peihua (Jinan, China). Psycholinguistic description of the associative field MEDICINE in the linguistic consciousness of Russian and Chinese speakers	554
---	-----

Kuzembayeva G.A. (Aktobe, Republic of Kazakhstan), Maigeldiyeva Zh.M. (Kyzylorda, Republic of Kazakhstan), Maydangalieva Zh.A. (Aktobe, Republic of Kazakhstan). The Perception of Medical Doctors on the Part of Hindu, Russian and Kazakh Linguoculture Bearers: Association Experiment	567
--	-----

СЕМИОТИКА И ПОЭТИКА ТЕКСТА SEMIOTIC AND POETIC TEXT STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-249-261

УДК 811.161.1'42:821.161.1-14

Научная статья / Research article

Поэтема как инструмент анализа лирического текста в концепции Л.А. Новикова языка как искусства

З.К. Темиргазина

Павлодарский педагогический университет,
140003, Республика Казахстан, Павлодар, ул. Мира, 60

 zifakakbaevna@mail.ru

Аннотация. Целью данного исследования является демонстрация методологического, «инструментального» потенциала некоторых теоретических понятий, разработанных и углубленных в концепции языка как словесного искусства Льва Алексеевича Новикова, — поэтемы и остраннения. Анализируется лирика Павла Васильева, русского советского поэта (1910–1937 гг.), творчество которого носит транскультурный характер и относится к «литературе пограничья». Моделируются поэтемы «степь — родительница» и «степь — древняя загадочная земля», определяются аллопоэты, в которых представлен ключевой для поэта образ степи; выявляются языковые средства создания эстетической образности в аллопоэтах. Понятие поэтемы позволяет сравнить разные образы и интерпретации в творчестве поэта, провести между ними связующие линии и в конечном счете определить своеобразие индивидуально-авторской поэтической картины мира. Прием остраннения, введенный в научный оборот В.Б. Шкловским, в новиковской концепции предстает инвариантом языковой образности, в который в качестве частных случаев входят традиционные тропы и фигуры. Васильев использует для остраннения в своей поэтике прием нарушения стереотипов, который позволяет привлечь внимание читателя, делая образ непривычным, чуждым. В статье приводятся примеры нарушения поэтических стереотипов, свойственных русской поэзии: символа поэзии — гусяного пера, звука как серебра, а также типичный для Васильева прием нарушения этнических стереотипов, например, внешности: приписывание лирическому герою азиатских черт — раскосости глаз, скул и т.п. Таким образом, широкое понимание остраннения в новиковской теории дает возможность не только принципиально объединить традиционные тропы и фигуры, но и включает специфические индивидуально-авторские приемы поэтической техники.

Ключевые слова: поэтема, остраннение, Павел Васильев, аллопоэта, нарушение стереотипа, транскультурность

© Темиргазина З.К., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2021

Дата приема в печать: 1.03.2022

Для цитирования:

Темиргазина З.К. Поэтема как инструмент анализа лирического текста в концепции Л.А. Новикова языка как искусства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 249–261. doi: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-249-261>

A Poeteme as a Tool for the Analysis of a Lyrical Text in L.A. Novikov’s Concept of Language as Art

Zifa K. Temirgazina

Pavlodar Pedagogical University,
60, Mira st., Pavlodar, Republic of Kazakhstan, 140003
 zifakakbaevna@mail.ru

Abstract. The purpose of this study is to demonstrate the methodological, “instrumental” potential of some theoretical concepts developed and deepened in the concept of language as a verbal art by Lev Alekseevich Novikov — poeteme and ostrannenie (alienation). The lyric poetry of Pavel Vasiliev, the Russian Soviet poet (1910–1937), whose work is of a transcultural nature and belongs to the “literature of the borderland”, is analyzed. The poetemes “a steppe — a parent” and “a steppe — an ancient mysterious land” are modeled, allopoets are defined, in which the image of the steppe, key for the poet, is presented; the linguistic means of creating aesthetic imagery in allopoets are identified. The concept of a poeteme allows one to compare different images and interpretations in the poet’s work, draw connecting lines between them and ultimately determine the originality of the individual author’s poetic picture of the world. The method of the ostrannenie was introduced into scientific circulation by V.B. Shklovsky; in Novikov’s concept it appears as an invariant of linguistic imagery, which includes traditional tropes and figures as special cases. For the ostrannenie in his poetics Vasiliev uses the method of breaking stereotypes, which allows him to attract the attention of the reader, making the image unusual and alien. The article provides examples of violation of poetic stereotypes inherent in Russian poetry: the symbol of poetry — a goose feather, sound like silver, as well as a typical for Vasiliev method of violating ethnic stereotypes, for example, appearance: attribution of Asian features to a lyric hero — slanting eyes, cheekbones, etc. Thus, a broad understanding of ostrannenie in Novikov’s theory makes it possible not only to fundamentally unite traditional tropes and figures, but also includes specific individual author’s techniques of poetic technique.

Key words: poeteme, alienation, Pavel Vasiliev, allopoets, violation of a stereotype, transculturalism

Article history:

Received: 01.06.2021

Accepted: 01.03.2022

For citation:

Temirgazina, Z.K. (2022). A Poeteme as a Tool for the Analysis of a Lyrical Text in L.A. Novikov’s Concept of Language as Art. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), 249–261. doi: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-249-261>

Введение

Словесное искусство, по мнению выдающегося российского ученого Л.А. Новикова, строится на трех взаимосвязанных уровнях: языке как целенаправленном отборе речевых средств, стиле как характерных приемах их использования, поэтике — идейно-эстетически организованных композиционно-речевых структур [1. С. 281–282]. Поэтика признавалась самым высоким уровнем в этой иерархии, который аккумулировал в себе специфические свойства языковых единиц в эстетической организации текста.

«Изучение языка в его эстетической функции как вторичной моделирующей системы также должно опираться на некий вариант образности, выражаемый эстетической единицей, которая вбирала бы в себя суть поэтического языка и реализовалась бы в вариантах различных ступеней и разного характера», — писал Л.А. Новиков [2. С. 119]. В качестве такого инварианта языка как словесного искусства предлагалась поэтема. Она не привязана к какому-либо уровню языка: фонетическому, грамматическому, лексическому и др. Это единица вторичной моделирующей системы и, соответственно, имеет два уровня: поэтическая реальность надстраивается на обычной. В структурном плане поэтема представляет собой набор поэт (аллопоэт), изоморфный структуре основных языковых единиц. Они реализуют инвариантное динамичное имманентное значение поэтемы — семантему. Еще одним интересным с точки зрения практики художественно-стилистического анализа является своеобразная трактовка Л.А. Новиковым приема остранный, предложенная в концепции языка как искусства.

Таким образом, основной целью нашего исследования является определение прикладного потенциала некоторых теоретических понятий, разработанных в новиковской концепции эстетической функции словесного искусства, как инструмента художественно-стилистического, филологического анализа.

Поэтема **СТЕПЬ** в лирике Павла Васильева

Далее в работе применим понятие поэтемы для анализа лирики русского советского поэта Павла Николаевича Васильева (1910–1937). Он родился и вырос в Казахстане. Побродив в юности по сибирским и дальневосточным краям, в 1929 году он приехал покорять литературную Москву. Был несколько раз арестован НКВД, а в июне 1936 года в возрасте 27 лет расстрелян по обвинению в покушении на жизнь Сталина. Его творчество, «по общему признанию, питалось из двух культурных источников — русской культуры и казахской степной культуры. По-другому и не могло быть, ведь он родился и вырос в Казахстане — Зайсане, Павлодаре — в тесном общении с казахами, в непосредственном соприкосновении с казахскими обычаями и традициями, хорошо узнал степную кочевую культуру и проникся ее духом. „Русский азиат“ — называли его. Или, говоря словами уральца Бориса

Рыжего, прожившего те же 27 лет, только без четырех месяцев, — „трансазиатский поэт“» [4. С. 31]. Его творчество можно отнести к «литературе пограничья», в которой «историческая память служит механизмом поддержания пограничного статуса-кво, позволяя принадлежать к нескольким культурам одновременно и предохраняя от полного слияния индивида с какой-либо из них» [5. С. 78].

Не удивительно, что в его лирике большое место занимала степь в ее различных ипостасях: как родина, как культурное явление, как природно-географический и исторический объект и т.д. Понятие «поэтема» использовано нами для выявления специфики эстетического воплощения ключевого для поэта образа степи. Стихотворение Павла Васильева «Родительница степь, прими мою...» целиком посвящено степи:

*Родительница степь, прими мою,
Окрашенную сердца жаркой кровью,
Степную песнь! Склонившись к изголовью
Всех трав твоих, одну тебя пою!
К певучему я обращаюсь звуку,
Его не потускнеет серебро,
Так вкладывай, о степь, в сыновью руку
Кривое ястребиное перо.*

(П.Н. Васильев. Родительница степь, прими мою..., 6 апреля 1935)

Здесь выявляется поэтема «степь — родительница» как система метафорических аллопоэт, последовательно развивающих общую тему лирического текста. Двухъярусность поэтемы выстраивается, по Новикову, следующим образом:

объект¹ — знак¹ — смысл¹ (обычная реальность) ≈
объект² — знак² — смысл² (поэтическая реальность) [2. С. 120].

В анализируемой поэтеме двухъярусность выглядит так:

«безлесное, бедное влагой и обычно ровное пространство с травянистой растительностью в зоне сухого климата» — *степь* — ‘обширное ровное пространство’ (обычная реальность) ≈

«родина» — *степь-родительница* — ‘степь — мать, вдохновительница-муза поэта’ (поэтическая реальность).

В стихотворении поэтема предстает в 4-х аллопоэтах: 1) «степь — мать»; 2) «степь — муза»; 3) «поэт — сын степей»; 4) «степная песнь».

Аллопоэта «степь — мать» построена на олицетворении природного объекта и приписывании ему человеческой роли — матери, в аллопоэте «степь — муза» степь мифологизируется в образе музы-вдохновительницы творчества. Аллопоэта «степная песнь» выражена метафорически:

окрашенная сердца жаркой кровью, т.е. полная любви, благодарности. Песнь — это дар от сына матери-степи: *Прими мою... степную песнь!* Поэта вдохновляет степь, она его муза и одновременно объект воспевания — бесценный неисчерпаемый кладезь, которым питается творческая энергия поэта, перед которым он преклоняется: *Склонившись к изголовью / Всех трав твоих, одну тебя пою!*

Аллопоэта «степь — мать» порождает другую, связанную с ней содержательно аллопоэту — «поэт — сын степей»:

*Так вкладывай, о степь, в сыновью руку
Кривое ястребиное перо.*

Понятие поэтемы позволяет выявить художественную интерпретацию образа степи в творчестве Васильева в целом. Кроме поэтемы «степь — родительница», в его лирике образ степи предстает древней землей, полной тайны, с многовековой неразгаданной историей. В знакомом для творчества поэта стихотворении «Затерян след в степи солончаковой...» (1929) воплощается поэтема «степь — это древняя загадочная земля». Обычная и поэтическая реальность в поэтеме предстает следующим образом:

«безлесное, бедное влагой и обычно ровное пространство с травянистой растительностью в зоне сухого климата» — *степь* — ‘обширное ровное пространство’ (обычная реальность) ≈

«древняя земля» — *степная страна* — ‘тысячелетняя неразгаданная тайна’ (поэтическая реальность).

В поэтеме вычленяются аллопоэты: 1) «степь — неразгаданная тайна»; 2) «степь — многовековая древняя история»; 3) «степь — гнедой иноходец»; 4) «степь — обширная страна степняков-казахов».

*Затерян след в степи солончаковой,
Но приглядись — на шее скакуна
В тугой и тонкой кладнице шевровой
Старинные зашиты письмена.*

(П. Васильев. Затерян след в степи солончаковой, 1929)

В этих строках степь изображена неизведанной территорией, с непознанными древними темными тайнами; аллопоэта «степь — неразгаданная тайна» рисуется в ряде словесных образов (*затерян след, резьба стремян темна*). Эта древняя земля с многовековой историей:

*Здесь над тобой в пыли многовековой
Поднимется курганная луна.*

Замечательно точным эпитетом *курганная (луна)* поэт описывает ночное светило, медленно восходящее над вечным покоем многовековых степных курганов.

В начале стихотворения возникает образ скакуна, несущего на шее старинные письма, зашитые «в тугой и тонкой кладнице шевровой». Только дальше в тексте становится понятным, что в образе скачущего гнедого иноходца поэт рисует степную страну, раскинувшуюся вокруг. Этот образ многомерен, полифоничен, выступая и в своем прямом смысле, и в поэтическом смысле, вызывая многочисленные ассоциативные ряды образов и создавая тонкие поэтические переливы едва уловимых смысловых оттенков, ассоциаций, делая этот образ по-васильевски неповторимым, впечатляющим, запоминающимся. Все вечное, непостижимое вызывает печаль в душе поэта: *Звенит печаль под острою подковой...* [6]. Углубляя дальше аллопоэту «степь — гнедой иноходец», поэт развивает идею степи как страны казахов-кочевников:

*Просторен бег гнедого иноходца.
Прислушайся! Как мерно сердце бьется
Степной страны, раскинувшейся тут,*

*Как облака тяжелые плывут
Над пестрою юртою у колодца.
Кричит верблюд. И кони воду пьют.*

Васильев описывает мерное биение сердца степной страны-«иноходца», но затем от широких метафорических обобщений переходит к конкретным деталям и прямым денотативным значениям слов: тяжелые облака, пестрая юрта, рядом колодец, крик верблюда и кони, пьющие воду. Этот переход в поэте выполняет функцию хронологического и пространственного сужения: от размышлений о многовековой истории степи — к конкретному моменту в настоящем, от скачки по простору степной страны — к пестрой юрте и колодцу. Такой же переход мы наблюдаем и в художественной интерпретации образа скакуна: от обобщенной широкой метафоры страны-иноходца — к коню, пьющему воду у колодца. Аллопоэта находит свое выражение в экзотизмах, описывающих специфику быта степняков (пестрая юрта). Две аллопоэты «степь — гнедой иноходец» и «степь — обширная страна степняков-казахов» объединены идеей кочевничества как неотъемлемого образа жизни казахов.

Произведение передает преклонение поэта перед величественным спокойствием степи в непрерывном историческом движении, перед вечностью и тайнами ее прошлого; он сравнивает ее историческое величие с сиюминутностью и суетой человеческой жизни. Исследователь творчества Васильева С.С. Куняев писал: «Отношение к человеческой жизни у степняков иное, чем у европейцев, — и свойственным азиатам спокойствием

перед возможностью близкого конца проникнуты многие стихи Васильева, Забелина, Маркова» [7].

Поэтема, как мы видим, выступает тонким инструментом анализа поэтических текстов, позволяя извлекать из них заложенные автором едва уловимые, сложнейшие оттенки смыслов, объединять лирические образы и проводить между ними прочные связующие нити. В таблице ниже представлена поэтема степи в лирике Васильева.

Таблица/ Table

Поэтемы степи в стихотворениях П. Васильева
Poetems of the steppe in the poems of P. Vasiliev

Поэтема / Poetems	Аллопоэты / Allopoets	Поэтические средства выражения / Poetic means of expression
Родительница-степь	«степь — мать»	олицетворение природного объекта, приписывание ему человеческой роли — матери: <i>родительница степь</i>
	«степь — муза»	мифологизация степи как музы-вдохновительницы: <i>Так вкладывай, о степь, в сыновью руку/ Кривое ястребиное перо; тебя одну пою...</i>
	«поэт — сын степей»	<i>Так вкладывай, о степь, в сыновью руку</i>
	«степная песнь»	метафора <i>окрашенная сердца жаркой кровью; дар от сына-поэта матери-степи: Прими мою... степную песнь!</i>
Степь — это древняя загадочная земля	«степь — неразгаданная тайна»	словесные образы (<i>затерян след, резьба стремян темна</i>)
	«степь — многовековая древняя история»	Денотативное значение слов и словосочетаний: <i>старинные письма, в пыли многовековой. Эпитет курганная (луна)</i>
	«степь — гнедой иноходец»	Обобщенный метафорический образ: <i>на шее скакуна; бег гнедого иноходца</i>
	«степь — обширная страна степняков-казахов»	Эпитет просторен бег гнедого иноходца; олицетворение <i>Как мерно сердце бьется / Степной страны, раскинувшейся тут. Экзотизмы пестрая юрта, верблюды, солончаковой</i>

Остраннение как инвариант языковой образности

Еще одним понятием, существенным для инструментария исследователя поэтики художественных текстов, выступает остраннение. Приведем знаменитую цитату В.Б. Шкловского: «...приемом искусства является прием „остранения“ вещей и затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как воспринимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен» [8. С. 105]. Л.А. Новиков толкует остраннение

широко как «инвариант языковой образности, самый общий прием словесного искусства, по отношению к которому все другие приемы, включая традиционные тропы и фигуры, выступают как частные» [9. С. 69–70]. Принцип остраннения объединяет не только традиционные тропы и фигуры единым эстетическим принципом создания, но и позволяет увидеть индивидуальные, специфические приемы и особенности поэтической техники того или иного автора [9; 13; 14].

Одной из таких особенностей построения словесных образов в лирике Павла Васильева является нарушение поэтических стереотипов. Стереотипы воспринимаются легко и быстро, не задерживая внимания читателя, но их нарушение привлекает внимание, усложняя и удлинняя процесс восприятия и, соответственно, понимания. Глаз читателя «цепляется» за языковые единицы, в которых выражено нарушение стереотипов, что заставляет читателя-интерпретатора задуматься над их разгадкой. Нарушение как отступление от привычного, знакомого делает словесный образ «странным», «очужденным» в сознании читателя. Рассмотрим действие этого поэтического принципа в произведениях Васильева.

В русской поэзии символом поэтического творчества и вдохновения выступает перо, это распространенный в русской культуре и литературе со времен А.С. Пушкина символ писательства:

*Я петь пустого не умею
Высоко, тонко и хитро,
И в лиру превращать не смею
Мое — гусиное перо!*

(А.С. Пушкин. Князю А.М. Горчакову, 1814).

У Павла Васильева этот символ трактуется своеобразно, в соответствии с его транскультурным мировидением:

*Так вкладывай, о степь, в сыновью руку
Кривое ястребиное перо.*

Перо у него не гусиное, а ястребиное: поэт — певец казахских степей, главным обитателем неба в которых является ястреб. Васильев использует остраннение, разрушая привычный поэтический стереотип и заменяя его необычным, более динамичным, «хищным» словесным образом, который более близок к характеру его творчества, к его эстетическим устремлениям. «Густая живописная образность органически сочетается в его стихах с ощущением стремительного порыва, сметающего традиционный уклад... Васильев первым из поэтов показал преображение всей жизни на фоне дотоле неподвижной казахской степи» [7].

В стихотворении «Родительница степь, прими мою...» певучий звук степной песни сравнивается с нетускнеющим серебром:

*К певучему я обращаюсь звуку,
Его не потускнеет серебро...*

Сравнение звука с серебром тоже довольно распространено в русской поэзии, см., например, у Ф.К. Сологуба, А.А. Фета, А.А. Блока и др. (см. также [11]):

*Где бы в околотке
Ни раздался вдруг,
Как с небесной лодки,
Серебристый звук...*

(Ф.К. Сологуб. «На пастушьей дудке...», 1892).

*На море ли синем поют рыбаки
Иль нимфы **серебряным смехом**
Тревожат пугливое ухо зари, —
Стена им отвечает эхом.*

(А.А. Фет. Стена, 1842).

Однако Васильев делает акцент в метафоре серебра не на признак мелодичности, звонкости, а на долговечность степных мелодий и песен. Метафора *его не потускнеет серебро* построена на остраннении, т.е. приписывании звуку как серебру нетривиального свойства — долговечности, неподверженности временным изменениям.

Для поэзии Васильева также характерно остраннение образа, построенное на нарушении привычных этнических стереотипов внешности человека. Этот прием не нов. Вспомним хотя бы знаменитые строки Александра Александровича Блока, в которых поэт приписывает лирическому герою типичные черты азиатской внешности — раскосые глаза:

*Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы
С раскосыми и жадными очами...*

(А.А. Блок. Скифы, 30 января 1918 года).

У Блока эта фраза выглядит декларативной, обладает немалой долей пафоса, вероятно, потому что лирический герой заявляет о своем азиатском происхождении и внешности в пылу дискуссии и спора, о чем пишут многие исследователи. Так, Е.А. Попов в статье «„Скифы“ А. А. Блока как политико-идеологический манифест» говорит: «Сам Блок впоследствии отзывался о „Скифах“ довольно прохладно, считая их слишком похожими на политический манифест, что, собственно, справедливо. Это действи-

тельно политико-идеологический манифест, содержащий несколько тезисов» [12. С. 80].

У лирического же героя Васильева утверждение о своей азиатской внешности является естественным отражением внутреннего ощущения родства с казахским народом, убежденности в своей принадлежности к нему, он видит себя частью его, ощущает неразрывную причастность к степной культуре. И это при том, что, по воспоминаниям современников, Васильев обладал чисто славянской внешностью — был рослым блондином с голубыми глазами. Варлам Шаламов описывает его так: «Это был высокий, хрупкий человек с матово-желтой кожей, с тонкими длинными музыкальными пальцами, ясными голубыми глазами» (см. об этом [7]).

Остраннение с помощью приема нарушения этнического стереотипа внешности является яркой особенностью поэтики Васильева. Оно несет, помимо всего, дополнительную аксиологическую нагрузку, что создает еще большую необычность и непривычность художественного образа для читателя. Нарушаются, казалось бы, незыблемые каноны «своего» и «чужого»: свое, родное вдруг приобретает у Васильева черты чужого, враждебного, и это эстетически привлекательно и прекрасно. «Вопреки сложившемуся в профанном сознании русского обывателя негативному отношению к внешнему облику азиата — казаха: скуластого, с косыми, узкими глазами, смуглолицего, поэту эти черты кажутся красивыми, отвечающими его транскультурному гибриднему канону внешней красоты» [4. С. 38]. Этот прием нарушения эстетического канона поэт использует, создавая образы природы в своей пейзажной лирике: *Теки, Иртыш! Любуюсь, не дыша, Одним тобой, красавец остроскулый!* (Иртыш, 1934); *Не смущайся месяцем раскосым* (Анастасия, 1933). Черты «чужой», азиатской внешности приписываются сакральным, христианским понятиям и вещам — иконам, лику богородицы: *К скуластым от тоски иконам Поводырем ведет тропа...* (На посещение Новодевичьего монастыря, 1932).

Нарушение стереотипов — и поэтических, и этнических, и многих других — было излюбленным васильевским эстетическим способом «остранить» художественный образ, делая его необычным, непривычным для восприятия читателя, создавая в словесной ткани произведения точку «напряжения». Такой эстетический способ в полной мере отвечал бикультурному мировосприятию и мироощущению поэта, и в такой же степени отвечал его личности и поэтическому дару: жизнеутверждающему, необузданному, яростному, не терпящему догм и запретов.

Заключение

Как показывает практика художественно-стилистического анализа, инструментарий для полноценного исследования языковой образности и поэтики художественных текстов на сегодняшний день разработан недостаточно

и, соответственно, не всегда дает глубину и точность анализа языка в его эстетической функции. В нашей работе мы попытались показать, как применяется понятие «поэтема» в художественно-стилистическом анализе образа степи в произведениях Павла Васильева и какие результаты можно получить с его помощью. Поэтема со своей системой аллопоэт, углубляющих семантему, и языковыми средствами репрезентации поэтических смыслов представляется, на наш взгляд, очень эффективным инструментом воссоздания и интерпретации авторского образа и выявления его эстетического и идейно-художественного своеобразия в контексте творчества писателя.

Новиковская трактовка остраннения как инварианта словесной образности, как принципа создания словесных образов также выступает инструментом тончайшего анализа поэтики, выявляющим специфически авторские, сугубо индивидуальные приемы поэтической техники, как показывает исследование. Таким своеобразным приемом предстает у Васильева нарушение стереотипов, которое позволяет привлечь внимание читателя, делая образ непривычным, особенным. Он использует нарушение поэтических стереотипов, типичных для русской поэзии, например, символа поэзии — гусяного пера, звука как серебра, а также нарушение этнических стереотипов, например, внешности: приписывание лирическому герою азиатских черт — раскосости глаз, скул и т.п. Эти приемы делают словесные образы странными и чужими в глазах читателя, который для интерпретации этих словесных образов должен продлевать процессы восприятия и понимания. Широкое понимание остраннения в теории Л.А. Новикова дает возможность исследователю не только объединить традиционные тропы и фигуры на основе единого принципа создания, но и понять природу и сущность специфических индивидуально-авторских приемов поэтической техники, обусловленных мировоззрением и личностью автора.

Библиографический список

1. Новиков Л.А. Избранные труды. Т. II. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. М.: РУДН, 2001.
2. Новиков Л.А. Поэтема // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2003. № 4. С. 119–127.
3. Васильев П.Н. Стихи. Режим доступа: https://45parallel.net/pavel_vasilev/stihi/ (дата обращения: 11.03.2021).
4. Темиргазина З.К. Транскультурность и ее воплощение в поэтике лирических текстов // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Вып. 18. № 1. С. 29–43. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-1-29-43>
5. Новохатский Дм. Транскультурный текст и тенденции русского литературного мейнстрима: «Ташкентский роман» Сухбата Афлатуни // Mundo Eslavo, 18. 2019. С. 74–91.
6. Temirgazina Z.K. Cultural Scenarios of Emotions of Sadness, Sorrow and Grief // Middle-East Journal of Scientific Research, 13 (Socio-Economic Sciences and Humanities). 2013. P. 224–229. <https://doi.org/10.5829/idosi.mejsr.2013.13.sesh.1440>
7. Куняев С.С. Ему дано восстать и победить // Павел Васильев. Сочинения. Письма. Режим доступа: <https://www.you-books.com/book/P-N-Vasilev/Sochineniya-Pisma> (дата обращения: 21.03.2021).

8. Шкловский В.Б. Искусство как прием // Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. Петроград: Тип. З. Соколинского, 1919. Вып. I, II. С. 101–114.
9. Новиков Л.А. Структура эстетического знака и остранение // Избранные труды. Т. II. Эстетические аспекты языка. *Miscellanea*. М.: РУДН, 2001. С. 56–77.
10. Bakhtikireeva U.M., Sinyachkin V.P., Akoшeva M.K. Cognitive Mechanism of Metaphorization in Zoological Terms // *American Journal of Applied Sciences*. 2016. Vol. 13. Iss. 12. P. 1385–1393. <https://doi.org/10.3844/ajassp.2016.1385.1393>
11. Темиргазина З.К., Жакупова Г.К. Гармония и дисгармония: акустическая оппозиция в ранней лирике Александра Блока // Вестник Российского университета дружбы народов Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 137–152. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-137-152>
12. Попов Е.А. «Скифы» А.А. Блока как политико-идеологический манифест // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 48. С. 77–84.
13. Рахимжанов К.Х., Акошeva M.K. Метафорическо-метонимическая интерпретация сердца в казахском и тувинском языках: взаимодействие языка, анатомии и культуры // Новые исследования Тувы. 2020. № 4. С. 261–271. <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.18>
14. Albekova A., Kurmanova Z., et al. One more time about the heart: naive anatomy in the Kazakh, Russian and English pictures of the World // *Przeglad Wschodnioeuropejski*. 2021. Vol. XII. No 2. P. 459–475. <https://doi.org/10.31648/pw.6876>

References

1. Novikov, L.A. (2001). Selected Works. Vol. II. In: *Aesthetic aspects of the language. Miscellanea*. Moscow: RUDN University Publ. (In Russ.).
2. Novikov, L.A. (2003). Poetema. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 119–127. (In Russ.).
3. Vasiliev, P.N. Poems. URL: https://45parallel.net/pavel_vasilev/stihi/ (accessed: 03.11.2021). (In Russ.).
4. Temirgazina, Z.K. (2021). Transculturalism and Its Manifestation in the Poetics of Lyric Texts. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18(1), 29–43. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-1-29-43> (In Russ.).
5. Novokhatsky, Dm. (2019). Transcultural text and tendencies of the Russian literary mainstream: “Tashkent novel” by Sukhbat Aflatuni. *Mundo Eslavo*, 18, 74–91. (In Russ.).
6. Temirgazina, Z. K. (2013). Cultural Scenarios of Emotions of Sadness, Sorrow and Grief. *Middle-East Journal of Scientific Research*, 13 (Socio-Economic Sciences and Humanities), 224–229. <https://doi.org/10.5829/idosi.mejsr.2013.13.sesh.1440>
7. Kunyayev, S.S. It was given to him to rise up and win. In: *Pavel Vasiliev. Compositions. Letters*. URL: <https://www.you-books.com/book/P-N-Vasilev/Sochineniya-Pisma> (accessed: 21.03.2021). (In Russ.).
8. Shklovsky, V.B. (1919). Art as a device. In: *Poetics. Collections on the theory of poetic language*. Petrograd: Type. Z. Sokolinsky. Iss. I, II. pp. 101–114. (In Russ.).
9. Novikov, L.A. (2001). The structure of the aesthetic sign and alienation. In: *Selected works. Vol. II. Aesthetic aspects of the language. Miscellanea*. Moscow: RUDN University Publ. pp. 56–77. (In Russ.).
10. Bakhtikireeva, U.M., Sinyachkin, V.P. et al. (2016). Cognitive Mechanism of Metaphorization in Zoological Terms. *American Journal of Applied Sciences*, 13(12), 1385–1393. <https://doi.org/10.3844/ajassp.2016.1385.1393>
11. Temirgazina, Z.K. & Zhakupova, G.K. (2021). Harmony and Disharmony: Acoustic Opposition in the Early Lyrics of Alexander Blok. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(1), 137–152. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-137-152> (In Russ.).
12. Popov, Ye.A. (2019). A.A. Blok’s “The Scythians” as a Political and Ideological Manifesto. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*, 48, 77–84. (In Russ.).

13. Pakhimzhanov, K.Kh. & Akosheva, M.K. (2020). Metaphorical and metonymical interpretation of the heart in the Kazakh and Tuvan languages: an interaction of language, anatomy and culture. *New Research of Tuva*, 4, 261–271. <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.18> (In Russ.).
14. Albekova, A., Kurmanova, Z. et al. (2021). One more time about the heart: naive anatomy in the Kazakh, Russian and English pictures of the World. *Przegląd Wschodnioeuropejski*, XII (2), 459–475. <https://doi.org/10.31648/pw.6876>

Сведения об авторе:

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор высшей школы гуманитарных наук Павлодарского педагогического университета; *e-mail*: zifakakbaevna@mail.ru

Information about the author:

Zifa K. Temirgazina, Doctor of Philology, Professor of the Graduate School of Humanities of Pavlodar Pedagogical University; *e-mail*: zifakakbaevna@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-262-279

УДК 811.161.1'42:003:821.161.1-14:128

Научная статья / Research article

Лингвосенсорика символов смерти в «Поэме воздуха» М.И. Цветаевой: к 130-летию со дня рождения поэтессы

И.В. Якушевич

Московский городской педагогический университет (МГПУ),
129226, Российская Федерация, Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д.4

 sa1107@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется языковая организация двух главных символических ситуаций поэмы — «переход через небесное море», «преодоление остальных двух небесных сфер и достижение тверди». Исследование проведено в русле одной из новейших отраслей лингвистики — лингвосенсорики, изучающей вербализацию interoцептивных (внутренних) и проприоцептивных (координация и положение в пространстве) ощущений. Главный метод исследования заключается в рассмотрении означаемого символа, его образного компонента, как результата не только внешней, но и внутренней перцепции, рассмотренной в динамике последовательного (сюжетного) развития. Импульсом стала черновая запись поэтессы о «развеществлении» лирической героини. Цель исследования — определить, как языковые средства поэмы через образы экстроперцепции передают внутренние физиологические ощущения смерти. В результате было установлено, что означаемое символической ситуации «переход через небесное море» визуализирует такие внутренние чувства, как преодоление силы тяжести, координация вертикального полета, плотность среды. Означаемое анализируется в составе лексической парадигмы как отдельных лексем и словосочетаний, так и предложений, объединенных общей семой 'вода'. Среди языковых средств, оформляющих образ вертикального моря, есть метафоры, сравнения, мифологемы, семантизированные корни *-лив-* и *-лей-*, *-плов-* и *-плещ-*. Означаемое символической ситуации «преодоление 3, 5 воздуха и тверди» называет только нечетные «небеса». Они символизируют три последних вдоха умирающей героини. Архисемы — 'резать' («третий воздух»), 'звук' («пятый воздух») и 'притяжение вверх' («твердь»). Все внутренние ощущения соотносены с пятью стадиями асфиксии. Особое значения для объективации выводов имеют биографические сведения о времени написания поэмы.

Ключевые слова: смерть, символ, означаемое, мифологическое мышление, тематическая группа, interoцептивные ощущения, проприоцептивные ощущения

Благодарность:

автор выражает благодарность В.Д. Якушевичу.

© Якушевич И.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2022

Дата приема в печать: 15.04.2022

Для цитирования:

Якушевич И.В. Лингвосенсорика символов смерти в «Поэме воздуха» М.И. Цветаевой: к 130-летию со дня рождения поэтессы) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 262—279. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-262-279>

Linguosensorics of Death Symbols in Marina Tsvetaeva’s “Poem of Air”: to the 130-th Poetess’s Anniversary

Irina V. Yakushevich

Moscow City University (MGU),

4, 2nd Selskhozoyastvenny str., Moscow, Russian Federation, 129226

 sa1107@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the linguistic organization of the two main symbolic situations of the poem — “crossing the celestial sea”, “overcoming the other three celestial spheres and reaching the firmament”. The study was conducted in line with one of the newest branches of linguistics — livosensory, which studies the verbalization of interoceptive (internal) and proprioceptive (coordination and position in space) sensations. The main method of research is to consider the signifying symbol, its figurative component, as the result of not only external, but also internal perception, considered in the dynamics of sequential (plot) development. The impulse was a draft writing of the poetess about the “disembodication” of the lyrical heroine. The aim of the study is to determine how the linguistic means of the poem convey the internal physiological sensations of death through the images of extraperception. As a result, it was found that the signifier of the symbolic situation “crossing the celestial sea” visualizes such inner feelings as overcoming gravity, coordination of vertical flight, the density of the environment. The signifier is analyzed as part of the lexical paradigm of both individual lexemes and phrases, and sentences united by a common seme ‘water’. Among the linguistic means that formalize the image of the vertical sea, there are metaphors, comparisons, mythologems, semanticized roots -liv-i-lei-, -swim-and-splash-. The signifier of the symbolic situation “overcoming 3, 5 air and firmament” calls only the odd “heaven”. They symbolize the last three breaths of the dying heroine. Archisemes are ‘cut’ (“third air”), ‘sound’ (“fifth air”) and ‘attraction upward’ (“firmament”). All internal sensations are correlated with the five stages of asphyxia. Of particular importance for the objectification of conclusions are biographical information about the time of writing the poem.

Key words: death, symbol, signifying, mythological thinking, text thematic group, interoceptive sensations, proprioceptive sensations

Acknowledgments:

the author expresses gratitude to V.D. Yakushevich.

Article history:

Received: 01.02.2022

Accepted: 15.04.2022

For citation:

Yakushevich, I.V. (2022). Linguosensorics of Death Symbols in Marina Tsvetaeva's "Poem of Air": to the 130-th Poetess's Anniversary. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), 262—279. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-262-279>

Введение: биографический контекст поэмы

Несмотря на неисчерпаемый интерес исследователей к «Поэме воздуха» М.И. Цветаевой (М.Л. Гаспаров, О.Г. Ревзина, О.А. Клинг, Е. Айзенштейн [1–5]), некоторые тайны этого произведения все же остаются неразгаданными. В поэме закодировано глубоко духовное, поэтическое и, главное, остро чувствуемое и предвосхищаемое, мистическое («я слишком суеверна, боюсь вслух, боюсь сглазить» [5. С. 202]) самоощущение поэтессой смерти. Достаточно вспомнить тот факт, что поэма связана с двумя смертями в жизни М.И. Цветаевой. Первая — смерть Р.М. Рильке, с которым поэтесса поддерживала эпистолярный роман, ставший для Э.М. Рильке «последней русской радостью» [цит. по 5. С. 8]. («...люблю Вас — больше всего на свете. Совсем просто» [7]). Он умер 29 декабря 1926 года в швейцарской клинике Валь-Мон. Эта смерть так глубоко потрясла М.И. Цветаеву, что она переосмыслила сюжет написанной в этом же году «Попытки комнаты», задумала «Новогоднее» (7 февраля 1927 г.) и вслед за этим «Поэму воздуха» (февраль, май-июнь 1927 г.). Вторая — ее собственная гибель, точнее знание о ней: 7 и 8 июня 1941 г., за два месяца до своей смерти в Елабуге, в период отсутствия стихов, во время единственной за всю жизнь встречи с А.А. Ахматовой на Ордынке, М.И. Цветаева читала (по другой версии, подарила) ей «Поэму воздуха», предвосхитив собственную кончину [5. С. 33].

В представлении М.И. Цветаевой тот свет — территория духа поэта. Это некое альтернативное измерение, пространство, свободное от материи и жизненных преград. С одной стороны, есть жизнь с ее тяжелым бытом, заботах о детях и невозможностью встретиться с любимым человеком: «Я ненавижу предметы, я загромождена ими», «живу в страшной тесноте, две семьи в одной квартире, общая кухня, троим в комнате, никогда не бываю одна, страдаю» [6. С. 202, 292]. С другой — поэзия, письма и сны, где все возможно, в том числе и встреча.

Через два дня после смерти Рильке, под Новый год, Цветаева адресовала ему письмо, которое послала Б.Л. Пастернаку. По сути, это прототип поэмы «Новогоднее», где возникает образ того света как «небесного новогоднего пейзажа»: Цветаева верила, что в ответ на свидание с ней в виртуальной комнате, Рильке приготовил ей другое пространство: «В здеишнюю встречу мы с тобой никогда не верили, как и в здеишнюю жизнь, да? Ты меня опередил и заказал — не комнату, не дом — пейзаж, чтобы меня хорошо принять»

[6. С. 275]. Идея посмертной встречи возникла уже в «Новогоднем»: *До свиданья! До знакомства!*

М.Л. Гаспаров считал, что роль *гостя*, который стоит за дверью, — быть посланником смерти, проводником на тот свет. Эту миссию часто выполняли умершие родственники или очень близкие люди, каким был Р.М. Рильке [1. С. 175]. В начале поэмы есть намек на Рильке: лирическая героиня угадывает гостя за дверью, *хотя и стука не следовало*. Согласно народным верованиям, должен быть именно стук в дверь как зов смерти. В поэме иначе: героиня сама (!) открыла дверь и умерла. Отголосок этого мотива есть в ее письме 10 мая 1926 г.: Цветаева пишет, что чудесным образом почувствовала за дверью почтальона, принесшего книги Рильке: *«Я внезапно вскочила и побежала к двери. И в тот же миг — рука моя уже была на дверной ручке — постучал почтальон — прямо мне в руку»* [7]. *Дверь кинулась в руку*, — напишет она в «Поэме воздуха», называя узнавание гостя присутствием заспанным.

Итак, в «Поэме воздуха» сюжет связан с письмами М.И. Цветаевой к Рильке и Пастернаку, а также с поэмой «Попытка комнаты». М.И. Цветаева мучительно ожидала свидания с Рильке, но оно не состоялось: *«Райнер, этой зимой мы должны встретиться. Где-нибудь во французской Савойе... Или осенью, Райнер. Или весной. Скажи: да, чтоб и у меня была радость...»* (письмо от 14 августа 1926). В «Поэме воздуха» они встретились: лирическая героиня умирает и, преодолевая земное притяжение, возносится, сопровождаемая духом Рильке.

Теоретическая база и методы исследования

Раскрытие механизмов внешней (работа 5 органов чувств) и внутренней (боль, голод, озноб или жар и др.) перцепции, репрезентируемых в языке разных народов, социумов, гендерных групп, творческих индивидуальностей, — главная задача лингвосенсорики. В фокусе этого новейшего направления, зафиксированного В.К. Харченко в 2012 г. [8], — изучение кодов непосредственно переживаемых как процесс (а не наблюдаемых) ощущений живого тела. К особым ветвям лингвосенсорики относится лингвистика интероцептивных (внутренних) и проприоцептивных (координация и положение в пространстве) ощущений. Наша гипотеза заключается в том, что в «Поэме воздуха» закодирован процесс умирания: внутреннее тело начинает восприниматься как «самостоятельная реальность, наделенная собственной активностью, что способствует его восприятию в мифологических модусах» [9. С. 58]. Переживаемая смерть внутреннего тела неотделима от угасающего сознания, и оно функционирует в режиме мифологического мышления.

Тему смерти в письмах и поэмах М.И. Цветаевой следует анализировать, выбирая лишь ту форму кодирования информации, которая способна «вмещать» мистическое содержание, — миф, компонентом которого является символ. В широком понимании миф — это особого рода перцептивное мышление, которое «опредмечивает коллективные фобии, оформляет их в яркие и доступные образы массового ожидания, страхов и надежд. Миф возникает в любую эпоху в тех областях человеческого существования, где рациональная логика неуместна» [10]. Лирика, материализующая переживание лирического героя (или героини), также является территорией мифа, выраженного в слове.

Мифологическое мышление структурируется символом [12. С. 114; 13. С. 53; 14. С. 171] и представляет собой древнейший способ концептуализации действительности. Он заключается в том, что подчеркнута перцептивный образ, наделенный «вещными» признаками, моделирует некую непознанную человеком реальность, в поэме М.И. Цветаевой — смерть [15. С. 85]. А.Ф. Лосев подробнее раскрыл природу символического абстрагирования: перцептивное означающее является орудием познания, тем, что не только обозначает нечто отличное от себя, но является «методом ориентации в ней, методом ее распознавания, принципом превращения ее для человека из плохо сознаваемого или даже совсем не тронутого никаким познанием хаоса в расчлененный и познаваемый космос» [16. С. 201–202].

Символизация смерти через прямое ее означивание чувственными образами возможна, если речь идет о внешней перцепции — зрительных, слуховых, осязательных и пр. ощущениях. Сложнее, если перцепция внутренняя и не воспринимается с помощью пяти органов чувств. Происходящие во внутреннем теле процессы практически неуправляемы и плохо регистрируются сознанием. Для их художественного изображения ведется поиск аналогов «интероцептивного ощущения, имеющий более привычный ему сенсорный формат» [17. С. 57–56]. Впервые об этом когнитивном механизме писала А.В. Нагорная [10. С. 101]. В структуру означающего символа выражение внутренней перцепции через внешнюю вносит дополнительный компонент. Такой символ имеет четырехкомпонентную структуру: 1) языковая единица, 2) образ внешней (5 органов чувств) перцепции, 3) внутренняя перцепция, 4) означаемое ('смерть').

Идея обратиться к лингвосенсорике символа продиктована записью в черновиках М. Цветаевой, в которых фабула поэмы определена так: «его овеществление и мое развеществление» [цит. по 5. С. 8]. Таким образом, цель данного исследования — проанализировать две символические ситуации — «переход через небесное море» и «преодоление 3, 5 воздуха и тверди», рассмотреть, каким образом перцептивные образы поэмы реализуют главный замысел поэтессы — «развеществление» лирической героини.

Океан-море в переписке с Рильке и поэмах 1926–1927 гг.

В тот год М.И. Цветаева отдыхала с детьми в курортном городке Сен-Жиль на берегу Бискайского залива Атлантического океана. В письмах к Р.М. Рильке океан (иногда Цветаева называет его морем), как и сон, — стихия связи между влюбленными, единственный свидетель их странной эпистолярной любви. М.И. Цветаева: *«Я читала твое письмо на берегу океана, океан читал со мною, мы оба читали. Тебя не смущает, что он читал его тоже? Других не будет, я слишком ревнива»* (10 мая 1926). Рильке: *«Я принял тебя, Марина, всей душой, всем моим сознанием, потрясенным тобою, твоим появлением, словно сам океан, читавший с тобою вместе, обрушился на меня потоком твоего сердца... Чувствуешь ли ты, поэтесса, как сильно завладела мной, ты и твой океан, так прекрасно читавший с тобою вместе»* (10 мая 1926) [7]. Был момент обиды на Рильке за его сдержанность и деликатную просьбу о покое (поэт скрывал свою лейкемию). И тогда Цветаева 23 мая 1926 г. напишет, что не любит моря, оно *«холодное, шарахающееся, невидимое, нелюбящее, исполненное себя — как Рильке!»*.

Поэма «С моря» была задумана как трехминутный сон и как письмо одновременно. В этой поэме море (также, как и комната в «Попытке комнаты») — альтернативное ментальное пространство для свидания, изначально с Пастернаком (в письме Б.Л. Пастернаку: *«Ту вещь о тебе и мне почти кончила»* [7]), потом, возможно, и с Рильке: «С моря» поэтесса правила уже после «Поэмы воздуха».: *Всех объегоря, Скоропись сна! Вот тебе с моря — Вместо письма! Уже там появляется упоминание веса души: Столько не вешу/ Сон, это меньше Десяти грамм.* В «Поэме воздуха» — *Больше не вешу.* Уже в поэме «С моря» возникает образ моря-вечности (*Вечность, махни веслом!*), как и в письме к Рильке от 12 мая: *«Завтра Вознесение Христово. Вознесение. Как хорошо! Небо при этом выглядит совсем как мой океан — с волнами»* [7]. В «Попытке комнаты» возникает образ каналов-коридоров, тянущихся к другим домам-людям и омывающих остров-сердце. Есть море и в «Новогоднем»:

*Свидимся — не знаю, но — споемся.
С мне-самой неведомой землею —
С целым морем, Райнер, с целой мною!*

Итак, в «Поэме воздуха» символическая семантика моря «стекается» как из писем к Р.М. Рильке, так и из поэм, посвященных ему: вода (море, океан) — это и небо, и любовь к Рильке, и пространство для свидания с ним — сон или тот свет.

Знаково-семантическая структура символической ситуации «переход через небесное море как смерть»

Небесное море — древнейший архетип, лежащий у истоков языческого и христианского мировоззрения. У древних славян небо — это граница между этим светом и тем. На горизонте, там, где кончается земля, через море идет прямой путь на небо [18. С. 295]. Тот свет, где есть солнце, звезды и луна, находился за водами небесного океана, который омывал «твердь» потустороннего мира со всех сторон, как остров (в сказках — Буян). Чтобы достигнуть его, надо было переплыть воздушные воды. Именно этот путь в верованиях древних славян совершают души усопших: в ладьях, вплавь, по радуге, мосту, при помощи лестниц, веревок, по дереву или вслед за проводником [19. С. 170–182].

В Библии вода — первоматерия мира. В словах апостола Петра: «Вначале Словом Божиим небеса и земля составлены из воды и (2 Пет. 3:5). Далее был создан свод, который отделил некоторое пространство от вселенской воды. Этот свод был назван небесами: «Сказал Бог: Пусть посреди воды будут свод, и пусть отделяет воды от вод. Бог создал свод и отделил воды, которые под сводом, от вод, которые над сводом, — и стало так. Бог назвал этот свод небесами» (Книга Бытия. 1: 6–7). Космический океан воды над сводом был отделен от воды под сводом. Светила были созданы на небесном куполе на четвертый день и стали двигаться именно по этому сотворенному своду, отделяя день от ночи.

В «Поэме воздуха» переправой через небесное море начинается вознесение лирической героини. Означающее такого символа — фрагмент действительности, в центре которого стоит действие (процесс) и его актанта — субъект, объект, а также ряд признаков и обстоятельственных факторов [20. С. 7]. Если в логическую структуру ситуации входит символ (в нашем случае «небесное море»), то и все компоненты ситуации становятся «участниками» некоего мифа и приобретают символическое значение смерти. Обозначим логическую структуру символа-ситуации: действие — переход через небесное море; субъект действия — лирическая героиня и ее провожатый (Р.М. Рильке); время действия — ночь (*час, как час (ночной)*); место действия — Беллею. В черновиках М.И. Цветаевой: «*Можно: Беллеюский парк ночью: аллея: обсерватория: спуск — то, где я никогда не бывала ночью*» [цит. по 5. С. 11]. Другие обстоятельства перехода через море обозначим после анализа маркирующих это означающее языковых единиц.

Носителями означающего в «Поэме воздуха» стали как отдельные слова с семами 'небо' и 'вода', так и целые предложения, рассосредоточенные по всему тексту. Сема 'небо' реализуется в словах: *небо, небосвод, ночь, аэро*, и, конечно же, в слове *воздух* — главном лексическом лейтмотиве поэмы, упоминаемом в тексте 22 раза, включая название. Интересно слово *аэро*: вне поэтического текста это радикал (корневая морфема в роли приставки). В по-

эме же М.И. Цветаевой *аэро* — грамматический окказионализм, полноценное слово среднего рода (*сплошное аэро*), называющее осваиваемое пилотом-душой воздушное пространство.

Рассмотрим фразы, содержащие сему ‘вода’. Многие из них являются художественными приемами — метафорой, сравнением, аллюзией. Это уже больше, чем просто текстовая тематическая группа — парадигма слов разных частей речи, имеющих в данном тексте минимум одну общую сему [21. С. 8–9]. Это парадигма как отдельных слов, так и синтаксических конструкций, цементируемых общей семой ‘вода’. Выпишем такую парадигму и укажем, какая именно внешняя и внутренняя перцепция закодирована в каждом фрагменте текста. Схематически обозначим цепочку символического развертывания образа: 1) языковое средство, 2) внешнеперцептивный образ, 3) внутреннеперцептивный образ.

1) *Пол — плыл/ Точно лиственниц Шум, пены о мост* → 2) слуховая перцепция → 3) потеря равновесия и веса, левитация. Слуховая перцепция — шум лиственниц — трансформируется в шум пены о мост и вводит символ «небесное море». Вознесение лирической героини начинается уже когда *дверь кинулась в руку. Плыл* можно рассматривать и как метафору, обозначающую потерю равновесия, и как подъем над полом в момент смерти — интероцептивное ощущение. Именно об этом и написала поэтесса в черновиках: «*чуть отделиюсь от пола (вершок от полу) из <почти> <овеществления>, я почти развоплощаюсь*» [цит. по 5. С. 11]. Включена мифологема *мост* — один из древнейших славянских символов перехода умершего на тот свет [22. С. 303].

1) *Как Колумб здороваюсь С новой землей — Воздухом* → 2) зрительная перцепция. На водное пространство указывает аллюзия *Колумб*. Имеется в виду, что всякий умерший является первооткрывателем того света, как Колумб был первооткрывателем Нового Света.

1) *Словно моря противу (Противу: читай — По сердцу!)* → 2) зрительная и тактильная перцепция → 3) труд преодоления силы тяжести, движение вверх. Слово *море* маркирует означающее символа. Вся фраза описывает то, как тяжело героиня преодолевает (*противу*) силу тяжести. Это усилие передается через ряд зрительных эквивалентов — движения сквозь рожь (*как сквозь рожь Русскую*) или сквозь толпу (*сплечением Толп*). Труд преодоления силы тяжести сходен с усилиями Геракла (*Гераклом бьюсь!*). Небесное море «устроено» как вертикальное водное пространство. Образ сопровождается чувством упругости земли, от которой лирическая героиня отталкивается: *С сильною отдачею Грунт, как будто грудь Женщины под стоптанным Вое-сапогом*.

1) *Вздых: еще не взбух Днепр?* Аллюзия воды — *Днепр*. → 2) зрительная перцепция → 3) начало удущья. Героиня еще дышит, но задыхается, когда легкие могут разорваться. Возникает зрительный эквивалент: когда Днепр взбухнет, то от напора воды лопаются лед (легкие). Далее в поэме этот мотив повторяется в ряде метафор: *каменный мешок легкого, дыра бездонная и т.д.*

1) *Твердь, стелись под лодкою Леткою — утла! / Легче, легче лодок На слюде прибрежий* → 2) зрительная перцепция в образе радуги → 3) легкость тела, невесомость. Как и мост, *лодка* — мифологема, обозначающая в культуре разных народов, в том числе и славянской, способ переправы через небесное море [23]. Форма сравнительной степени наречия, усиленная повтором, вводит интероцепцию потери веса, легкости, сравнимой с невесомостью.

1) *Сам — зачем петля Мертвая? Полощется...Плещется...* → 2) зрительная, тактильная и звуковая перцепция движения в воде → 3) координация во время полета. Фраза маркирует семантику воды небесного моря, пересекающейся с семантикой неба. Передается переживание самостоятельного (не в летательном аппарате) полета и в то же время — движения в воде, на которое указывают слова с корнями *-плещ* *-/-плещ-* с семантикой одновременно и тактильности, и зрительности, и звука. Последнее обусловлено звукоподражательным этимологом этих корней.

1) *Курс воздухоплавания Смерть* → 2) внешняя перцепция имплицитна → 3) полет и плавание одновременно. Само слово *воздухоплавание*, соединяющее семантику воздуха и воды, можно назвать самой точной реализацией означаемого символа «небесное море».

1) *Баловливых рыбок Скользь — форель за кончик... О, как воздух ливок, Ливок! Ливче гончей /Тех, что только ползать Стали — ливче леек! / Пагодо-завесой...Плещь! Все шли б и шли бы...Для чего Гермесу — Крыльца? Плавнички бы — Пловче! Да ведь ливмя Льет!* → 2) зрительная (рыбки), тактильная (*-лив-/-плещ-*), звуковая перцепция → 3) скольжение. Это наиболее насыщенная семантикой воды часть поэмы. О.Г. Ревзина отмечает, что Цветаева писала о морской природе своей души в статье «Душа и имя» (*Морская она, морская!*). Особая любовь была у поэтессы к водной вертикали — дождю или ливню [25. С. 301]. В поэме создается сложный перцептивный образ вертикально-фантастической стихии воды. Зрительная перцепция кодируется словами с семей 'рыба': *рыбки, форель, плавнички*. Это еще одна мифологема того света, символизирующая души усопших или нерожденных [25. С. 505]. Звукоподражательный эффект создается за счет нанизывания слов с семей воды в корнях *-лив-/-лей-* и *-плов-/-плещ-*: *ливок, ливче, леек, плавнички, ливмя, ливнем, плещь, пловче* (некоторые из них — лексические окказионализмы: *ливче, ливмя, ливок, плещь*). Эти же корни передают тактильность вертикального движения в воде — скольжение и легкость как результат потери силы тяжести. Ниспадающий шелк, который М.И. Цветаева особенно любила, является метафорой вертикального потока воды: *Не твоим ли ливнем Шемахинским или ж Кашемирским...*: [о шелке см. 4. С. 22]. В статье 1922 «Световой ливень», посвященной Б. Пастернаку, встречается тот же образ вертикального потока: *Ливень: все небо на голову, отвесом — ливень впрямь, ливень вкось, — сквозь, сквозняк, спор световых лучей и дождевых, — ты ни при чем: раз уж попал — расти!*

1) *Ирида! Ирис! / Наяда? Пэри?* → 2) зрительная перцепция. Это ряд зрительных аллюзий, ассоциирующих героиню с богинями и духами воды. Ирида, или Ирис, — античная богиня радуги, являющаяся после дождя в туче или в брызгах воды, относимая к морским божествам. Наяда — нимфа пресного водоема. Пэри — персидский дух воды.

1) *Старая потеря Тела через воду (Водо-сомущения Плеск. Песчаный спуск...)* → 2) перцепция → 3) падение в воду, тактильность (*густ*). Поэтесса передает чувство легкости человека, прыгнувшего в воду. Отсюда и *песчаный спуск*, каких много было в ее детстве на Оке, в Тарусе [5. С. 21] и *плеск*. Эта фраза заканчивает описание небесного моря — *первого воздуха* Цветаевой, который *густ*.

1) *Седью, как сквозь невод Дедов / влажен Ил, бессмертье — сухо / Ох!* — *полуостановками Вздоха — мытарства рыбного Паузами, перерывами Тока, паров на убыли* → 2) зрительная перцепция (монохромный мир), тактильность (*сух* и *влажен*) → 3) удушье как резь, укус. Следующий — *третий воздух* — пуст. В него героиня попадает, выходя из воды, и это чувство похоже на боль, резь, укусы (*Как жальцем в боль*). Интероцепция — боль в легких, удушье — передается через зрительный образ пойманной неводом рыбы (*невод дедов*) и ее *мытарства* на суше с открытым ртом (*паузами, перерывами*): *на Credo Уст полураскрытых*. Начиная с этого момента лирическая героиня теряет цветовосприятие. Слово, называющее монохромный мир — *седью*. Далее в тексте нет ни одного слова с семантикой цвета, кроме металлического серого: *сито, ножницы*.

Итак, наблюдая за последовательностью вводимых Цветаевой языковых воплощений означаящего символа МОРЕ, можно реконструировать экстроперцептивный образ небесного океана и то, как лирическая героиня переправляется через него. Оно начинается еще у двери и потом в ночи плещется сразу за порогом. Есть мост и, вероятно, не один (упоминание Ириды-радуги). Это море вертикально: вода красочна и льется ливнем, подобно восточным шелкам. Море заканчивается, и героиня переходит в следующее небо, чувствуя себя рыбой в неводе, раскрывающей на суше рот.

Реконструируем последовательность интероцептивных ощущений: потеря равновесия и левитация → упругое отталкивание от земли → труд преодоления силы тяжести → движение вверх → начало удушья → легкость тела, невесомость → координация в воздухе → полет и плавание одновременно → скольжение → падение в воду → удушье как резь, укус → потеря цветовосприятия, монохромный мир. По сути, поэт разворачивает историю «развешествления» лирической героини, и оно уже происходит в пределах 1 воздуха — перехода через небесное море: сначала потеря веса, через отталкивание от земли, потом потеря звуко- и световосприятия: *Больше не вешу/ Больше не слышу/ Больше не шурюсь*. В момент выхода из моря — потеря цветоразличения.

Символ-ситуация «преодоление 3, 5 воздуха и тверди как смерть»

Потусторонний мир М. Цветаевой предстает в виде семиструнной лиры, которую, будучи младенцем, изготовил Гермес из панциря черепахи (*Семь в основе лиры, Семь в основе мира*) и которая в античности упоминалась как созвездие Черепахи, расположенное в так называемой «морской» части небосвода между Рыбами и Китом. В современной астрономии этот астеризм официально не числится, но именно его, а не известное всем созвездие Лир (которую Аполлон подарил Орфею) делает образом потустороннего мира Цветаева: *Небом или лоном Лиро-черепахи?* Поэтесса упоминает 1, 3, 5 сферы и последнюю — *твердь*. Переход через небесное море — это 1 сфера: *первый воздух густ*, ведь именно здесь больше всего отмечено тактильных перцепций, в основном — воды. Рассмотрим остальные сферы с точки зрения передачи внешних и внутренних ощущений.

Третий воздух — пуст. Эту парадигму объединяют семы ‘редкий’ и ‘резать’. М.И. Цветаева воспринимает их как единое целое причины и следствия. Семантизируется созвучие этих корней, которые наделяются семантической диффузностью: редкий — значит ‘режет’, ‘ранит’: *резок, реже / резок, резче / цедок, цедче*.

1) *Как сквозь невод / как скводь косу Бабкину / реже проса в засуху / реже гребня песьего / сквозь пальцы / сквозь зубы / цедче сита* → 2) зрительные образы разреживающих предметов → 3) недостаток кислорода. Основные языковые маркеры семы ‘редкий’ — предлог *сквозь*, формы сравнительной степени прилагательного — *реже, резче, цедче*. Передаваемая interoцепция — это затруднение дыхания на вдохе с ощущением недостаточного поступления кислорода.

1) *Резок, резче проса в засуху / резче ножниц / нет, рецца / жальцем* → 2) зрительная перцепция, тактильная перцепция (трение как царапание, разрезание тканей) → 3) боль в легких, сродни рези, укусу. Парадигма организована семой ‘резать’, поэтому среди зрительных образов — названия режущих и ранящих предметов, как правило, монохромных по цвету (ножницы, резак). Высохшие листья проса при движении тоже царапают и режут, подобно лезвиям. Образ противопоставлен аналогичному в начале поэмы — переходу через ржаное или влажное рисовое поле, когда хватало кислорода.

Пятый воздух — звук. Организующие парадигму семы — ‘звук’ и ‘пауза’.

1) Голубиных грудок **гром**/ порубок **гуд**, дубов под корень/ соловьиных плоток **гром**/ **рыдью**, медью, **гудью**/ точно грудью **певчей** небосвода/ **гудче** Дона/ как по глыбам Фив/ основа **лиры**/ **гудче** грота в бури → 2) зрительная перцепция источников звука; переход от резонансного природного звука к резонансной музыке → 3) самозвучание, сонливость (*преднота сна*), потеря сознания. В этой парадигме отражен образ гром-

кого, усиленного многократным резонансом, звука. Резонанс — явление усиления звуковых колебаний, происходящих в какой-л. колебательной системе под влиянием внешнего воздействия (при условии совпадения частоты колебаний внешней силы с частотой собственных колебаний системы. Резонатор — система или предмет, в которых может происходить явление резонанса [26]. Перечисляется ряд резонаторов: резонатором грома, грота и порубки дубов является воздушное пространство неба и леса (если считать, что в колебание приходит упругая древесина дуба), полость грота. Резонатор голубинового воркования — раздутый и заполненный воздухом пищевод птицы, пения соловья и человека — гортань с голосовыми связками. Только у птиц их две: вторая нижняя, «певческая» [27. С. 40–41]).

Важны для передачи мощного резонансного звука окказионализмы *рыдью, медью, гудью* — отыменные наречия, произошедшие от гипотетических существительных *гудь, рыдь и медь*, а те в свою очередь — от прилагательных *медный, гудкий и рыдкий* (два последних — гипотетические), безаффиксным способом словообразования со значением «место, пространство, местность...имеющее признак, названный мотивирующим прилагательным» [27. С. 80]. Это значение нулевой морфемы важно для понимания звуковой перцепции образа: гудом заполняется не только все окружающее пространство, но и героиня поэмы: она вся становится резонатором звука (*Или чистым звуком движемся?*). Возникает гиперрезонанс космоса в виде лирочерепахи и духа умирающего человека. Природные и человеческие резонаторы переплетены в сравнениях: *Гудью — точно грудью Певчей — небосвод Небом или лоном лиро-черепахи*.

От природных резонаторов в конце 5 воздуха поэт переходит к музыкальным. По сути, гигантская космическая черепаха является камертоном, и дух умирающей героини настраивается на этот контрапункт. Зрительный эквивалент этого процесса образ Фив, которые, согласно мифу, строились под музыку: Зет носил и складывал камни, а Амфион строил из них город игрой на лирочерепахе, подаренной ему Гермесом [5. С. 25]. Фивы — нерукотворный город-музыка, как и тот свет. В понимании М.И. Цветаевой космическая музыка — это настрой духа поэта на космос: *Раз в основе лиры — Семь, основа мира — Лирика*. Слова *лира* и *лирика* этимологически однокоренные и связаны общей семантикой. Настрой на космическую музыку и есть достижение *тверди*. Это обретение гармонии (прежде всего музыкальной), дарящее героине блаженство: *Преднота Сна. Предзноб блаженства*.

1) *паузами, передышками паровика/ пересадками/ паузами, перерывами тока/* → 2) зрительные образы, передающие паузы (паровоз, ток) → 3) перебои пульса, апноэ. Зрительные образы остановки движения поезда перемешаны с лексикой, описывающей перебои пульса и остановку сердца: *полуостановки Сердца / Паузами, перерубами пульса/ спазмами Вздоха*.

Твердь. Организующие парадигму семы — ‘притяжение вверх’.

1) *без компаса ввысь/ шпиль роняет храм/ из лука — выстрелом ввысь/ Гермес — свои* → 2) зрительная перцепция → 3) тяга, притяжение вверх.

1) *полная оторванность темени от плеч/ чувство головы с крыльями/ владычество лба!* → 2) зрительная перцепция → 3) нет никаких больше ощущений, кроме мысли.

Притяжение вверх — завершающая стадия вознесения: дух-звук возвращается к отцу, Гермесу, изготовившему космическую лирочерепаху: *Дитя — в отца!* Е.О. Айзенштейн упоминает: «Цветаева носила подаренный отцом перстень с головой Меркурия, проводника в мир мертвых, покровителя искусств, знатока тайн магии и астрологии, который отождествлялся с Гермесом» [5. С. 28]. Потеря храмом шпиля — символ умершего, чей дух вознесся.

Итак, реконструируем последовательность внешнеперцептивных образов 3, 5 сферы и тверди: сначала героиня преодолевает разреженный воздух, потом слышит звуки природы (гром, воркованье, соловьиное пенье, звуки бури в гроте) и сама становится резонатором, звуком, настраиваясь по космическому «камертону» лирочерепахи, и возвращается к создателю космоса — Гермесу. Последовательность интероцептивных ощущений: недостаток кислорода → боль в легких, сродни рези, укусу → самозвучание, сонливость, потеря сознания → тяга, притяжение вверх → перебои пульса, апноэ.

На рис. 1 представлена единая знаково-семантическая система символов смерти в «Поэме воздуха» в аспекте лингвосенсорики.

Интероцепция поэмы передает главные вехи «развеществления» лирической героини: 1 воздух — потеря чувства веса, светоразличения и звука; 3 воздух — потеря цветовосприятия; 5 воздух — превращение в звук; твердь — отсутствие любой интероцепции, кроме мысли.

Остается загадкой, почему поэтесса упомянула только нечетные небеса? Каждую сферу Цветаева называет *воздухом*. По сути, каждый воздух — это вздох, а всего их три. Вознесение лирической героини можно соотнести с клинической картиной асфиксии. Асфиксия — «патологическое состояние нарастающего удушья». 1-й воздух соответствует первой стадии: дыхание с усиленным вздохом, легкие расширяются так сильно, что возможны разрывы легочной ткани. Именно в этой части поэмы возникают образы разрывающего лед Днепра (*еще не взбух Днепр*), пораженного тифом легкого (*То сыпняк в Москве!*), с «брешами» в легком (*Слава тебе, допустившему брешу*). 3-й воздух, (вторая стадия) характеризуется слабым вдохом и усиленным выдохом. М. Цветаева описывает этот этап как дыхание в разреженном воздухе. 5-й воздух соотносим с третьей и четвертой стадиями асфиксии, сопровождающимися кратковременными остановками дыхания (*полуостановками Вздоха*), апноэ. Твердь (5-я стадия) — «стойкая остановка дыхания» [29. С. 58] (*кончено, отстрадано*).

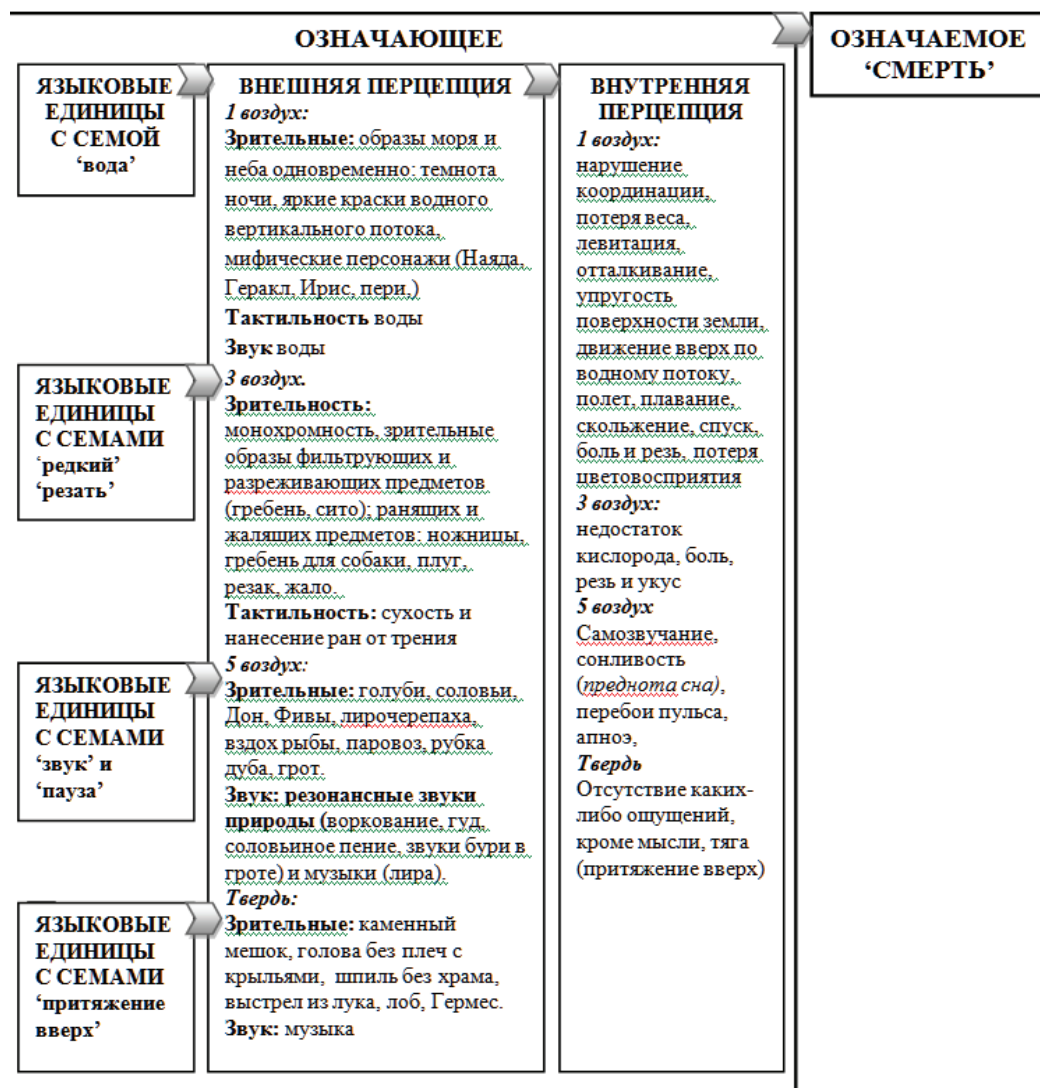

Рис. 1. Семантико-семиотическая структура символов-ситуаций «переход через небесное море как смерть» и «преодоление 3, 5 воздуха и тверди как смерть»

Fig. 1. Semantic-semiotic structure of symbols-situations "Crossing the Celestial Sea as Death" and "Overcoming 3,5 Air and Firmament as Death"

Возникает вопрос, почему именно вздох мы отождествляем с «воздухом»? Аргументов несколько. Во-первых, потому что именно слово *вздох* фигурирует в описании каждой из сфер, кроме 3-го воздуха, где семантика вздоха следует из словоформы *сквозь зубы* и словосочетания *уст полураскрытых*.

1-й воздух: *Мы, а вздох один! / Вздох: еще не вздох Днепр?*

3-й воздух: *Сердца, как сквозь зубы Довода на Credo Уст полураскрытых.*

5-й воздух: *Паузами, полустановками сердца, когда от легкого Ох! — полустановками **Вздоха**...*

Твердь: Вдох, всегда вотще! Кончено, Отстрадано В газовом мешке.

Во-вторых, воздух — это не только номинация небесной стихии, но и вдоха: этимологически *вдох* и *воздух* — однокоренные слова. В-третьих, именно вдох соответствует нечетным числам, а выдох — четным: их М. Цветаева в поэме не упоминает. В-четвертых, маркером начавшейся асфиксии является учащение ритма вдохов, так называемая инспираторная одышка [29. С. 58]. Недаром поэтесса упоминает образ рыбы на суше (*мытарство рыбное*).

Заключение

Итак, в процессе концептуализации мифологического мышления в поэме создаются две символические ситуации: «переход через небесное море как смерть» и «преодоление 3, 5 воздуха и тверди как смерть». Каждая символическая ситуация состоит из означающего, яркого динамичного перцептивного образа, названного разными языковыми единицами, и означаемого — ‘смерть’. Означающее в свою очередь состоит из микрокомпонентов: 1) значение экстроперцептивного ощущения, которое в свою очередь материализует 2) интероцептивные ощущения, возникающие во время смерти (удушьё, нарушение сердечного ритма, боль и пр.) и проприоцептивные (чувство статики и динамики тела в пространстве). В результате исследования было установлено, что поэтапное вознесение лирической героини — переход через небесное море, выход на берег с разреженным воздухом, превращение в резонатор космического звука и, наконец, слияние с космической музыкой и притяжение к создателю космоса Гермесу — передает постепенное «развеществление» героини через внутренние ощущения: 1-й воздух — потеря чувства веса, светоразличения и звука; 3-й воздух — потеря цветовосприятия, боль и удушье; 5-й воздух — превращение в резонатор и звук; твердь — отсутствие перцепции. Все эти ощущения соотнесены с пятью стадиями асфиксии, поэтому слово *воздух* в поэме диффузно и обозначает не только стихию природы, но и сферы потустороннего мира, а самое главное, — последние вздохи умирающего. Таков смысл упоминания только нечетных небесных сфер.

Библиографический список

1. *Гаспаров М.Л.* Поэма воздух М. Цветаевой // Избранные труды. Т. II. О стихах. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 168–186.
2. *Ревзина О.Г.* «Поэма Воздуха» как художественный текст и как интертекст // «Поэма Воздуха» Марины Цветаевой. Вторая международная научно-тематическая конференция. М.: Дом-музей М. Цветаевой, 1994.
3. *Клинг О.А.* Попытка символического прочтения «Поэмы Воздуха» Марины Цветаевой // «Поэма Воздуха» Марины Цветаевой. Вторая международная научно-тематическая конференция. М.: Дом-музей М. Цветаевой, 1994.

4. Пименова М.В. Дутбаева С.С., Мошина Е.А. Символика земли в поэмах М. Цветаевой // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. 2020. Т. 19. № 3. С. 116–133. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.11>
5. Айзенштейн Е. Образы и мифы Цветаевой. М.: Издательские решения, 2017.
6. Марина Цветаева. Борис Пастернак. Души начинают видеть. Письма 1922–1936 г. М.: Варгиус, 2004.
7. Борис Пастернак, Марина Цветаева, Райнер Мария Рильке Письма друг другу (1926–1927 гг.) Режим доступа: <http://www.librapress.ru/2016/06/Rainer-Maria-Rilke-Boris-Pasternak-Marina-Tsvetaeva-Letters-1926.html> (дата обращения: 14.12.2021).
8. Якушевич И.В. Языковая реализация и феноменологическая функция символа «дом» в поэме М. Цветаевой «Попытка комнаты» // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2019. № 6. С. 143–146.
9. Харченко В.К. Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты. М.: Либроком, 2012.
10. Нагорная А.В. Вербальная репрезентация интероцептивных ощущений в современном английском языке: дис. ... докт. филол. наук. М., 2015.
11. Грицианов А.А. Миф // Новейший философский словарь. Минск: Книжный дом, 2003. С. 634.
12. Чертов Л.Ф. Знаковость: опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1993.
13. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: Юна, 2002.
14. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Восточная литература, 2006.
15. Якушевич И.В. Лингвокультурологический комментарий слова-символа в поэтическом тексте // Русский язык за рубежом. 2011. № 1. С. 85–91.
16. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976.
17. Нарская А.В. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований: Аналитический обзор. М.: РАН ИНИОН, 2017.
18. Белова О.В., Виноградова Л.Н. Море // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / ред. Н.И. Толстой. Т. 3. М., 2004. С. 295–301.
19. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М: Лабиринт, 1998.
20. Якушевич И.В. Лингвокогнитивная типология символов // Russian Journal of Linguistics. 2012. № 4. С. 5–13.
21. Новикова Н.С. Тематическая группа как семантический компонент текста // Русский язык в национальной школе. 1985. № 5. С. 8–13.
22. Виноградова Л.Н. Мост // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 томах / под ред. Н.И. Толстого. Т. 3. М., 2004. С. 303–307.
23. Петрухин В.Я. Лодка // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 томах / под ред. Н.И. Толстого. Т. 3. М., 2004. С. 128–129.
24. Ревзина О.Г. Безмерная Цветаева. Опыт системного описания поэтического идеолекта. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2009.
25. Гура А.В. Рыба // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 томах / под ред. Н.И. Толстого. Т. 4. М., 2009. С. 505–506.
26. МАС. Словарь русского языка. Под ред. А.П. Евгеньевой: в 4 томах. М., 1999. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 30.11.2021).
27. Морозов В.П. Искусство резонансного пения. Основы резонансной теории и техники. ИП РАН, МГК им. П.И. Чайковского. М.: Центр «Искусство и наука», 2002.
28. Лопатин В.В., Уруханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Азбуковник, 2016.
29. Полутова Н.В., Чеснокова Н.П., Понукалина Е.В., Бизенкова М.Н. Асфиксия: стадии нарушения внешнего дыхания, механизмы развития // Научное обозрение. Медицинские науки. 2017. № 2. С. 57–60.

References

1. Gasparov, M.L. (1997). Poem air by M. Tsvetaeva. In: *Selected Works. II. About poetry*. Moscow: Languages of Russian culture. pp. 168–186. (In Russ.).
2. Revzina, O.G. (1994). “Poem of Air” as a literary text and as an intertext. In: “*Poem of Air*” by Marina Tsvetaeva. *The second international scientific-thematic conference*. Moscow: House-Museum of Marina Tsvetaeva. (In Russ.).
3. Kling, O.A. (1994). An attempt at a symbolic reading of the “Poem of Air” by Marina Tsvetaeva. In: “*Poem of Air*” by Marina Tsvetaeva. *The second international scientific-thematic conference*. Moscow: House-Museum of Marina Tsvetaeva. (In Russ.).
4. Pimenova, M.V., Dutbaeva, S.S. & Moshina, E.A. (2020). The symbolism of the earth in the poems of M. Tsvetaeva. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 19 (3), 116–133. (In Russ.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.11>.
5. Ajzenshtejn, E. (2017). *Images and myths of Tsvetaeva*. Moscow: Publishing solutions. (In Russ.).
6. Marina Tsvetaeva, Boris Pasternak (2004). *Souls begin to see. Letters of 1922–1936*. Moscow: Vargius. (In Russ.).
7. Boris Pasternak, Marina Tsvetaeva, Rajner Mariya Ril’ke. *Letters to each other (1926–1927)* URL: <http://www.librapress.ru/2016/06/Rainer-Maria-Rilke-Boris-Pasternak-Marina-Tsvetaeva-Letters-1926.html> (accessed: 14.12. 2021).
8. Yakushevich, I.V. (2019). Linguistic implementation and phenomenological function of the symbol “house” in M. Tsvetaeva’s poem “An Attempt at a Room”. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Philological sciences*, 6, 143–146. (In Russ.).
9. Harchenko, V.K. (2012). *Linguosensorics: Fundamental and Applied Aspects*. Moscow: Libroform. (In Russ.).
10. Nagornaya, A.V. (2015). *Verbal representation of interoceptive sensations in modern English [dissertation]*. Moscow. (In Russ.).
11. Gricianov, A.A. (2003). Myth. In: *The latest philosophical dictionary*. Minsk. p. 634. (In Russ.).
12. Devil’s, L.F. (1993). Signity: an experience of theoretical synthesis of ideas about the sign method of information communication. Saint Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University. (In Russ.).
13. Kolesov, V.V. (2002). *Philosophy of the Russian word*. Saint Petersburg: Yuna. (In Russ.).
14. Meletinskij, E.M. (2006). *The poetics of myth*. Moscow: Vostochnaya literature. (In Russ.).
15. Yakushevich, I.V. (2011). Linguocultural commentary on the word-symbol in the poetic text. *The Journal Russian Language Abroad*, 1, 85–91. (In Russ.).
16. Losev, A.F. (1976). *The symbol problem and realistic art*. Moscow: Art. (In Russ.).
17. Narskaya, A.V. (2017). *Linguosensorics as a promising area of modern linguistic research: an analytical review*. Moscow: RAS INION. (In Russ.).
18. Belova, O.V. & Vinogradova, L.N. (2004). Sea. Slavic antiquities. In: *Ethnolinguistic dictionary*, N.I. Tolstoy (Ed.). Moscow. Vol. 3. pp. 295–301. (In Russ.).
19. Propp, V.Ya. (1998). *The historical roots of the fairy tale*. Moscow: Labyrinth. (In Russ.).
20. Yakushevich, I.V. (2012). Lingvocognitive typology of symbols. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 5–13. (In Russ.).
21. Novikova, N.S. (1985). Thematic group as a semantic component of the text. *Russian language in the national school*, 5, 8–13. (In Russ.).
22. Vinogradova, L.N. (2004). Bridge. Slavic antiquities. In: *Ethnolinguistic dictionary*, N.I. Tolstoy (Ed.). Moscow. Vol. 3. pp. 303–307. (In Russ.).
23. Petrukhin, V.Ya. (2004). Boat. Slavic antiquities. In: *Ethnolinguistic dictionary*, N.I. Tolstoy (Ed.). Moscow. Vol. 3. pp. 128–129. (In Russ.).
24. Revzina, O.G. (2009). Immeasurable Tsvetaeva. In: *Experience in the systematic description of a poetic ideological lecture*. Moscow: House-Museum of Marina Tsvetaeva. (In Russ.).
25. Gura, A.V. (2009). Fish. Slavic antiquities. In: *Ethnolinguistic dictionary*, N.I. Tolstoy (Ed.). Moscow. Vol. 4. pp. 505–506. (In Russ.).

26. MAC (1999). *Dictionary of the Russian language*. A.P. Evgenieva (Ed.). In 4 vols. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (accessed: 30.11.2021). (In Russ.).
27. Morozov, V.P. (2002). *The art of resonant singing. Fundamentals of resonance theory and technology*. IP RAS, Moscow State Conservatory named after P.I. Tchaikovsky. Moscow: Art and Science. (In Russ.).
28. Lopatin, V.V. & Uluhanov, I.S. (2016). *Dictionary of word-formation affixes of the modern Russian language*. Moscow: Azbukovnik publ. (In Russ.).
29. Polutova, N.V., Chesnokova, N.P., Ponukalina, E.V. & Bizenkova, M.N. (2017). Asphyxia: stages of impaired external respiration, mechanisms of development. *Scientific Review. Medical sciences*. Saratov, 2, 57–60. (In Russ.).

Информация об авторе:

Якушевич Ирина Викторовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин института гуманитарных наук, ГАОУ ВО г. Москвы МГПУ (Московский городской университет), *сфера научных интересов*: лингвопоэтика в связи с сенсорной лингвистикой и теорией символа, этнолингвистика и лингвокультурология, диалектология; *e-mail*: sa1107@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3053-7530>; eLibrary SPIN-код: 8004-2629.

Information about the author:

Irina V. Yakushevich, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of the Russian Language and Methods of Teaching Philological Disciplines, Moscow City University (MGU), *area of scientific interests*: linguopoetics in connection with sensory linguistics and symbol theory, ethnolinguistics and linguoculturology, dialectology; *e-mail*: sa1107@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3053-7530>; eLibrary SPIN-код: 8004-2629.

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-280-293

УДК 811.161.1'373:821.161.1-32

Научная статья / Research article

Когнитивно-прагматические характеристики художественного текста на материале рассказа Д.Н. Мамина-Сибиряка «Емеля-Охотник»

С.Н. Семенова

Кубанский государственный университет,
350040, Российская Федерация, Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149

 sofiya.semenova75@yandex.ru

Аннотация. В исследовании предлагается когнитивно-прагматическая характеристика художественного текста (на материале рассказа Д.Н. Мамина-Сибиряка «Емеля-охотник»). Цель работы заключалась в построении структуры когниотипа рассказа Д.Н. Мамина-Сибиряка «Емеля-охотник» и анализе речевых реализаций. Новизна данной статьи — детальное когнитивно-прагматическое рассмотрение составляющих элементов, описание ментально-лингвистической структуры (когниотипа) и интерпретация результатов, полученных в процессе изучения структурно-содержательной стороны текста рассказа «Емеля-охотник». Материалом для изучения и проведения анализа в данной статье послужили не только теоретические и практические положения научных работ ряда отечественных лингвистов, занимающихся изучением понимания любого текста различных жанров произведений художественной литературы, но и непосредственно языковой материал: рассказ Д.Н. Мамина-Сибиряка «Емеля-охотник» на русском языке. В достижении поставленной в исследовательской работе цели потребовалось решить следующие задачи: 1) построить структуру когниотипа рассказа «Емеля-охотник»; 2) выделить термины, относящиеся к различным научным дисциплинам; 3) выделить фразеологические единицы; 4) систематизировать имена прилагательные; 5) дать когнитивно-прагматическую характеристику рассказа. Автором статьи использовались такие методы исследования как: 1) сплошной выборки лексики; 2) классификационный; 3) количественного подсчета; 4) интерпретационный. Рассказ Д.Н. Мамина-Сибиряка «Емеля-охотник» изучен с различных позиций. Предложена модель когниотипа рассказа Д.Н. Мамина-Сибиряка «Емеля-охотник» в виде структуры с основными темами и взаимосвязями. В результате были выделены и систематизированы научные термины по географии и биологии; найдены фразеологические единицы и даны к ним комментарии; найдены все имена прилагательные, распределенные по видам и систематизированные в таблице; подсчитаны количественный и процентный составы имен прилагательных, представленные в таблице и диаграммах. Результаты проведенного исследования показали то, что фразеологические единицы отражают ценностные приоритеты народа в определенной метафорической форме. Актуальность исследования определена важностью избранной темы и ее теоретической и практической значимостями для лингвистической науки.

© Семенова С.Н., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Ключевые слова: рассказ, фразеологическая единица, Д.Н. Мамин-Сибиряк, художественный текст, имя прилагательное, количественный состав, процентный состав, имплицитность

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2021

Дата приема в печать: 01.03.2022

Для цитирования:

Семенова С.Н. Когнитивно-прагматические характеристики художественного текста на материале рассказа Д.Н. Мамина-Сибиряка «Емеля-охотник» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 280—293. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-280-293>

Cognitive-Pragmatic Characteristics of Fiction Text on the Material of D.N. Mamin-Sibiriyak’s Short Story “Emelya the Hunter”

Sofiya N. Semenova

Kuban State University,
Stavropolskaya st., 149, Krasnodar, Russian Federation, 350040
 sofiya.semenova75@yandex.ru

Abstract. The researcher attempts to give the cognitive and pragmatic characteristics of fiction text (based on D.N. Mamin-Sibiriyak’s short story “Emelya the Hunter”). The aim of the work was to build the model of the cognitive type on D.N. Mamin-Sibiriyak’s short story and analyze speech realizations in the text. The novelty of this article is a detailed cognitive and pragmatic study of the constituent elements, a description of the mental and linguistic structure (cogniotype) and the interpretation of the received results in the studying process of the structural and content side of the text of the short story “Emelya the Hunter”. The material for the study and analysis in this research was not only the theoretical and practical positions of the scientific works of a number of Russian linguists studying the understanding of any text of various genres of fiction works, but also the linguistic material itself: the short story of D.N. Mamin-Sibiriyak “Emelya the Hunter” in Russian. To achieve the aim of the research the following tasks were solved: 1) to build the structure of the cognitive type of the short story “Emelya the Hunter”; 2) to find the terms related to various scientific disciplines; 3) to find phraseological units; 4) to systematize adjectives; 5) to give a cognitive and pragmatic description of the studied text. The author of the present article used such methods as: 1) continuous sampling of vocabulary; 2) classification; 3) quantitative calculation; 4) interpretive. D.N. Mamin-Sibiriyak’s short story “Emelya the Hunter” was studied from various positions. A model of the cognitive type of D.N. Mamin-Sibiriyak’s short story “Emelya the Hunter” was shown in the form of a structure with main topics and their interrelationships. As a result, scientific terms in Geography and Biology were identified and systematized; phraseological units were found and comments were given to them; adjectives were found and classified by types and systematized in the table; the quantitative and percentage ratios of adjectives were calculated and presented in the table and diagrams. The results of the study showed that phraseological units reflected the people’s value priorities in a certain metaphorical form. The relevance of the research was determined by the importance of the chosen topic and its theoretical and practical significance for the cognitive direction in scientific research.

Key words: short story, phraseological unit, D.N. Mamin-Sibiryak, fiction text, adjective, quantitative ratio, percentage ratio, implicity

Article history:

Received: 01.06.2021

Accepted: 01.03.2022

For citation:

Semenova, S.N. (2022). Cognitive-pragmatic Characteristics of Fiction Text on Material of D.N. Mamin-Sibiryak's Short Story "Emelya the Hunter". *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), 280—293. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-280-293>

Введение

В 2022 году исполнится 170 лет со дня рождения русского писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка. Писатель создал много произведений не только для детей, но и для взрослых, которые и сегодня с большим интересом и удовольствием читаются. В этой связи мы изучили одно из его творений — рассказ «Емеля-охотник»¹, в свое время удостоенный премии педагогического общества.

Актуальность исследования определена важностью избранной темы и ее теоретической и практической значимостями для лингвистической науки. *Цель* работы — построение структуры когнитивного типа рассказа Д.Н. Мамина-Сибиряка и анализ речевых реализаций. Осуществление поставленной в статье цели обусловило фиксацию следующих *задач*: 1) построить структуру когнитивного типа рассказа «Емеля-охотник» Д.Н. Мамина-Сибиряка; 2) выделить термины, относящиеся к различным научным дисциплинам; 3) выделить фразеологические единицы; 4) систематизировать имена прилагательные; 5) дать когнитивно-прагматическую характеристику рассказа. Для решения перечисленных задач автором использовались такие *методы* исследования как: 1) сплошной выборки лексики; 2) классификационный; 3) количественного подсчета; 4) интерпретационный.

Методологическая база. Заслуживают внимания работы ученых, исследовавших: 1) произведения Д.Н. Мамина-Сибиряка (О.В. Зырянов, исследователь творческого наследия писателя [1. С. 8], Л.Н. Житкова, автор описания исторических аспектов произведений писателя [2. С. 23–25]); 2) когнитивные типы (А.Г. Баранов, предложил различные когнитивные процедуры изучения любого текста [3. С. 267], С.Н. Семенова, построила модель когнитивного типа научных статей [4. С. 303]); 3) фразеологические единицы (Л.А. Инютина, характеризовала лексику сибирских фольклорных текстов 17–18 вв. [5. С. 44]); 4) имена прилагательные (С.А. Тихомиров, изучал семантику имен прилагательных [6. С. 126]; С.Ю. Харченко, определила состав лексико-семантических групп

¹ *Мамин-Сибиряк Д.Н.* Емеля-охотник // Зимовье на Студёной. М.: Детская литература, 1969. С. 36–47.

имен прилагательных [7. С. 39]); 5) имплицитность (С.Н. Семенова, уточнила, что в предложениях, в которых содержится имплицитность раскрывается ‘зашифрованная’ информация благодаря индивидуальной картине мира читателя, изучающего этот текст [8. С. 140–144]). Теоретические и практические положения этих научных трудов легли в основу нашего исследования.

Новизна данной статьи заключается в детальном когнитивном рассмотрении составляющих элементов, описании ментально-лингвистической структуры (когниотипа) и интерпретации рассказа «Емеля-охотник». Справедливо отметил Л.А. Новиков то, что филология как комплекс всех гуманитарных наук, изучающих культуру народа, появилась в процессе изучения текстов [9. С. 176]. Мы рассматриваем данный подход как теоретико-практическое руководство и предпринимаем попытку представить модель когниотипа рассказа «Емеля-охотник». Процесс структурирования когниотипов может состоять из нескольких этапов, но мы в своем исследовании выбрали этап выявления примеров имен прилагательных в соответствии с их спецификацией по теме.

Структура когниотипа

Произведение было исследовано на когнитивном и прагматическом уровнях. На первом этапе была составлена следующая структура когниотипа рассказа Д.Н. Мамина-Сибиряка «Емеля-охотник», представленная на рис. 1.

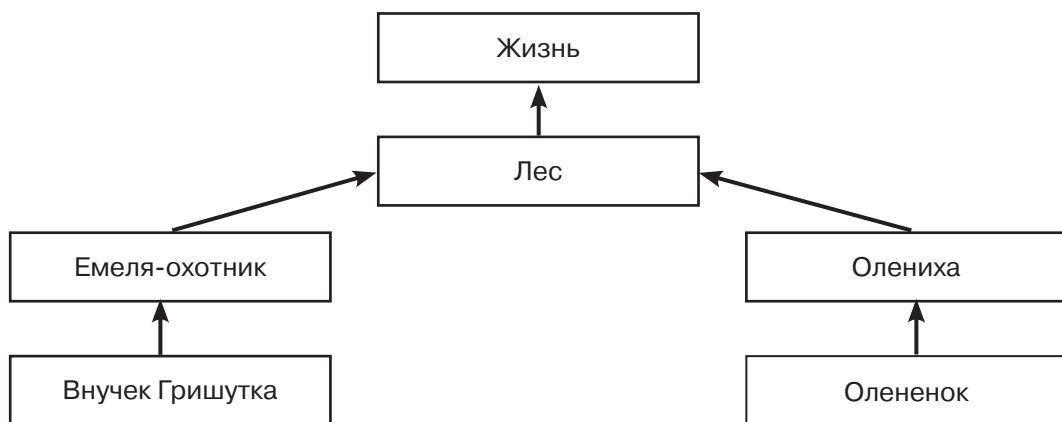

Рис. 1. Структура когниотипа рассказа «Емеля-охотник»

Fig. 1. Structure of cognitive type of the short story “Emelya-Hunter”

Таким образом, на рис. 1. представлена взаимосвязь основных смысловых элементов-тем, выделенных нами в процессе изучения текста рассказа. Итак, во главе структуры мы поставили тему «Жизнь» — основная суть всего живого на земле, на наш взгляд. Все борются за жизнь своими способами и дед, добывающий желтенького олененка для своего больного внука,

и олениха, защищающая своего детеныша от пули деда-охотника. На втором уровне структуры тема «Лес» так, как лес — единственный источник для пропитания как для людей, так и для животных. Далее предложены темы «Емеля-охотник» и «Олениха», структурированные нами на одном уровне как основные активные деятели истории произведения. Ниже следуют темы «Внучек Гришутка» и «Олененок», выделенные нами как зависимые, вследствие возраста и неопытности. Итак, все перечисленные темы тесно переплетаются между собой потому, как люди, так и животные без леса могут погибнуть от голода.

На первый взгляд это короткий по структуре и содержанию рассказ, но «погружаясь» во все детали, описания, характеристики, анализ событий, имеющих место в произведении, нами были найдены скрытые смыслы, заложенные автором в работе. Д.Н. Мамин-Сибиряк правдиво изображает жизнь не только людей, животных, но и окружающую их природу. Автором описываются люди, их местообитание, занятия и т.д. Читателям красочно и реалистично представляется то, что написал и хотел передать всем писатель.

Научные термины в рассказе «Емеля-охотник»

На втором этапе процесса исследования материала рассказа «Емеля-охотник» нами были обнаружены термины (слова и словосочетания) из таких научных дисциплин как география и биология путем сплошной выборки из текста. Приведем примеры, структурированные нами по темам, подтемам и представленные речевыми фрагментами из произведения без изменения и выделенные курсивным шрифтом.

1. Географические термины

1.1. Оронимы: *Уральские горы, Ручьевая гора.*

1.2. Гидронимы: *ключи, ручейки, болота, топи, вода.*

1.3. Общие понятия: *лесная глушь, деревушка Тычки, леса, валы, пасмурная погода (синоним ненастье), облака, зима, лето, берег, тропа (тропинка), лесные трупцы, всякое время года (синоним круглый год), чаща, снег, камни, дороги, уступы, дно глубокой горной котловины, солнечный луч, на скате горы, опушка леса.*

2. Биологические термины

2.1. Животный мир (зоонимы, фауна): *медведь, куница, волк, лисица, белка, дикая коза, птица, охотничья собака ((домашнее животное) питомец Лыско), дичь (синоним зверь), олень (синоним благородное животное), овод, дятел, зайчонок, жужжащее насекомое, глухарь.*

2.2. Растительный мир (флора): *ель, пихта, чаща, трава, молодые березки, куст, жимолость, перелесок молодого ельника, дремучий ельник, густая зеленая чаща, мох, папоротник, густая еловая заросль.*

Перечисленные примеры свидетельствуют о том, что Д.Н. Мамин-Сибиряк хорошо разбирался не только в области литературы, но и биологии, географии и психологии. В тексте произведения нередки уменьшительно-ласкательные формы слов, представленные автором в рассказе, например: *‘лисица, детеныш, теленок, олененок, зайчонок’*. Это еще раз доказывает любовь писателя ко всему, что его окружало.

Фразеологические единицы в рассказе «Емеля-охотник»

Третий этап заключался в нахождении фразеологических единиц, согласно теоретическим и практическим положениям Т.Г. Никитиной, работающей в русле научной школы В.М. Мокиенко [10–16], активно развивающейся в системе современной фразеологии [16. С. 175–197]. В целом исследование рассказа «Емеля-охотник» показало, что текст изобилует фразеологическими единицами, выделенные нами в процессе изучения произведения. Далее приведем примеры, выделенные курсивом, а в скобках дадим свои комментарии к каждой фразеологической единице.

Спряталась деревушка Тычки (не видно деревни), *поднимается вечнозеленый хвойный лес* (растет хвойный лес), *несколько гор обошли Тычки* (горы расположены вокруг деревни), *разбрелись как овцы избы* (дома были построены бессистемно и без плана), *колесит избитая тропа* (расположена вытоптанная людьми дорожка), *деревушка окружена болотами* (вокруг деревни расположены болота), *сильно играют горные речки* (в дождливую погоду увеличивается объем воды и вода быстро стекает вниз по склонам гор), *рукой подать* (расположен очень близко), *силы покидали не по дням, по часам* (мальчик болел и не мог выздороветь долгое время), *глаза начали изменять* (зрение ухудшалось), *снег искрится и блестит алмазной пылью* (красивая окружающая среда в солнечную зимнюю и снежную погоду), *Гришутка на руках очутился* (родители умерли и деду Емеле пришлось заботиться о внуке), *спасся каким-то чудом* (случайно выжил), *старик решил попытаться счастья* (решил поохотиться и добыть дичь), *в лесу Емеля был как дома* (все было ему знакомо), *перевести дух* (отдохнуть), *тропинка змейкой взбиралась на гору* (располагалась не по прямой, а по извилистой линии), *ютились молодые березки* (росли на очень близком расстоянии друг от друга), *деревушка спряталась* (располагалась далеко), *Лысок исчез в густой зеленой чаще* (убежал далеко в чащу), *ели поднимались высоко к небу* (выросли очень высокими), *молнией пропасть* (быстро убежать), *выбивать из сил* (очень уставать), *убежал из-под носу* (убежать от кого-либо, находясь на близком расстоянии), *на-*

пал на след (увидел / обнаружил следы), с замирающим сердцем (остановить на мгновение дыхание от предстоящего радостного события).

Д.Н. Мамин-Сибиряк часто использовал в произведении такой художественный прием как описание. Интересны, на наш взгляд, следующие описания, классифицированные следующим образом (в скобках даны наши комментарии):

1. избы: *избушка вросла в землю и глядит... всего одним окном* (очень старая, скромно построенная хозяином изба с одним окном);
2. природы: *ручеек поит студеной, чистой как слеза водой* (является ценным источником питьевой воды), *разбрелись как овцы избы* (дома были построены бессистемно и без плана);
3. животного: *как тень ползал за хозяином* (осторожно и незаметно полз).

В процессе изучения текста рассказа нами обнаружена поговорка: «*Беда не приходит одна*», которая обозначает то, что одна неприятность влечет за собой и следующую, другую. В этих словах писатель “зашифровал” горе старика охотника, потерявшего сына и невестку. Поэтому ему пришлось ухаживать за тяжелобольным внуком. Цепь бед окружала старика-охотника, но он не сдавался, не отчаивался, а старался делать все, что было в его силах, чтобы вылечить внука.

Результаты проведенного исследования показали то, что фразеологические единицы отражают ценностные приоритеты народа в определенной метафорической форме. Следует отметить, что существует многоуровневая смысловая нагрузка во фразеологических единицах. Если заменить или удалить какой-либо составляющий элемент единицы, будет совершенно новое его значение и понимание.

Характеристика и классификация имен прилагательных

Четвертым этапом нашего исследования было обнаружение и классификация имен прилагательных в рассказе «Емеля-охотник» Д.Н. Мамина-Сибиряка.

В отношении использованных писателем в рассказе имен прилагательных, следует сказать, что в основном они относятся к качественному виду, так как характеризуют качественные параметры объектов. Приведем без изменений (как даны в тексте рассказа) примеры имен прилагательных и с ними связанные имена существительные (выделенные курсивом), систематизированные и представленные нами в табл. 1.

Примеры имен прилагательных нами систематизированы по видам, признакам и занесены в табл. 1, полученные данные в которой, далее были рассчитаны в отношении количественных и процентных показателей всех выявленных примеров (табл. 2).

Таблица 1 / Table 1

Виды и примеры имен прилагательных / Types and Examples of Adjectives

Имена прилагательные / Adjectives					
Вид / Type	Обозначение / Designation	Примеры имен прилагательных / Adjective examples			
		Положительные / Positive	Отрицательные / Negative		
	форме	горбатая гора, острую морду, острые вершинами, раздвоенное копыто, ветвистые рога, десятиригий олень	крутые уступы	-	
	размеру	громадными валами, на широкой лавке, крупный лес широкий вид, громадные ели, широкий лист, больших и маленьких копыт, с тоненькими ножками, тонкую шею	худой, сторбленный	с длинными руками, большие камни, глубокий котлован	
	цвету	вечнозеленый хвойный лес, синевато-серыми валами, с седой вершиной, смуглое личико, черного хлеба, ярким светом, зеленой щеткой, с желтеньким пятном, золотым пятном, желтоватый мох, пестрый дятел, в зеленой чаще, с желтым пушком, мордочка черная	в мутных серых облаках, непроницаемый темный свод	черными точками	
Качественные / Qualitative	Признак предмета по:	свойству	чистой водой, избитая тропа, записные охотники, известную добычу, охотничьих собак, всякого зверя, новые лапти, густые перелески, лапистыми и мохнатыми ветвями, крестьянские избы, мохнатые ветви, солнечный свет, по мягкому мху, благородное из лесных животных, скверная история, под густой елью, между передними лапами, с пустыми руками, запутанный след, знакомый треск, великолепный олень-самка, прехорошенький олененок, красивая головка, беззащитному животному, шустрый олененок, к малейшему шороху	в пасмурную погоду, на крутом склоне горы, непроходимыми болотами, узкими тропами, тяжелая и опасная работа, голодный Лыско, несчастного Лыска, бедный Лыско, рванный кафтан, лысую голову	сплошной дремучий ельник, медленное подкрадывание
		запаху	чудный аромат душистых трав	-	-
	вкусу	соленая козлятина, жареной оленины, аппетитную кость, с голодным брюхом, сухая корочка	-	-	

Имена прилагательные / Adjectives			
Вид / Type	Обозначение / Designation	Примеры имен прилагательных / Adjective examples	
		Положительные / Positive	Отрицательные / Negative
Качественные / Qualitative	температуре	студеной водой, на теплой шкуре	самое жаркое время, зимнего холода, летнего зноя
	Признак предмета по:	звучу	слабый визг, с жалобным предсмертным криком
		возрасту	старый охотник, с маленьким внуком, молодые березки, из молодого ельника, молодых зайчат, маленькому животному
Относительные / Relative	материал	алмазной пылью	из неотесанных бревен
	местонахождение	тычковским мужикам, тычковским охотникам	непроходимой лесной глуши, далекие горы, горный котлован
	время	круглый год, целую жизнь, летнее солнышко, в следующую минуту, под столетней елью	последние дни
	назначение	горные речки	лесными тропками, лесными тропами
	подбору значения словосочетаний	на деревянной лавке — на лавке из дерева, на оленьей шкуре — шкуре из оленя, деревянные сучья — сучья из дерева, глухариной похлебки — похлебки их глухаря	-

**Количественный и процентный составы
примеров имен прилагательных /
Quantitative and Percentage Ratios of Adjective Examples**

Имена прилагательные / Adjectives								
Вид / Type	Обозначение / Designation		Примеры имен прилагательных / Adjective examples					
			Положительные / Positive		Отрицательные / Negative		Смешанные / Mixed	
			количество	%	количество	%	количество	%
Качественные / Qualitative	Признак предмета по:	форме	6	7,22	1	5	-	0
		размеру	9	10,8	1	5	3	27,3
		цвету	14	16,9	2	10	1	9,1
		свойству	27	32,5	10	50	2	18,2
		запаху	1	1,2	-	0	-	0
		вкусу	5	6,02	-	0	-	0
		температуре	2	2,4	3	15	-	0
		звуку	-	0	2	10	-	0
		возрасту	6	7,22	-	0	-	0
	Всего:	70	84,34	19	86,3	6	54,5	
Относительные / Relative	Признак предмета по:	материал	1	1,2	1	5	-	0
		местонахождение	2	2,4	-	0	3	27,3
		время	5	6,02	-	0	1	9,1
		назначение	1	1,2	2	10	-	0
		подбору значения словосочетаний	4	4,8	-	0	1	9,1
	Всего:	13	15,66	3	13,6	5	45,5	
ИТОГО / TOTAL:		83	100	22	100	11	100	

Благодаря показателям, представленных в табл. 2 были построены диаграммы (рис. 2–4) на которых наглядно можно увидеть количественное и процентное соотношения примеров имен прилагательных, отобранных в процессе изучения текста рассказа Д.Н. Мамина-Сибиряка «Емеля-охотник». Наибольшую группу составляют качественные прилагательные, обозначающие признак предмета по свойству — 32,5%, наименьшую — относительные прилагательные, обозначающие признак предмета по материалу и по назначению — 1,2%.

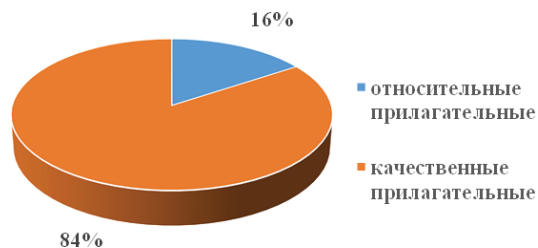

Рис. 2. Общие показатели примеров имен прилагательных /

Fig. 2. Total indicators of adjective examples

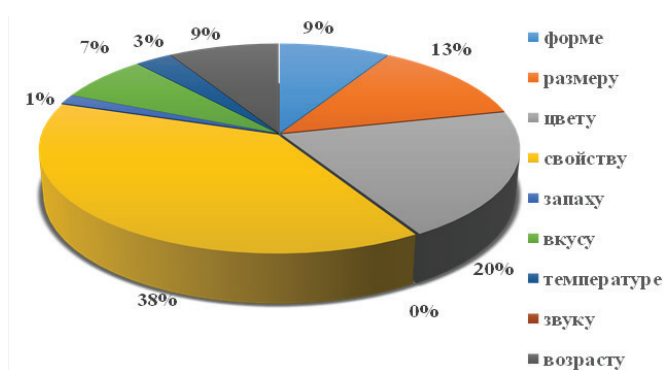

Рис. 3. Процентное соотношение примеров качественных прилагательных /

Fig. 3. Percentage ratio of qualitative adjective examples

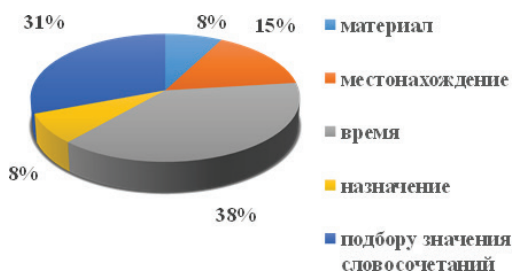

Рис. 3. Процентное соотношение примеров качественных прилагательных /

Fig. 3. Percentage ratio of qualitative adjective examples

Как видно из иллюстративного материала (Рис. 2–4), представленные в нем результаты показывают, что автор рассказа использовал в основном качественные прилагательные с целью передать все характеристики человека, животного и природы для более яркой выразительности того или иного качества.

Итак, ключевой имплицитный смысл рассказа «Емеля-охотник» понимается нами как борьба за жизнь всех участников-героев произведения Д.Н. Мамино-

Сибиряка. В образе оленихи представлена автором суть материнства в общем его понимании. Любая мать защищает своего детеныша ценой своей жизни, показанной в описании защиты мамы Гришутки в лесу от голодных волков. Олениха тоже своими действиями защищала своего теленка по-своему. Борьба человека с животным продолжалась долго, но, когда цель была обнаружена, охотник пожалел олениху, как только вспомнил храбрую мать внука, закрывшую его своим телом и, таким образом, сохранившую жизнь своему сыну.

Заключение

Подведем итоги настоящего исследования. Автором данной статьи была предложена модель когнитивного типа рассказа Д.Н. Мамина-Сибиряка «Емеля-охотник» в виде структуры с основными темами и взаимосвязями. Был исследован рассказ Д.Н. Мамина-Сибиряка «Емеля-охотник» с различных позиций, в котором были выделены и систематизированы научные термины по географии и биологии; найдены фразеологические единицы и даны к ним комментарии; найдены все имена прилагательные, распределенные по видам; посчитаны количественный и процентный составы имен прилагательных.

Таким образом, перспективными для дальнейших исследований будут когнитивные и прагматические характеристики не только текстов художественной литературы, но и научной на различных языках, результаты которых будут, несомненно, полезны и интересны для практики преподавания как русского, так и иностранных языков.

Библиографический список

1. Зырянов О.В. Творческое наследие Д.Н. Мамина-Сибиряка и перспективы литературной регионалистики // Филологический класс. 2012. № 4 (30). С. 7–15.
2. Житкова Л.Н. История и историзм в произведениях Д.Н. Мамина-Сибиряка // Филологический класс. 2012. № 4 (30). С. 23–25.
3. Баранов А.Г. Когнитивизм в действии // Когнитивные исследования языка. 2013. № 14. С. 268–272.
4. Семенова С.Н. Структура когнитивного типа научной статьи о горных экосистемах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. №2. С. 302–319. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-2-302-319>
5. Инютина Л.А. Пространственные лексические парадигмы в Сибирских фольклорных текстах XVII–XVIII вв. // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. 2010. № 8. С. 43–51.
6. Тихомиров С.А. Моделирование «реальности текста» на примере гиперболической семантики имен прилагательных: лексико-грамматический и фразеологический аспекты // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 4 (26). С. 123–128.
7. Харченко С.Ю. Ядерные и периферийные ЛСГ прилагательных в лексиконе диалектоносителей (на материале речи жителей поселений со смешанным составом) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2014. № 4 (23). С. 37–45.

8. Семенова С.Н. Имплицитность косвенных высказываний (на материале художественных текстов американских и английских авторов) // Известия Южного Федерального университета. Филологические науки. 2015. № 4. С. 140–144. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2015-140-144>
9. Новиков Л.А. Избранные труды. Том II. Эстетические аспекты языка. *Miscellanea*. М.: РУДН, 2001.
10. Бирих А., Ломакина О.В., Николаева Е.К. и др. Контрапункты современной фразеологии. К юбилею проф. В.М. Мокиенко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 3. С. 425–433. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-3-425-433>
11. Никитина Т.Г. Профессор Валерий Михайлович Мокиенко: «Много дел у меня, но лишь одна Полярная звезда» (к юбилею ученого) // Русистика. 2020. Т. 18. № 2. С. 141–151. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-2-141-151>
12. Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Петрушевская Ю.А. Национальная специфичность словичного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. № 12 (4). С. 996–1035. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>
13. Селиверстова Е.И. Уровни проявления типологического сходства в пословицах различных языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 198–212. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212>
14. Подюков И.А. Особенности фразеологического состава пермских старообрядческих говоров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 285–300. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-285-300>
15. Осокина Е.А. Некоторые аспекты авторской фразеологии Ф.М. Достоевского // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 417–435. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-417-435>
16. Никитина Т.Г. Структурно-семантическое моделирование в сфере фразеологии: сорокалетний опыт и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 175–197. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-175-197>

Источник

Мамин-Сибиряк Д.Н. Емеля-охотник // Зимовье на Студёной. М.: Детская литература. 1969. С. 36–47.

References

1. Zyryanov, O.V. (2012). Mamin-Sibiryak's literary legacy and prospects of regional literary studies. *Philological class*, 4 (30), 7–15. (In Russ.).
2. Zhitkova, L.N. (2012). History and historicism in Mamin-Sibiryak's literary works. *Philological class*, 4 (30), 23–25. (In Russ.).
3. Baranov, A.G (2013). Cognitivism in use. *Cognitive Studies of Language*, 14, 268–272. (In Russ.).
4. Semenova, S.N. (2018). Structure of cognitive type of scientific article on mountain ecosystems. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 302–319. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-2-302-319>
5. Inyutina, L.A. (2010). Spatial lexical paradigms in Siberian folklore texts of the 17th — 18th centuries. *Word: Folklore-dialectological almanac*, 8, 43–51. (In Russ.).

6. Tikhomirov, S.A. (2009). “Real world” text modeling (based on hyperbolic meaning of adjectives). *Problems of History, Philology, Culture*, 4 (26), 123–128. (In Russ.).
7. Kharchenko, S.Yu. (2014). Nuclear and peripheral LSGs of adjectives in the lexicon of dialect speakers (based on the speech of residents living in settlements with mixed population). *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 4 (23), 37–45. (In Russ.).
8. Semenova, S.N. (2015). Implicity of indirect utterances (on material of American and English authors’ fiction texts). *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, 4, 140–144. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2015-140-144> (In Russ.).
9. Novikov, L.A. (2001). *Selected works. Aesthetic aspects of the language. Miscellanea*. Moscow: RUDN Publ. (In Russ.).
10. Bierich, A., Lomakina, O.V., Nikolaeva, E.K. et al. (2020). Counterpoints of Modern Phraseology. To the Anniversary of Prof. V.M. Mokienko. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(3), 425–433. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-3-425-433> (In Russ.).
11. Nikitina, T.G. (2020). Professor Valery Mokienko: “I have a lot of things to do, but only one Pole Star” (dedicated to the anniversary of the scientist). *Russian Language Studies*, 18(2), 141–151. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-2-141-151> (In Russ.).
12. Ivanov, E.E., Lomakina, O.V. & Petrushevskaya, Ju.A. (2021). The National Specificity of the Proverbial Fund: Basic Concepts and Procedure for Determining. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(4), 996–1035. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035> (In Russ.).
13. Seliverstova, E.I. (2020). Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(2), 198–212. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212> (In Russ.).
14. Podyukov, I.A. (2020). Peculiarities of the Phraseological Content of Perm Old Believer Dialects. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(2), 285–300. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-285-300> (In Russ.).
15. Osokina, E.A. (2021). Some Aspects of Author’s Phraseology of F.M. Dostoevsky // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 12(2), 417–435. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-417-435> (In Russ.).
16. Nikitina, T.G. (2020). Structural-Semantic Modeling in Phraseology: Forty Years of Experience and the Prospects. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(2), 175–197. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-175-197> (In Russ.).

Resource

Mamin-Sibiryak, D.N. (1969). Emelya the Hunter. In: *Winter on the Studennaya*. Moscow: Detskaya literatura publ. pp. 36–47. (In Russ.).

Информация об авторе:

Семенова Софья Новиковна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере факультета романо-германской филологии Кубанского государственного университета; *научные интересы*: социолингвистика, теория дискурса, семантика, семиотика; *e-mail*: sofya.semenova75@yandex.ru eLIBRARY SPIN-code: 6833-6538, AuthorID: 598566.

Information about the author:

Softya N. Semenova, candidate of Philology, Associate Professor of English in professional sphere department of Roman-German Philology Faculty at the Kuban State University; *scientific interests*: sociolinguistics, theory of discourse, semantics, semiotics; *e-mail*: sofya.semenova75@yandex.ru eLIBRARY SPIN-code: 6833-6538, AuthorID: 598566.

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-294-306

УДК 811.161'37'23:82-343

Научная статья / Research article

Семантический потенциал слова: на материале мифологемы священного брака Неба и Земли

Т.Е. Владимирова

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

 yusvlad@rambler.ru

Аннотация. Изучение начальной семантики слова и ее дальнейшего развития в истории языка и его носителей, бесспорно, принадлежит к числу актуальных проблем современной семасиологии. Особый исследовательский интерес вызывает раскрытие историко-этимологических истоков слова, которые в значительной степени определяют его дальнейшее развитие. В центре внимания статьи восточнославянская мифологема священного брака Неба-отца и Земли-матери, семантика которой вобрала в себя сакральный модус языческого бытия и христианские ценностные представления. Материалом исследования послужили мифы и пословицы близкородственных белорусского, русинского, русского и украинского языков, которые восходят к восточнославянской мифологеме священного брака Неба-отца и Земли-матери и сохраняют общую культурную и семантическую память. Предпринятое рассмотрение данной мифологемы на фоне греческих мифов о «начале мира» позволило охарактеризовать ее самобытные историко-этимологические и этико-эстетические особенности. В результате обращение к истории слова с позиций концепции эволюционирующего сознания Г.Г. Шпета привело к заключению об особой роли культурной памяти, которая аккумулирует накопленный опыт бытия слова и тем самым повышает его семантический потенциал.

Ключевые слова: миф, мифологема, семантика, эволюция, восточнославянские языки

История статьи:

Дата поступления: 01.01.2022

Дата приема в печать: 1.03.2022

Для цитирования:

Владимирова Т.Е. Семантический потенциал слова: на материале мифологемы священного брака Неба и Земли // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 294—306. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-294-306>

© Владимирова Т.Е., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Semantic Potential of the Word: by the Material of the Mythologem of the Holy Marriage of Heaven and Earth

Tatyana E. Vladimirova

Peoples' Friendship University of Russia,
6, Miklukho-Maclay st., Moscow, Russian Federation, 117198
 yusvlad@rambler.ru

Abstract. The study of the initial semantics of the word and its further development in the history of the language and its speakers, undoubtedly, belongs to the number of topical problems of modern semasiology. Of particular research interest is the disclosure of the historical and etymological origins of the word, which largely predetermine its further development. The focus of this article is the East Slavic mythologeme of the sacred marriage of Heaven-father and Earth-mother, the semantics of which has absorbed the sacred mode of pagan existence and Christian value ideas. The material of the study was the myths and proverbs of closely related Belarusian, Rusyn, Russian and Ukrainian languages, which go back to the East Slavic mythologeme of the sacred marriage of Heaven-father and Earth-mother and preserve a common cultural and semantic memory. The undertaken consideration of this mythologeme against the background of the Greek myths about the “beginning of the world” made it possible to characterize its original historical, etymological, ethical and aesthetic features. As a result, an appeal to the history of the word from the standpoint of the concept of evolving consciousness G.G. Shpet led to the conclusion about the special role of cultural memory, which accumulates the accumulated experience of the existence of the word and thereby increases its semantic potential.

Keywords: myth, mythologeme, semantics, evolution, East Slavic languages

Article history:

Received: 01.01.2022

Accepted: 1.03.2022

For citation:

Vladimirova, T.E. (2022). Semantic Potential of the Word: by The Material of the Mythologem of the Holy Marriage of Heaven and Earth. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), 294—306. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-294-306>

Введение

Становление антропологии, а позднее антропологический «поворот» гуманитарных наук переключили внимание исследователей на изучение «этно-национальных особенностей, социальных характеристик, историко-культурных истоков» языковой личности [1. С. 8]. Тем самым были созданы предпосылки для раскрытия того потенциала, который заложен в архетипической семантике слова-концепта. Следовательно, обращение к культурной памяти слова как источнику потенциальных «смысловых приращений» (В.В. Виноградов) позволяет проследить эволюцию начальной семантики базовых восточнославянских мифоконцептов.

Статья посвящена анализу восточнославянской мифологемы священного брака Неба-отца и Земли-матери на фоне греческих мифов с целью выявления

ее этимологических, историко-культурных, этико-эстетических и собственно семантических особенностей. При этом **мифологема** понимается как «сюжетно-понятийная структура, которая имплицитно содержит в себе повествование о некотором событии, имеющем мифологические корреляты, эксплицированные лингвистически, графически, акционально или институционально» [2. С. 7].

Изучение данной мифологемы, с одной стороны, приблизит к пониманию культуры как деятельностного феномена, уходящего корнями в глубокую архаику. А с другой — позволит раскрыть заложенные в ней волевые интенции и тот семантический потенциал, который сформировался в данной лингвокультуре. Ведь «когниция вдвойне “интерактивна”: связана и с воспринимаемым миром, и с волей человека» [3. С. 20]. Это сделает возможным изучение становления, развития и, возможно, угасания начальной семантики слова и мифа.

При этом мы будем опираться на концепцию эволюции сознания Г.Г. Шпета, которая включает называющий (*язык*), религиозно-мифологический, художественно-героический, научно-технический, культурно-исторический и философско-культурный этапы¹; в качестве материала в работе используются данные словарей [4–9] и собрания восточнославянских пословиц [10–13]. Энциклопедический словарь «Славянская мифология» под редакцией С.М. Толстой (2002) [4], Энциклопедический словарь «Мифы народов мира» под редакцией С.А. Токарева (1980–1982) [5], «Словарь индоевропейских социальных терминов» Э. Бенвениста (1970) [6], «Краткий этимологический словарь-тезаурус индоевропейских языков» М.М. Маковского (2014) [7], «Историко-этимологический словарь русского языка» П.Я. Черных (1993) [8], «Этимологический словарь современного русского языка» А.К. Шапошниковой (2010) [9], а также собрания восточнославянских пословиц Дм. Попа (2011) [10], З.Ф. Санько (1991) [11], I.Я. Лепешаў, М.А. Якалцэвіч (2002) [12], В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, Е.К. Николаевой (2010) [13] и др.

Мифологема брака Неба-отца и Земли-матери в Восточной Славии

Идея целостного единства Неба и Земли возникла на раннем этапе эволюции первобытной общности и восходит к эпохе индоевропейского единства. В славянском мировосприятии земля представлялась плоской или плавающей в воде, но дойти до ее края никому не удавалось. Небо же напоминало бычью шкуру, по которой перемещались солнце, луна и звезды [14. С. 169].

Что же касается мифов о «начале времен», то мы располагаем лишь христианизированной версией. Так, согласно русской и белорусской народно-поэти-

¹ Архивные записи Г.Г. Шпета опубликованы в [4. С. 79–80].

ческим традициям, данное «первособытие» предстает как акт Божественного творения, когда Бог сначала создал себе небо, а потом землю. Примечательно, что у всех восточных славян есть поверье о том, что раньше небо было близко от земли и на него можно было подняться по радуге, но, когда люди согрешили, Бог отделил небо от земли и закрыл этот путь [4. С. 248–249]. При этом «Небу придан воздействующий, мужской тип, а Земле — воспринимающий, женский», — писал А.Н. Афанасьев, ссылаясь на пословицу *Не Земля родит, а небо* [15. С. 55].

Возникшие на этой основе архаичные обряды включали в себя призывы к Небу-отцу и Земле-матери: *Ты, Небо-отец, ты, Земля-мать!; Небо-батяка, земля-матка!*, которые дошли до нашего времени в составе заговоров и заклинаний [16]. Так в процессе своего бытования начальный миф о брачном союзе Земли, «производящей хлеб и лен», и Неба, «возбуждающего земные роды», был этически переосмыслен как свойственный и простым людям [15. С. 157]. При этом концепты «муж», «человек», «мужчина» ассоциировались с зерном и семенем, «жена» — с землей, готовой к посеву, а «семья» — с зернами одного семени [8. Т. 2. С. 154; 9. Т. 2. С. 314.]. В дальнейшем возникшие «понятийные мифы» (О.М. Фрейденберг) выполняли функцию идеальных прообразов, гармонизирующих мировосприятие и бытие.

Архаичные мифообразы сохранялись и после принятия христианства. В подтверждение приведем летописное свидетельство (1095 г.): *Пагыже и землю глаголють матерью... Да аще им есть земля мати, то отец им есть небо* (цит. по [17. С. 98]). Большой интерес вызывает и образ мира, созданный народной духовной поэзией, который связывает элементы природного мира «с членами антропоморфизированного Божества — как тела космического, порожденного телом Божественным: *У нас белый свет взят от Господа, / Солнце красное от лица Божия, / Млад-светёл месяц от груди Его, / Зори белыя от очей Божьих, / Звезды частыя — то от риз Его. / Ветры буйные от Свята Духа!* [18. С. 66].

И здесь перед нами встает вопрос: что представлял собой начальный семантический потенциал мифологемы священного брака Неба-отца и Земли-матери?

В поисках ответа обратимся к называемому (Г.Г. Шпет) этапу эволюционирующего сознания и рассмотрим начальную семантику данных слов-концептов. Ведь «оязыковление — это результат культурной интерпретации самих фрагментов действительности с целью выразить свое отношение к ним — ценностное и эмоционально значимое» [19. С. 82].

Мифоконцепт «Небо-отец». Согласно древним преданиям, *в начале мира не было неба, земли, ничего, лишь одна вода*. В русской и белорусской народной традиции полагается, что Бог сначала сотворил себе небо, а украинская версия уточняет, что небо создано Богом в третий день творения для

себя, ангелов и святых угодников, которые соответственно занимают высший, средний и низший ярусы [4. С. 249].

В мифоконцепте Неба-отца присутствует общеславянское **nebo*, образованное от индоевр. **nebhos-* ‘неблестящий, неясный; облако, облачное небо’ [9. С. 4]. «Древние славяне, — писал А.Д. Дуличенко, — видимо, не поклонялись солнцу (в отличие от некоторых древнеиранских племен) и не видели в нем главного божества» [14. С. 170].

Значительный интерес вызывает также лексема *отец* (**отьсь*), в которой получили выражение архетипические представления. Здесь мы имеем в виду тот факт, что она восходит к обыденному индоевропейскому термину родства **āta* ‘принадлежащий к родовому классу мужчин-отцов’ [6. С. 147]. Поэтому в эпоху матриархата и полигамных отношений все старшие мужчины считались отцами и членами фратрии, которая носила имя первопредка-тотема.

Немаловажной представляется также следующая закономерность. «Первоначально члены рода употребляли термин *отьсь* как название ближайшего отца, который сам был в сущности ‘отцов’ (*att-iko-s*), т. е. происходил от старшего, общего отца» [20. С. 26]. Что же касается лексем *тата*, *айцец* (белор.), *отиць*, *тато* (русин.), *отец*, *тятя*, *тата* (русс.) и *тато*, *отець* (украин.), то они образованы от **отьсь* (< индоевр. **āta*), за которым стоял Первопредок (< индоевр. культ **Hord^h-*) [5. Т. 2. С. 384]. А в номинациях *бацька* (белор.), *батько* (русин.), *батя* (русс.) и *батько* (украин.), возможно, восходящих к сакральному индоевропейскому термину **pāter*, — архетип Старшего [9. Т. 1. С. 51].

Таким образом, почитание Старшего и культ Первопредка, который олицетворял вечное единение живых и умерших родичей, утверждали **семейно-родовые и фратерниальные ценности**, выполнявшие функцию смысло-жизненной доминанты бытия. (Подробнее о культе Первопредка см. в [21].)

Для мифологических картин мира характерно «обилие разных имен у одного и того же божества, накопившееся за время существования культа» [22. С. 356]. Возможно, данное замечание относится и к «небесному божеству» иранского происхождения «всеобъемлющему» Сварогу (санскрит. **svarga* ‘ходячее небо’). Демидург-богатырь и праславянский мифический герой, отец Солнца-царя Дажьбога, Сварог выступает и как законодатель, который «устави единому мужю едину жену имети и жене за един мужь посагати» (цит. по [22. С. 530, 532]). Так в период сильного скифского влияния (VI—IV вв. до н. э.) семантика мифоконцепта Неба-отца активизировала в сознании сакральное представление о всевидящем и всеильном Небе.

Вероятно, этим объясняется и отсутствие лексемы *отец* в восточнославянских пословицах: *Бог бачыць з неба, што каму трэба* (белор.); *У Бога всевидюче око* (русин.); *Бог правду видит, да не скоро скажет* (русс.); *Бог бачить з неба те, що потрібно* (украин.) [10; 11]. В этой связи, заметим, что

небом и миром в патриархальной среде при дружинном строе всегда управляет мужское божество, власть женского божества распространяется на землю, ее плодородие и природу, а супружеские отношения подчиняются закону Сварога о прочной семье [22. С. 358, 547].

Мифологема Земли-матери. В духовных стихах «Голубиной книги» говорится, что земля создана самим Богом «усяму свету на пропитанья». А в белорусской фольклорной традиции земля сама возникает из крови Христовой-Господней. Широко распространена у всех восточных славян версия ныряния Бога или его помощника на дно морское за землей, которая потом увеличивается в размерах [4. С. 132–135].

В отличие от концептуализации отцовства на основе обыденного термина родства **ātta*, номинации матери во всех индоевропейских языках образованы от сакральной номинации **māter* (<—индоевр. **mad-* ‘влага’ и **mā-* ‘спелый’, ‘плод матери’) [7. С. 188], в которой получил выражение архетип Великой матери (Матери-земли). Ср: *маці, матка* (белор); *матерь, мати* (русин.) *мать, мама* (русс.); *матір, мати* (украин.).

Отнесем различие обыденного и сакрального языков к называющему этапу в эволюции сознания (Г.Г. Шпет). Однако, заимствуя индоевропейские первокорни, славяне не унаследовали разделения языка на обыденный и сакральный, способствуя тем самым целостному мировосприятию и более тесному взаимодействию. Как следствие, в мифопоэтической картине мира восточных славян утвердилось **представление о целостном единстве Неба-отца и Земли-матери**. Более того, как отмечал О.Н. Трубачев: «Никаких оснований для постулирования примата мужского начала реконструкция системы родства не дает» [20. С. 230].

В этой связи примечательно, что, исследуя «сакральную природу Неба», известный этнограф и фольклорист М. Элиаде пришел к выводу, что Небесные боги «нигде не играют ведущей роли, напротив, постепенно отдаляются от человека и заменяются другими формами религии: культом предков, поклонением духам и богам природы, духам плодородия, великим богиням и т. д.» [23. С. 109].

Действительно, постепенно в русском народном самосознании произошло сближение Матери–сырой земли с Богородицей и женской долей, которых объединила «религия страдания»: *Первая мать — Пресвятая Богородица, / Вторая мать — сыра земля, / Третья мать — кая скорбь приняла* (цит. по [18. С. 78]). Более того, как писала Н.Д. Арутюнова в статье «Воля и свобода»: «Связь с природой и особенно с землей <...> устойчива. Поэтому и в цивилизованном обществе, как только поэт обращается к миру природы, он пользуется словом *воля*» [24. С. 89]. Далее автор приводит цитату из стихотворения А. Блока «Осенняя воля»: *Не мани меня ты, воля, Не зови в поля! Пировать нам вместе, что ли, Матушка земля?»*.

Так, преодолевая хаос, который обычно подстерегал человека на земле, но мог быть послан и с неба, славяне обожествляли небо и землю, наделяя их соответственно мужской и женской природой. Неудивительно, что в восточнославянском ареале сложилась **гармоничная мифологема священного брака Неба и Земли**, которая утверждала самобытный **социально-коммуникативный модус бытия**, за которым стояли **семейно-родовые и фратерниальные ценности**. Постепенно установка на взаимодействие, взаимопонимание и достижение искомым взаимоотношений сформировала **коллективистический тип культуры** [25. С. 307]. В этой связи примечательна восточнославянская этико-эстетическая модель свадебного ритуала, в котором каравай символизировал целостное единство Неба-отца и Земли-неба (см. об этом в [26. С. 249–254]).

Греческие мифы о «начале мира». Стремясь раскрыть историко-культурное и этико-эстетическое своеобразие восточнославянской мифологемы брака Неба-отца и Земли-матери, рассмотрим ее через призму греческих космологических представлений. В отличие от восточнославянской народной традиции, греческие мифы хорошо сохранились благодаря письменным источникам, которые позволяют проследить развитие мифопоэтической картины мира и выявить ее характерные черты.

Согласно Гесиоду, «прежде всего во вселенной Хаос зародился», затем из «мирового яйца» появился Эрос как самовозникшее творческое начало, а от него, как от первопотенции, произошла Земля Гея. *Гей же прежде всего родила себе равное ширью Звездное Небо, Урана, чтоб точно покрыл ее всюду / И чтобы прочным жилищем служил для богов всеблаженных* [27. С. 24].

В Древней Греции во время элевсинских мистерий их участники говорили, обращаясь к небу: «Пролейся дождем», а обращаясь к земле: «Будь беременна». Согласно Плутарху, «люди приписали небу отправление должности отца, а земле — отправление обязанности матери. Небо было отцом потому, что оно посредством дождей изливало семя в недра земли, земля, воспринимая это семя, делалась плодородною и матерью» (цит. по [28. С. 197]).

Однако дети, рожденные от брака Геи-Земли и Урана-Неба, были уродливы, поэтому отец прятал их в недрах Земли. Уступив просьбам матери, Кронос, сын Геи и Урана, оскотил отца. Так власть перешла к Зевсу, «богу всех богов», который, вступая в брачные отношения, стал отцом богов, героев и людей. Примечательно, что античная этимология связывала имя Зевса с такими понятиями, как «жизнь», «кипение», «орошение», т. е. «с тем, через что всё существует». Ритуальное обращение к Зевсу *Ζεῦ πάτερ!* (*Ζεῦ < Διός*) восходит к индоевр. **deiuo-* ‘дневное сияющее небо’ и включает сакральный термин бога-отца *πάτερ* [5. Т. 1. С. 463, 528].

Что же касается культа Геры, третьей законной супруги Зевса, то он отражал три состояния земли: весеннее цветение, летнюю зрелость и зимнее одиночество богини. Гера — защитница моногамных браков, поэтому она посто-

янно ссорится с Зевсом и преследует его незаконные связи. Но и она, чтобы отомстить супругу, сама рождает вне брака Гефеста, а увидев уродство сына, сбрасывает его с Олимпа.

В этой связи обращает на себя внимание также следующий факт. Греческий концепт «*hieros gámos*» ‘священный брак’ появился лишь к V веку до н. э. для «упорядочивания более сложных отношений, отраженных в мифе», поскольку «до этого были две различные супружеские пары: с одной стороны, Зевс и какая-то его супруга, с другой — некий бог и Гера» [6. С. 153]. В этом контексте заметим, что подобного рода мифы не характерны для восточных славян.

Вместе с тем этимологически древнерусское «брак» ‘бракосочетание’ (< **bher-*: **bhor-*: **bhr-* ‘нести’) и его греческий аналог «*γύμος*» ‘вступать в брак’ (< **gáme-* ‘зять, жених, жениться’) имеют индоевропейские корни [8. Т. 1. С. 107, 109; 28. С. 263]. Однако формирование и развитие их семантики протекало в различной историко-культурной и этико-эстетической ситуации. В целом, семантика греческой мифологемы священного союза Неба и Земли отражала **антропоцентрическое миропонимание и приоритетность личностного самоутверждения, волевого и деятельностного начала главы семейства**, которые обусловили **развитие индивидуалистического модуса бытия и типа культуры** [25. С. 307].

Далее, чтобы расширить исследовательское поле предпринимаемого анализа, обратим внимание на общность мифа и пословицы. Так же, как и миф, пословица, с одной стороны, «содержит в себе строжайшую и определенную структуру и есть логически, т. е. прежде всего диалектически, необходимая категория сознания и бытия вообще». С другой, — представляет собой «живое субъект-объектное взаимодействие, содержащее в себе свою собственную, вне-научную, чисто мифическую же истинность, достоверность и принципиальную закономерность» [29. С. 24]. В этой связи отметим, что Аристотель в своих сочинениях нередко прибегал к паремиям и писал, что они являются «фрагментами древней мудрости, которые благодаря своей краткости и уместности сохранились среди всеобщей гибели и разрушения» (цит по [29. С. 32]).

Завершая рассмотрение античной мифологемы брака Неба и Земли, заметим, что мотив первых несовершенных людей есть в русинском мифе, соотносимом с художественно-героическим этапом в эволюции сознания (Г.Г. Шпет). Здесь мы имеем в виду дошедшее до нашего времени предание о богатыре-великане Святогоре, в котором Род, «верховное божество» (Б.А. Рыбаков) восточных славян, отправил в преисподнюю первых несовершенных людей. *И сказау Рид-Вотэц Вэлэкий / Сватогору крэпкому и тяжкому: Стань конём на Карпатэ, Прэтэснэ цэ крэтя горбатэ, Шоб нэ вэлиз твий Тато-Яма, А з нэм и Пэрва Мама* [30]. И здесь возникает вопрос: чем объясняется отсутствие у других восточных славян мотива несовершенства первых людей?

В поисках ответа обратимся к трудам Н.И. Толстого, который писал, что восточнославянская культура изначально «вся была проникнута убежденностью ее носителей в постоянном присутствии и участии сверхъестественной силы во всех трудовых процессах» [31. С. 15], что исключало подобную форму их наказания. Кроме того, сакральный статус священного союза Неба-отца и Земли-матери был дополнен в процессе христианизации Древней Руси Евангельскими представлениями о святости брака, которые легли в основу пословиц и крылатых слов: *Что бог сочетал того человек да не разлучает; Добрая жена, что камень драгоценный; Добрая жена дом сбережет, а плохая рукавом растрясет* и др. [32].

Однако переход эволюционирующего сознания на новый, — научно-технический этап (Г.Г. Шпет), — сопровождался семантической девальвацией слов, паремий и мифоконцептов. В качестве иллюстрации сошлемся на пословицы, восходящие к Евангельскому тексту и на их трансформации в эпоху секуляризованного сознания: *Оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью* (Мф. 19.6) → *Муж да жена — одна плоть; Муж и жена — одна душа; Муж и жена — два сапога: Муж с женой, что вода с мукой: взболтать взболтаешь, а разболтать не разболтаешь* → *Муж и жена — одна сатана; Жена да муж — змея да уж; Жена не гусли: поиграв, на стенку не повесишь* и др. [10; 11; 12; 33].

Национальная специфичность пословичного фонда рассматривается исследователями как «наиболее сложная его характеристика, которая основана на национально-языковом своеобразии и национально-культурной маркированности» [33. С. 1001]. Вместе с тем в восточнославянских паремиях отчетливо просматривается общность ценностно-смыслового акцента. В качестве иллюстрации приведем пословицы с тождественными или близкими лексико-грамматическими структурами, в которых получила выражение девальвация брака и семейных устоев:

1. *Жонка не рукавіца: з рукі не скінеш* (белор.); *Жона не рукавиця, з руки не стягнеш* (русин.); *Жена не рукавица: с руки не сбросишь* (русс.); *Жінка не рукавиця, з руки не стягнеш* (украин.);
2. *Грошы кошт любяць, а жонка кухталі* (белор.); *Грдіші дббрі личині, а жона бита* (русин.); *Деньги счет любят, а жена тумак* (русс.); *Копійка любить, щоб її рахували, а жінка — щоб її били* (украин.) [10–13].

Вместе с тем за характерной для этих пословиц иронией скрывается искомый этико-этический образ брака и семьи. Ведь прошлое не исчезает, но, «фиксируясь в памяти культуры, оно получает постоянное, хотя и потенциальное бытие» [34. С. 245]. Так присутствующий в сознании рефлексивный, бытийный (экзистенциальный) и духовный опыт [35. С. 113] становится источником семантического потенциала слова, свидетельствуя о культурно-исторической и философско-культурной ступени в его эволюции.

Заключение

Подведем итоги. Предпринятое обращение к генезису восточнославянской мифологемы священного брака Неба-отца и Земли-матери на фоне греческих мифов позволило проследить ее развитие, опираясь на концепцию эволюционирующего сознания (Г.Г. Шпет). В результате анализ восточнославянской и греческой мифологем, включая стоящие за ними ментальные сущности, раскрыл некоторые историко-этимологические, лингвокультурные и этико-эстетические особенности, в которых получили выражение соответственно коллективистический и индивидуалистический типы культуры, в которых они сформировались.

Действительно, мифологема как одна из составляющих мифологической картины мира вбирает в себя ценностные представления, «обертонны смысла» (Б.А. Ларин) и коннотативные значения, характерные для развивающегося этносоциокультурного пространства. Поэтому накопленный языком опыт бытия и «память культуры» остаются надежными источниками в развитии семантического потенциала слова. Таким образом, архетипическая семантика слова и укорененные в сознании ценности и идеалы не только сохраняют целостность культуры и ее самобытность, но выступают как «определенный механизм порождения» (Б.А. Успенский), способствуя ее дальнейшему саморазвитию.

Библиографический список

1. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // *Язык и личность*. М.: Наука, 1989. С. 3–8.
2. Шишова Ю.Л. Лингвистическая объективация мифологемы пути в современной англоязычной литературе: автореф. дисс ... канд. филол. наук. СПб., 2002.
3. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // *Вопросы языкознания*. 1994. № 4. С. 1–33.
4. Толстая С.М. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Международные отношения, 2002.
5. Токарев С.А. Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1980–1982.
6. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс, 1970.
7. Маковский М.М. Язык — миф — культура: символы жизни и жизнь символов. М.: ЛЕНАНД, 2014.
8. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х томах. М.: Русский язык, 1994.
9. Шапошников А.К. Этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. М.: Флинта: Наука, 2010.
10. Поп Д. Русинско-украинско-русский и русско-русинско-украинский фразеологические словари. Ужгород, 2011.
11. Санько З.Ф. Краткий русско-белорусский словарь пословиц, поговорок и фразем. Минск: Навука і тэхніка, 1991.
12. Лепешаў І.Я., Якалцэвіч М.А. Слоўнік беларускіх прыказак. Мінск: Беларуская навука, 2002.

13. Мокшенин В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010.
14. Дуличенко А.Д. Введение в славянскую филологию. М.: Флинта, 2015.
15. Афанасьев А. Н. Древо жизни: Избранные статьи. М.: Современник, 1982.
16. Аникин В.П. Русские заговоры и заклинания: Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. М.: МГУ, 1998.
17. Комарович В.Л. Культ Рода и земли в княжеской среде XI—XII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. XVI. С. 84–104.
18. Федотов Г.П. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М.: Прогресс, Гнозис, 1991.
19. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
20. Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М.: КомКнига, 2009.
21. Владимирова Т.Е. Сакральный код евразийских мифов о тотеме-первопредке // Сибирский филологический журнал. 2017. № 3. С. 5–18. <https://doi.org/10.17223/18137083/60/1>
22. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.
23. Элиаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999.
24. Арутюнова Н.Д. Воля и свобода // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2003. С. 73–99.
25. Гришина Е. А. Культуры индивидуалистические и коллективистические // Психология общения. Энциклопедический словарь / под общей редакцией А.А. Бодалева. М.: Когито-Центр, 2011. С. 306–308.
26. Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: Индрик, 2011.
27. Гесиод Полное собрание текстов. М.: Лабиринт, 2001.
28. Шахнович М.И. Первобытная мифология и философия. Ленинград: Наука, 1971.
29. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: изд-во политической литературы, 1991.
30. Иванов Ю.В. Мифологические параллели в повести Н.В. Гоголя «Страшная месть» в преданиях русинов Севера Молдавии // Золотой Лев. № 97–98 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.zlev.ru/97_1.htm (дата обращения: 15.12.2021).
31. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995.
32. Мельников В.Г. (сост.) Вечные истины. Крылатые слова, пословицы, поговорки библейского происхождения. М.: Сибирская благовонница, 2021.
33. Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Петрушевская Ю.А. Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 996–1035. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>
34. Успенский Б.А. Семиотика истории. Семиотика культуры // Избранные труды. Т. 1. М.: Гнозис, 1994.
35. Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010.

References

1. Karaulov, Yu.N. (1989). Russian language personality and the tasks of its study. In: *Language and personality*, D.N. Shmelev (ed.). Moscow: Nauka. (In Russ.).
2. Shishova, Yu.L. (2002). *Linguistic objectification of the path mythologeme in modern English-language literature* [dissertation]. St. Petersburg. (In Russ.).

3. Demyankov, V.Z. (1994). Cognitive linguistics as a kind of interpretive approach. *Topics in the study of language*, 4, 17–33. (In Russ.).
4. Tolstaya, S.M. (2002). *Slavic mythology. Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.).
5. Tokarev, S.A. (1980–1982). *Myths of the peoples of the world*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.).
6. Benvenist, E. (1970). *Dictionary of Indo-European social terms*. Moscow: Progress-Univers. (In Russ.).
7. Makovsky, M.M. (2016). *Small etymological dictionary of modern French. From the history of the formation of pan-Slavic unity*. Moscow: LENAND. (In Russ.).
8. Chernykh, P.Ya. (1993). *Historical and etymological dictionary of the Russian language*: in 2 volumes. Moscow: Russkiy yazyk. (in Russ).
9. Shaposhnikov, A.K. (2010). *Etymological Dictionary of the Modern Russian Language*: in 2 vols. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.).
10. Pop, D. (2011). *Russian-Ukrainian-Russian and Russian-Russian-Ukrainian phrasebooks. Uzhgorod*. (In Russ.).
11. San'ko, Z.F. (1991). *A brief Russian-Belarusian dictionary of proverbs, sayings and phrases*. Minsk: Navuka i tekhnika. (In Russ.).
12. Lepeshay, I.Ya. & Yakaltsevich, M.A. (2002). *The elephant of the Belarusian prikazaks*. Minsk: Belarusian science. (In Russ.).
13. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G., & Nikolaeva, E.K. (2010). *Large dictionary of Russian proverbs*. Moscow: OLMA. (in Russ.).
14. Dulichenko, A.D. (2015). *Introduction to Slavic Philology*. Moscow: Flinta. (In Russ.).
15. Afanasiev, A.N. (1982). *The tree of life: Selected articles*. Moscow: Sovremennik. (In Russ.).
16. Anikin, V.P. (1998). *Russian incantations and spells: Materials of folklore expeditions 1953–1993*. Moscow: Moscow State University Publ. (In Russ.).
17. Komarovich, V.L. (1960). Cult of the Family and the Land in the Princely Environment of the 11th–12th Centuries. In: *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Moscow–Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ. Vol. XVI. pp. 84–104. (In Russ.).
18. Fedotov, G.P. (1991). *Spiritual poems. Russian folk faith according to spiritual verses*. Moscow: Progress, Gnosis. (In Russ.).
19. Teliya, V.N. (1996). *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects*. Moscow: School “Languages of Russian culture”. (In Russ.).
20. Trubachev, O.N. (2009). *The history of the Slavic terms of kinship and some of the oldest terms of the social system*. Moscow: KomKniga. (In Russ.).
21. Vladimirova, T.E. (2017). Sacred code of Eurasian myths about the ancestor totem. *Siberian Philological Journal*, 3, 5–18. <https://doi.org/10.17223/18137083/60/1>
22. Rybakov, B.A. (1981). *Paganism of the ancient Slavs*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
23. Eliade, M. (1999). *Essays on Comparative Religion*. In: Selected writings. Moscow: Ladimir. (In Russ.).
24. Arutyunova, N.D. (2003). Will and freedom. In: *Logical analysis of language. Cosmos and chaos: Conceptual fields of order and disorder*. Moscow: Ingrid. pp. 73–99. (In Russ.).
25. Grishina, E.A. (2011). Individualistic and collectivistic cultures. In: *Psychology of communication. Encyclopedic Dictionary*, A.A. Bodalev (Ed.). Moscow: Kogito-Centre. pp. 306–308. (In Russ.).
26. Gura, A.V. (2011). *Marriage and wedding in Slavic folk culture: semantics and symbolism*. Moscow: Indrik. (In Russ.).
27. Hesiod (2001). *Complete texts*. Moscow: Labyrinth. (In Russ.).
28. Shakhnovich, M.I. (1968). *Creation World Myths*. Moscow: Znaniye. (In Russ.).
29. Losev, A.F. (1991). *Philosophy. mythology. Culture*. Moscow: Publishing house of political literature. (In Russ.).

30. Ivanov, Yu.V. Mythological parallels in the story of N.V. Gogol “Terrible Revenge” in the legends of the Rusyns of the North of Moldova. *Golden Lion*, 97–98. URL: http://www.zlev.ru/97_1.htm/ (accessed 15.12.2021). (In Russ.).
31. Tolstoy, N.I. (1995). *Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics*. Moscow. (In Russ.).
32. Melnikov, V.G. (comp.) (2021). *Eternal Truths. Winged words, proverbs, sayings of biblical origin*. Moscow: Siberian chime. (In Russ.).
33. Ivanov, E.E., Lomakina, O.V. & Petrushevskaya, Yu.A. (2021). The National Specificity of the Proverbial Fund: Basic Concepts and Procedure for Determining. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(4), 996–1035. <https://doi.org/110.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035> (In Russ.).
34. Uspensky, B.A. (1994). Semiotics of history. Semiotics of culture. In: *Selected works*. Vol. 1. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
35. Zinchenko, V.P. (2010). *Consciousness as a creative act*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russ.).

Информация об авторе:

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Институт русского языка, Российский университет дружбы народов; *научные интересы*: языковая картина мира и мифология славян; *e-mail*: yusvlad@rambler.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2458-3653>; eLIBRARY SPIN-code: 2859-4934, AuthorID: 543796

Information about the author:

Tatyana E. Vladimirova, Professor, DSc, Russian Language Institute, Peoples' Friendship University of Russia; *research interests*: linguistic worldview and the mythology of the Slavs; *e-mail*: yusvlad@rambler.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2458-3653>; eLIBRARY SPIN-code: 2859-4934, AuthorID: 543796

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ COGNITIVE STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-307-322

УДК 811.161.1'32'374

Научная статья / Research article

Словарь языка писателя и толковые словари литературного языка: системные и количественные соотношения

О.И. Максименко

Московский государственный областной университет,
141014, Московская область, Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

maxbel7@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается проблема соотношения лексики толковых словарей русского языка разного типа, по С.И. Ожегову, с лексикой, представленной в авторском словаре — Словаре языка Пушкина. Системные параметры соотношения выявлялись в процессе анализа Большого Академического словаря (БАС), Малого академического словаря (МАС), Словаря языка Пушкина и двух произведений А.С. Пушкина: «Пиковая дама» и «Капитанской дочки». Показано, что одним из эффективных приёмов исследования системных свойств вероятностных объектов, таких как лексический состав языка, является вычисление распределения. Показано, что распределение слов по количеству значений является одной из существенных структурных характеристик лексики. Вводится понятие «семантического триггера» как носителя имплицитной семантической информации, запускающего в сознании носителя языка поиск релевантного значения полисемичного слова. Проведенный анализ соотношения между словарём текста, сводным словарём языка писателя и общеязыковым словарём по степени полисемичности представленной в них лексики показал, что характерным является последовательное нарастание средних характеристик значения на слово в словаре текста до максимума значений в БАС, что связано с постепенным накоплением значений, реализующихся во всё более обширных текстовых массивах и более разнообразных контекстах. Наблюдаемое усиление зоны среднеполисемичных слов в общеязыковом словаре в сравнении с идиолектным словарём является отражением того, что наиболее общими, повторяющимися для словарей каждой из частных сфер (вслед за служебными словами) являются общеупотребительные и широкотематические слова, занимающие среднеполисемичную зону.

Ключевые слова: полисемия, системность, распределение, авторский словарь, семантический триггер

© Максименко О.И., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления: 01.12.2021

Дата приема в печать: 15.02.2022

Для цитирования:

Максименко О.И. Словарь языка писателя и толковые словари литературного языка: системные и количественные соотношения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 307—322. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-307-322>

The Dictionary of the Author's Language and Explanatory Dictionaries of the Literary Language: System and Quantitative Correlations

Olga I. Maksimenko

Moscow Region State University,

24 Very Voloshinoy ul., Mytishi, Moscow reg., Russian Federation, 141014

 maxbel7@yandex.ru

Abstract. This article deals with the problem of the correlation of the vocabulary of explanatory dictionaries of the Russian language of different types by S.I. Ozhegov with the vocabulary presented in the author's dictionary — the Dictionary of the Pushkin language. The system parameters of the ratio were revealed during the analysis of the Large Academic Dictionary, the Small Academic Dictionary, the Dictionary of the Pushkin Language and two pieces by A.S. Pushkin: “The Queen of Spades” and “The Captain's Daughter”. It is shown that one of the effective methods of studying the system properties of probabilistic objects, such as the lexical composition of a language, is the calculation of the distribution. It is shown that the distribution of words by the number of meanings is one of the essential structural characteristics of vocabulary. The concept of a “semantic trigger” is introduced as a carrier of implicit semantic information that triggers a search for the relevant meaning of a polysemic word in the mind of a native speaker. The analysis of the relationship between the dictionary of the text, the consolidated dictionary of the author's language and the general language dictionary according to the degree of polysemy of the vocabulary presented in them showed that a consistent increase in average characteristics in the text vocabulary up to maximum in Large Dictionary which is associated with the gradual accumulation of values realized in increasingly extensive text arrays, in increasingly diverse contexts. The observed strengthening of the zone of medium-polysemic words in the general language dictionary in comparison with the idiolect dictionary is a reflection of the fact that the most common, repeated for dictionaries of each of the private spheres (following the service words) are commonly used and broad-thematic words occupying the medium-polysemic zone.

Key words: polysemy, systemacy, distribution, author's dictionary, semantic trigger

Article history:

Received: 01.12.2021

Accepted: 15.02.2022

For citation:

Maksimenko, O.I. (2022). The Dictionary of the Author's Language and Explanatory Dictionaries of the Literary Language: System and Quantitative Correlations. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), 307—322. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-307-322>

Памяти

Геннадия Прокопьевича Мельникова и
Анатолия Анатольевича Поликарпова

Введение

В современном языкознании интерес к проблемам системной организации лексики проявляется постоянно [1–7]. Элементы лексической системы подвержены воздействию различных факторов. Некоторые из факторов являются случайными, точнее, влияющими на один или несколько элементов. Другие факторы влияют на большие подсистемы лексики. Повторяясь в каждом элементе такой подсистемы, результаты воздействия различных внешних и внутренних факторов усиливают друг друга, как бы «резонируют»; случайные же факторы взаимно нейтрализуют друг друга. В этом проявляется специфика системных свойств вероятностных объектов, в том числе, словарного состава языка. «Асистемные» факты [7] являются проявлением вероятностного характера системности лексики.

Одним из эффективных приёмов исследования системных свойств вероятностных объектов является математическая статистика, в частности, вычисление распределения. В распределении устанавливается соотношение количества элементов, обладающих интересующим нас признаком в разной степени. Таким образом, распределение — одна из весьма показательных структурных характеристик организации вероятностного объекта [8]. Решающее значение имеет сам предварительный выбор наиболее информативных, наиболее системно значимых признаков среди всех признаков системы. Только эвристически верный выбор и последующая интерпретация полученных распределений придаёт такой структурной характеристике, как распределение, системную значимость.

Соотношение трех типов словарей по потенциальной полисемии

Важным системно-значимым признаком лексических единиц языка является полисемичность. Полисемия — это проявление сущности знака как семантического триггера, носителя имплицитной семантической информации. В процессе коммуникации отправителем для обозначения того или иного ситуативно-конкретного смысла подбирается из имеющихся в языке наиболее подходящий знак. Он опознаётся получателем, и получатель должен среди нескольких потенциальных значений знака выбрать согласно контексту наиболее подходящий лексико-семантический вариант. Получатель с помощью контекстуальных и ситуативных «подсказок» поднимает, какое значение и, далее, какой ситуативно-конкретный смысл имелся в виду, на что отправитель знака хотел «навести» получателя [1; 2].

В силу фундаментальной значимости момента триггера-опознания в любом акте общения нагруженность того или иного знака типовыми функциями, т.е. значениями, из которых производится выбор в каждом отдельном акте коммуникации, является одной из наиболее важных характеристик любой знаковой единицы языка.

Чем более многозначна знаковая единица, тем выше её системная значимость. Ядро словарного состава языка составляют слова с максимальной полисемией. Чем меньше многозначность, тем ниже системная значимость и речевая употребительность знаковой единицы [9]. Однозначные слова располагаются на периферии словарного состава языка, наименее употребительны, наименее значимы для него.

В определённом смысле можно говорить о том, что однозначные слова находятся на границе между языковым и неязыковым мирами. Однозначные единицы со своими исходными, предложенными внеязыковой практикой значениями, не испытавшие в полной мере адаптирующего воздействия языковой системы, это только «кандидаты» на роль собственно языковых единиц. Такого рода «кандидатов» намного больше, чем полноправных языковых лексических единиц, т.е. тех, которые имеют два значения или более. Например, в Большом Академическом словаре (БАС) однозначных слов 76382, а слов с 2 и более значениями — 44099. Такое же соотношение между однозначными словами наблюдается и в других языках — английском, китайском, вьетнамском, турецком, венгерском, финском.

Множество однозначных слов — открытая категория, наиболее неопределённая величина в любом языке в силу наибольшей случайности воздействия на словарь внеязыковой реальности именно в этой его части, что приводит к наибольшим субъективным колебаниям составителей словаря при отборе слов в данное множество. Это же обстоятельство, в частности, делает вопрос: «Сколько слов в языке?», некорректным. Более корректным был бы вопрос: «Сколько слов в языке с двумя и более значениями?». Эта величина весьма последовательно и точно связана с типом языка и с типом словаря [10].

Распределение слов по количеству значений является одной из существенных структурных характеристик лексики. В том, какой удельный вес занимают в словаре единицы с разным количеством значений, отображается тип языка. Чем более аналитическим является данный язык, тем более многозначной в целом лексикой он располагает, тем больший удельный вес многозначная лексика занимает в совокупном словаре данного языка [2; 10].

Если соотношение объёмов групп слов с данным количеством значений представить графически в виде так называемого спектрально-полисемического распределения, где по оси абсцисс откладывается количество слов, имеющих определённое количество значений (в логарифмическом масштабе), а по оси ординат — количество значений (в том же масштабе), то указанное соотношение для аналитических языков (таких, как вьетнамский, англий-

ский) в сравнении с синтетическими языками (такими, как русский) будет выражаться в более крутом общем угле наклона всего распределения к оси абсцисс.

Максимальные величины количества значений у слов аналитического языка будут значительно выше, а число слов в каждой из групп с малым количеством значений будет существенно меньше, чем в словаре относительно синтетического языка.

Это соотношение между словарями разных по типу языков является весьма устойчивым, какой бы по объёму толковый словарь в каждом из них ни взять. Толковые словари одного языка, но разного объёма, демонстрируют тождество по соотношению объёмов групп слов с определённым количеством значений, что выражается в одинаковом угле наклона распределения любого толкового словаря данного языка, в принципиальной параллельности этих распределений.

Наиболее наглядный материал в этом отношении представляет русская лексикография. В ней практически выработаны и теоретически осмыслены три основные типа толковых словарей [11]. Большой словарь, ориентирующийся на максимально полное покрытие всего словарного богатства русского языка на глубину в 150–200 лет, то есть на весь период, представленный текстами, которые продолжают читаться, продолжают быть понятными, — таковым является БАС; средний словарь ориентирует на покрытие всего актуального, т.е. употребляемого и сейчас словарного состава русского языка — таковым является толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н.Ушакова и 4-х томный словарь современного русского языка под редакцией А.П.Евгеньевой (МАС); малый, краткий словарь ориентирует на покрытие ядра языка, наиболее употребительной части словарного запаса современного языка — таковым является словарь русского языка С.И.Ожегова.

Исходя из этих задач и из определения состава основных толковых словарей русского языка, предполагается, что каждый из более ограниченных по своему составу словарей должен быть частью некоторого более крупного словарного образования — как по словнику, так и по полноте и степени подробности представления значения, что в целом соответствует реальному соотношению между четырьмя указанными словарями, но с определённой оговоркой. Она заключается в том, что полного вложения словаря Ожегова как самого краткого в МАС или словарь Ушакова и даже в БАС, а МАС и словарь Ушакова в БАС не происходит. Например, в словаре Ожегова присутствует 1254 слова, отсутствующие в МАС, и 1501 слово, отсутствующее в словаре Ушакова. Наконец, в словаре Ожегова есть 1033 слова, не представленных в БАС. И это несмотря на то, что БАС включает в себя более 120 тысяч слов, а словарь Ожегова — всего лишь 57 тысяч слов.

Эти отношения неполного вложения малых словарей в большие словари не противоречат идее соотношения малых и больших словарей как части

и целого. Наблюдаемые расхождения общих принципов соотношения больших, средних и малых словарей с реальным положением дел, говорят лишь о том, что эти принципы не могут быть представлены в идеальном виде в современной лексикографической практике. Лексикографической практике объективно свойственна некоторая неопределённость в реализации отбора источников, подбора словника и подготовке толкований слов. Любой из меньших по объёму словарей в той или иной степени ориентируется на состав более полных словарей, является в определённом смысле его редуцированным вариантом — как по объёму словника, так и по объёму толкования попавших в словник слов, что и отражается в пропорциональном уменьшении объёма словника и объёма толкований и, в конечном счёте, в параллельности спектрально-полисемических распределений разных по объёму словарей. Примером такого рода является работа С.И. Ожегова над словарём русского языка. В качестве одного из основных источников был взят словарь Ушакова (см. Предисловие к Словарю Ожегова, 10 издание, 1972, с. 9). Однако основным, наиболее важным источником для любого словаря является живая, актуальная словарная данность. На неё, в конечном счёте, ориентируется любой лексикограф, ею он проверяет всё то, что ему известно из готовых лексикографических источников, из неё же он черпает то, чего не достаёт в самом полном по объёму из известных опубликованных словарей. Ввиду этого уже первое издание Словаря Ожегова (1949 г.) «не было простым сокращением Словаря Ушакова: наблюдения над развитием современного языка позволили уточнить определения значений слов, их стилистические характеристики, нормативные рекомендации, вопросы отбора слов. В словаре 1952 г. внесены были многие уточнения в этом направлении» (см. предисловие к словарю Ожегова, 1972, с. 9). Например, в четвертой редакции Словаря Ожегова (переиздание в авторской редакции 2011 г.) среди тех 1033 слов, которые отсутствуют в БАС, представлены такие слова: *волжанин, венерический, заворот, мертвецкий, соскребать, чертовски, щипковый* и др., которые, видимо, только по случайным, объективно-вероятным причинам не попали в БАС, но не прошли мимо внимания составителя и редакторов Словаря Ожегова. Таким образом, отношения между большим академическим словарём отдельного языка, средним и кратким словарями — это отношение полного словаря данного языка (с теми или иными оговорками в отношении исторической глубины литературного языка, отображаемого в словаре, и действия случайных факторов, сказавшихся в основном на отборе в словарь однозначных слов) с тем совокупным набором лексики, который находится в употреблении во всех функциональных сферах данного языка в данную эпоху (средний словарь) и с тем набором лексики, который составляет наиболее высоко употребительное ядро, общее достояние всех членов данного языкового коллектива (краткий словарь).

Эксперименты по выявлению индивидуального словарного знания показывают, что типовой носитель русского языка обладает знанием, по крайней

мере, 80–110 тыс. слов. При этом было обнаружено, что объём зоны пересечения всех индивидуальных словарей равен 50–60 тыс. лексических единиц, а по качественному составу это пересечение соответствует словнику Словаря Ожегова на 80–90%. Это, по всей видимости, означает, что задача активной нормализации словоупотребления современного общества, ставящаяся перед краткими толковыми словарями, относится к той части совокупного словарного запаса, которая является общей, повторяющейся в индивидуальном запасе каждого члена социума, и только к ней. Этот вывод перекликается с высказанным П.Н. Денисовым мнением, что «словарь такого типа должен ориентироваться на средний культурный уровень предполагаемого потребителя. Другими словами, в кратком словаре типа Словаря Ожегова легко улавливается принцип ориентации на отдельного человека определённого культурного уровня. Словарь как бы уже не отражает лексику всего языка, а отражает лишь ту её часть, которая под силу отдельному человеку и ограничена кругом его знаний и культурных запросов» [12. С. 132].

Отношение между тремя указанными типами словарей — это не просто отношение целого и каких-то его частей, а отношение целого и его всё более суживающихся центральных частей. Совокупный словарь отдельного языка — это не хаотичное множество слов, а определённым образом структурированная, иерархически организованная система, в которой могут быть выделены зоны ближней и дальней периферии. По всей видимости, выделенные русской лексикографической традицией три типа толковых словарей соответствуют трём основным способам членения словарного состава по степени его центральности-периферийности: большой словарь покрывает и центр, и периферию; средний — покрывает центр и часть периферии, за исключением лексики, хотя и понимаемой, представленной в классических текстах, но не употребляемой в современном речевом обиходе; малый словарь включает в себя только ядерную лексику данного языка, высоко употребительную, известную практически всем её носителям. Совершенно очевидно, что в краткие словари не попадает лексика, характерная для тех или иных специальных сфер общения, для тех или иных отдельных групп или индивидов.

Ещё более существенно то, что и в средние, и в большие толковые словари не попадают окказиональные, в том числе индивидуальные слова, как не попадают и сугубо индивидуальные, окказиональные употребления общеизвестных слов. Таким образом, толковый словарь, независимо от его объёма, даже и самый полный — это не механическая фиксация всего словоупотребления эпохи или целого ряда эпох, а определённого рода обобщение, типизация наблюдаемых в реальной речи лексических фактов с целью их нормализации. Причём, как показывают оценки полисемических распределений, степень обобщения наблюдаемых лексических характеристик в среднем словаре в сравнении с малым, а в большом — в сравнении со средним и малым растёт, что отображается в слабом, но устойчивом, последовательном

изменении геометрии графиков полисемических распределений, повышении степени выпуклости графиков полисемических распределений более полных словарей в сравнении с более краткими. По поводу данного отношения между толковыми словарями разного целевого назначения, разного объёма см. в [13]. Отсюда с очевидностью следует отсутствие необходимости фиксации в толковом словаре окказионализмов, слов-однодневок. Задача полной фиксации текущего словоупотребления может ставиться только в исследовательских целях, и то при описании ограниченных сфер и за ограниченный период их существования. Рассмотрение того, в каком соотношении находятся между собой разные толковые словари данного языка — лишь один, хотя на наш взгляд, и важнейший, аспект рассмотрения иерархического устройства лексикографического обеспечения отдельного языка. Важным является рассмотрение и того, какие коммуникативные сферы, в какой степени и какой вклад вносят в совокупный общезыковой словник и в семантический объём слов. Или, наоборот, — как и по каким коммуникативным сферам распределяется накопленное предшествующей коммуникативной практикой богатство слов и их значений.

Разные коммуникативные сферы отличны друг от друга не только набором специфичных для них лексических единиц (при совпадении части ядерных лексических единиц), но и употреблением специфических значений общих для каждой из них единиц, их особым семантическим объёмом. Отношения словарей разных коммуникативных сфер — это отношения частичного взаимоналожения и частичного расхождения как по набору слов, так и по набору значений повторяющихся слов.

Предельным случаем словаря частной коммуникативной сферы является словарь языковой личности, словарь идиолекта. Роль таких словарей в развитии и пополнении общего словаря, их статус как реализаций языкового потенциала не рассматривались. В особенности важным представляется изучение лексики заметных идиолектов, таких, как язык писателя. Словарь писателя отображает одну из наиболее развитых форм участия языковой личности в современном ей процессе языкового развития. Словарь языка писателя в этом, как и в ряде других отношений, совершенно не изучен.

«Словарь языка Пушкина» (издание 1956–1961) [14] охватывает практически всю лексику, употреблённую в текстах А.С. Пушкина, представленных в первом академическом издании произведений А.С. Пушкина (издание 1937–1949) [15], за исключением лексического материала «Истории Петра», «Заметок при чтении «Описания земли Камчатки» С.П. Крашенникова», раздела «Наброски и планы поэм» и слов, представленных в вариантах основных текстов. В 1982 г. вышли «Новые материалы к словарю Пушкина» [16], которые включают лексику вариантов произведений Пушкина, не вошедшую в Словарь языка Пушкина или имевшую новые значения. В 2000 г. был переиздан дополненный вариант словаря [17].

Надо отметить, что каждое слово в данном словаре глубоко проанализировано с позиций семантики, однако, по словам составителей словаря, их целью было не истолковывать значение слова или дать ему реальный комментарий, а лишь разграничить отдельные значения, если их в словаре больше одного, то есть словарь не полон по описанию содержания значений. Если у однозначного слова значение совпадает с тем, которое существует в современном языке, то толкование такого слова обычно отсутствует. Но при каждом знаменательном слове (и ряде служебных) и их значениях приводится контекст, что позволяет подтвердить точность понимания. Кроме того, при каждом слове указывается его общая частота в пушкинских текстах в целом, частота каждого его отдельного значения, а для знаменательных слов, как правило, перечисляются все произведения, в которых употребляется слово, а также том, страница, строка, т.е. приводится точный адрес слова.

Особенностью словаря языка писателя, как словаря идиолекта, является стремление зафиксировать всё богатство, все нюансы словоупотребления данного автора. Однако в действительности это весьма сложная задача, и разные словари языка писателя реализуют её в разной степени. Словарь языка Пушкина, хотя и фиксирует значительную часть индивидуального лексического своеобразия А.С. Пушкина, не до конца реализует все возможности. Как говорится в Предисловии к указанному словарю, «Словарь языка Пушкина далеко не охватывает всех своеобразных, всех качественных особенностей пушкинского стиля в области фразеологического сочетания слов, а также их образного использования. Это словарь, прежде всего, языка, а затем — и то не в полной мере — индивидуального стиля Пушкина. Он часто не регистрирует тех смысловых осложнений, тех многообразных, а иногда каламбурных, намеренно противоречивых смысловых оттенков, которые получают слова в композиции художественного целого. Он не содержит каталога пушкинских образов, он, естественно, не берёт на себя задачу описания и использования развёрнутых метафор пушкинского стиля, иногда охватывающих целые стихотворения (см. Предисловие к Словарю языка Пушкина [14. С. 10]). Как видно из приведённой цитаты, Словарь языка Пушкина действительно не решает в полном объёме задач словаря языка писателя. Однако, несмотря на это, он является ценным источником информации о многих важных соотношениях в авторском словаре.

Лингвистическая значимость данного словаря, в частности, заключается в том, что он позволяет рассмотреть соотношения между общеязыковыми словарями и словарями идиолекта как своеобразной реализацией части лексического потенциала, свойственного языку в целом. В словаре идиолекта реализуется часть словарного состава данного языка и часть семантического объёма слова. Именно этот — реализационный — аспект является лингвистически одним из наиболее интересных. Важно то обстоятельство, что в любом словаре идиолекта содержатся сугубо инди-

видуальные, окказиональные лексические компоненты (слова и их значения), которые никогда не фиксируются ни в одном общеязыковом толковом словаре. Эти явления составляют заметную, но всё-таки относительно незначительную долю среди всех фактов словоупотребления любого автора, но каждый автор — прежде всего носитель данного языка, а затем уже творец своего, индивидуального стиля, вносящий свой вклад в развитие языка. Исследование пушкинского словаря на этот предмет выявило, что в нём присутствует более 1700 слов и около 1300 значений слов, не вошедших в БАС. Однако внимательное рассмотрение этих слов показывает, что часть из них обязательно должна была бы быть там, но по совершенно случайным причинам не попала в БАС: *багрить*, *библейзм*, *блажь*, *гранд*, *днёвка* и т.д. Другая часть — это ряд просторечных *зачуфыриться*, *страмец* и т.д., устаревших *фортеция*, *благодстыня*, *доброродный* и т.д., которые могли бы быть представлены в таком словаре и в некоторых других, например, в Словаре Даля. Вполне могли бы оказаться в этом словаре и *безводица*, *братоваться*, *братование*, *головомытье* и др., являющиеся морфологическими вариантами вполне обычных слов (они есть в Словаре Даля). Далее, в БАС включаются достаточно редко и непоследовательно имена собственные, имеющие нарицательный смысл, а также прилагательные, образованные от собственных имён и топонимов. За счёт неполного отражения в БАС таких слов, например, *альбион*, *Минерва*, *флорентиец*, *Рим*, *гоголевский* и т.д./и др. также создаётся неполное вложение этого авторского словаря в общеязыковой. И, наконец, лишь незначительную группу, порядка 20–50 слов, можно считать собственно пушкинскими нововведениями, авторскими неологизмами. В первом томе Словаря языка Пушкина их обнаруживается только шесть: *аристократичествовать*, *байроничать*, *болезненноотверстый*, *воейковствовать*, *врагоугодник*, *див-рыба*.

Подобное явление можно отметить и при анализе тех значений слов пушкинского словаря, которые по разным причинам не представлены в БАС. Стоит упомянуть, что не все особенности авторского употребления слов представлены в пушкинском словаре. Эти особенности касаются таких смысловых нюансов, которые могут пониматься как «образные использования», «смысловые осложнения», «каламбурные, намеренно противоречивые смысловые оттенки», и при этом они являются не заменой общеязыковых значений, а их контекстуальным развитием, конкретизацией.

Приведенные факты позволяют сделать вывод, что словарь даже такой оригинальной, творческой личности, как А.С. Пушкин, является, в основном, результатом использования общеязыковых лексических средств, реализацией части общеязыкового лексического фонда и в этом качестве и может быть исследован.

Особый интерес представляют количественные параметры с точки зрения их соотношения. Рассмотрение их позволяет, в частности, выяснить различие между общеязыковыми словарями разного объёма и между общеязыковыми и частными словарями, например, идиолектными.

Словарь языка Пушкина в этом плане представляет уникальные возможности. Так, на основе творческого наследия А.С. Пушкина и его словаря можно выделить отличительные черты и такого минимального словарного образования, как словарь того или иного пушкинского текста. На этой основе может быть рассмотрена в некоторых существенных чертах такая иерархия, как «словарь текста» — «совокупный словарь автора» — «общеязыковой словарь», т.е. проанализирована словарная иерархия, начиная с самых элементарных компонентов, поскольку словарь элементарнее, чем словарь текста, единого по смысловому замыслу, трудно себе представить.

Возникающие вопросы касаются в первую очередь соотношения общеязыкового состава этих словарей по объёму реализованного в каждом из них общеязыкового словарного состава и его семантического потенциала, а также степени системности этой реализации.

В процессе анализа Словаря языка Пушкина и двух пушкинских текстов («Пиковая дама» и «Капитанская дочка») с целью рассмотрения специфических характеристик распределения в них слов с разными количеством реализованных ими значений были получены характеристики распределений по словарям этих текстов и по Словарю языка Пушкина, а затем сопоставлены между собой и с характеристиками полисемического распределения БАС, а также с рядом других дополнительно получаемых характеристик. Соотношение рангово-полисемических характеристик единиц указанных словарей показывает, что распределение слов словаря текста по количеству присущих им значений существенно отличается от распределения слов по величине реализованной полисемии в словаре такой сборной совокупности текстов одного автора, каким является Словарь языка Пушкина, и ещё в большей степени от распределения слов с предельно реализованной (полной) полисемией в словаре, полученной на разнообразной и практически неограниченной текстовой выборке (в БАС). Отличия заключаются, в основном, в геометрии распределений в данной системе координат: полисемическое распределение словаря текста как «Пиковой дамы», так и «Капитанской дочки» довольно очевидно аппроксимируется прямой линией. Для такой совокупности слов, как Словарь языка Пушкина, свойственно заметное искривление геометрии распределения в сторону его выпуклости. Ещё более значительная степень выпуклости свойственна полисемическому распределению такого предельного словаря, как БАС.

Аналогичная динамика свойственна и частотно-ранговым лексическим структурам, если переходить от частотного словаря текста к частот-

ным словарям сборных совокупностей текстов [13; 18]. Случай стремления частотной структуры текста к прямолинейности в билогарифмической структуре координат соответствует выполнению на данном тексте так называемого частотного закона Дж. Ципфа. Он выполняется в целостном тексте и только в нём. Этот закон является отображением смыслового единства, организационной целостности текста [18]. Смещение разных текстов в одну выборку даёт частотную структуру, в которой закон Ципфа не реализуется.

Наличие подобного изоморфизма между частотными и полисемическими структурами текстов и смешанных текстовых совокупностей свидетельствует, видимо, о наличии общих причин, управляющих частотными и полисемическими характеристиками.

Наиболее важным как в том, так и в другом случае является то, что увеличение выпуклости как частотных, так и полисемических распределений при увеличении смешанности выборки [19], если идти от целостного текста до предельно смешанной совокупности текстов, каковой и должен соответствовать такой крупный словарь языка, как БАС, свидетельствует о нарастании в таком случае удельного веса в словаре элементов, средних по своим характеристикам — среднечастотных и среднеполисемичных слов. Иначе говоря, меньшая органичность, большая усреднённость лексики, в том числе и по полисемическому распределению, — это существенное отличие сводного словаря писателя от словаря какого-либо текста того же писателя. Но, тем не менее, его степень специфичности по этой характеристике (и, видимо, по ряду других) выше общеязыкового языка.

Аналитически общий характер полисемического распределения слов по количеству значений описывается выражением

$$P_n = \frac{C}{n^\gamma + B} - B,$$

где P — полисемия;

n — количество слов с данной полисемией;

B — параметр, ответственный за описание степени криволинейности распределения,

γ — параметр, описывающий угол наклона распределения;

C — величина (константа), характеризующая данный словарь.

Для словарей текстов «Пиковой дамы» и «Капитанской дочки» параметр B равен нулю ($B=0$), для Словаря языка Пушкина — 0,4, для БАС — 1,6. Данным числовым коэффициентом довольно наглядно описывается последовательное уменьшение специфичности сводных словарей. Словарь языка писателя по этому параметру находится между самым специфичным словарным образованием — словарём целостного текста — и наименее специфичным образованием — общеязыковым словарём.

Соотношение между словарём текста, сводным словарём языка писателя и общеязыковым словарём по степени полисемичности представленной в них лексики предлагается в Таблице 1, где отражены средние объёмно-полисемические характеристики этих лексикографических образований. Характерным является последовательное нарастание средних характеристик от 1,19 значения на слово (в словаре текста «Пиковой дамы») до 1,37 значения на слово по Словарю языка Пушкина и до 1,7 значения в БАС, что связано с постепенным накоплением значений, реализующихся во всё более обширных текстовых массивах, во всё более разнообразных контекстах.

Таблица 1 / Table 1

**Средние полисемические характеристики слов разных словарей /
Average polysemic characteristics of words in different dictionaries**

Словарь / Dictionary	Общее распределение / General distribution	1 тысяча самых частых слов / 1 thousand most frequent words	1 тысяча случайных слов / 1 thousand random words
БАС / Dictionary of Modern Russian literary Language	1,7	4,24	1,71
Словарь языка Пушкина / Dictionary of the Pushkin language	1,37	3,02	1,32
Словарь текста «Пиковой дамы» / Dictionary of «The Queen Of Spades»	1,19	1,34	-

Та же тенденция последовательного нарастания наблюдается и в том случае, если для сравнения взять тысячу самых частых слов каждой из этих текстовых совокупностей. Для выяснения того, в какой степени только пушкинские слова успели реализовать семантический объём, свойственный им в языке в целом, для каждого пушкинского слова была определена его полисемия, по БАС. При этом обнаруживается весьма значительное рассеяние слов одной полисемической категории по разным полисемическим категориям в БАС. Только около 50% каждого полисемического разряда из пушкинского словаря имеют то же количество значений и в БАС. Однако остальные 50%, как правило, имеют в БАС большее количество значений — в среднем на 1,5. Наблюдается весьма значительный факт большей нагруженности в этом полисемическом распределении зоны среднезначных слов и понижении нагруженности малозначных слов (например, однозначных) пушкинских слов по БАС.

Заключение

Наблюдаемое усиление зоны среднеполисемичных слов в общеязыковом словаре в сравнении с частным (в данном случае с идиолектным) словарём является, по всей видимости, отражением того факта, что наиболее общими, повторяющимися для словарей каждой из частных сфер вслед за служебными словами являются общеупотребительные и широкотематические слова, которые и занимают среднеполисемичную зону. В силу этого в сводном словаре, а именно общеязыковом словаре, такая зона, помимо очевидного и быстрее проявляющегося факта усиления в распределении зоны самых полисемичных слов, усиливает своё «звучание» благодаря семантическому триггеру, а всё распределение приобретает более выраженную выпуклую криволинейность в логарифмической системе координат. Как видно, полученные данные по Словарю языка Пушкина позволяют рассмотреть ряд существенных проблем устройства частных словарей, в том числе словарей идиолекта, как реализации части общеязыкового семантического потенциала, функций слов, а также поставить вопрос о причинах нарастания усреднённых тенденций в сводных словарях в сравнении с частными, входящими в них в качестве составной части. Это отношение — между частным и сводным словарем — существенно отличается от того, в каком находятся между собой большие, средние и малые общеязыковые толковые словари.

Библиографический список

1. Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М.: Сов. радио, 1978.
2. Поликарпов А.А. Циклические процессы в становлении лексической системы языка: моделирование и эксперимент: дисс. ... д-ра филол. н. М.: МГУ, 1998.
3. Hillis A.E. The organization of the lexical system // Rapp, B. (Ed.). *The handbook of cognitive neuropsychology: What deficits reveal about the human mind*. New York: Psychology Press, 2001. P. 185–210.
4. Кузнецова А.И. Понятие семантической системы языка и методы её исследования. М.: МГУ, 1963.
5. Тархова В.В. Особенности системного подхода к изучению лексического состава языка // Вестник ВИ МВД России. 2007. №4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sistemnogo-podhoda-k-izucheniyu-leksicheskogo-sostava-yazyka> (дата обращения: 15.10.2021).
6. Майоренко И.А. Понятие системы и системного подхода к изучению лексического состава языка // Евразийский Союз Ученых. 2015. №4-13 (13). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-sistemy-i-sistemnogo-podhoda-k-izucheniyu-leksicheskogo-sostava-yazyka> (дата обращения: 15.10.2021).
7. Маковский М.М. Системность и асистемность в языке: опыт исследования антиномий в лексике и семантике. М.: Ком Книга, 2006.
8. Тулдава Ю.А. Проблемы и методы квантитативно-системного исследования лексики. Тарту: ТГУ, 1987.
9. Zipf G.K. The meaning-frequency relationship of words // *The Journal of General Psychology*. 1945. Vol. 33 (2). P. 251–256.
10. Поликарпов А.А. О системном соотношении основных русских толковых словарей // Труды по лингвостатистике. Тарту: ТГУ, 1984. С. 38–46.

11. Ожегов С.И. О трёх типах толковых словарей современного русского языка // Вопросы языкознания. 1951. № 2. С. 85–103.
12. Денисов П.Н. Системность и связность в лексике и система словарей // Проблематика определения терминов в словарях разных типов. Л., 1976. С. 63–73.
13. Орлов Ю.К. Обобщённый закон Ципфа-Мандельброта и частные структуры информационных единиц различных уровней // Вычислительная лингвистика. М.: Наука, 1976. С. 57–60.
14. Словарь языка Пушкина: в 4 т./ Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956–1961.
15. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений, в 15 т. М.: Издательство АН СССР, 1937–1949.
16. Новые материалы к Словарю А.С. Пушкина / Отв. ред. В.В. Виноградов, ред. В.А. Плотникова. М.: Наука, 1982.
17. Словарь языка Пушкина: в 4 т. Изд. 2е, доп. / Отв. ред. В.В. Виноградов. М.: Азбуковник, 2000.
18. Орлов Ю.К. Модель частотной структуры лексики // Исследования в области вычислительной лингвистики и лингвостатистики. М.: Наука, 1979. С. 65–72.
19. Долинский В.А. Семейство ранговых распределений в квантитативной лингвистике. Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 6 (797). С. 124–154.

References

1. Mel'nikov, G.P. (1978). *Systemology and linguistic aspects of cybernetics*. Moscow: Soviet Radio. (In Russ.).
2. Polikarpov, A.A. (1998). *Cyclic processes in the formation of the lexical system of the language: modeling and experiment* [dissertation]. Moscow: Moscow State University. (In Russ.).
3. Hillis, A.E. (2001). The organization of the lexical system. In: Rapp, B. (Ed.), *The handbook of cognitive neuropsychology: What deficits reveal about the human mind*. New York: Psychology Press. pp. 185–210.
4. Kuznetsova, A.I. (1963). *The concept of the semantic system of language and methods of its research*. Moscow: MSU. (In Russ.).
5. Tarkhova, V.V. *Features of a systematic approach to the study of the lexical composition of the language*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sistemnogo-podhoda-k-izucheniyu-leksicheskogo-sostava-yazyka> (accessed: 15.10.2021). (In Russ.).
6. Mayorenko, I.A. *The concept of a system and a systematic approach to the study of the lexical composition of the language*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-sistemy-i-sistemnogo-podhoda-k-izucheniyu-leksicheskogo-sostava-yazyka> (accessed: 15.10.2021). (In Russ.).
7. Makovsky, M.M. (2006). *Systemicity and asystemicity in language: the experience of studying antinomies in vocabulary and semantics*. Moscow: Kom Kniga. (In Russ.).
8. Tuldava, Yu.A. (1987). *Problems and methods of quantitative and systematic study of vocabulary*. Tartu: TSU. (In Russ.).
9. Zipf, G.K. (1945). The meaning-frequency relationship of words. *The Journal of General Psychology*, 33 (2), 251–256.
10. Polikarpov, A.A. (1984). On the system correlation of the main Russian explanatory dictionaries. In: *Works on linguostatistics*. Tartu: TSU. pp. 38–46. (In Russ.).
11. Ozhegov, S.I. (1951). About three types of explanatory dictionaries of the modern Russian language. *Voprosy Jazykoznanija*, 2, 85–103. (In Russ.).
12. Denisov, P.N. (1976). System and coherence in vocabulary and the system of dictionaries. In: *Problematic of definition of terms in dictionaries of different types*. Leningrad. pp. 63–73. (In Russ.).
13. Orlov, Yu.K. (1976). Generalized Zipf-Mandelbrot law and particular structures of information units of various levels. In: *Computational Linguistics*. Moscow: Nauka. pp. 57–60. (In Russ.).

14. Dictionary of the Pushkin language: in 4 vols. (1956–1961). V.V. Vinogradov (Ed.). Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. (In Russ.).
15. Pushkin, A.S. (1937–1949). The complete works in 1–15 vols. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.).
16. New materials for the Dictionary of Pushkin language (1982). V.V. Vinogradov (Ed.). Moscow: Nauka. (In Russ.).
17. Dictionary of the Pushkin language: in 4 vols. 2 edition (2000). V.V. Vinogradov (Ed.). Moscow: Azbukovnik. (In Russ.).
18. Orlov, Yu.K. (1979). A model of the frequency structure of vocabulary. In: *Research in computational linguistics and Linguostatistics*. Moscow: Nauka. pp. 65–72. (In Russ.).
19. Dolinsky, V.A. (2018). Family of rank distributions in quantitative linguistics. *The journals "Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities"*, 6 (797), 124–154. (In Russ.).

Информация об авторе:

Максименко Ольга Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета; *сфера научных интересов*: лингвопрагматика, количественная лингвистика, лингвистическая семантика, системология; *e-mail*: maxbel7@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-6611-8744; Scopus Author ID: 57222390645; ResearcherId: AAY-8885-2020.

Information about the author:

Olga I. Maksimenko is Doctor of Philology (Advanced Doctorate), Professor at the Faculty of Linguistics at Moscow Region State University. Department of language theory, Anglistics and applied linguistics. Her research interests embrace linguopragmatics, quantitative linguistics, linguistic semantics and systemology. *e-mail*: maxbel7@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-6611-8744; Scopus Author ID: 57222390645; ResearcherId: AAY-8885-2020.

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-323-336

УДК 81'255:22.05/.06

Научная статья / Research article

«Крик» и «Дети» в переводах одного фрагмента Притчей Соломона: допустимая интерпретация или отход от оригинала?

Г.Т. Хухуни¹ , И.И. Валуйцева¹ , Ю.Д. Будман²

¹Московский государственный областной университет,
141014, Российская Федерация, Московская область, Мытищи, ул. Веры Волошиной, 24

²Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина,
(Технологии. Дизайн. Искусство)

115035, Российская Федерация, Москва, ул. Садовническая, 33

 khukhuni@mail.ru

Аннотация. Актуальность проблемы: тематика, относящаяся к передаче Священного Писания, является актуальной, что определяется появлением в последние десятилетия большого количества переводов Библии на разные языки, а также наличием в оригинале фрагментов, допускающих неоднозначную интерпретацию. Материалом исследования является фрагмент из Притчей Соломона (*yassēr binkā kī uēš tiqwā wā'el hāmītō 'al tiššā' napšekā*) (19: 18) («Наказывай сына своего, доколе есть надежда, и не возмущайся криком его») в ряде переводов Библии (Синодальный перевод, Библия короля Якова и др.) на различные языки, а также анализ комментариев к ним, относящихся к различным историческим эпохам. Научная новизна: в работе доказывается необоснованность утверждения о якобы содержащейся в русском Синодальном переводе интерполяции лексемы «крик», вызванной субъективными причинами, а также рассматривается с опорой на иудейские письменные источники правомерность / неправомерность замены в ней слова «сын» инклюзивной формой «дети». Метод исследования: применяется метод сопоставительного изучения различных переводов данного фрагмента, выявления содержащихся в них его интерпретаций и соотнесения их с толкованиями, имеющимися в иудейской традиции. Основные выводы: 1) совпадение передачи данного фрагмента с той, которую находим в английской Библии короля Иакова, при отличии от его репрезентации в ряде переводов на другие языки, позволяет выдвинуть гипотезу о возможном ее влиянии на русский текст; 2) наличие подобной интерпретации у некоторых толкователей, как древних, так и современных, свидетельствует об отсутствии в данном случае какого-либо сознательного искажения оригинала в Синодальном переводе; 3) использование вместо представленных в оригинале слов, относящихся к людям мужского пола, инклюзивных и гендерно-нейтральных форм применительно к данному фрагменту должно квалифицироваться как отклонение от подлинника, поскольку по нормам библейского иврита такое употребление

© Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И., Будман Ю.Д., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

допустимо только при использовании слова «сын» в форме множественного числа (*bānîm*), тогда как в единственном числе оно в подобном значении не употребляется.

Ключевые слова: оригинал, версия, Синодальный перевод, Библия короля Иакова, крик, умерщвление, комментарий

Участие авторов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Хухуни Г.Т. — концепция исследования, анализ полученных данных, написание части текста; Валуйцева И.И. — дизайн исследования, анализ полученных данных, написание части текста; Будман Ю.Д. — сбор и обработка материала, анализ полученных данных.

История статьи:

Дата поступления: 01.01.2022

Дата приема в печать: 1.06.2021

Для цитирования:

Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И., Будман Ю.Д. «КРИК» и «ДЕТИ» в переводах одного фрагмента притчей Соломона: допустимая интерпретация или отход от оригинала? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 323—336. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-323-336>

‘Crying’ and ‘Children’ in Translations of the one Fragment of the Book of Proverbs: Possible Interpretation or the Digression from the Original?

Georgy T. Khukhuni¹ , Irina I. Valuitseva¹ , Yulia D. Budman²

¹Moscow Region State University,
24, Vera Voloshina str., Mytishchi, Russian Federation, 141014

²The Kosygin State University of Russia,
33, Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 115035

 khukhuni@mail.ru

Abstract. Relevance of the problem. The subject matter related to the rendering of the Holy Writ is relevant, which is backed up in recent decades with the emerging of a large number of the Bible translations into different languages, as well as with the presence of certain fragments in the original that allow for the ambiguous interpretation. The material for the research is a fragment from the Book of Proverbs (*yassēr binqā kī yēš tiqwā wə'el hāmîṭô 'al tiššā' napšekā*) (19: 18) (“Punish your son while there is hope, and do not be indignant with his cry”) in a number of the Bible translations (the Synodal translation, the King James Bible, etc.) into various languages, as well as an analysis of comments on them related to different historical periods. Scientific novelty. The paper proves the groundlessness of the statement about the interpolation of the lexeme “cry”, supposedly contained in the Russian Synodal Bible, caused by subjective reasons, and also considers the validity / wrongfulness of replacing the word “son” in it with the inclusive form “children” based on Jewish written sources. The method of the research. The article uses the method of comparative study of various translations of this fragment, identifying its interpretations contained in them and correlating them with the exegetics available in the Jewish tradition. General results: 1) The coincidence of rendering this fragment with that which we find in the King James Bible, while being

different from its representation in a number of translations into other languages, allows us to put forward a hypothesis about its possible influence on the Russian text. 2) The availability of such interpretation among some interpreters, both ancient and modern, indicates in this case the absence of any deliberate distortion of the original in the Synodal translation. 3) The use of inclusive and gender-neutral forms for male people in relation to this fragment instead of those presented in the original should be qualified as a deviation from the original, since according to the norms of Biblical Hebrew, such use is permissible only when the word “son” is used in the plural form (*bānîm*), while in the singular it is not used in a similar sense.

Key words: original, version, Synodal Translation, King James Bible, cry, killing, comment

Author contributions:

The authors declare no conflict of interest. Khukhuni G.T. — the concept of the study, analysis of the data obtained, writing part of the text; Valuitseva I.I. — design of the study, analysis of the data obtained, writing part of the text; Budman Yu.D. — collection and processing of material, analysis of the data obtained.

Article history:

Received: 01.01.2022

Accepted: 15.04.2021

For citation:

Khukhuni, G.T., Valuitseva, I.I. & Budman, Yu.D. (2022). ‘CRYING’ and ‘CHILDREN’ in Translations of the one Fragment of the Book of Proverbs: Possible Interpretation or the Digression from the Original? *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), 323—336. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-323-336>

Введение

Проблематика, связанная с межъязыковой передачей Библии, традиционно занимавшая видное место в теории и практике перевода (исключая период «официального атеизма» в нашей стране), стала привлекать в последние годы всё большее внимание. Наглядным свидетельством этого может служить появление ряда исследований; из работ на русском языке особенно можно выделить [1].

Не останавливаясь на подробном анализе причин указанного явления, отметим следующее. Во-первых, в последние десятилетия XX — начале XXI века добавочные импульсы обрела работа по созданию новых версий Священного Писания на языках, уже располагавших ими, и, одновременно, активизация деятельности по переводу Библии на идиомы, носители которых ранее их не имели, включая народы, входящие в другие культурно-религиозные ареалы. Во-вторых, упомянутая деятельность получила возможность распространения на обширной территории бывшего СССР и на многочисленных языках, представленных в Российской Федерации. В-третьих, этот период характеризовался появлением целого ряда переводоведческих концепций (теория динамической / формальной эквивалентности, скопос-теория и др.), положения которых непосредственно отражались на решениях, предлагавшихся в этих версиях. В-четвёртых, в них приходится в ряде случаев решать традиционную переводческую задачу — передачу на другом языке так называемых

«тёмных» или двусмысленных (а иногда и «полисмысленных») фрагментов, о проблеме которых писал ещё В. фон Гумбольдт [2]. Одним из таких мест считается сентенция в библейской книге Притчей Соломоновых (19: 18), в масоретском тексте звучащая как: *yassēr binḳā kī yēš tiqwā wā 'el hāmîṭō 'al tiššā' napšekā*. Предлагаемая статья посвящена ее передаче в различных переводах Ветхого Завета.

Откуда в Синодальном переводе «крик»?

В Синодальном переводе это поучение представлено следующим образом: «Наказывай сына своего, доколе есть надежда, и не возмущайся *криком* его».

Известный отечественный библеист А.С. Десницкий комментирует его следующим образом: «Откуда взяли переводчики этот самый крик? Видимо, из собственной педагогической практики с применением розог, но не из еврейского, греческого или славянского, это точно» [3]. Предлагаемый им буквальный перевод процитированного поучения: «Исправляй сына твоего, ибо есть надежда, и к умерщвлению его не стремись душой твоей», — никакого «крика» не содержит. Что касается славянского, то, как отмечает автор, понять его вторую часть («Наказуй сына твоего, тако бо будет благонадежен: в досаждение же не вземлися душою твоею») несколько сложно, а греческий текст, бывший для него исходным, отличается от еврейского, поскольку в соответствующем месте (εἰς δὲ ὑβρίν μὴ ἐλαίρου) «вводится важнейшее для греков понятие ὑβρίς (*гюбрис* — непомерная гордость, надменность, превозношение, которые навлекают на человека гнев свыше)» [3].

В данном случае представляет интерес сравнение двух английских переводов Септуагинты, выполненных, соответственно Л. Brenton в 40-е гг. XIX столетия и коллективом авторов в начале нашего века (перевод Книги Притчей Соломоновых в ней принадлежит Дж. Куку). В первом находим: *Chasten thy son, for so he shall be hopeful; and be not exalted in thy soul to haughtiness* [4]. Во втором: *Discipline your son, for thus he will be hopeful, but do not be roused in your soul to hubris* [5], — то есть ключевое для греческой версии слово переводчик предпочёл передать непосредственно имеющимся в английском языке заимствованием. Что касается А.С. Десницкого, то он объясняет смысл такой передачи следующим образом: «Дескать, воспитательные усилия не должны становиться поводом для собственной гордости — и современные психологи подробно проясняют, как это бывает, когда родители реализуют с помощью детей свои застарелые амбиции» [3]. На причинах такого расхождения он специально не останавливается, отмечая только наличие двух текстуальных традиций. Само это наличие обычно объясняют тем, что «еврейский оригинал греческой Библии был отличен от того текста, который впоследствии утвердился в еврейской традиции в качестве канонического» [6. С. 57] (хотя сложно сказать, относится ли это обстоятельство конкретно к данному фрагменту).

Трактовку А.С. Десницкого подтверждают и другие авторитетные версии — будь то латинская Вульгата (*Erudi filium tuum, dum spes est; ad interfectionem autem eius ne ponas animam tuam* [7]) или Библия Лютера («*Züchtige deinen Sohn, solange Hoffnung da ist; aber laß deine Seele nicht bewegt werden, ihn zu töten*» [8]), где в обоих случаях фигурируют лексемы со значением «убийства, умерщвления» (*interfectio / töten*).

Некоторые современные переводы смягчают стилистику этого высказывания. Например, в одной из немецких версий использовано слово *misshandeln* (дурно обращаться); однако в примечании оговаривается, что буквально еврейское слово переводится всё же как *töten* «убивать» [9]. К сказанному выше А.С. Десницкий добавляет: «Но существует и иное прочтение насчет надежды: ты можешь на что-то надеяться в отношении своего сына только в том случае, если занимаешься его воспитанием. Современный перевод 1993 г. разъясняет это со всевозможными подробностями: ‘Учи сына своего и наказывай, если он неправ. Это единственная надежда. Если отказываешься делать это, помогаешь его разрушению’» [3]. Сам же автор, подчёркивая желание «сохранить двусмысленность оригинала в отношении ‘не погуби’», предлагает следующий вариант: «Вразумляй сына, пока не поздно, смотри, не погуби его» [3].

Так или иначе, но, если ограничиться указанными версиями, действительно может сложиться впечатление, что «крик» в интересующей нас цитате представляет собой интерполяцию создателей Синодального перевода.

Однако такое решение вызывает вопрос — почему же всё-таки переводчики предпочли в данном случае «собственную педагогическую практику с применением розог» авторитету тех исходных текстов, которые они передавали?

Как неоднократно указывалось в специальной литературе, Синодальный перевод осуществлялся «с еврейского под руководством греческой Библии», что дало повод М.Г. Селезневу заметить: «Это уникальное явление в истории библейских переводов, других таких примеров я не знаю. Словно над переводчиками довлели и вступали друг с другом в противоречие два императива. Один велел: переводи с еврейского, а другой — но так, чтобы получалось как будто бы с греческого» [10. С. 44]. Вероятно, для того чтобы творцы Синодального перевода пренебрегли при передаче этого поучения и тем, и другим, потребовались бы более веские основания, чем то, которое приводит А.С. Десницкий. Тем более, что «за бортом» оказывалась и славянская версия — а как писал М.Г. Селезнев, наряду с приведенной выше еврейско-греческой дилеммой, «над переводчиком довлеют и вступают друг с другом в противоречие два императива. Теперь один велит: пиши русский текст, другой — но так, чтобы он был как славянский» [10. С. 45].

Здесь целесообразно обратиться к тексту Библии короля Иакова, официально не причисляемой к источникам Синодального перевода. Многие исследователи отмечали, что вариант, предлагаемый Синодальным переводом, напоминает соответствующее место в Библии короля Иакова: ‘*Chasten thy*

sonne while there is hope; and let not thy soule spare for his crying' [11]. *Crying* же имеет значение как *крика*, так и *плача*.

На вопрос о том, оказал ли текст Библии короля Иакова *непосредственное влияние* на воспроизведение именно данного стиха в Синодальном переводе, вряд ли можно ответить категорично. На наш взгляд, целесообразно учесть следующие моменты.

Во-первых, работа над Синодальным переводом в значительной степени представляла собой продолжение деятельности Российского библейского общества (1812–1826), результатом усилий которого стал первый русский перевод Нового Завета, выходявший несколькими изданиями. Поскольку, с одной стороны, «состав участников двух переводов совпадал, по крайней мере, в лице митрополита Филарета, бывшего главным действующим лицом и в Российском Библейском обществе <...> и в Священном Синоде» [12. С. 11], а с другой — некоторые решения в переводе Российского библейского общества «были сделаны с оглядкой на английский перевод Библии Короля Иакова» [12. С. 33], постольку предположение о возможности подобной «оглядки» при передаче рассматриваемого фрагмента не лишено оснований.

Во-вторых, английская версия пользовалась авторитетом и у тех, кто к самой идее перевода Библии на русский язык относился сдержанно. Так, М.М. Сперанский, считавший, что «никогда Русский простонародный язык не сравнится с Славенским ни точностью, ни выразительностью форм, совершенно Греческих», писал дочери: «Читай, продолжай читать Евангелие и весь вообще Новый Завет на Славенском, а не на Русском языке. В местах или словах затруднительных тебе легко определить смысл их по Английскому» [13].

В любом случае, наличие в Библии короля Иакова варианта, использованного в Синодальном переводе, дает все основания утверждать, что «крик» не может рассматриваться исключительно как результат интерполяции его создателей, вызванной воспоминаниями субъективного характера. Однако это не снимает вопроса о том, на каком основании лексема *crying* оказалась в самом английском переводе. Так как в данном случае исходной версией являлся масоретский текст, то целесообразно выяснить, давал ли он основания для подобной передачи и каковы были понимание и комментирование изучаемого фрагмента представителями иудейской традиции.

Лексема «крик»: подлинник и толкования

Рассмотрение сформулированной в приведённом заголовке задачи представляется целесообразным начать со следующего факта. В середине 70-х гг. XX века в Израиле вышел перевод Ветхого Завета — ТаНаХа (согласно обозначению, принятому в иудаизме), выполненный Д. Йосифоном и предназначенный для русскоязычных репатриантов. Это предприятие носило официальный характер, о чём свидетельствует предпосланное ему предисловие

министра религии страны (сохраняем правописание оригинала): «Исходя из чувства исторической и национальной ответственности и желания дать нашим братьям-олим Танах во всей полноте и красоте его, министерство религий и министерство абсорбции Израйльского правительства около двух лет назад решили издать через Мосад арав Кук полный текст Танаха с переводом на русский язык, тем самым впервые осуществляя издание полного перевода Танаха, соответствующего тексту и духу оригинала <...> Прежде чем настоящий перевод был отдан в печать, он получил высокую оценку и одобрение знатоков Танаха, в числе которых был ныне покойный президент государства Израйль рабби Шнэйур Залман Шазар» [14]. При этом одной из возлагавшихся на него задач была замена предыдущих русскоязычных версий, в первую очередь, разумеется, Синодального перевода — как по религиозным соображениям, так и в силу нежелательности пользования «устаревшим русским переводом, малопонятным современному читателю» и притом «сделанным христианами» [14].

Подобная установка предполагает, что какое-либо воздействие Синодального перевода, особенно там, где он расходится с масоретским текстом, вряд ли должно было иметь место. Тем не менее, рассматриваемый нами фрагмент передан следующим образом: «Наказывай сына своего, ибо есть надежда, и плачем его не смущайся душой» [14], — что полностью соответствует как Библии короля Иакова, так и (с учётом семантической близости «крика» и «плача») Синодальному переводу. Так как Библия короля Иакова — по выражению процитированного выше израильского министра — также является переводом, «сделанным христианами», гипотеза о *прямом заимствовании* из неё вызывает сомнение.

Искать истоки появления «плача» / «крика» более оправданно в собственно иудейской традиции. А изучение толкований, предлагавшихся её представителями на протяжении веков, показывает наличие различных интерпретаций данного отрывка. Указанное несовпадение обуславливается в значительной степени консонантным характером еврейского письма, позволяющим по-разному прочесть графическое слово h-m-y-t-w — и как «его плач», и как «его умерщвление» [15. Р. 112–113]. Интересно отметить, что караимский грамматик X в. Давид бен Авраам Альфаси, рассматривая подобную форму (*hāmîṭô*) в Исх 4: 24, трактует ее не как «умерщвление» (в соответствии с традиционным пониманием), а как «волнение», «смятение» (*aiḥājatū*) [20], возводя ее к основе h-m с семантикой смятения, шума и крика, а не к основе m-t с семантикой смерти [21. Р. 446–447]. Толкование Альфаси может служить еще одним подтверждением того, что в еврейской традиции на протяжении веков существовало два прочтения формы *hāmîṭô*.

Отметим, что большинство комментаторов, начиная со средневековой эпохи, склонялось в сторону «умерщвления» (ср. приведённый выше буквальный перевод А.С. Десницкого). Однако уже в XIII в. один из видных предста-

вителей еврейской философской мысли Леви бен Гершом (в ивритской традиции по сокращению первых букв известный как Ралбаг) предложил токование: «крики наказываемого сына» [16]. Наиболее оригинальная версия принадлежит также средневековому автору — одному из крупнейших мыслителей XII столетия Аврааму бен Меиру ибн Эзре, понимающему «умерщвление» либо как убийство сыном других людей, либо как гибель сына от рук других людей [17]. Однако традиция, репрезентирующая соответствующую лексему через «плач» / «крик», сохранялась на протяжении всего времени вплоть до наших дней. Она отразилась не только в переводе ТаНаХа. Помимо упомянутой русской версии Д. Йосифона, можно назвать вышедшую уже в нашем веке *The Koren Jerusalem Bible*, повторяющую трактовку Библии короля Иакова: ‘Chastise thy son while there is hope, and let not thy soul spare for his crying’ [18], а также произведения еврейских поэтов XIX—XX в. [19. P. 535–536].

Подводя итоги нашему рассмотрению, упомянем статью одного из современных израильских исследователей (Н. Мешеля), который на основе подробного грамматического анализа текста приходит к выводу, что он допускает следующие толкования:

1. (а) Наказывай сына, но не переусердствуй, чтобы он не умер.
1. (б) Не допусти, чтобы твой сын умер, наказывай / воспитывай его.

2. Наказывай сына твоего, не обращая внимания на его плач / крики [15. P. 112–113]. Интересно, что автор даже допускает наличие сознательной языковой игры в возможности такого рода различных интерпретаций [15. P. 114], однако данное предположение требует дальнейшего исследования.

Добавим, что в комментированном переводе Притч М. Фокса, на который ссылается Н. Мешель, предпочтение отдается интерпретации 1 (б): ‘Discipline your son, for there is hope, and do not desire to kill him’ [22. P. 656], со следующим пояснением: ‘If you neglect his discipline, it is as if you are killing him, for he will fall into bad ways and the results of your neglect will be deadly’ (ср. выше о понимании этого стиха в Современном русском переводе 1993 г.). Автор упоминает и о трактовке с «криком» / «плачем»: “and do not pay attention to his moaning” (when he is being beaten)’, однако считает её не оправданной в лингвистическом отношении: ‘However, “lift up your soul” does not mean to pay attention’ [22. P. 656–657]. В других контекстах идиома «возносить душу» традиционно понимается еврейскими комментаторами как «стремиться», «надеяться», «полагаться», «зависеть от чего-либо», «желать чего-либо настолько, чтобы быть готовым рискнуть ради этого жизнью», что, вероятно, и побудило Авраама ибн Эзру истолковать Пр 19: 18 как историю о сыне-убийце и разбойнике, добычи которого отцу не следует желать [17].

Рассмотрим перевод изучаемого фрагмента в «Толковой Библии» А.П. Лопухина, вышедшей в начале XX века. Сам текст поучения воспроизводится по Синодальному переводу: «Наказывай сына своего, доколе есть надежда, и не возмущайся криком его», — однако комментарий:

«Соответственно духу древности и Ветхого Завета Премудрым допускаются телесные наказания, но от крайностей и злоупотреблений в этом отношении Он предостерегает родителей» [23. С. 476], — скорее, ближе к толкованию «не стремись к умерщвлению», поскольку Синодальный текст говорит, напротив, о необходимости, осуществляя наказание, не дать разжалобить себя криком наказываемого.

Настоящая статья не ставит своей целью обосновать бóльшую или меньшую оправданность какой-либо из рассмотренных интерпретаций. Однако приведённые факты убедительно доказывают, что тезис, согласно которому, «крик» появился в Синодальном переводе «не из еврейского, греческого или славянского, это точно», по отношению к первому из названных языков требует корректировки — независимо от того, был ли он заимствован из Библии короля Иакова, или был введён на основании еврейской традиции, поскольку среди создателей Синодального перевода были учёные, хорошо с ней знакомые. Достаточно назвать одного из крупнейших гебраистов своего времени Д.А. Хвольсона. В «Опыте переложения на русский язык Священных Книг Ветхого Завета проф. В.А. Левисона — проф. Д. А. Хвольсона (с масоретского текста)», работа над которым шла в 60–70-е гг. XIX в., то есть практически параллельно с Синодальным переводом, интересующий нас фрагмент представлен следующим образом: «Наказывай сына своего, доколе есть надежда, и не возмущайся его воплем» [26], — что, по сути, совпадает с Синодальным переводом (разницу между «воплем» и «криком» не считаем существенным отличием).

«Сын» и «дети»: о границах инклюзивного языка в переводе

Как было показано, толкование и перевод второй части исследуемой фразы были предметом весьма существенных расхождений. Первая часть — нас интересует лексема «сын» (*bēn*) — в лингвистическом плане каких-либо сложностей не содержит, на протяжении веков она понималась и передавалась, в общем, одинаково. Замены типа «вразумляй» вместо «наказывай», как в приведённом выше варианте А.С. Десницкого, лежат в пределах переводческой вариативности.

Однако мимо неё не прошла тенденция к внедрению так называемого «инклюзивного языка», в первую очередь — в гендерном аспекте. В переводах и толкованиях Библии стремление к использованию гендерно-нейтрального языка характеризует, в первую очередь представителей / представительниц так называемого «феминистического богословия». По отношению к интересующему нас вопросу позиция указанного течения может быть — предельно обобщённо и упрощённо — сформулирована следующим образом. Так как

Библия написана «патриархальным языком», в ней доминируют формы, относящиеся к лицам мужского пола, с чем сторонники / сторонницы названного направления категорически не согласны и стремятся исправить этот «недостаток». В частности, ими выдвигается предположение, что *имплицитно* во многих случаях библейский текст имеет в виду и лиц женского пола, что делает оправданным в таких случаях либо добавление соответствующих лексем (к «братьям» — «сестер», к «сынам» — «дочерей» и т.п.), либо замену их словами, в равной степени относящимися к тем и другим («люди», «ближние» и т.п.). Так как в известных нам русских переводах рассматриваемая тенденция распространения не получила, обратимся к иноязычным переводам, использующим такого рода «инклюзивный язык». В качестве примера нами была взята версия *Hoffnung für alle* [9].

В подлиннике в изучаемом нами фрагменте фигурирует только «сын», причём в отнюдь не положительном контексте. Принцип «инклюзивного использования» был применён в этой версии перевода на немецкий язык: «*Erzieh deine Kinder mit Strenge, denn so kannst du Hoffnung für sie haben; lass sie nicht in ihr Verderben laufen*», то есть «сын» заменён на слово со значением «*дету*». Аналогично, в остальных главах и стихах используется эта же лексема, иногда — в соответствии с оригиналом — в форме единственного числа *Kind*.

При подобной передаче поучения авторы указанной версии, как и их коллеги в других переводах, создававшихся в последние десятилетия на различных языках, на первый взгляд, не выходят за пределы допустимой переводческой вариативности: воспитывают детей обоего пола, следовательно, данное наставление может распространяться как на тех, так и на других. Однако представляется, что такой подход не соответствует ни контексту эпохи первоисточника, ни лингвистическим особенностям.

Во-первых, так как книга Притчей обращена к сыну (вероятно, наследнику царя), то и его поучения, если принимать во внимание этот контекст, касаются того, как отец должен воспитывать именно сына. Воспитание дочери в патриархальном обществе, по большей части, лежало обычно на матери. А поскольку воспитание их резко различилось, вряд ли будущему отцу рекомендовалось применять к дочери такие же воспитательные меры.

Во-вторых, приходится учитывать и собственно языковые соображения. Если форма множественного числа «сыновья» (*bānīm*) в библейском иврите может являться инклюзивной и пониматься как «дети», «потомство», то для формы единственного числа это не подтверждается анализом корпуса ветхозаветных текстов [25. P. 125].

Таким образом, исходя как из собственно лингвистических соображений, так и культурно-исторического контекста, отражённого в данной библейской книге, инклюзивную передачу слова *bēn* приходится рассматривать как отступление от подлинника, меняющее в значительной степени и характер данного фрагмента, и общую направленность Притч в целом.

Заключение

Как показывает проанализированный в данной статье материал, при рассмотрении тех или иных переводческих решений, связанных с передачей древнего текста (в данном случае, библейского), содержащего «тёмные» или допускающие различные толкования места, необходим всесторонний и тщательный анализ — как в собственно филологическом, так и культурно-историческом плане не только самих фрагментов подобного характера, но и существующих к нему комментариев, зачастую имеющих многовековую историю. Необходимо принимать во внимание понимание / понимания оригинала, представленные в традиции, в рамках которой он был создан. Недостаточный учёт указанных моментов способен, с одной стороны, повлечь необоснованное признание такой передачи ошибочной, хотя на деле она представляет собой допустимую интерпретацию оригинала, а с другой — предложить перевод, отклоняющийся от подлинника, что особо важно при передаче сакральных текстов. Повторение того или иного решения возможно в различных версиях перевода исходного текста как в рамках одной языковой традиции, так и при передаче на разные языки. Такая ситуация может объясняться либо влиянием предыдущей версии на последующую, либо общими источниками, представленными в традиции.

Библиографический список

1. Десницкий А.С. Современный библейский перевод: теория и методология. М.: Издательство ПСТГУ, 2015.
2. Humboldt W. von. Einleitung zu Agamemnon // Hans-Joachim Störig (Hrsg.), Das Problem des Übersetzens, Wissenschaftliche Buchgesellschaft. Darmstadt, 1973. P. 71–96.
3. Десницкий А.С. Соломон, его переводчики и розги // Фома. 29.05.2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://foma.ru/solomon-ego-perevodchiki-i-rozgi.html> (дата обращения: 23.08.2021).
4. The Greek Old Testament (Septuagint) / English Translation by L.C.L. Brenton. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ellopos.net/elpenor/greek-texts/septuagint/chapter.asp?book=26&page=19> (дата обращения: 23.08.2021).
5. New English Translation of the Septuagint. Proverbs [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ccat.sas.upenn.edu/nets/edition/25-proverbs-nets.pdf> (дата обращения: 23.08.2021).
6. Селезнев М.Г. Еврейский текст Библии и Септуагинта: два оригинала, два перевода? // XVIII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. Том 1. М.: Издательство ПСТГУ, 2008. С. 56–61.
7. Nova Vulgata. Liber Proverbiorum. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.vatican.va/archive/bible/nova_vulgata/documents/nova-vulgata_index_lt.html (дата обращения: 23.08.2021).
8. Lutherbibel 1545. Sprüche. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.biblegateway.com/passagen/?search=Sprueche+19&version=LUTH1545> (дата обращения: 23.08.2021).
9. Hoffnung für alle. Basel: Brunnen Verlag, 2003.
10. Селезнев М.Г. Русская Библия: между масоретским текстом и Септуагинтой // Вестник Свято-Филаретовского института. 2011. № 4. С. 38–54.
11. 1611 King James Version. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.kingjamesbibleonline.org/1611_Proverbs-Chapter-18/ (дата обращения: 23.08.2021).

12. *Алексеев А.А.* Первый русский перевод Нового Завета в издании 1826 г. // Роль переводов Библии в становлении и развитии славянских литературных языков. М.: Институт славяноведения РАН, 2002. С. 7–38.
13. *Корсунский Н.Н.* О подвигах Филарета, митрополита Московского, в деле перевода Библии на русский язык [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Korsunskij/o-podvigah-filareta-mitropolita-moskovskogo-v-dele-perevoda-biblii-na-russkij-jazyk/ (дата обращения 25.08.2021).
14. *ТаНаХ* (Тора, Пророки, Писания). Перевод на русский язык Давида Йосифона. Иерусалим: Мосад Рав Кук, 1975. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://holyscripture.ru/bible/?t=josiphon> (дата обращения 25.08.2021).
15. *Meshel N.S.* Dramatic Irony and DOUBLE ENTENDRE in the Book of Job // *Shnaton: An Annual for Biblical and Ancient Near Eastern Studies*. 2017. Vol. 25. P. 107–139.
16. *Ralbag on Proverbs 19: 18: 1.* [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.sefaria.org/Ralbag_on_Proverbs.19.18.1?lang=bi (дата обращения: 16.08.2021).
17. *Ibn Ezra on Proverbs 19: 18* [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.sefaria.org/Proverbs.19.18?lang=bi&p2=Ibn_Ezra_on_Proverbs.19.18&lang2=bi (дата обращения: 16.08.2021).
18. *The Koren Jerusalem Bible.* Jerusalem: Koren Publishers, 1969. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.sefaria.org/Proverbs.19.18?lang=bi&p2=Proverbs.19.18&ven2=The_Koren_Jerusalem_Bible&lang2=bi (дата обращения: 18.08.2021).
19. *Even-Shoshan A.* Ha-milon he-hadash in 7 volumes. Vol. 2. Jerusalem: Kiryat-sefer, 1979.
20. *Lane E.W.* An Arabic-English Lexicon. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lexicon.quranic-research.net/data/26_h/165_hyj.html (дата обращения: 18.08.2021).
21. *Skoss S.L.* The Hebrew-Arabic Dictionary of the Bible Known as Kitab Jami Al-Alfaz (Agron) of David ben Abraham Al-Fasi the Caraites (Tenth Cent.). New Haven: Yale University Press, 1936.
22. *Fox M.V.* Proverbs 10–31. A New Translation with Introduction and Commentary. New Haven & London: Yale University Press, 2009.
23. *Лопухин А.П.* Книга притчей Соломоновых. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://drive.google.com/file/d/0B0xaohzDe6MxaEo3cWl0a1hydU0/view?resourcekey=0-G1pmMo1zJqw6575Lm4mbA> (дата обращения 25.08.2021).
24. *Ararat N.* Nose ba-miqra she-eino ela noshe // *Beit Mikra: Journal for the Study of the Bible and Its World*. 1974. Vol. 19/4. P. 536–548.
25. *Gesenius H.W.F.* Gesenius' Hebrew-Chaldee Lexicon to the Old Testament Scriptures / translated into English by Tregelles S.P. Michigan, Grand Rapids: Baker Books, 1979.
26. Опыт переложения на русский язык Священных Книг Ветхого Завета проф. В.А. Левисона — проф. Д.А. Хвольсона (с масоретского текста), 1979. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://biblia.russportal.ru/index.php?id=masor.hvols.par_h19 (дата обращения 26.08.2021).
27. *Stein D.E.S.* The Grammar of Social Gender in Biblical Hebrew. *AustIn: National Association of Professors of Hebrew. // Hebrew Studies*. 2008. Vol. 49. P. 7–26.

References

1. Desnitskii, A.S. (2015). *Modern Bible Translation: Theory and Methodology*. Moscow: PSTGU. (In Russ.).
2. Humboldt, W. von (1973). Einleitung zu Agamemnon. In: Hans-Joachim Störig (Hrsg.), *Das Problem des Übersetzens, Wissenschaftliche Buchgesellschaft*. Darmstadt. pp. 71–96. (In Germ.).
3. Desnitskii, A.S. *Solomon, His Translators and Rods. Foma*. 29.05.2013. [Electronic resource] URL: <https://foma.ru/solomon-ego-perevodchiki-i-rozgi.html> (accessed: 23.08.2021). (In Russ.).

4. The Greek Old Testament (Septuagint). English Translation by L.C.L. Brenton. [Electronic resource] URL: <https://www.ellopos.net/elpenor/greek-texts/septuagint/chapter.asp?book=26&page=19> (accessed: 23.08.2021).
5. New English Translation of the Septuagint. Proverbs. [Electronic resource] URL: <https://ccat.sas.upenn.edu/nets/edition/25-proverbs-nets.pdf> (accessed: 23.08.2021).
6. Seleznev, M.G. (2008). The Hebrew Text of the Bible and Septuagint: Two Originals, Two Translations? In: *18th Annual Theology Conference of the Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities. Proceedings*. Vol. 1st. Moscow.: PSTGU Publ. pp. 56 — 61. (In Russ.).
7. Nova Vulgata. Liber Proverbiorum. [Electronic resource] URL: https://www.vatican.va/archive/bible/nova_vulgata/documents/nova-vulgata_index_it.html (accessed: 23.08.2021).
8. Lutherbibel 1545. Sprüche. [Electronic resource] URL: <https://www.biblegateway.com/passage/?search=Sprueche+19&version=LUTH1545> (accessed: 23.08.2021).
9. Hoffnung für alle (2003). Basel: Brunnen Verlag.
10. Seleznev, M.G. (2011). Russian Bible: between the Masoretic Text and Septuagint. *The Quarterly Journal of St. Philaret's Institute*, 4, 38–54. (In Russ.).
11. 1611 King James Version. [Electronic resource] URL: https://www.kingjamesbibleonline.org/1611_Proverbs-Chapter-18/ (accessed: 23.08.2021). (In Russ.).
12. Alexeev, A.A. (2002). The First Russian Translation of the New Testament. 1826 Edition. In: *The Role of the Bible Translations in the Formation and Development of the Slavic Literary Languages*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. pp. 7–38. (In Russ.).
13. Korsunskij, I.N. *About the Feats of Metropolitan Filaret in creation of the Bible Translation in Russian. Historical and Critical Investigation* [Electronic resource] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Korsunskij/o-podvigah-filareta-mitropolita-moskovskogo-v-dele-perevoda-biblii-na-russkij-jazyk/ (accessed: 25.08.2021). (In Russ.).
14. TaNaH (Thora, Prophets, Scriptures) (1975). Translated in Russian by David Yosiphon. Jerusalem: Mosav Rav Cook Publ. [Electronic resource] URL: <http://holyscripture.ru/bible/?t=josiphon> (accessed: 25.08.3021). (In Russ.).
15. Meshel, N.S. (2017). Dramatic Irony and DOUBLE ENTENDRE in the Book of Job. *Shnaton: An Annual for Biblical and Ancient Near Eastern Studies*, 25, 107–139.
16. Ralbag on Proverbs 19:18:1. [Electronic resource]. URL: https://www.sefaria.org/Ralbag_on_Proverbs.19.18.1?lang=bi (accessed: 16.08.2021).
17. Ibn Ezra on Proverbs 19:18 [Electronic resource]. URL: https://www.sefaria.org/Proverbs.19.18?lang=bi&p2=Ibn_Ezra_on_Proverbs.19.18&lang2=bi (accessed: 16.08.2021).
18. The Koren Jerusalem Bible (1969). Jerusalem: Koren Publishers. [Electronic resource]. URL: https://www.sefaria.org/Proverbs.19.18?lang=bi&p2=Proverbs.19.18&ven2=The_Koren_Jerusalem_Bible&lang2=bi (accessed: 18.08.2021).
19. Even-Shoshan, A. (1979). *Ha-milon he-hadash in 7 volumes*. Vol. 2. Jerusalem: Kiryat-sefer.
20. Lane, E.W. *An Arabic-English Lexicon* [Electronic resource]. URL: http://lexicon.quranic-research.net/data/26_h/165_hyj.html (accessed: 18.08.2021).
21. Skoss, S.L. (1936). *The Hebrew-Arabic Dictionary of the Bible Known as Kitab Jami Al-Alfaz (Agron) of David ben Abraham Al-Fasi the Caraites* (Tenth Cent.). New Haven: Yale University Press.
22. Fox, M.V. (2009). *Proverbs 10–31. A New Translation with Introduction and Commentary*. New Haven & London: Yale University Press.
23. Lopukhin, A.P. *The Book of King Solomon Proverbs* [Electronic resource]. URL: <https://drive.google.com/file/d/0B0xaohzDe6MxaEo3cW10a1hydU0/view?resourcekey=0-G-1pmMolzJqw6575Lm4mbA> (accessed: 25.08.3021). (In Russ.).
24. Ararat, N. (1974). Nose ba-miqra she-eino ela noshe. *Beit Mikra: Journal for the Study of the Bible and Its World*, 19/4, 536–548.
25. Gesenius, H.W.F. (1979). *Gesenius' Hebrew-Chaldee Lexicon to the Old Testament Scriptures translated into English by Tregelles S.P.* Michigan, Grand Rapids: Baker Books.

26. An Attempt of the Professor V.A. Levison & D.A. Khvolson to Translate into Russian the Holy Books of the Old Testament (from the Masoretic Text) [Electronic resource] URL: http://biblia.russportal.ru/index.php?id=masor.hvols.par_h19 (accessed: 25.08.3021). (In Russ.).
27. Stein, D.E.S. (2008). The Grammar of Social Gender in Biblical Hebrew. AustIn: National Association of Professors of Hebrew. *Hebrew Studies*, 49, 7–26.

Сведения об авторах:

Хухуни Георгий Теймуразович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики ГОУ ВО МО Московского государственного областного университета; *сфера научных интересов*: теория и история перевода, история языкознания, теория языка, сопоставительное языкознание, социолингвистика, психолингвистика; *e-mail*: khukhuni@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-7523-5393; Scopus Author ID: 57204197917; ResearcherId: AAG-6340-2021.

Валуццева Ирина Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики ГОУ ВО МО Московского государственного областного университета; *сфера научных интересов*: теория перевода, теория языка, сопоставительное языкознание, социолингвистика, психолингвистика; *e-mail*: irinaiv-v@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-5935-7595; Scopus Author ID: 57210729488; ResearcherId: AAG-6374-2021.

Будман Юлия Дмитриевна, кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры филологии и лингвокультурологии Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство); *сфера научных интересов*: язык иврит, английский; *e-mail*: budman-yud@rguk.ru

ORCID ID: 0000-0002-9015-530X; ResearcherId: CAF-1586-2022

Information about the authors:

Georgy T. Khukhuni, DSc. in Philology, Full Professor, Professor of the Department of the Theory of Language, English Studies and Applied Linguistics, Moscow Region State University. *The sphere of research* includes Theory and History of Translation, History of Linguistics, Theory of Language. Comparative Linguistics, Sociolinguistics, Psycholinguistics; *e-mail*: khukhuni@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-7523-5393; Scopus Author ID: 57204197917; ResearcherId: AAG-6340-2021.

Irina I. Valuitseva, DSc. in Philology, Full Professor, Professor of the Department of the Theory of Language, English Studies and Applied Linguistics, Moscow Region State University. The sphere of research includes Theory of Translation, Theory of Language. Comparative Linguistics, Sociolinguistics, Psycholinguistics; *e-mail*: irinaiv-v@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-5935-7595; Scopus Author ID: 57210729488; ResearcherId: AAG-6374-2021.

Yulia D. Budman, PhD in Philology, Senior Lecturer of the Department of Philology and Linguoculturology of The Kosygin State University of Russia (Technologies. Design. Art); *The sphere of research* includes Hebrew, English; *e-mail*: budman-yud@rguk.ru

ORCID ID: 0000-0002-9015-530X; ResearcherId: CAF-1586-2022

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-337-352

УДК 81'253

Научная статья / Research article

Инферирование и функциональный подход к тексту: на материале синхронного перевода

М.Е. Коровкина¹ , А.Л. Семёнов²

¹Московский государственный институт международных отношений (Университет),
119454, Российская Федерация, Москва, пр. Вернадского, 76

²Московский государственный лингвистический университет,
119034, Российская Федерация, Москва, ул. Остоженка, д. 38

 mekorovkina@gmail.com

Аннотация. Оперативность обмена информацией требует экономии выразительных средств и актуализирует процессы выражения и перевыражения смысла в двуязычной коммуникации. На материалах анализа различных ситуаций синхронного перевода как с английского языка на русский, так и в обратном направлении замечены некоторые специфические параметры порождения текста перевода, которые отличаются от природы порождения традиционного авторского текста. Цель проведенного исследования — ввести понятие инферирования как специального лингвистического инструмента извлечения и интерпретации смысла в процессе перевода. Общелингвистическое понимание инференции и импликации относится к непосредственной коммуникации адресанта и адресата, в которой возникают взаимосвязанные понятия при помощи самостоятельных смысловых выводов. Методом выборки и сравнения накопленных опытным путем смысловых выводов и оперативного переводческого моделирования можно определить, что отличительной характеристикой опосредованной коммуникации через переводчика является многоэлементная система дополнительных когнитивных процедур на этапе перевода. На материалах синхронного перевода мы замечаем, что в основе передачи смысла при переводе лежит динамичный процесс инферирования — творческий процесс поиска и формулирования смысловых выводов с использованием переводчиком собственных тезаурусных ресурсов, касающихся понятийной структуры предметной области, в пределах которой происходит коммуникация. Отличительным параметром инферирования в переводе является не только действие порождения смыслового вывода, но и когнитивный аналитический процесс выборки факта из пресуппозиционного знания. В результате когнитивный аналитический процесс, связанный с вероятностным прогнозированием, предполагает накопление переводчиком достаточной личной базы верифицированных интуитивных решений и референциально-языковых интерпретаций или пресуппозиций. Проведенное исследование приводит к заключению о том, что в процессе перевода важна не инференция как таковая, а процесс порождения инферентного вывода.

© Коровкина М.Е., Семёнов А.Л., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Ключевые слова: инференция, импликация, имплицатура, выводное знание, инферирование, вероятностное прогнозирование, компрессия, синхронный перевод

Вклад авторов в написание статьи:

Коровкина М.Е. — концепция, сбор и анализ данных, написание текста. Семенов А.Л. — развитие концепции, анализ данных, редактирование текста.

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2022

Дата приема в печать: 01.04.2022

Для цитирования:

Коровкина М.Е., Семёнов А.Л. Инферирование и функциональный подход к тексту на материале синхронного перевода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 337—352. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-337-352>

Inferencing and Functional Approach to Text: Based on Simultaneous Interpreting

Marina Ye. Korovkina¹ , Arkady L. Semenov²

¹Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

²Moscow State Linguistic University,
38, Ostozhenka, Moscow, Russian Federation, 119034

 mekorovkina@gmail.com

Abstract. A prompt exchange of information requires a thrift in expressive means and makes relevant the processes of verbalizing and reverbaling sense in bilingual communication. The analysis of various communicative situations in simultaneous interpreting both from English into Russian and Russian into English show specific parameters of generating a text in the target language, which differ from the traditional author's text generation. The study's objective is to introduce the notion of inferencing (in the Russian linguistic studies the term inference is used) as a special linguistic tool of eliciting and interpreting sense in the process of translation/interpreting. General linguistic understanding of inference and implication refers to the direct communication between a sender (speaker) and recipient (listener) that produces interrelated notions via independent inferences. The method of sampling and comparing the inferences accumulated empirically and of simulation modelling of simultaneous interpreting can demonstrate that a distinctive feature of indirect communication via interpreter is multi-component system of additional cognitive procedures at the stage of interpreting. The simultaneous interpreting outcomes as the material of research indicate that conveying the sense in interpreting is based on a dynamic process of inferencing, which is a creative search of implicatures and their reverbaling, with an interpreter resorting to his/her own thesaurus-based resources (mental lexicon) related to the knowledge of domain, which is a subject of communication. The distinctive parameter of inferencing in interpreting is both the generation of inferences and implicatures and a cognitive analytical process of selecting facts from presuppositional knowledge. The study outcomes show that the cognitive analytical process of inferencing is closely related to probabilistic forecasting, which presupposes an accumulation by an interpreter of a sufficient individual base of verified intuitive solutions and referential language-based interpretations and presuppositions. The study makes a conclusion that of crucial importance for interpreting is inferencing, rather than inference as such.

Key words: inference, implication, implicature, inferential knowledge, inferencing, probabilistic forecasting, compression, simultaneous interpreting

The contribution of the authors to the writing of the article:

Korovkina M.E. — concept, data collection and analysis, text writing. Semenov A.L. — concept development, data analysis, text editing.

Article history:

Received: 01.02.2022

Accepted: 01.04.2022

For citation:

Korovkina, M.Ye. & Semenov, A.L. (2022). Inferencing and Functional Approach to Text: Based on Simultaneous Interpreting). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), 337—352. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-337-352>

Введение

Сторонники разных переводческих теорий, выбирая тот или иной подход или модель, видят много несоответствий и противоречий своей теории с другими. Перевод может изучаться как процесс и как результат, характеризоваться как замена языковых структур исходного языка (ИЯ) языковыми структурами языка перевода (ПЯ) и как коммуникативная деятельность. Но практика доказывает, что при всей функциональности и многослойности перевода выделяется один главный аспект, который и позволяет считать данный вид деятельности переводом. Речь идет о передаче инварианта смысла с ИЯ на ПЯ. В связи с этим представляется необходимым изучить универсальный когнитивный механизм переработки информации, делающий возможным передачу смысла в переводе и лежащий в основе всех видов и направлений перевода.

Механизм познания мало зависит от языка как средства выражения, хотя язык и является средством выражения знания. То есть инвариант смысла — результат когнитивного процесса — не зависит от варианта его интерпретации тем или иным языком. Когнитивный механизм универсален, и его результат — смысл — может функционировать практически в любой языковой интерпретации. Именно такое понимание соотношения когнитивного процесса и языковой интерпретации решает проблему переводимости–непереводимости в пользу переводимости любого текста.

Цели исследования и методы

Объектом исследования является механизм инферирования, рассматриваемый нами как универсальный когнитивный механизм, способствующий интерпретации и передаче *инварианта* смысла во всех видах и направлениях перевода.

Предметом исследования являются особенности проявления инферирования в синхронном переводе, в его взаимодействии с другими когнитивными

механизмами синхронного перевода (СП) — вероятностным прогнозированием и компрессией. Ситуация синхронного перевода избрана как исследованный нами пример, хотя полученные результаты достаточно полно экстраполируются и на другие переводческие технологии.

Цель исследования представляет собой определение факторов, влияющих на передачу инварианта смысла при переводе, т.е. на процесс инферирования, и анализ элементов, составляющих исследуемый механизм. В связи с этим были поставлены две основные задачи: 1) разграничить объем понятий «инферирование», «инференция», «импликация», «импликатура»; 2) охарактеризовать инферирование как процесс извлечения смысла при его передаче из ИЯ в ПЯ. Все это потребовало проанализировать взаимодействие инферирования с другими когнитивными механизмами СП в ситуации реального синхронного перевода в языковой паре английский—русский в двух его направлениях для обнаружения различий в проявлении инферирования в СП в переводе на родной язык и с родного языка.

Наше исследование предполагает **смещение различных методов исследования**, объединенных оперативным моделированием реальной коммуникативной ситуации, когда перевод выполняет профессиональный переводчик-синхронист, опыт которого позволяет выбирать предположение, дающее целесообразный вывод. В нашем случае это вариант сравнительно-сопоставительного метода во всей широте возможностей оперативного переводческого моделирования в реальной коммуникативной ситуации. Сравнительно-сопоставительное действие в процессе перевода становится технологическим инструментом для смены плана выражения.

Материалом для исследования являются записи выступлений на ГА ООН и их синхронный перевод, а также материалы экономических форумов, что автоматически подразумевает исследований двух направлений перевода (с иностранного на родной и с родного на иностранный в паре английского и русского языков).

Теоретическая значимость проведенного исследования состоит в проведении разграничений объема понятий терминов, которые имеют и синонимические, и различительные признаки. Это оказывается важным для понимания частностей механизма передачи смысла различными языковыми средствами в переводе в отличие от общих теоретических положений когнитивной лингвистики. В работе дается характеристика когнитивной природы СП и его основных механизмов, которые в прошлом считались (и часто продолжают считаться) лишь переводческими стратегиями. **Практическая ценность** работы связана с определением роли переводчика в формулировании смысла на ПЯ, что может широко применяться в обучении переводу, в том числе синхронному.

Обзор литературы

Когнитивная природа переводческой деятельности предполагает оперативную переработку информации для передачи смысла высказывания на исходном языке (ИЯ) в высказывание на переводящем языке (ПЯ). Когнитивный процесс переработки информации представляет собой извлечение смысловых выводов — импликатур, которые в когнитивной лингвистике и логике иногда называются также инференциями, выводимыми на основе пресуппозиционного знания. Формулирование смысловых выводов — это тема, которой человечество интересуется с момента оформления философских школ в Древней Греции. Первым, кто охарактеризовал вывод — умозаключение, основанное на двух суждениях, был Аристотель, положивший начало логическому анализу языка. В модальной логике выводы тесно связаны с логической истинностью. Формируемое выводное знание (как результат и как когнитивный процесс) изучается в когнитивной лингвистике, где термин «инференция» (*inference*, *inferencing* по-английски) впервые был употреблен У. Селларсом в 1953 году. Под этим термином понимается возможная модель извлечения информации из текста, обусловленная индивидуальными знаниями, т.е. структурой концептуального и языкового тезаурусов реципиента информации. У. Селларс подчеркивает, что реакция на красный предмет или объект возможна только в случае наличия в концептуальном тезаурусе концепта «красный» [1. С. 336].

А. Хилдьярд и Д.Ольсон выявили три типа инференций: *propositional* — пропозиционные, связанные со структурой высказывания; *enabling* — потенциально-оперативные, способствующие выявлению дискурсивных смысловых связей в тексте, например, причинно-следственных отношений; *pragmatic* — прагматические, имеющие отношение к содержанию текста и основывающиеся на содержащейся в нем имплицитной информации [2. С. 91–117]. Исследователи употребляют термин «инференция» в первом значении как процесс выявления смыслового вывода и во втором значении как синоним термина «импликатура речевого общения», который означает сам смысловой вывод, сделанный на основе явно выраженного смысла из контекста и на основе импликации, т.е. смысла подразумеваемого, имплицитного — подтекста. В связи с этим в своей инференциальной модели коммуникации П. Грайс выделяет конвенциональные и коммуникативные импликатуры [3. С. 1975]. Первая группа соотносится с логическими смысловыми выводами или пропозициональными инференциями, смысл которых практически не зависит от контекста, так как они выводятся на основе эксплицитного языкового значения. Вторая группа — коммуникативные импликатуры, возникающие в речевом контексте — соотносится со второй и третьей группой инференций, выделяемых А. Хилдьярд и Д. Ольсоном. Успешность инференциальной модели коммуникации, когда отправителем сообщения делается определенный смысловой посыл, который расшифровывает получатель сообщения, во многом зависит от соблюдения коммуникантами принципа кооперации и одного из его

постулатов по П. Грайсу — коммуникативной релевантности [4. С. 1989]. Теория релевантности Д. Уилсона и Д. Спербера [5] развивает подходы П. Грайса к прагматике. Значение высказывания представляет собой инструмент передачи смысла, заложенного отправителем сообщения в качестве открыто выраженной интенции, который не может быть просто декодирован или расшифрован на основе языковых знаков: получатель сообщения выводит или инферирует смысл сообщения на основе широкого прагматического контекста [5]. «Теорией релевантности понимание высказывания рассматривается как инференциальный процесс (как инферирование¹), основывающийся на входных данных, в которые входят высказывание, сформулированное отправителем сообщения, и вся контекстная информация. На выводе — интерпретация получателем смыслов, заложенных отправителем» [5. С. 3].²

Итак, в прагмалингвистике инференция — это результат текстовой импликации [6]. В этой области инференции могут исследоваться в качестве дискурсивных и ситуационных моделей [7], или метафоро-метонимических инференциальных схем [8].

В структурной лингвистике инференция употребляется как на общеязыковом, так и на терминологическом уровне, например, при описании операций логических пресуппозиций у Ч. Филмора [9], или семантического механизма текстовой импликации у Дж. Байби [10].

В отечественную когнитивную лингвистику термин «инференция» был введен Е.С. Кубряковой, которая в «Кратком словаре когнитивных терминов» определила этот термин как «получение выводных данных в процессе обработки информации и/или само выводное знание, умозаключение, одна из важнейших когнитивных операций человеческого мышления, в ходе которой, опираясь на непосредственно содержащиеся в тексте сведения, человек выходит за пределы данного и получает новую информацию» [11. С. 33]. Е.С. Кубрякова предложила смысловое разграничения понятия «логическое умозаключение» и инференция, означающая семантический вывод на основе прагматического знания и контекста, «с извлечением сверхтекстовой или за-текстовой информации» [12. С. 411].

Такой взгляд на инференцию был поддержан широким кругом исследователей. Н.Н. Болдыревым инференция определяется как формирование смысла имплицитным обращением к другому концепту, т.е. на основе выводимого дополнительного знания [13]. Е.В. Падучева [14] и А.А. Зализняк [15] инференциями называют устойчивые и неустойчивые модели извлечения информации из текста.

¹ Термин наш.

² Перевод наш: «Relevance theory, then, treats utterance comprehension as an inferential process which takes as input the production of an utterance by a speaker, together with contextual information, and yields as output an interpretation of the speaker's meaning.»

При этом исследователи отмечают смешение терминов «инференция» и «импликация» (см. глаголы английского языка *to infer/ to imply*). Так, Дж. Томас также указывает на то, что в английском языке иногда смешиваются значение глаголов *to imply* и *to infer*, когда в речи они порой взаимозаменяются. На самом деле первый глагол имеет отношение к порождению импликатур говорящим, а второй — инференций слушающим [16. С. 58–60]).

В связи с этим предлагается разграничить объемы понятий «инференция» и «импликатура». Адресант, создавая текст и наделяя его смыслом, является носителем импликатуры, которую расшифровывает адресат при помощи смысловых выводов — инференций. Таким образом, импликация/импликатура и инференция — взаимосвязанные понятия, обозначающие процесс порождения и интерпретации смысла, где импликация текста и импликатуры отправителя сообщения становятся основой для инференций реципиента сообщения [17. С. 268–271].

В случае перевода при переходе от текста ИЯ к тексту ПЯ и получателем, и отправителем сообщения является переводчик, порождающий в обоих случаях и импликатуры, и инференции, ограничиваемые с одной стороны инвариантом смысла посылы говорящего, а с другой — рамками понимания рецептора перевода. В связи с этим для описания переводческого процесса интерпретации инварианта смысла сообщения на ИЯ и его передачи на ПЯ предлагаем использовать термин «инферирование». Термином «импликатуры», предложенным Г.В. Черновым в его модели вероятностного прогнозирования и упреждающего синтеза в синхронном переводе и использованным им в двух значениях: как процесс порождения смысловых выводов и сами смысловые выводы, обозначить только второй этап этого процесса — саму передачу смысловых выводов переводчиком [18].

Генерирование смысловых выводов на основе пресуппозиционного знания — это процесс, поэтому термин «инферирование», а не «инференция» «в большей степени соответствует формальной логике: в русском языке для обозначения процессов используются отглагольные существительные» [19. С. 166]. Но и по сути важно отразить именно происходящее действие, которое связано с коммуникативным результатом, что выражается в явной семантике действия, содержащейся в предлагаемой нами интерпретации термина. Инферирование основывается на знаниях пресуппозиций — общих знаниях коммуникантов. Рассмотрим это понятие несколько подробнее, пока не вдаваясь в его детальные классификации, с которыми можно познакомиться в ряде исследовательских работ [20; 21]. Некоторые авторы, например М.Л. Макаров, считая это понятие многозначным, выделяет две группы пресуппозиций: (1) семантические пресуппозиции, близкие к экспликатурам/конвенциональным импликатурам, которые «не подавляются под воздействием контекста и которые конвенциональны в том смысле, что закрепляются за языковыми единицами вне их актуализации» [22. С. 86] и (2) прагмати-

ческие, которые «ориентированы не на предложение, а на коммуникантов» [22. С. 88]. Прагматическую пресуппозицию связывают с представлением коммуникантов о контексте, с понятием общих или фоновых знаний и с условиями уместности или успешности высказывания (там же). Вместе эти факторы составляют «общий когнитивный фонд» участников коммуникации — то есть «общий пресуппозиционный фонд, без которого их совместная деятельность порождения и понимания дискурса затруднена или просто невозможна» (там же). Общность знаний пресуппозиций не означает их полное совпадение у участников коммуникации. При этом весь этот набор знаний — контекста, фоновых знаний и понимания уместности высказывания — способствует успешности коммуникации. Понимание пресуппозиций в переводческом плане означает приблизительную оценку совпадения или несовпадения в знаниях участников двуязычной коммуникации. Эта оценка становится задачей переводчика при перевыражении другими языковыми средствами. Такому пониманию способствует хороший уровень развития языкового и концептуального тезаурусов ИЯ и ПЯ — набора лингвистических и экстралингвистических знаний, позволяющих ориентироваться в узком лингвистическом и широком прагматическом контекстах.

И.И. Халеевой пресуппозиции рассматриваются с переводческих позиций как «невербальный компонент коммуникации», как «сумму условий..., предпосылаемых собственно речевому высказыванию и являющихся национально-специфическим индикатором интракультурного общения». [23. С. 310–312]. Ею были выделены четыре группы пресуппозиций: когнитивные семантические, когнитивные прагматические, вертикально-контекстные и фреймовые пресуппозиций» (там же) в качестве единиц общих знаний коммуникантов.

Для понимания смысла необходимы знания более широкого культурного контекста (термин Т. Гивона [24]), к которому относятся все выделенные И.И. Халеевой пресуппозиции, базирующиеся на лингвоспецифичности «образной системы языка и мышления представителей разных лингвосоциумов» [23. С. 166–172], т.е. коренящихся в языковой и концептуальной картинах мира.

Инферирование в синхронном переводе

Первая классификация смысловых выводов для перевода, в частности, для синхронного перевода, была представлена Г.В. Черновым в его модели вероятностного прогнозирования. Отмечая, что пресуппозиции играют важную роль в продуцировании смысловых выводов (по нашей терминологии, в инферировании), обеспечивая условия смысловой полноты сообщения, тем не менее, особое внимание он уделяет именно импликатурам, генерируемым переводчиком, выделяя среди них четыре группы:

языковые, референциальные, когнитивно-тезаурусные и ситуативно-дейк-сические импликатуры [18. С. 95–105]. Г.В. Чернов также отмечает, что импликатуры не так обширны и богаты, как пресуппозиции, потому что они более ограничены смысловыми рамками сообщения (там же). Тем не менее, когнитивно-коммуникативная природа и импликатур, и пресуппозиций совпадает, что позволило нам выделить среди них два класса (на основе классификации Г.В. Чернова): (1) пресуппозиции и импликатуры могут быть референциально-языковыми (высказанными) и (2) когнитивно-тезаурусными (понятыми). И поскольку переводчик в рабочем процессе одновременно является адресатом и адресантом, для него актуальны все способы продуцирования и выражения смысловых выводов. По сути **референциально-языковые** пресуппозиции и импликатуры связаны с языковыми средствами, описывающими коммуникативную ситуацию перевода, а **когнитивно-тезаурусные**, также реализующиеся в коммуникативной ситуации, имеют отношение к предметной области перевода и шире к полю культуры и общим знаниям о мире.

Языковые пресуппозиции тесно связаны с референциальными, в свою очередь отражающими дискурсивные связи в тексте, обеспечивающие логичность и связность текста, поэтому мы объединили их в одну группу. Референциальные пресуппозиции выявляются на уровне кореферентных цепочек связанных по смыслу высказываний, повторов семантических или лексических элементов и на уровне тема-рематического членения высказывания.

Инферирование, как процесс извлечения смысловых выводов, основано на интерпретации переводчиком инварианта смысла. Описанный выше процесс универсален: он относится ко всем видам и направлениям перевода. Но в СП этот процесс дополняется вероятностным прогнозированием и компрессией как когнитивными механизмами, к которым переводчик вынужден обращаться из-за жесткого давления внешних факторов коммуникативной ситуации синхронного перевода.

Как уже отмечалось [25; 26], вероятностное прогнозирование означает выдвижение гипотезы о развитии смысла в тексте. Такой прогноз во многом зависит от знания переводчиком параметров коммуникативной ситуации перевода — темы мероприятия и предметной ситуации в целом, его участников, дейксиса, что, как и в случае с инферированием, основывается на знаниях экстралингвистических пресуппозиций. Еще одним важным лингвистическим фактором, влияющий на успешность прогнозирования, связан с дискурсивными характеристиками самого текста, его когезией и когерентностью. Речь идет о его внутреннем смысловом единстве, выражающемся специфическими лингвистическими средствами. Языковая специфичность выражения глубинных и поверхностных связей в тексте на ИЯ и ПЯ также предполагает знание референциально-языковых пресуппозиций (относящихся к первой группе по нашей классификации) обоих языков.

Спецификой участия переводчика в коммуникации с использованием перевода является отсутствие какого-либо влияния на природу коммуникативного текста, логика которого может значительно отличаться от всех обсуждаемых лингвистических закономерностей. Коммуникативная информация в переговорном процессе отличается достаточной избыточностью текстов, что может выражаться в повторах и не всегда логичных тематических связках. В этой ситуации необходимо эффективное взаимодействие когнитивных механизмов вероятностного прогнозирования и инферирования. Избыточность повышается в случае принадлежности текста к определенной предметной области. Если текст принадлежит к сфере специальной коммуникации, обслуживаемой языком для специальных целей (ЯСЦ), он обладает определенными функциональными характеристиками, также повышающими его избыточность. В этом случае переводчик может пользоваться и третьим когнитивным механизмом СП — компрессией. Ее использование может объясняться прежде всего актуализирующимися в контексте структурно-языковыми особенностями текстов ИЯ и ПЯ.

Таким образом, важная роль отводится функции текста, его когезии и когерентности, влияющим на избыточность информации в тексте и способствующим взаимодействию когнитивных механизмов инферирования, вероятностного прогнозирования и компрессии.

Результаты исследования

Понимание инструментальности пресуппозиций связано с переводческим ожиданием истинности передачи смысла на языке перевода. Переводческие трансформации становятся не столько переводческой интерпретацией смысла, сколько ожиданием правильного (элемент истинности) понимания плана содержания переводимой информации адресатом (пользователем) перевода. То есть одним из основополагающих моментов коммуникации является понимание и оценка переводчиком ситуации коммуникации. Важной особенностью этого процесса является своеобразная трансформация смысла в условиях асимметрии имплицитных языковых маркеров, например метафор и других асимметричных элементов ситуации, связанных с избирательностью языковых признаков ее описания.

Переводчик, следуя логике интерпретации смысла, меняет признаки, заложенные в основании образов метафор, или используемые при описании ситуации при переходе от ИЯ к ПЯ. Инференциальный вывод в переводе становится возможным только при наличии соответствующих языковых и когнитивно-тезаурусных пресуппозиций переводчика.

Как уже было сказано выше, в СП инферирование тесно взаимодействует с вероятностным прогнозированием и компрессией. В связи с этим переводчик внимательно анализирует линейно разворачивающийся текст на предмет

ключевых слов и повторяющейся информации, которую можно при переводе сжать языковыми средствами. В приведенном ниже примере достаточно целостного текста — фрагмента процесса перевода — полужирным шрифтом выделены ключевые слова при их введении в текст, а курсивом выделены повторы ключевой информации, на которых строится вероятностное прогнозирование и компрессия:

I wanted to share two more thoughts before answering the questions. One is that, in this part of the world — what is called here **ECA**, *which is Europe and Central Asia* — one of the main *challenges* we have been facing over the last 15–20 years has been **creating jobs**. And that will be part of my answer. I think one of the big *challenges* has been that **income** from *labour, from jobs*, has been decreasing as a share of *total income*. So you will have seen that there **has been decreasing** as a share of *total income*. So you will have seen that there has been very **strong wage growth** in *Europe and Central Asia* throughout this period, but, on the other hand, *employment growth* has not matched *this wage growth*. *Europe and Central Asia* face a *real challenge* when it comes to *creating new jobs*. So, if you will, *income* **has improved through jobs**, but this income **is less shared**.

To answer the question you raised, I think it is very important for us to think about three things. One, we **need to grow**; *economic growth is extremely important*. Second, *that economic growth needs to be shared*. When you consider how to go about *sharing it* — and that is why I wanted to *bring employment* into this — you see that *jobs* **matter** enormously.

Прежде чем ответить на ваши вопросы, мне бы хотелось поделиться еще двумя мыслями. Первая заключается в том, что в этой части мира, называемой **Европой и Средней Азией** (опущение), *главной проблемой/задачей*, стоящей перед нами за последние 15–20 лет, было **создание новых рабочих мест**. И в этом заключается часть ответа на вопрос. Я думаю, одна из *главных проблем* состояла в том, что (доля) *доход, получаемый в результате трудовой деятельности*, (*jobs* можно пропустить — опущение), падает по отношению к общему доходу. **Таким образом, наблюдается падение его доли в общем доходе**. (Можно полностью опустить). Также наблюдается **резкий рост уровня заработной платы в Европе и Средней Азии** (*можно перевести — в этом регионе*) за весь период, но с другой стороны, *темпы появления новых рабочих мест* не соответствуют *росту заработной платы* (лучше повторить, а не просто сказать «*такому росту*»). *Перед данным регионом* (если есть время, лучше повторить — в Европе и Средней Азии) стоит *реальная проблема создания новых рабочих мест*. Таким образом, *доходы* **растут** из-за создания *новых рабочих мест*, но **далеко не у всех**.

Для ответа на ваш вопрос очень важно принимать во внимание три аспекта. Первое, **необходим экономический рост, экономический рост очень важен** (повторение, поэтому опускается в переводе). Второе, *экономический рост* должен быть *в интересах всех слоев/групп населения*. **Как это сделать**

(смысловая компрессия) — речь идет о *создании новых рабочих мест/о повышении занятости*. Понятно, что *этот вопрос* (замена, вместо повтора «создание новых рабочих мест» или «повышение занятости») **имеет первостепенное значение**³.

Практическое осмысление (смотрите пример выше) изложенной нами концепции актуализирует мысль Г.В. Чернова о когнитивно-тезаурусных ресурсах переводчика [18. С. 99]. Синонимический ряд, который всегда помогает в практической переводческой деятельности, оперативно упрощает перефразирование с целью компрессии. Тезаурусное представление понятий предметной области происходящей коммуникации — это, безусловно, инструментальный ресурс переводчика.

Обсуждение

Смысловая структура сообщения зависит от функционально-прагматической рамки высказывания, куда входит предметная пропозиция, дейктическая, модально-фактивная, оценочная и прагматическая составляющие сообщения [18. С. 72]. На наш взгляд, последняя группа, трактуемая Г.В. Черновым в узком плане с точки зрения участников коммуникации, непосредственно связана с дейктической информацией. Любая из этих типов информации может оказываться в фокусе коммуникации, т.е. рематизироваться, что связано с ведущими функциями текста ИЯ, его дискурсивными характеристиками в плане когезии и когерентности и избыточности информации. Как уже подчеркивалось выше, вероятностное прогнозирование облегчается такими факторами как особая логическая организация текста. В нее входят и повторы как фактор текстовой избыточности. Особенность логической организации текста может также диктоваться его принадлежностью к определенной предметной области, относящейся к сфере специальной коммуникации. Прогнозирование и инферирование проявляют себя на всех этапах переводческого процесса: и на этапе анализа, т.е. девербализации и поиска переводческих решений, и ревербализации. Анализ вышеперечисленных смысловых компонентов сообщения на ИЯ и его ревербализация на ПЯ основываются на знании переводчиком референциально-языковых и когнитивно-тезаурусных пресуппозиций, что подводит нас к выделению единицы перевода в процессе взаимодействия трех когнитивных механизмов СП: инферирования, вероятностного прогнозирования и компрессии. Эта тема требует более детального исследования. В настоящий момент очевидно, что единица перевода — понятие

³ «Социальное неравенство как катализатор нестабильности. Как предотвратить реакцию?». Панельная дискуссия на Петербургском международном экономическом форуме, 2016. Режим доступа: <https://forumspb.com/archive/2016/programme/53041/> (дата обращения: 20.12.2021).

не стабильное, не устойчивое и может быть выявлено только на основе пресуппозиционных знаний и других когнитивных факторов, связанных с личностью переводчика.

Существенным элементом прогнозирования в переводческом процессе, на наш взгляд, является интуиция. В связи с этим достаточно важно вернуться к тем трем типам инференции (*propositional, enabling, pragmatic*), предложенными А. Хилдьярд и Д. Ольсоном [2] и представить наше понимание построения причинно-следственных отношений в процессе обращения переводчика к собственным тезаурусным ресурсам. Между пропозициями высказывания и их прагматическим восприятием необходим канал опосредованной связи, который оказывается обязанностью переводчика. Необходимый в конкретный момент фрагмент тезауруса переводчика может потребовать более глубокого анализа для генерирования эквивалента, чем позволяют обстоятельства коммуникации. Интуитивное понимание смысла, происходящее из структуры высказывания и его прагматического потенциала с достаточно высокой вероятностью становится основой для перевыражения имплицитной информации сообщения.

Выводы

В качестве вывода в нашем исследовании хотелось бы подчеркнуть, что в СП взаимодействие трех исследованных когнитивных механизмов во многом определяется функционально-дискурсивными характеристиками текста. Если текст принадлежит к сфере специальной коммуникации, обслуживаемой ЯСЦ, что типично для коммуникативной ситуации СП, то его избыточность и предсказуемость повышается в связи с повторением ключевых понятий и в целом ограниченностью определенными тематическими рамками конкретной предметной области и логичностью изложения.

В отличие от инференции, традиционно рассматриваемой в лингвистике как текстовой характеристики, мы вводим понятие инферирования, которое предполагает деятельностное соучастие переводчика в перевыражении передаваемого в процессе коммуникации смысла. Извлечение смысловых выводов, которое объективно необходимо переводчику при перевыражении — это одновременно и когнитивный процесс, предшествующий перевыражению или интерпретации инварианта смысла на основе пресуппозиционного знания.

В теории и практике перевода инферирование — это универсальное действие в поисках логического вывода для перевыражения имплицитного смысла конкретного высказывания через когнитивно-тезаурусные ресурсы переводчика с учетом прагматических целей высказывания каждой стороны коммуникативного процесса.

Библиографический список

1. *Sellars W.* Inference and Meaning // *Mind*. 1953. Iss. 62 (3). P. 313–338.
2. *Hildyard A., Olson D.R.* Memory and Inference in the Comprehension of Oral and Written Discourse // *Discourse Processes*. 1978. Iss. 1. P. 91–117.
3. *Grice H.P.* Logic and Conversation // *Syntax and Semantics*. Vol.3.. P. Cole and J.L. Morgan (eds.). N.Y.: Academic Press, 1975. P. 41–58.
4. *Grice H.P.* Studies in the Way of Words. Cambridge MA: Harvard University Press, 1989. P. 368–372.
5. *Wilson D., Sperber D.* Relevance Theory // *Handbook of Pragmatics*, L. Hord and G. Ward (eds.). Oxford: Blackwell, 2016. C. 249–287.
6. *Brown P., Levinson S.C.* Universals in language usage: Politeness phenomena. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1978.
7. *Dijk (van) T., Kintsch W.* Strategies of discourse comprehension // *Language*. 1986. Vol. 62. Iss. 3. P. 664–668.
8. *Panther K-U., Thornburg L.* Metonymy // *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*, G. Geeraerts, H. Cuyckens (eds.). Oxford, New York: Oxford University Press, 2007.
9. *Fillmore Ch.* Types of Lexical Information // *Studies in Syntax und Semantics*, F. Kiefer (Ed.). Dordrecht: Reidel, 1969. P. 109–137.
10. *Bybee J., Perkins R., Pagliuca W.* The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World. Chicago & London: The University of Chicago Press, 1994.
11. *Кубрякова Е.С.* (ред.). Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филологический факультет МГУ, 1997.
12. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
13. *Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.
14. *Падучева Е.В.* О семантике просодических сдвигов и вкладе просодии в семантику предложения // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 2004. № 5. С. 10–15.
15. *Зализняк А.А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянской культуры, 2006.
16. *Thomas J.* Meaning in Interaction: an Introduction to Pragmatics. London and New York: Routledge, 2013.
17. *Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 1999.
18. *Чернов Г.В.* Основы синхронного перевода. М.: Высшая школа, 1987.
19. *Коровкина М.Е., Семенов А.Л., Рыкова П.А.* Синхронный перевод: когнитивные механизмы и стратегии // *Перевод и культура: взаимодействие и взаимовлияние: сб. тезисов IV Общеросс. науч. онлайн-конф. с межд. участ., Нижний Новгород, 10–11 октября 2020 г.* / отв. ред. А.В. Иванов. Нижний Новгород: НГЛУ. 2020. С. 166–169.
20. *Арутюнова Н.Д.* Понятие пресуппозиции в лингвистике // *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*, 1973. Т. 32. Вып.1. С. 325–331.
21. *Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В.* Истоки, проблемы и категории прагматики // *Новое в зарубежной лингвистике*. М. 1985. Вып.16. С. 8–42.
22. *Макаров М.* Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.
23. *Халева И.И.* Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. М.: Высшая школа, 1989.
24. *Givon T.* Mind, Code and Context: Essays in Pragmatics. New Jersey, L.: Hillsdale, 1989.
25. *Коровкина М.Е.* Наследие Г.В. Чернова и его значение для российских и европейских исследований синхронного перевода // *Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода*. 2020. № 4. С. 121–135.
26. *Зубанова И.В.* Функционально-прагматическая «рамка» — основа успешного осуществления устного последовательного перевода // *Точка сборки или нелегкий труд стрекоты. Статьи об устном переводе*. М.: Р. Валент, 2019. С. 105–115.

References

1. Sellars, W. (1953). Inference and Meaning. *Mind*, 62 (3), 313–338.
2. Hildyard, A. & Olson, D.R. (1978). Memory and Inference in the Comprehension of Oral and Written Discourse. *Discourse Processes*, 1, 91–117.
3. Grice, H. P. (1975). Logic and Conversation. In: *Syntax and Semantics*, P. Cole and J.L. Morgan (eds.). Vol.3. New York: Academic Press. pp. 41–58.
4. Grice, H.P. (1989). *Studies in the Way of Words*. Cambridge MA: Harvard University Press, 368–372.
5. Wilson, D. & Sperber, D. (2016). Relevance Theory. In: *Handbook of Pragmatics*, L. Hord and G. Ward (eds.). G. Oxford: Blackwell. pp. 249–287.
6. Brown, P. & Levinson, S.C. (1978). *Universals in Language Usage: Politeness Phenomena*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.
7. Dijk, (van) T. & Kintsch, W. (1986). Strategies of Discourse Comprehension. *Language*, 62, 3, 664–668.
8. Panther, K-U. & Thornburg, L. (2007). Metonymy. In: *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*, G. Geeraerts, H. Cuyckens (eds.). Oxford, New York: Oxford University Press.
9. Fillmore, Ch. (1969). Types of Lexical Information. In: *Studies in Syntax and Semantics*, F. Kiefer (Ed.). Dordrecht. pp. 109–137.
10. Bybee, J., Perkins, R. & Pagliuca W. (1994). *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World*. Chicago & London: The University of Chicago Press.
11. Kubryakova, E.S. (ed.) (1997). *Concise Dictionary of Cognitive Terms*. Moscow: Philology Faculty State University. (In Russ.).
12. Kubryakova, E.S. (2004). *Language and Knowledge: on the Way to Generating Knowledge about Language: Parts of Speech in a Cognitive Perspective. Language's Role in World's Cognition*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. (In Russ.).
13. Boldyrev, N.N. (2014). *Cognitive Semantics. Introduction into Cognitive Linguistics*. Tambov: TGU im. G.R. Derzhavina. (In Russ.).
14. Paducheva, E.V. (2004). On Semantics of Prosodic Shifts and Prosody's Contribution into Semantics of the Sentence. *News by RAN (Russian Academy of Sciences). Series of literature and language*, 5, 10–15. (In Russ.).
15. Zaliznyak, A.A. (2006). *Polysemy in Language and Ways of its Representation*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. (In Russ.).
16. Thomas, J. (2013). *Meaning in Interaction: an Introduction to Pragmatics*. London and New York: Routledge.
17. Zalevskaya, A.A. (1999). *Introduction to Psycholinguistics*. Moscow: RGGU. (In Russ.).
18. Chernov, G.V. (1987). Fundamentals of simultaneous translation. Moscow: Vysshaya Shkola. (In Russ.).
19. Korovkina, M.E., Semenov, A.L. & Rykova, P.A. (2020). Simultaneous Interpreting: Cognitive Mechanisms and Strategies. Translation and Culture: Interaction and Interinfluence. In: *Translation and culture: interaction and mutual influence: collection of theses of the IV All-Russian Scientific. online conf. with inter. plot., Nizhny Novgorod, October 10–11, 2020, A.V. Ivanov (Ed.)*. Nizhny Novgorod: NGLU. pp. 166–169. (In Russ.).
20. Arutyunova, N.D. (1973). The Notion of Presupposition in Linguistics. *News of the USSR Academy of Sciences. Series of literature and language*, 32, 1, 325–331. (In Russ.).
21. Arutyunova, N.D. & Paducheva, E.V. (1985). Sources, Problems and Categories of Pragmatics. *New Trends in Foreign Linguistics*, 16, 8–42. (In Russ.).
22. Makarov, M. (2003). *The Fundamentals of Discourse Theory*. Moscow: Gnozis. (In Russ.).
23. Khaleeva, I.I. (1989). *The Theoretic Basics of Teaching Understanding a Foreign Language*. Moscow: Vysshaya Shkola. (In Russ.).
24. Givón, T. (1989). *Mind, Code and Context: Essays in Pragmatics*. New Jersey: Hillsdale.

25. Korovkina, M.E. (2020). G. Chernov's Heritage and its Importance for Russian and European Studies of Simultaneous Interpreting. *Moscow University Translation Studies Bulletin. Seriya* 22, 4, 121–135. (In Russ.).
26. Zubanova, I.V. (2019). Functional and Pragmatic Frame — the Basis of Success in Consecutive Interpreting. In: *Integration Point or Heavy Burdon of Dragonfly. Articles about Consecutive Interpreting*. Moscow: R. Valent. pp. 105–115. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Коровкина Марина Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 1, МГИМО-Университет (Московский государственный институт международных отношений). *Сфера научных интересов*: проблемы перевода, в том числе синхронного, в частности, моделирование смысла, компаративистика, когнитивная лингвистика, межкультурная коммуникация (русский, английский, испанский): *e-mail*: mekorovkina@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-7423-0541, SPIN-код: 9873-4733.

Семенов Аркадий Львович, доктор филол.н, профессор, профессор кафедры переводоведения и практики перевода английского языка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета. *Сфера научных интересов*: теория перевода, новые информационные технологии в переводе: *e-mail*: arksem@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-7158-884X, SPIN-code: 4328-0994.

Information about the authors:

Marina Ye. Korovkina, PhD (Philology), Assistant Professor, English Language Department № 1, MGIMO-University (Moscow State Institute of International Relations. *Research interests*: problems of translation, including simultaneous translation, in particular, modeling of meaning, comparative studies, cognitive linguistics, intercultural communication (Russian, English, Spanish): *e-mail*: mekorovkina@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-7423-0541, SPIN-код: 9873-4733.

Arkady L. Semenov, Doctor of Philology, Professor, professor, the Department of Translation Theory and Practical Translation of English, Department of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University. *Research interests*: theory of translation, innovative information techniques in translation, *e-mail*: arksem@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-7158-884X, SPIN-code: 4328-0994.

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-353-363

УДК 81'22:791.4

Научная статья / Research article

Гипотипозис в гетерогенных экранных текстах на примере АСМР-видео

Ю.А. Евграфова

Московский государственный областной университет,
141014, Московская область, Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

 212.155.04@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья рассматривает особенности функционирования риторической фигуры гипотипозиса в нетипичном для него тексте — экранном (гетерогенном). Актуальность проводимого исследования обусловлена доминированием таких текстов в современной коммуникации и их усиливающимся влиянием на формирование общественного мнения, в том числе и при помощи имплицитных манипуляций, конструируемых риторическими средствами. Целью данной статьи является выделение особенностей и средств конструирования риторической фигуры гипотипозиса в гетерогенном экранном тексте АСМР. Материалом исследования послужили АСМР-видео, реализуемые на он-лайн платформе YouTube. В качестве методов исследования были выбраны описательные методики (наблюдение; обобщение; интерпретация результатов наблюдения; классификация; анализ; синтез; сравнение), контекстуальный и дистрибутивный анализ, а также функционально-прагматический анализ. В ходе исследования были обнаружены следующие результаты. В гетерогенных экранных текстах, в частности АСМР-видео, гипотипозис конструируется на основании метонимической и метафорической связи, возникающей между вербальными и невербальными единицами в ходе их констелляции в экранной «речи» текста. Он регламентируется аналитическим синестетическим кодом. Использование гипотипозиса в экранных текстах АСМР «изображает» незримое — у зрителя-реципиента возникают тактильные ощущения от внешних раздражителей, которые на самом деле отсутствуют, а именно симуляцию реальности. Кроме того, семиотическая «матрешка» кодов позволяет управлять сознанием зрителя-реципиента, создавая эффект повышенного влияния информации на его поведение — фасцинацию. Данная статья рассчитана на студентов, аспирантов, преподавателей, лингвистов, филологов, а также всех, кто интересуется общей и лингвистической семиотикой.

Ключевые слова: гетерогенный текст, экранный текст, АСМР, семиотика, гипотипозис, фасцинация

История статьи:

Дата поступления: 25.01.2021

Дата приема в печать: 15.02.2022

© Евграфова Ю.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования:

Евграфова Ю.А. Гипотипозис в гетерогенных экранных текстах на примере АСМР-видео // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 353—363. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-353-363>

Hypotyposis in Heterogeneous Screen Texts: Case Study of ASMR-Videos

Yulia A. Evgrafova

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytyshi 141014, Moscow reg., Russian Federation

 212.155.04@mail.ru

Abstract. This article examines the peculiarities of the functioning of the rhetorical figure hypotyposis in an atypical for its nature type of the text — a heterogeneous screen text. The relevance of the study is determined by the supremacy of such texts in modern communication and their increasing influence on the formation of public opinion, including the use of implicit manipulations, constructed by rhetorical means. The aim of this article is to examine means of constructing hypotyposis in heterogeneous screen texts. ASMR-videos published on the online platform YouTube were chosen as the research material. Descriptive techniques (observation; generalization; interpretation of observation results; classification; analysis; synthesis; comparison), contextual and distributive analysis, as well as functional-pragmatic analysis were chosen as the research methods. The following results were found in the course of the study. In heterogeneous screen texts, in particular ASMR-videos, the hypotyposis is constructed on the basis of metonymic and metaphorical connection arising between the verbal and non-verbal units in the course of their constellation in the screen “speech”. It is regulated by the analytical synaesthetic code, which has a number of subcodes: auditory-visual, visual-auditory, visual-tactile and visual-objective. The use of hypotyposis in ASMR screen texts “depicts” the invisible — the viewer-recipient experiences certain perceptual sensations from stimuli that do not really exist — a simulation of reality. Besides, a semiotic “nest doll” of codes allows to control the consciousness of the spectator-recipient, creating fascination. This article is aimed at students, graduate students, teachers, linguists, philologists, and anyone else interested in general and linguistic semiotics.

Key words: heterogeneous text, screen text, ASMR, semiotics, hypotyposis, fascination

Article history:

Received: 25.01.2021

Accepted: 15.02.2022

For citation:

Evgrafova, Yu.A. (2022). Hypotyposis in Heterogeneous Screen Texts: Case Study of ASMR-Videos. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), 353—363. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-353-363>

Введение

АСМР, или же автономная сенсорная меридиональная реакция (с англ. Autonomous sensory meridian response, ASMR), под которой понимается такая ситуация, когда у зрителя-реципиента возникают ощущения «мурашек»,

вызванные слуховыми и изобразительными средствами [1]. В АСМР-видео, обычно, на первый план помещён ведущий, обращающийся напрямую к зрителю-реципиенту и сопровождающий свой голос (как правило это шёпот) причмокиваниями, постукиваниями, скрежетом, плавными пассажами руками, с одной единственной целью — расслабить, убаюкать и успокоить его. Наиболее популярным видом АСМР-видео является, так называемая, ролевая игра (role play), имитирующая ту или иную бытовую ситуацию и разговор со зрителем-реципиентом. Задействованные в создании таких видео слуховые и изобразительные единицы являются триггерами гаптического (телесного) удовольствия, возникающего в сознании зрителя-реципиента.

АСМР-видео рассматриваются учёными как экранные тексты с различных точек зрения: коммуникативистики [2–4], медиалингвистики и эстетики [5; 6], рекламы [7; 8], стилистики [9]. Исследуются их коммуникативные характеристики, эстетика, место в слайм-культуре, а также жанрово-стилистические особенности. Реализация риторического в экранных текстах АСМР еще не рассматривалась современными учеными, хотя на сегодняшний день существует ряд работ, изучающих экранные тексты кино и телевидения в аспекте риторики. Например, в рекламных текстах выделяются приёмы, в том числе и риторические, используемые с целью манипулятивного воздействия [10–12], а в текстах кино обсуждается возможность функционирования гипотипозиса [13].

В данной статье ставится цель рассмотреть гетерогенные экранные тексты АСМР с позиции конструирования в них риторических средств, а именно, гипотипозиса, и выделить основные средства и особенности его создания в аудиовизуальном экранном пространстве.

Конструирование гипотипозиса в экранных текстах АСМР

В общем и целом, гипотипозис можно определить как словесный описательный приём, при котором вербальное замещает визуальное, формально отсутствующее перед взором читателя так, что оно становится зримым и вызывающим некий эмоциональный отклик.

Гипотипозис это риторическая фигура, используемая изначально в письменном тексте (монокодовом-мономодальном), которая может быть обнаружена и в совершенно другом типе текста, воспроизведенном уже не на письме, а на экране — в гетерогенном тексте, образованном различными кодами и модальностями (в фильмах, телевизионных передачах, видео различных Интернет-сервисов). В этой связи в качестве материала исследования послужили видеотексты, публикуемые на платформе YouTube, в жанре АСМР. Для демонстрации хода исследования были выбраны конкретные АСМР-видео “A relaxing scalp check & scalp treatment — gloves, glass pipette, scalp scratching and layering” [14].

В ходе исследования использовались описательные методики (наблюдение; обобщение; интерпретация результатов наблюдения; классификация; анализ; синтез; сравнение), контекстуальный и дистрибутивный анализ с целью выявления вербально невыраженных, неэксплицитных смыслов, а также функционально-прагматический анализ для рассмотрения отдельных компонентов текста с точки зрения их роли в организации целого текста.

Гипотипозис в гетерогенных экранных текстах АСМР: базисные элементы «языка» экранности

АСМР-видео рассматриваются в данной работе как гетерогенные, поликодовые-полимодальные экранные тексты, образованные рядом многоплановых единиц, как, например, изображением статическим (постеры, фотографии, картины и т.п.) и динамическим (движение), звуком (человеческой речью, музыкой), шумами, т.е. в его основе лежат как пространственные, так и временные базисные элементы «языка» экранности.

Рассмотрим в качестве примера текст АСМР в формате ролевой игры “A relaxing scalp check & scalp treatment — gloves, glass pipette, scalp scratching and layering” [14], основанный на ситуации из реальной действительности — визите к трихологу (специалисту, занимающемуся проблемой роста волос). На первом плане представлена ведущая и голова манекена с париком. В руках у неё специальная расчёска для проверки кожи головы и фолликулов. С первых минут зритель понимает, что он играет роль пациента, а ведущая — врача-трихолога. Логически текст можно разделить на несколько частей. Знакомство, сама процедура и прощание.

Первые полторы минуты занимает такой диалог со зрителем-реципиентом:

– *Hello, lovely!* // *Привет, дорогая(-ой)* — *здесь и далее перевод наш* — Ю.А.)
(пауза, поглаживание волос манекена)

– *How are you?* // *Как ты?* (пауза, почёсывание волос манекена)

– *Goood...* // *Хорошоооо* (очень нежный шёпот, поглаживания)

– *So || you've been experiencing || a really || itchy || dry || scalp. Is that right? ||*
Итак, у Вас сухая и зудящая кожа головы. Верно? (во время пауз, обозначенных знаком || ведущая поглаживает, шепчет, чешет и скребет голову манекена).

– *So, what are I'm going to do || is || to give your sculp || really good scalp check || and give it a really good treatment.* // *Итак, что я собираюсь сделать — это осмотр кожи головы и уход за ней* (пощёптывания, поглаживания, отделяет прядки волос и рассматривает их)

– *Does that sound ok?* // *Договорились?* (поглаживание, шёпот) [14].

В ходе знакомства ведущая использует ключевые слова, объясняющие, что происходит, и которые задают смысловой вектор текста. Прилагательные *itchy (сухая), dry (зудящая)*, а также почёсывание кожи головы манекена, поглаживание по волосам, осмотр отдельных прядей безмолвно «изображают»,

как бы намекают на то, что по задумке автора текста должен испытывать зритель-реципиент. Существительные *sculp check (осмотр кожи головы)* и *good treatment (уход)* напрямую говорят о том, что ждёт его в дальнейшем, апеллируя к определённым представлениям, связанным с осмотром кожи головы и уходом за ней, как индивидуально-личностным, так и обобщённым. Самые первые слова ведущей *lovely (дорогая(-ой))*, *How are you? (Как ты?)* создают приятную и комфортную атмосферу, помогают расслабиться и довериться ведущей.

Дальше зрителя-реципиента «усаживают» и процедура начинается:

– *So, I just need you to || sit there and relax.* // *Итак, мне нужно, чтобы Вы сели и расслабились* (шёпот, поглаживания)

– *So, I'm gonna start || by assessing your hair || grooming through it || then I'll start to check.* // *Итак, я начну с оценки Ваших волос, расчесывая их, затем я начну саму проверку.* (шёпот, поглаживание, проводит ногтями по манекену) [14].

Зрителю-реципиенту опять озвучивается, что будет дальше (оценка качества волос, расчесывание их, а затем и сама проверка кожи головы), ему настоятельно советуют расслабиться и получить удовольствие от виртуального осмотра. Далее ведущая замолкает и начинает внимательно осматривать волосы, выбирая отдельные прядки, проводя по ним руками. Все единицы текста, а именно манекен с париком, избыточные фразы ведущей, паузы, шумы (скрежет при осмотре, шорох от одежды ведущей), паузы имеют конкретное значение «я осматриваю Вашу кожу головы, которая в данный момент зудит и чешется». Симулируется разговор со зрителем-реципиентом через обращение к нему напрямую, его предупреждают, что будет происходить дальше, и что он должен предположительно «ощущать» (как будто его волосы и кожу головы реально осматривают).

На протяжении всего осмотра ведущая комментирует состояние волос и кожи головы:

– *Your hair feels quite soft, but your ends are very dry* // *Ваши волосы на ощупь мягкие, но кончики очень сухие.* (внимательно осматривает кончики, чешет кожу головы)

– *Do you find that your hair gets flyaway, staticlike when it's wet? Yeah...* // *Вы не замечали, что Ваши волосы становятся непослушными, электризуются, когда на улице влажно?* (шёпот, поглаживание, почёсывание расчёской)

Так зритель-реципиент вовлекается в процесс, начинает испытывать определенные ощущения «мурашек».

Далее начинается собственно сам осмотр кожи головы: ведущая молча отделяет пряди расческой, почёсывает кожу, осматривает её, шепчет что-то еле слышно, иногда сопровождая такими репликами как: *So, look ..., Okay..., Let's see..., Good..., It seems that you possibly could ..., There, I got it ... etc.* (*Итак, посмотрите, ..., Хорошо ..., Давайте посмотрим ..., Кажется, что Вы могли ..., Вот оно, достала... и т.д.*), сопровождая всё это шорохом, по-

чёсыванием и скрежетом. Заканчивается текст фразой *You take care, then. Bye-bye!* (*Берегите себя. Пока-пока!*).

Представим единицы экранной «речи» данного текста в виде таблиц (см. Табл. 1 и Табл. 2)

Таблица 1 / Table 1

**Вербальные единицы экранной «речи» /
Verbal units of screen «speech»**

Дискурсивные маркеры / Discursive markers	Слова-связки / Linking words	Прилагательные / Adjectives	Существительные / Nouns	Глаголы / Verbs
Okay	Let's see	itchy	lovely	sit
Now, I'll start with...	It seems	dry	sculp	relax
I gonna start there first	There, (I got it)	soft	treatment	assessing (your hair)
I'll put different treatment on now	Let's have a look.	dry	scalp check	grooming (through it)
Now, I'll put on some...	There we go!	flyaway	patches	get (it) out
You take care, then.	Well	staticlike		itching (too much)
Bye-bye!	Yes, that's what it looks like			got (it) hurt
Yes!	Perfect			most affected (excessively) picking (It will) feel quite cold
	Good			
	Yeah			
	Here you go then.			

Таблица 2 / Table 2

**Невербальные единицы экранной «речи» /
Nonverbal Meanings of Screen «Speech»**

Пространственные / Spatial	Временные / Temporary	
визуальные единицы / visual units	визуальные единицы в движении / visual units in motion	звуковые / sound
расчёска	поглаживает волосы	шорох
парик	берет в руку волосы	треск
манекен	расчёсывает	шуршание
пинцет	надевает перчатки	постукивание
уходовое средство	скребёт ногтями голову	скрежет
ватная палочка	скребёт расчёской голову	шелест
	отделяет пряди волос	шепоток
	рассматривает пряди	перешёптывание
	массирует кожу головы пальцами	
	наносит уходовое средство	
	заворачивает волосы в пленку	

Визуальные единицы данного текста (пространственный базисный элемент) — ведущая, её движения и пассы руками, манекен и парик, расчёска находятся в состоянии потенциального означивания (репрезентаменов) и сопро-

вождаются слуховым временным базисным элементом, который воплощается в данном тексте в звуковых единицах, которые выступают частью денотативного экранного пространства. Контекстуальный, дистрибутивный и функционально-прагматический анализ текста показывают, что выделенные базисные элементы неделимы и континуальны (нет необходимости выделения в них изолятов), а также функциональны. Они отсылают к совершенно определенной реальности — жестам, позам, предметам, избыточным репликам.

Реплики ведущей являются основной смыслообразующей единицей, которую дополняют различные единицы в движении, такие, как почесывание расчёской и проведение расческой по коже головы, отделение прядей, поглаживание по волосам и звуки, исходящие от них. Единство этих единиц экранной «речи» текста описывают незримое и заставляют зрителя-реципиента «включиться» в происходящее на экране. Гипотипозис в данном случае заключается в том, что гаптический опыт зрителя-реципиента, реально не существующий, не просто описывается вербально, но и «изображается» в гетерогенном экранном тексте с различных сторон, визуально и при помощи звуков. Он конструируется контаминацией пространственного и временного базисного элементов, выраженных в экранной «речи» изобразительными и звуковыми единицами (жесты и позы ведущего, нашёптываемый им текст, причмокивания, а также звуки от совершаемых им действий). Подобное изображение «незримого» вызывает в зрителе-реципиенте ощущение релаксации и «мурашек».

Кодирование, знаковое поведение и типы связи вербальных и невербальных единиц, возникающие при гипотипозисе в гетерогенных экранных текстах АСМР

Как мы видим из таблиц 1 и 2, поликодовый и полимодальный характер анализируемых текстов влияет на организацию пространственно-временного континуума текста и предполагает контаминацию вербальных и невербальных единиц, регламентирующихся различного рода кодами. Следует отметить, что в тексте действия ведущей не всегда сопровождаются вербальным комментарием. Такое исключение лингвистического кода из фрагментов текста не препятствует конструированию гипотипозиса — экранный континуум в таких случаях организуется при помощи визуального и паралингвистического кодов.

В тексте АСМР базисные элементы «языка» экранности намерено комбинироваться так, чтобы вызвать у зрителя-реципиента некую перцептивную реакцию на основании континуального взаимодействия двух и более кодов — *аналитического синестетического кода*. С его помощью в АСМР-видео конструируется метонимическая и метафорическая связь. Так, невербальные единицы, знаки-иконы (манекен с париком, повернутый к камере

«затылком») и действия, совершаемые над ним ведущей, становятся в силу своей смежности знаками-индексами перцептивных переживаний, которые мог бы вполне реально ощутить зритель-реципиент в обычной жизни при подобном непосредственном соприкосновении. Такую связь можно обозначить как *метонимическую*. В ином случае реплики ведущей избыточно комментируют все совершаемые действия для «изображения» незримых перцептивных ощущений — зрительная и слуховая модальности воздействуют на тактильную при помощи аналитического синестетического кода, описывая несуществующие ощущения, что правомерно рассматривать как *метафорическую* связь.

Итоги

На основании метонимической и метафорической связи между вербальными и невербальными единицами в экранных текстах АСМР конструируется гипотипозис. В его основе лежит семиотическая «матрёшка» кодов, единство которых рождает аналитический синестетический код. Использование семиотической «матрёшки» кодов в экранных текстах АСМР приводит к порождению ощущений разных модальностей, на которых строится единый перцептивный образ текста, а также конструированию сенсорной метонимии и метафоры.

Сочетание базисных элементов «языка» экранности, выраженных в экранной «речи» конкретными вербальными и невербальными единицами, не только «изображает» незримое, т.е. конструирует гипотипозис, но и порождает симуляцию реальности. Сконструированные в экранной «речи» при помощи вербальных и невербальных единиц «чувствования», связанные с той или иной модальностью, являются *планом выражения*, а те квазиперцептивные представления и ассоциации, относящиеся к ним и возникающие без всяких на то оснований (стимулов), — *планом содержания* АСМР-текстов.

Таким образом, такие отличительные особенности экранных текстов АСМР, как семиотическая «матрёшка» кодов, аналитический синестетический код, а также реализация риторической фигуры гипотипозиса в плане выражения и в плане содержания позволяет осуществлять комплексное воздействие на зрителя-реципиента с целью сокращения потерь информации, значимой для восприятия аудиовизуального сообщения, что увеличивает вероятность успешного влияния на его сознание.

Заключение

Проведённый анализ показал, что в гетерогенных экранных текстах, в частности, АСМР отсутствуют «лишние» детали. Любая единица, вербальная или невербальная, обладает функциональной значимостью и включена в его семио-

тическую структуру. Их избыточность не нарушает порядок развёртывания текста на экране, она оправдана поликодовой и полимодальной природой самого текста. Все это позволяет сделать незримое зримым в пределах экрана, выстраивая реальность по аналогии с многомерной и многовалентной действительностью так, что при восприятии зритель-реципиент переносит эти отношения и в моделируемое на экране лингвосемиотическое пространство.

В АСМР-видео зрителю-реципиенту не передаются какие-либо конкретные данные, однако, задействованные в них внешние стимулы являются триггерами определённых «чувствований» и эмоций — зритель драматически и эстетически переживает происходящее на экране. Такая реакция конструируется, в том числе, и при помощи риторической фигуры гипотипозиса, который позволяет транслировать в аудиовизуальном сообщении дополнительную информацию и направлять поток сознания зрителя в нужном русле, создавая эффект повышенного влияния информации на его поведение — фасцинацию.

АСМР-тексты являются сложным многоплановым единством, в котором не только происходит симуляция реальности, но в которых как в зеркале отражаются современные дискурсивные практики. Их дальнейшее изучение с позиций дискурса, риторики и психолингвистики позволит раскрыть и описать основные характеристики подобного рода текстов как «пространства наслаждения» (термин Р. Барта), в котором реализуются разнообразные манипулятивные приёмы и техники.

Библиографический список

1. *Barratt E.L., Davis N.J.* Autonomous Sensory Meridian Response (ASMR): a flow-like mental state // *PeerJ*. 2015. Vol. 3. P. e851. <https://doi.org/10.7717/peerj.851> PMID 25834771
2. *Васильчева А.В.* Неологизмы английского языка и способы их передачи русскоязычным реципиентам // Проблемы и тенденции научных исследований в системе образования: сб. ст. Международн. научно-практич. конф. М., 2019. С. 74–82.
3. *Загидуллина М.В.* Язык как «семиотический ресурс» в конкурентной среде: неизбежность трансдисциплинарности в изучении современной коммуникации // От дифференциации наук — к трансдисциплинарности : материалы Всеросс. научно-практич. конф. с международн. уч., посвящ. 250-летию А. фон Гумбольдта / отв. ред. И.П. Амзаракова. М., 2019. С. 21–26.
4. *Загидуллина М.В.* Огонь в контексте медиаэстетики: ASMR-образность как новый коммуникационный тренд // *Горизонты цивилизации*. 2019. № 10. С. 143–155.
5. *Zagidullina M.* Haptic mediaculture meets “DIY”-concept // Possible worlds of contemporary aesthetics: aesthetics between history, geography and media. 21st International congress of aesthetics. М., 2019. С. 1023–1028.
6. *Загидуллина М.В.* Гаптика как медиаэстетический феномен // *Медиасреда*. 2019. № 16. С. 130–134.
7. *Луговая Н.В.* Популярные форматы видео (мукбанг и ASMR) на YouTube как эффективный инструмент нативного продвижения // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации: материалы Седьмой Международн. научно-практич. конф.: в 2-х ч. М., 2019. С. 209–214.

8. Шановалова Е.В. Коммуникация брендов издательств в социальных сетях: разбор модели // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2020. Т. 6. № 4. С. 213–224.
9. Мевлютова А.О., Шевчук-Черногородова М.А. Жанрово-стилистические особенности женских видеоблогов // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация: V Международн. междисциплинар. научн. конф. Симферополь, 2021. С. 143–147.
10. Жирков А.В. Приемы манипулятивного воздействия в рекламе // Рекламный дискурс и рекламный текст: колл. монография. М., 2011. С. 172–191.
11. Лагута Н.В., Машикина А.С. Приемы манипулятивного воздействия в современном рекламном тексте: на материале баннерной и наружной рекламы Благовещенска // Вестник Амурского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. № 66. С. 22–26.
12. Тенекова А.М. Риторические средства формирования зрительского интереса экранных и интерактивных медиа (на примере рекламного красноречия) // Актуальные проблемы экранных и интерактивных медиа: сб. материалов научно-практич. конф. / сост. и научн. ред. Н.Г. Кривуля. М., 2019. С. 107–113.
13. Грибова М. Слепота зрителя и гипотипозис // Кино и капитал. Альманах Центра исследований экономической культуры / под ред. А.А. Погребняка, Н.М. Савченковой. М.: С.-СПб.: Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара, 2019. С. 432–444.
14. A relaxing scalp check & scalp treatment — gloves, glass pipette, scalp scratching and layering. Режим доступа: <https://m.youtube.com/watch?v=tmhmKEhnIpA&t=1445s>. (дата обращения: 12.06.2021).

References

1. Barratt, E.L. & Davis, N.J. (2015). Autonomous Sensory Meridian Response (ASMR): a flow-like mental state. *PeerJ*, 3, e851. <https://doi.org/10.7717/peerj.851PMID 25834771>
2. Vasil'cheva, A.V. (2019). Neologisms of the English language and ways of their transmission to the Russian-speaking recipients. In: *Problems and trends in scientific research in the education system*. Ufa: Omega science. (In Russ.).
3. Zagidullina, M.V. (2019). Language as a “semiotic resource” in a competitive environment: the inevitability of transdisciplinarity in the study of modern communication. In: *From differentiation of sciences to transdisciplinarity*. Abakan: Khakass State University named after N.F. Katanov. (In Russ.).
4. Zagidullina, M.V. (2019). Fire in the context of media aesthetics: ASMR imagery as a new communication trend. *Horizons of civilization*, 10, 143–155. (In Russ.).
5. Zagidullina, M. (2019). Haptic mediaculture meets “DIY”-concept. In: *Possible worlds of contemporary aesthetis: aesthetics between history, geography and media*.
6. Zagidullina, M.V. (2019). Haptics as a media aesthetic phenomenon. *Media environment*, 16, 130–134. (In Russ.).
7. Lugovaya, N.V. (2019). Popular video formats (mukbang and ASMR) on YouTube as an effective tool for native promotion. In: *Advertising and Public Relations: Traditions and Innovations*. Rostov-on-Don: RSUPS-Expo. (In Russ.).
8. Shapovalova, E.V. (2020). Communication of publishers’ brands in social networks: analysis of the model. *Scientific notes of the vernadsky crimean federal university. Philological Sciences*, 6(4), 213–224. (In Russ.).
9. Mevlyutova, A.O. & Shevchuk-Chernogorodova, M.A. (2021). Genre and stylistic features of women’s video blogs. In: *Convergent Technologies XXI: Variability, Combinatorics, Communication*. Simferopol: Antiqua. (In Russ.).
10. Zhirkov, A.V. (2011). Techniques of manipulative influence in advertising. In: *Advertising discourse and advertising text*. Moscow. (In Russ.).

11. Laguta, N.V. & Mashkina, A.S. (2014). Techniques of manipulative influence in modern advertising text: on the material of banner and outdoor advertising in Blagoveshchensk. *Vestnik of Amur State University. Series Humanities*, 66, 22–26. (In Russ.).
12. Tenekova, A.M. (2019). Rhetorical means of shaping the viewer's interest in screen and interactive media (on the example of advertising eloquence). Current problems of screen and interactive media. Moscow. (In Russ.).
13. Gribova, M. (2019). Spectator blindness and hypotyposis. In: *Cinema and Capital. An Almanac of the Center for Economic Culture Research*. Moscow: Saint-Petersburg: Institut ekonomicheskoy politiki im. E.T. Gajdara. pp. 432—444. (In Russ.).
14. A relaxing scalp check & scalp treatment — gloves, glass pipette, scalp scratching and layering. URL: <https://m.youtube.com/watch?v=tmhmKEhnIpA&t=1445s>. (accessed: 12.06.2021).

Информация об авторе:

Евграфова Юлия Александровна, доктор филологических наук, доцент кафедры индо-европейских языков Московского государственного областного университета; *e-mail*: 212.155.04@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4201-5281>; SPIN-код РИНЦ: 9494-6751

Information about the author:

Yulia A. Evgrafova, PhD in Philological Sciences, Associate professor at the Department of Indo-European Languages, Moscow Region State University; *e-mail*: 212.155.04@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/to~0000-0002-4201-5281>; SPIN-code: 9494-6751

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-364-381

UDC [811.134.2:811.133.1]'373.43'42: 616-036.21

Research article / Научная статья

Neology Process in the Era of the COVID-19 Pandemic: Spanish and French Media and Social Networks Discourse

Ekaterina V. Zvereva

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN university),
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

zvereva-ev@rudn.ru

Abstract. The study aims to explore features of the realization of the neological potential of lexemes created or rethought by the new reality and included in the COVID-19 concept sphere. It identifies the specifics of derivation and lexical-semantic ways of forming these neologisms. The research material includes more than 1000 articles from the most influential Hispanic and French-language publications and correspondence of native speakers in social networks and telephone applications in a synchronous cut over eight months of the pandemic. A vital factor for choice of material refers to the fact that the mentioned channels have formed a global communication environment that intensively contributes to the creation and dissemination of neology products. The methodology rests on the discursive and communicative approaches. It includes analysis and synthesis of theoretical research and applies continuous sampling of research material from the mentioned sources. The study establishes that the multidirectional processes distinguish the media and social networks' discourse during the pandemic. Changes in the lexical-semantic discourse are carried out by creating neologisms, which, along with borrowings assimilated into the grammatical system or functioning in parallel with the national concept definition, are productive means of replenishing the lexis. The semantic neology's main mechanisms are metaphorization and metonymization and changes in the semantic volume of a lexeme. Modern new formations perform pragmatic functions, making it possible to strengthen the emotional and modal interaction. The author concludes that neological processes demonstrate each language's national and cultural originality and establishes that the linguistic norm in Spanish and French discourse does not conflict with the "disruptive" nature of linguistic innovations. The society positively evaluates the formation of individual speech meanings and linguistic meanings and the expansion of their functioning boundaries.

Keywords: COVID, teaching, neologism, discourse, media, social networks, word-formation model, language pragmatics

Acknowledgements. Funding

The publication has been prepared with the support of the RUDN University Program 5-100, research project number 090512-1-274.

© Zvereva E.V., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Article history:

Received: 01.03.2021

Accepted: 15.04.2022

For citation:

Zvereva, E.V. (2022). Neology Process in the era of the COVID-19 Pandemic: Spanish and French media and social networks discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), 364—381. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-364-381>

Неологические процессы в эпоху пандемии COVID-19: испанский и французский публицистический и дискурс социальных сетей

Е.В. Зверева

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

zvereva-ev@rudn.ru

Аннотация. Цель исследования состоит в определении особенностей реализации неологического потенциала лексем, созданных или переосмысленных новой реальностью и входящих в область концептосферы COVID-19, выявление специфики деривации и лексико-семантических способов образования данных неологизмов и окказионализмов, а также анализ коммуникативно-прагматических аспектов их функционирования в публицистическом дискурсе и дискурсе соцсетей и телефонных приложений. Материал исследования включает более 1000 статей из наиболее влиятельных испаноязычных и франкоязычных печатных изданий, а также переписку носителей языка в соцсетях и телефонных приложениях в синхронном срезе за 4 месяца развития пандемии. Выбор материала объясняется тем, что соцсети и СМИ сформировали глобальную коммуникативную среду, наиболее интенсивно способствующую созданию и распространению продуктов неологии. Поставленные задачи решаются в работе в рамках дискурсивного и коммуникативного подходов с использованием метода анализа и синтеза теоретических исследований, метода сплошной выборки материала исследования из указанных источников; метода лингвистического наблюдения, включающего в себя наблюдение, интерпретацию, дескрипцию, обобщение и типологизацию анализируемого материала, метод функционально-стилистического, словообразовательного и лексико-семантического анализа языкового материала, метод контекстуального анализа лексического материала (с привлечением сведений лингвострановедческого и социолингвистического характера), метод статистического анализа (для подсчёта единиц и словообразовательных моделей и выявления частотности их употребления). Также использовался метод опроса информантов-носителей языка для подтверждения достоверности полученных результатов. Исследование позволило установить, что дискурс СМИ и соцсетей в период пандемии отличается разнонаправленностью происходящих в нем процессов, которая проявляется, с одной стороны, в силе языковой традиции сохранения существующего наследия и словообразовательных моделей, а с другой — в ярко выраженной тенденции, связанной с новым пониманием языковых форм, с поисками адекватных способов выражения нового содержания и с созданием новых лексем. Изменения в лексико-семантическом дискурсивном поле осуществляются путем создания неологизмов и окказионализмов, которые наряду с заимствованиями, ассимилирующимися в грамматическую систему или функционирующих параллельно с национальным вариантом

дефиниции понятия, являются продуктивными средствами пополнения лексического фонда. Словообразование носит интенсивный характер. Новые языковые «пандемические» единицы фиксируются в дискурсивном пространстве и активно воспроизводятся носителями языка. Преобладающими деривационными моделями словообразования являются телескопия, словосложение, аббревиация и отаббревиатурные новообразования; аффиксация. Основными механизмами семантической неологии являются метафоризация и метонимизация, а также изменение семантического объема лексемы такие как расширение значения или семантический сдвиг. Современные новообразования выполняют важнейшие прагматические функции, позволяя усиливать эмоциональное и модальное взаимодействие между акторами дискурса. Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при создании практических курсов, рассматривающих неологические процессы в дискурсе СМИ и социальных сетей. Исследовательский материал может играть значимую роль в формировании языковой компетенции как у лиц, изучающих представленные в работе языки, так и в расширении компетенции переводчиков, работающих в соответствующих профессиональных сферах деятельности.

Ключевые слова: covid, пандемия, неология, неологизм, окказионализм, дискурс, СМИ, соцсети, словообразовательная модель, заимствования, телескопия, аббревиация, лингвопрагматика

Благодарность:

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН (Российская Федерация). № НИР 090512-1-274.

История статьи:

Дата поступления: 06.12.2021

Дата приема в печать: 15.04.2022

Для цитирования:

Zvereva E.V. Neology Process in the Era of the COVID-19 Pandemic: Spanish and French Media and Social Networks Discourse // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Том 13. № 2. С. 364—381. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-364-381>

Introduction

The outbreak and evolution of the COVID-19 pandemic have presented a challenge to researchers in various science fields while simultaneously creating a significant amount of factual language material that should serve as the object of linguistic research. The relevance of the chosen topic is determined by the need for an in-depth study of the specifics of active word formation and borrowings as productive ways of replenishing the lexical stock of modern Spanish and French languages during a pandemic under the influence of extra linguistic factors. The current state of media and everyday discourse of social networks in the continuous dynamics of reflecting pandemic realities is crucial referring to the phenomenon historical and cultural potential, which is also due to the peculiarities of the national-linguistic picture of the world. Referring to communication, new linguistic formations appear and are consolidated, and their lexical-semantic and evaluative potential is revealed. We can conclude that the action of word-formation and lexical-semantic mechanisms of the language, discourse quickly assimilates and

reflects the entire flow of information that accompanies the country's historical development. The types of discourse under consideration represent a linguistic and cultural cross-section of the changes taking place in the country. This article expresses the concern to studying active neological processes from derivation and semantic mechanisms of neologisms' formation and their use in modern Spanish and French media discourse and the natives' everyday speech. The scope of the article is the Spanish and French media discourse, both oral and written, texts from social networks and telephone applications, and the material of selective interviews with native speakers.

The research discusses the productive and unproductive word-formation and lexical-semantic mechanisms of neology, which are currently used as tools for creating neologisms, which, along with direct or transformed borrowings, represent a significant part of the lexical space of modern Spanish and French media and everyday discourse. The purpose of the study was to identify the features of the implementation of the neological potential of lexemes created or rethought by the new reality and included in the field of the COVID-19 concept and analyze the communicative and pragmatic aspects of these neologisms.

Theoretical background of the issue under study

The discourse is the verbalization of a certain mentality, both at the individual and group levels. It is “a way of linguistic representation and interpretation of the reality, as a result of which not only the worlds reflected in a specific way but also a special reality is constructed: a way of seeing the world inherent in a particular society is created, a way of ordering the reality” [1]. T. Van Dijk [2] and L. Cortés [3], mentioned the need to consider new vocabulary for discoursing analysis; a pragmatic approach was also taken by M. Escandell-Vidal [4], and H. Calsamiglia and A. Tusón [5], who spoke about the need to study the functions of neologisms taking into account their usual context and as a product of a deterministic communicative situation. Therefore, we consider neologisms inseparably from the situational context: with social, cultural-historical, ideological, psychological, and other factors, with the system of communicative-pragmatic and cognitive goals and attitudes of the initiator, interacting with the addressee. The article states that there is no generally accepted definition of the term “neologism” in modern linguistics since there is no single idea of this concept's scope. V. Vinogradov considers that “neologisms are lexical units and meanings of words that retain the color of novelty, which have entered the language due to the social need for the nomination of new objects and concepts, as well as for new names of already known objects of thought” [6]. Some linguists put forward the extra linguistic determinism of lexical enrichment as a defining feature of the concept of “neologism”, as a consequence of which they characterize dictionary

innovations as words denoting a new reality [7]. C. Sánchez and D. Azorín believe that a neologism should be recognized as such if it meets the following criteria: a word is new if the speaker is aware of it as such; a lexical unit can be classified as a neologism if signs of formal instability (phonetic, graphic, morphological) or semantic instability are registered; the absence of the mentioned lexeme in the reference lexicographic corpus [8]. B. Arrieta de Meza considers it necessary to classify neologisms by their origin (neologisms by form and contextual neologisms), as well as by function (referential neologisms (nomination of objects and phenomena) and expressive neologisms [9]. J. Díaz Rojo calls referential those lexical units that fill the denominative vacuum or denominative voids. At the same time, expressive neologisms, in his opinion, do not arise out of necessity, but for stylistic reasons, under the pressure of subjective trend and appear only in certain registers and contexts [10]. According to A. Martinet, the engines in neology processes can be either objective — the addressees need to carry out a communicative act that implies a non-existent concept, or subjective — the author's options used for special purposes [11]. These reasons launched the two most common concepts in neology, explaining the communicative functions of neologisms: denominative neology and stylistic neology. Some authors think that is necessary to define neologism, not from the perspective of a linguist but communicative partners [12]. E. Llopart Saumell notes the obligatory motivation of any neologism, his “provocative” function and the relationship between his communicative function and their formation [13]. G. Mounin emphasizes the inherent game and entertainment function of neologisms [14].

Materials and methods

The work considers publications of political, socioeconomic, and cultural orientation (print and online versions of the Spanish newspapers: *El PAÍS*, *20 minutos*, *La Vanguardia*, *El Confidencial*, *La Región*). This choice was dictated by the results of statistical studies in 2019, where data publications entered the top of the most influential and read [15]. The choice of texts is determined by three main factors: chronology (chronological scope of the study: March 10, 2020 — September 10, 2020, which corresponds to the acute phase of the period of the pandemic spread (more than 200 newspaper and magazine issues were analyzed), territorial factor (central and regional media were used) and the audience coverage (the work relies on the publications with the most massive circulation). Among other sources one can mention publications from the most read media of the Latin American countries: *Clarín*; *La voz* (Argentina), *El Universal* (México), *El Comercio* (Perú), their popularity was determined according to statistical indicators [16]. Sources of the French language research material were “20 minutes”, *Le Monde*, *L'Equipe*, *Le Parisien*, which are also among the most popular [17].

On the other hand, the research involves materials obtained due to a continuous sampling and the corpus contains over 1000 newspaper articles, and different television programs (news, educational, scientific, entertainment) of the most popular Spanish — Telecinco, Antena 3, La 1, and French — TF1, France 2, France 3 channels, the choice of which was also determined according to statistics for 2019: Spain [18], France [19], the broadcasts of the Euronews during the specified period. By analogy, texts on Twitter that analyzed available posts in professional communities (translators, foreign language teachers) and the correspondence of native Spanish and French users also became the research sources. We have obtained the consent of the authors in social media to use their published opinions, and examined the correspondence of WhatsApp users. 60 interviews with native Spanish and French speakers were conducted using a questionnaire on topics related to their speech applications of neologisms of the “Covid-19” lexical field, as well as on issues that determine their attitude to neology and its use in the considered types of discourse. The age of the informants is 20–65 years. Professional linguists, translators, and teachers were deliberately not included in the survey. It shows that for the objectivity and reliability of the analysis, data from explanatory, encyclopedic, special dictionaries and other lexicographic and reference publications were also used [20–24].

Research methodology

An integrated paradigm makes the backbone of the research: combined qualitative and quantitative methodologies, theoretical and empirical analysis. The theoretical part followed the comparative approach to the investigation of academic papers that refer to the present research theme. The empirical part exploited a set of principles, approaches, theories, and techniques. The case study techniques were applied to structure the empirical data. The work solves the tasks within the framework of the discursive and communicative approaches. At each stage of the work, analytical and synthetical methods were used that optimally satisfied the set goal and objectives of the research: the method of continuous sampling of research material from the indicated sources; questioning and interviewing the informants, linguistic observation, which includes interpretation, description, generalization, and typology of the analyzed material, discourse analysis, comparing dictionary definitions, the method of functional-stylistic, word-formation and lexical-semantic analysis of linguistic material, contextual analysis of lexical material (with the involvement of linguistic and cultural and sociolinguistic nature). The research results’ reliability and scientific validity are provided by a significant amount of the studied language material, the initial theoretical provisions, and a complex of scientific and practical research methods corresponding to its subject.

Results and Discussion

Reasons for the activation of neological processes during a pandemic

The semantics of “pandemic” neologisms is inextricably linked with pragmatics since these lexemes reinforce the speaker’s attitude to reality in linguistics. It is known that the chronic growth of the pace of life enhances the effect of the law of saving language efforts. Still, during the pandemic, the opposite situation occurred — the pace slowed down, and native speakers had considerable time for word creation. It shows that the increase in the level of emotional tension in a society’s life, in turn, strengthened the processes of the formation of precisely emotional-expressive types of word-formation models. The mere fact that during this period, the existence of society turned into a virtual plane, and the use of the capabilities of the World Wide Web has increased significantly; it created conditions for more active interaction between users. The audience has grown. There is more free time to use the network, both in terms of communication and familiarization with media information, which undoubtedly influenced the introduction of neologisms into the usage of both media and everyday discourse. J. García Platero believed that in the event of the appearance of a neologism, it is the interaction between the issuer (distributor of the word) and the virtual recipient (reader or listener) that generates “complicity,” the result of which is the consolidation of the neologism in the usage [25]. Such active participation of users has a significant effect on the introduction of “pandemic” neologisms into language practice.

Perception of neological processes in the lexical field of the “Covid-19” by Spanish and French speakers in communicative situations of media and social media discourse

During the study, according to the division into age categories, the informants were divided into groups of 20 people, presented in the table below. The positive answers of the respondents are reflected in the table.

As the table shows, the older generation representatives offer the lowest degree of susceptibility to neological trends. Nevertheless, if you summarize all age groups’ responses, then about 65% of speakers included neologisms associated with “Covid-19” in their everyday usage. 98% of informants note the positive effect of neological vocabulary in media discourse on a more intense degree of information perception. The older age group cautiously evaluates the possibility of innovation in the language: nevertheless, 50% of respondents are ready to agree with linguistic new formations, and if one summarizes the answers, then 75% of discourse actors agree to support “linguistic modernity” and only a quarter of respondents consider that the language already has an established system of nominative and expressive means, beyond which it is not necessary to go. For the two younger age groups, the

share of language conservatives was 10%. “Legalization” of lexical units’ rights in explanatory dictionaries, the expansion of existing definitions is considered necessary by 100% of native speakers of the younger age group, 90% of the middle, and 40% of the older.

Table 1 / Таблица 1

**Results of the survey /
Результаты опроса**

Issue	Natives 20–25 years old	Natives 26–40 years old	Natives 40–65 years old
Do you use "pandemic" neologisms in your discourse on social media or phone apps?	18	14	7
Does neological vocabulary make media discourse more memorable for you or disturb your perception?	20	20	17
Are you a supporter of modernist trends in the language and welcome language innovation?	18	16	10
Are you conservative and think that the language has enough resources to nominate and show expression without resorting to neology mechanisms?	2	4	10
Do you consider the lexicographic recording of new lexemes necessary?	20	18	8

In comparison, 75% of the language users have a positive attitude towards dictionary codification and systematization of neologisms. Thus, we can conclude that society positively evaluates the formation of individual speech meanings and linguistic meanings and the expansion of their functioning boundaries. Most of the recipients or actors of the communicative act believe that neologisms solve specific communicative tasks, enriches the discursive realization and gives evaluative modality and additional connotations.

**Productive mechanisms of the appearance
of neologisms in the era of a pandemic.
Semantic way of formation**

In this way of word-formation the producing base and the derived word coincide in terms of expression, but diverge in terms of content, that is, we are talking about the rethinking of the already existing lexical meaning, the so-called neologisms-meaning. The term *confinamiento* is a prime example of this technique. According to the RAE (La Real Academia Española (Spanish Royal Academy) — the establishment responsible for the codification of linguistic norms in the Spanish language) dictionary: *1. Action and effect derived from the verb confinar; 2. Punishment according to which the convicted person must temporarily reside, at large, in a place other than his usual place of residence.* The verb *Confinar*:

1. *Expel someone from its territory (land), having determined for him the place of obligatory residence*). 2. *Conclude someone or something within certain limits*’) 3. *Border, adjoin something* [20]. The Spanish Medical Dictionary gives the term an even more radical definition: *being of an object in a small space, closed and unventilated, resulting in death due to lack of oxygen* [21]. Some more examples from media discourse that do not inform about self-isolation unambiguously use the term *confinamiento* in the meaning of *imprisonment*: *Rápidamente se integró en política haciendo uso de todo lo aprendido durante el confinamiento*. In the context of a pandemic, the term, and its cognate lexemes *confinar*, *confinado* have acquired the meaning of *being in self-isolation during a pandemic*, and the meaning does not correspond to the dictionary definition, since in the current meaning of the lexeme: a) the place of residence does not change; b) the concept of punishment is absent, *El confinamiento da resultados a corto plazo*; *Suecia, el país que no confinó*, etc.

By analogy, a similar semantic picture emerges in the French usage of the term *confinement*. The definition of the Larousse dictionary is as follows: *action from the verb confiner, which is defined as to lock, to be locked in a particular place or limit yourself to a specific activity*. There are also meanings associated with the isolation of the animal population and the shortage, in this regard, of something: *Situation of an animal population that is too numerous in too small a space and which, as a result, lacks oxygen, food or space*. Significance of the precautions taken concerning nuclear waste: *All the precautions taken to prevent the dissemination of radioactive products in the environment of a nuclear installation* [22]. These definitions show that the discrepancies in the modern “pandemic” usage of the lexeme and its derivatives are less semantically significant (compared to the Spanish language). Here are some examples from newspapers: *C’est officiellement la fin du confinement en France, depuis ce dimanche minuit*.

The meaning of the verb *mapear*, which RAE defines as a term from the sphere of biology and regionalism in Chile — *to make maps* [20] was also rethought. In modern discourse, this lexeme was registered by us in the meaning of *track the movements of the carrier of the virus*: *No se podrá circular libremente por el edificio, de modo que sea posible “mapear” el recorrido y los contactos de un empleado que diera positivo por covid-19*.

Several phrases have also emerged that are not neologisms but whose semantics have radically changed. Thus, the Spanish phrase *plantas limpias* lost its original meaning *clean floor; that is, without dirt*, and became the name of the zones “treated from the virus”: *Llevan semanas preparando lo que denomina “plantas limpias”, a las que podrán ir volviendo empleados*. Another example was the *espacios pulmón zonas*, literally, *space + lungs*, in this combination and meaning, these lexemes were not used before, now this is the name for places that have been disinfected and in which you can safely breathe: *empresa propietaria ya a proponer a los inquilinos “espacios pulmón”*. On the contrary, some phenomena have not

yet received their name and are waiting for their denominational turn. For example, educational institutions have not yet come up with job titles for a person who will be in charge of all aspects related to Covid: *Los colegios designarán a una “persona de referencia” para los aspectos relacionados con la covid-19*. It shows that one can talk about a metaphorical transfer of meaning, which creates a particular image based on words in a figurative sense. It is essential to emphasize that in the discourse space, the metaphor functions to model reality, conveying an individual vision of the world and setting its interpretation.

Morphological word-formation.

Prefixation based on a rethought meaning

Modern usage was supplemented by the terms *desconfinamiento*, *desconfinar* in Spanish, and *déconfinement* in French, formed using the prefixes *-des (dé)* from the corresponding noun and verb forms. Following the grammatical rules, these prefixes have one of their meanings “the expression of the opposite action and return to the previous state of affairs” [26, 27]. Based on this rule, conclusions can be made that the use of these lexemes meets grammatical derivation norms and can be used as an antonym of *confinamiento* (*confinement* in French), e.g., *España da otro paso en el plan de desconfinamiento tras la pandemia del coronavirus; Coronavirus oblige, avec une multitude d’interrogations sur les conditions du déconfinement*.

By prefixing with the *-des* prefix, one of the most common terms *desescalar*, *desescalada*, was formed. According to the RAE dictionary, *escalar* — *to climb, climb to a height* [20]. The RAE, which is still discussing the possibility of including *desescalada* and *desconfinamiento* and their derivatives in the dictionary, at the beginning of the epidemic assessed *desescalar* as an antonymic translation of the English lexeme *to escalate* (*augmenta* — *enlarge*) and recommended replacing it with the Spanish lexemes *reducir, diminuir o rebajar* (meaning *reduce*). Later, the RAE “legalized” the term not yet in the dictionary but in its recommendations [28]. According to French media and everyday discourse, we did not record the use of *déscalade* (by analogy with *déconfinement*) as a derivative of *escalade* (the meaning is synonymous with the use of *escalada*) (We also believe that when translating into Russian it is impossible to use the Russian analogue of “de-escalation” as used mainly in the context of conflict situations).

Affixation

Affixation is the most productive way of word-formation. The RAE corpus dictionary contains the term *cuarentena*, one of the meanings of which is the following definition: *preventive isolation for sanitary reasons, subject to people or animals for a certain period* [20]. This lexeme served as the basis for the

formation of linguistic derivatives according to the productive model of verb formation using the Spanish verb suffix *-ar* (*-ear*) and formed the verb *cuarentenar* and its variant *cuarenten(e)ar* in the meaning of *to be in quarantine*. Neologisms with these suffixes are synthetic forms of verbs that replace traditional analytical constructions *verb + noun*. The RAE is considering the possibility of including new verbs in the dictionary, urging, nevertheless, to give preference to the analytical constructions *poner/estar en cuarentena o pasar la cuarentena* [29]. Some Latin American countries have created etymological doublets: thus, in Mexico, the verb *encuarentenar* is more common. It is formed using the prefix-suffix method (prefix *en-* and the suffix *-ar*). Thus, the lexeme *cuarentena* gave impetus to the formation of a derivation chain and also gave rise to controversy about the legality of using *cuarentena* to determine the isolation period, which is equal to 14 days (the etymology of the word is associated with the numeral *cuarenta*) (40). The Argentine's newspaper *La voz* considers it possible to use the lexeme *catorcena* (derived from *catorce*: *Debería ser catorcena* [30]. The French media also consider it possible to form the neologism *quatorzaine* (*quatorze-14*) as a tracing of the lexeme *quarantaine*: *À partir de mercredi, nous allons demander aux Français (...) qui rentrent en France de se soumettre à une quatorzaine* [31]. However, the RAE dictionary does not specify its duration when defining the lexeme *cuarentena* [20], thus, such phrases are not paradoxical: *Nos ordenaron guardar una estricta cuarentena de doce días*. Both neologisms, Spanish and French, should be considered derivatives from the corresponding cardinal numbers formed with the productive suffix *-ena* (*-aine*). The above-mentioned formant *-ear* served as a basis for forming a verb from *coronavirus*: *coronavirusear*. The suffix *-ico* was used to create an adjective with the meaning of belonging: *coronavirico*. The analysis of material in French and a survey of informants did not allow to identify verbs formed from the mentioned nouns in French.

Borrowings

English as the modern 'lingua franca' has made it the source of borrowing for Spanish and French discourse. Some borrowings became a semantic tracing paper that does not involve translation, spelling, and phonetic adaptation; others received grammatical design using articles or inflections and assimilated the language's grammatical categories. To define the concept of *confinamiento*, some media resort to borrowings from the English language, using the Anglicism *lockdown*, adapted to Spanish using the masculine article *el*: *Los huéspedes no podrán salir a causa del lockdown*.

The borrowing of *super spreader* (English: *a person whose ability to transmit the virus is above average*), also has several more preferred Spanish equivalents, and, according to our calculations, is used in discourse in an equivalent ratio: *Se trata de un perfil que eleva la capacidad de la pandemia el "super spreader"*.

Supercontagador, supervector, superpropagador (approximate translation: superinfective, supervector, superdistributor) formed from the corresponding Spanish nouns with the prefix *super-* and can be considered neologisms semantically similar to English borrowings. *En España, estos supercontagadores podrían estar detrás de la mitad de todos los casos; un gurú del sijismo, fallecido por coronavirus y sospechoso de haber sido un ‘superpropagador’.*

Our statistics states that French discourse demonstrates a preferred use of the Anglicism *super spreader* over French *super contaminateur* and *super propageur*: *Les super-spreaders du coronavirus: que faut-il savoir?* The active use of the term *cluster* in the everyday discourse was also recorded, the anglicism was previously used only in medicine to refer to a group of people infected with the same disease or being in the outbreak of an epidemic: *39 clusters ont été recensés depuis le 11 mai* [32]. The use of Anglicism *cluster* in this meaning in the Spanish discourse has not been recorded. It is used in Spanish to designate industrial groups or places of production: *El apoyo a la creación de clusters forma parte de la estrategia europea*. The media and social networks prefer to use the combination *grupos de brotes* (groups of outbreaks) to refer to infected groups.

Referring the verbal borrowings, we recorded the frequency use of the verb *sanitizar*, which is a tracing of the English verb *sanitize* with the Spanish grammatical design: *Metro comenzó a sanitizar sus vagones*. However, linguists and medical professionals consider this use to be excessive borrowing, as there are verbs with a similar meaning *desinfectar, higienizar* in Spanish, whose use is more recommended, *Un programa de higienización debe establecer prioridades*. We will note that out of 100 studied usages with the meaning “to undergo sanitization” in the discourse, we identified 68 usages of *desinfectar*, 28 — *sanitizar* and 4 — *higienizar*.

Word formation

In modern Spanish, word formation has become more active with the help of the so-called prepositive elements (prefixoids) ‘*tele,*’ ‘*video,*’ etc. RAE is currently considering the possibility of including the neologism *videollamada* (call with video) in its dictionary, thereby expanding the number of vocabulary units with the specified prefixoid, the lexeme *videoconferencia* already exists in the dictionary. See an example from a newspaper: *Matrimonio por videollamada en tiempos de cuarentena*. Before the time when the world shifted into the “video mode”, in media discourse this concept was conveyed through the adjective *telemático*, meaning communication with the help of video means: *Encuentro telemático con los responsables de emergencias*. The use of the lexeme *teletrabajo* has increased significantly. This lexeme is fixed in the DLE and *teletrabajador(ra)*: a person who works utilizing telecommunications. The verb *teletrabajar*, formed from a noun, is absent in the dictionary, however, it is actively used in discourse: *El reto de arañar metros cuadrados en casa para teletrabajar*.

A similar semantic situation is observed in French discourse, where the prefixoid *télé* forms the verb-neologisms *télésaluer* (greet each other by video) or analytical constructions *faire des télépauses* (make pauses by video), *télédéconnecter* (relax by video), *téléfête* (party by video), *téléconvivialité* (conviviality by video). We need to note that the Russian translation with the prefix *tele* is not successful because it shifts the emphasis to the concept of ‘television’, while we are talking about the use of telecommunication systems for work and leisure.

Telescoping or lexical contamination

We need to note that it is this way of word formation in the present historical cut that is the most effective way of replenishing the neological lexical corpus. During the study, about 50 telescopic neologisms were found. We urge that telescopic neologisms should be classified as stylistic neologisms because they are primarily expressive lexical units with a pronounced semantic-connotative meaning. In contrast, the new unit combines two forms and two initial meanings, which is especially essential for the formation of neologisms in which the doubling of meanings contributes to ensuring the semantic content of the term, while the specified semantic content should be transparent. These neologisms are a vivid example of a word-building game representing a synthesis of ordinary words with a possible combination of formally identical parts.

Compression

Compression is one of the types of telescoping. During the study, a significant replenishment of the vocabulary is carried out due to the implementation of the word-formation potential of abbreviations and the creation of abbreviated forms. The analysis showed that new definitions are most often represented by nouns formed by juxtaposing an abbreviation and another lexeme, while morphemes with similar sounds often overlap. There is no doubt that the abbreviation *covid* has become the most productive. With its help, the lexeme *covidiota* (covid + idiot) was formed, which is used both as a noun and as an adjective and means irresponsible behavior or its actor during the Covid period: *ceux qui sortent sont vite taxés d’être des covidiots et inconscient* (French); *La izquierda se ha convertido en Los Covidiotas* (Spanish). We also recorded such examples as a divorce or a wedding during a pandemic: *covidivorcio*, *covidboda*, and *covidartículos* (goods), *coviprecios* (prices). In French social networks and the media, several neologism verbs like *covider* (covid+vider (Fr.to empty) with the meaning “to empty the stocks of alcohol” and *covidéprimer* (covid+déprimer) — “to experience depression” were noted.

Abbreviations from the names of social platforms and applications turned out to be quite productive, with the help of which some neologisms were created: *le whatsappéro* (a truncated colloquial form of the French lexeme *apéritif*),

by analogy were formed *le skypéro*, *le coronapéro*, as well as some individual variants: *le vodkafone*, *le whiskype*. From the post in social networks: *Skypéro, c'est un truc de Nordeste? Chez nous, on s'organise des coronapéros à distance, et ça marche quelle que soit la technologie utilisée.*

Truncation

Truncation can be called a different version of compression, namely creating shortened words of various structures, the so-called contractures, formed as a result of a special reduction of stem, derivatives, complex words and phrases. The neologism *infodemia* is Spanish and French grammatical adaptations from the English neologism *infodemic*, contractures of lexemes *information*, and *epidemic*. The lexeme is used in the context of redundant and not always truthful information related to a pandemic: *Ahora padecemos de infodemia, una verdadera epidemia informativa de la pandemia.* With the help of the truncation method, several words were formed from the first morpheme of the lexeme *cuarentena* (quarantine). As a result, neologisms *cuarentena* from the verb *entrenar* — *to train* — training at home during the quarantine period, *cuarenpena* (*pena* — *grief, regret*) — sadness and regret experienced by a person during the quarantine period were formed. Truncation of the stem of the French lexeme *quarantaine* (quarantine) + *haine* (hatred) formed the semantic neologism *quarantaine*, the meaning of which is transparent. The *corona* stem from the complex two-segment lexeme *coronavirus* with the help of which the following neologisms were invented: *coronacrisis*; *coronacoma*, *coronaburro* (*covidburro*) (*burro* (*donkey*)), the Spanish version of the lexeme *covidiota*.

We also quote a series of expressive compression words based on the modeling of the original lexeme *confinamiento*. This is how the neologism *confitamiento* and its derivative *confitado* appeared, formed by replacing the stem of *confin-* with the stem of *confit* from *confiture* (*sweets*) and its variant *cochinamiento* (from the Spanish *cochino* — *piglet*) with the meaning “weight gain during isolation due to excessive appetite”. Users of French social networks have shown a high degree of creativity. They have created many copyright neologisms from the lexeme *confinement*. Thus, people who fear the disease began to be called *hypoconfiniac* from the truncated form of the noun *hypochondriac* + the morpheme *confin*: *On en devient parvovirus, une maladie très répandue chez les hypoconfiniaques.*

Social networks are flooded with phrases: *en mi zoompleaños* (at my zoomthday) (Zoom + truncated form from the Spanish noun *cumpleaños* o *Rendez-vous au Zoombar*. The neologism *balconazi* (*balcon* + *nazi*) appeared to indicate those who insult or report the police about people in the streets during isolation. This connotation is also conveyed by the Spanish neological phrase *justiciero de balcón* (balcony lawyer): *El tío ejerce de policía desde su balcón, maldito balconazi.* The verb *médicâliner* (the truncated stem of the lexeme *médecin* (doctor) + the verb *câliner* (to show affection): *Applaudir les soignants le soir*

à 20 heures se dirait ‘médicâliner’. Some other examples could be mentioned here as individual neologisms with expressive coloration, formed with suffixation from the corresponding nouns denoting objects — sources of sound, to denote this action with their help: *poubelliser* (*poubelle*- trash can), *casseroliser* (*casserole*-pan), *vuvuzéliser* (*vuvuzela*-football fans): *Un peu partout les voisins poubellisent, casserolisent, vuvuzélisent, selon l’instrument de musique (ou de torture) qui leur passe sous les mains, dans une coronaphonie proche du cacovirus, ou l’inverse, on ne sait plus trop*. An example of a neological derivation contraction was the usage neologism *lundimanche* (*lundi*- Monday+ *dimanche*- Sunday), as users call an endless day that lasts during isolation, when there is no difference between Monday and other days: *l’horloge semblent ne plus avoir aucun sens. La semaine ne comporte plus qu’un seul et même jour qui se répète en boucle, lundimanche*.

Pragmatic intention of neologisms and the defining role of the author’s principle. Functions of “pandemic” neologisms

The motives that determined the appearance of the neologisms are not the same. Some lexemes appeared for objective reasons, dictated by the need to give a name to the new reality, where the nominative function of neology manifested itself. Other lexemes emerged according to the subjective reality, connected with the author’s individual desire to give a particular phenomenon an expressive coloring, to designate an extralinguistic situation within the author’s style that characterizes his vision of an already known fact or phenomenon. These neologisms attract attention by the unexpected combination of derivation elements. In the “pandemic” neologisms, the expressive and stylistic function of neology is well-manifested. Most likely, these stylistic neologisms will have a temporary character, will be the so-called meteoric words, and will fade with the pandemic as witnesses of a particular period. However, they will play an essential role as an indicator of the participants’ creative potential in the discursive process in a particular historical cut. Most of the linguistic units we have considered have expressive-evaluative properties and stylistic significance, which consists of their emotional and social coloring, which allows them to perform the function of emotional impact: they are discursive manifestations created under the influence of the context for the implementation of an actual communicative task, mainly to express the meaning, as well as expressive shade, often comic or ironic, necessary in this case. Thus, these neologisms acquire evaluative and socio-evaluative meaning, which is relevant in the current social-communicative situation. Note that Spanish and French speakers are generally characterized by an associative orientation in the perception of reality; these languages have retained mainly a connection with the specified-sensory perception of the world, where a metaphor is the primary means of mastering and explaining reality, not so much at the logical-conceptual level but the level of emotional acquiring of the picture of the world.

We state that the individual neologisms color the communicative register of social networks and everyday discourse with playful imagery, which, as we see it, has a positive therapeutic effect on the sick or fear-ridden human community, and here we can probably speak of the function of the therapeutic emotional impact of neologisms of comic semantics.

The neologisms presented here are ambiguous in their interpretation, and the issue remains open. They can be called lexemes-realities, or neologisms-realities, as they have served as a precise indicator of the reflections of changes in the human ecosystem and, at the same time, reflected the emotional state of native speakers and their lingua-cultural attitude to the period of the pandemic.

Conclusion

The neologisms that have appeared in the language can be considered a kind of revenge of the language over the disease, proving that the language continues to live and evolve, no matter what, to correspond to the historical context and the needs of society. Language again determines the rhythm of the whole world in crisis. It is the media and social networks that transform the individual's neologisms into linguistic universals thanks to the possibilities of digital technologies. The society itself, which initiated the "uprising" of lexical units, actively perceives them in its linguistic consciousness, welcoming semantic and stylistic shifts, and redistribution of meanings. Simultaneously, as the analyzed material has shown, the linguistic norm in Spanish and French discourse does not conflict with the "disruptive" nature of linguistic innovations. Note that modern society is distinguished by a more significant word-creation potential and a desire to perceive and fix this vocabulary as a stable linguistic resource. All this creates a dynamic and natural picture of language and discourse development, with intensive neological processes taking place in them.

Changes in the lexical-semantic discourse are carried out by creating neologisms and occasionalism, which, along with borrowings, are productive means of replenishing its vocabulary. New linguistic "pandemic" units are fixed in the discursive space and are actively reproduced by native speakers. The predominant derivation models of word-formation are (in terms of significance): telescoping, compounding, abbreviation and abbreviated neologisms, affixation (first of all, prefix, then — suffix). Replenishment of the lexical field also occurs by adapting borrowings assimilated into the grammatical system or functioning in parallel with the national version of the concept definition. Among the mechanisms of semantic neology, metaphorization and metonymization are distinguished and a change in semantic volume (narrowing, expansion of meaning, semantic shift). It follows from the complex action of several trends in the language: the trend towards expressiveness and, at the same time, linguistic economy, which is a necessary condition for the functioning of the language. Modern neologisms perform the essential pragmatic functions, enhancing the emotional and modal interaction between the discourse actors.

The results of the research can be used to create practical courses that consider neological processes in the discourse of the media and social networks, translation courses in professional communication and also demonstrate a creative approach in language teaching, as motivational tools to increase the students' interest. Neological processes demonstrate each language's national and cultural originality, making it possible to consider the translator as an intermediary between languages and between cultures. Therefore, it is possible and necessary to teach a language not only as a new code, as a new way of expressing thoughts, but also as a source of information about the people's national culture — the bearer of the target language.

References / Библиографический список

1. Mikhaleva, O. (2008). *Political discourse: Specifics of MANIPULATIVE influence*. Moscow: URSS. (In Russ.).
Михалёва О.Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. М.: URSS, 2008.
2. Van Dijk, T. (1989). *Estructuras y funciones del discurso: Una introducción interdisciplinaria a la lingüística del texto y a los estudios del discurso*. México, D.F.: Siglo XXI.
3. Cortés Rodríguez, L. & Camacho, M. (2003). *¿Qué es el análisis del discurso?* Barcelona: Octaedro-EUB.
4. Escandell-Vidal, M. (2014). *La comunicación: Lengua, cognición y sociedad*. Madrid: Akal.
5. Calsamiglia Blancafort, H. & Tusón Valls, A. (2012). *Las cosas del decir. Manual de análisis del discurso*. Barcelona: Ariel lingüística.
6. Vinogradov, V. (2005). Neologisms and occasional words in the original and in translation. In: *Introduction to translation studies (General and lexical questions)*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2005.
7. Kotelova, N. (1983). Word formation without the formation of words. In: *New words and dictionaries of new words*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
Котелова Н.З. Словообразование без образования слов? // Новые слова и словари новых слов. М.: Наука, 1983.
8. Sanchez Manzanares, C. & Azorín Fernandez, D. (2016). *Estudios de Neología del Español*. Murcia: Universidad de Murcia.
9. Arrieta de Meza, B., Meza Cepeda, R. & Batista Ojeda, J. (2008). ¿Neologismos o desaciertos lingüísticos? *Revista de Investigación Lingüística*, 11, 361–376.
10. Díaz Rojo, J. (2010). El lenguaje valorativo en noticias periodísticas españolas sobre avances médicos. *Revista de estudios filológicos*, 20, 1577–1584.
11. Martinet, A. (1993). *Función y dinámica de las lenguas*. Madrid: Gredos.
12. Lúdi, G & Hóche, K. (2016). *Managing plurilingual and intercultural practices in the workplace. The case of plurilingual Switzerland*. Amsterdam: John Benjamins.
13. Llopart-Saumell, E. (2019). Los neologismos desde una perspectiva funcional: Correlación entre percepción y datos empíricos. *Revista Signos*, 52, 100, 665–687.
14. Mounin, G. (1990). Quelques observations sur le lexique français d'aujourd'hui. *Europe*, 738, 10–18.
15. Estadísticas sobre «El consumo de prensa en España». URL: <https://es.statista.com/estadisticas/476795/periodicos-diarios-mas-leidos-en-espana/> (accessed: 18.04.2020).
16. Los principales periodicos del habla hispana, 2019. URL: <https://www.portada-online.com/latest-news/los-principales-periodicos-de-habla-hispana/> (accessed: 12.05.2020).

17. Classement des journaux de presse quotidienne national. URL: <https://fr.statista.com/statistiques/527259/journaux-presse-quotidienne-nationale-diffusion-payee-france/> (accessed: 8.03.2020).
18. Cuota de pantalla de los principales canales de televisión en España en 2019. URL: <https://es.statista.com/estadisticas/480508/principales-canales-de-television-en-espana-por-cuota-de-pantalla/> (accessed: 8.03.2020).
19. Audiences TV 2019. URL: <https://www.20minutes.fr/arts-stars/television/2684639-20191230-audiences-tv-2019-tf1-tete-85-100-programmes-plus-regardes-sous-20-part-marche> (accessed: 16.03.2020).
20. Diccionario de la lengua española. Versión electrónica. URL: <https://dle.rae.es/diccionario> (accessed: 22.04.2020).
21. Diccionario de términos médicos. Versión electrónica. URL: <https://dtme.ranm.es/index.aspx> (accessed: 20.04.2020).
22. Larousse. Dictionnaire de français. Versión electrónica. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/confinement/18092> (accessed: 20.04.2020).
23. Alvar Ezquerro, M. (2003). *Nuevo diccionario de voces de uso actual*. Madrid: Arco Libros.
24. Diccionario Clave. Versión electrónica. URL: <http://clave.smdiccionarios.com/app.php> (accessed: 20.04.2020).
25. García Platero, J. (2015). *La innovación léxica en español. Perspectivas de análisis*. Vigo: Academia del Hispanismo.
26. *Nueva gramática de la lengua española. Morfología y sintaxis*. (2020). Madrid: Espasa.
27. Baccus, N. (2017). *Grammaire française*. Paris: Broché.
28. Desescalada: de no recomendable a válido para la RAE en dos semanas. URL: <https://www.marca.com/tiramillas/2020/04/21/5e9eb40f46163ff3918b45b2.html> (accessed: 20.04.2020).
29. Crisis del COVID-19: apuntes sobre *pandemia* en la lengua española. URL: <https://www.rae.es/noticias/crisis-del-covid-19-sobre-la-escritura-de-coronavirus> (accessed: 22.04.2020).
30. La pandemia, según yo. URL: <https://www.lavoz.com.ar/opinion/pandemia-segun-yo/> (accessed: 05.05.2020).
31. Une quatorzaine “volontaire” pour les expatriés. URL: <https://lepetitjournal.com/expat-pratique/retour-en-france/quatorzaine-volontaire-expatries-retour-france-coronavirus-280811> (accessed: 16.05.2020).
32. Coronavirus. Cluster, quatorzaine, super spreader. Les mots de l'épidémie. URL: <https://www.ouest-france.fr/sante/virus/coronavirus/coronavirus-cluster-quatorzaine-super-spreader-les-mots-de-l-epidemie-6783539> (accessed: 08.05.2020).

Information about the author:

Ekaterina V. Zvereva is PhD in Linguistics, Associate Professor at the Department of Foreign Languages in Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); *Research interests*: methods of teaching Spanish in law, applied cultural studies, intercultural communication, translation studies, discourse studies, *e-mail*: zvereva-ev@rudn.ru
ORCID ID: 0000-0003-2268-0580, Scopus Author ID: 57205097507; ResearcherId: I-9556-2014, eLIBRARY SPIN code: 7289-7784.

Сведения об авторе:

Зверева Екатерина Владиславовна, доцент кафедры иностранных языков Юридического института РУДН, *сфера научных интересов*: методика преподавания испанского языка в юриспруденции, прикладной культурологии, межкультурной коммуникации, переводоведении, дискурсивных исследованиях, *e-mail*: zvereva-ev@rudn.ru
ORCID ID: 0000-0003-2268-0580, Scopus Author ID: 57205097507; ResearcherId: I-9556-2014, eLIBRARY SPIN code: 7289-7784.

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-382-395

UDC 811.111'37'42:159.923

Research article / Научная статья

A Semantic Field of Perfectionism as a Social and Psychological Concept in Academic Discourse

Yulia A. Filyasova Saint-Petersburg State University of Economics,
30-32 Griboyedov Canal Embankment, Saint-Petersburg, Russian Federation, 191023 phill.yield@gmail.com

Abstract. The paper considers perfectionism as a large semantic paradigm comprised of several conceptual categories which belong to the three major scientific areas: sociology, psychology, and medicine. The interest to perfectionism has been increasing progressively since mid-2000s, probably, due to accelerating global economic growth and heightened competition. Though perfectionism may seem immediately obvious to be a positive, socially relevant personal characteristic, psychological studies claim the opposite. Theoretical value of this research is that perfectionism was analyzed as a cross-disciplinary phenomenon on the material of a large academic database; that gave an opportunity to shed light on important semantic areas which outline a semantic field of the concept under analysis. The results of a componential analysis show that perfectionism as a dogmatic term occurred as a result of accumulated philosophical views based on the concept of perfection and idealistic goals. Contextual collocations in academic discourse, however, give evidence of destructive cognitive patterns and unattainability of personally and socially relevant goals. The heaviest forms of perfectionism are described as clinical disorders related to physical, mental, and social dysfunctions. Despite the fact that the majority of studies are conducted in the field of psychology, results of semantic field analysis show that perfectionism characterizes certain social population categories and has serious social implications.

Keywords: perfectionism, academic discourse, interdisciplinary study, semantic field, componential analysis, contextual collocations, categorization

Article history:

Received: 01.03.2021

Accepted: 15.04.2022

For citation:

Filyasova, Yu.A. (2022). A Semantic Field of Perfectionism as a Social and Psychological Concept in Academic Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), 382—395. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-382-395>

© Filyasova Yu.A., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Семантическое поле перфекционизма как социально-психологического концепта в научном дискурсе

Ю.А. Филясова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
191023, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 30–32
 phill.yield@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается перфекционизм как крупная семантическая парадигма, включающая несколько понятийных категорий, принадлежащих трем основным научным областям: психологии, медицине и социологии. Интерес к проблеме перфекционизма постепенно возрастает с середины 2000-х годов, вероятно, вследствие растущего глобального экономического роста и повышенной конкуренции. Несмотря на то, что перфекционизм может показаться на первый взгляд положительным, социально значимым личностным качеством, психологические исследования свидетельствуют об обратном. Теоретическая значимость данного исследования заключается в том, что перфекционизм рассмотрен как междисциплинарное явление на материале большой академической базы данных; это дало возможность проследить важные семантические области, которые включают не только психологические, но и социальные аспекты. Результаты компонентного анализа показывают, что перфекционизм как догматический термин сложился в результате накопленных философских взглядов, основанных на представлении о совершенстве и идеалистических целях. Контекстные словосочетания в научном дискурсе свидетельствуют о деструктивных когнитивных паттернах и недостижении личностных и социально значимых целей. Наиболее тяжелые формы перфекционизма описываются как клинические расстройства, относящиеся к психологическим, умственным и социальным дисфункциям. Несмотря на то, что большинство исследований выполняются в области психологии, результаты анализа семантического поля показывают, что перфекционизм характеризует определенные категории населения и имеет серьезные социальные последствия.

Ключевые слова: перфекционизм, научный дискурс, междисциплинарное исследование, семантическое поле, компонентный анализ, контекстные словосочетания, категоризация

История статья:

Дата поступления: 06.12.2021

Дата приема в печать: 15.04.2022

Для цитирования:

Filyasova Yu.A. A Semantic Field of Perfectionism as a Social and Psychological Concept in Academic Discourse // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Том 13. № 2. С. 382—395. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-382-395>

Introduction

According to general theory of language, there are complex relations between encoded and inferred meanings due to various factors such as extension and reduction of code, pragmatic context differentiation, and levels of decoding [1]. Recent studies show strong simplification tendencies in linguistic description

of categories [2]. Evolutionally, a linguistic mechanism of redundancy in articulation is associated with extension, abstraction and increase of the meaning potential [3]. Studying language functioning in different areas of human activity generated a separate branch, cognitive linguistics, which helps understand cognition through social and humanitarian sciences [4] by applying various methods of language analysis such as experimental studies, corpora, interviews, questionnaires, case studies, observation, among others [5]. Language makes it possible to form direct correlations between conceptual and cognitive models [6]. Language itself, arguably, has a significant impact on human cognition [7]. Cognitive language processing is a powerful tool which is applicable to different levels of abstraction and semantic decoding in multimodal communication [8], active language processes [9] such as desemantisation [10].

The Natural Semantic Metalanguage approach deals with discourse in order to identify key semantic concepts. Experiments in pragmatic processing give evidence that semantic relevance increases language processing [11]. Semantic analysis helps reveal meanings of lexemes which are hidden in a certain contextual environment, though they are implied by native speakers when a word occurs in their mind [12], for example, ‘virus’, ‘bacteria’, ‘germs’, ‘disease’ [13], ‘change’ [14], supernatural [15]. Collocations, grammatical constructions and functional distribution of words are considered in order to understand connotational meanings of terms, such as ‘feminist’ [16], ‘power’ [17]. In addition, discourse analysis of vocabulary and their functional patterns are studied in order to establish transtextual semantic relations of interdisciplinary concepts, such as ‘floods’ and ‘wildfires’ [18], or in order to differentiate specifics of term usage in pharmaceutical context and applied linguistics for academic purposes [19]. Discourse analysis is useful for revealing intradisciplinary variations of lexical bundles across genres [20]. Conventional conceptions about meaning of certain grammatical classes can be different in academic context from general language use [21]; similarly, lexical collocations in academic discourse sometimes differ from dictionary descriptions of terms [22].

Lexical-semantic field analysis is an effective method enabling researchers to examine concepts on cross-disciplinary and diachronic bases [23–25], to study words belonging to a certain lexical layer [26]. A semantic field approach gives an opportunity to categorize lexis into hierarchically structured systems on the basis of their meaning [27], common perception principles [28], colligation and culture [29].

Material and Methods

The aim of this paper is to consider the lexical-semantic field of the concept ‘perfectionism’ on the basis of their dictionary entries and academic descriptions in research papers devoted to investigation of various aspects of this phenomenon.

With this aim in mind, perfectionism as a concept was analyzed in dictionaries [30–32], along with the other word forms from this paradigm, and their similarities and differences were identified. Method of componential analysis was applied to establish minimal semantic units.

As for academic context, the most relevant research papers were studied from one of the largest databases for academic literature [33]. For the moment of study, the topic ‘perfectionism’ was discussed in 4807 documents (docs). ‘Perfectionism’ was introduced for searching keywords, related to the topic, which were further classified into semantic categories. The total number of keywords under analysis was 28157. Quantitative analysis and semantic categorization were used as study methods for semantic field description.

Results

According to the data obtained from the database [33], the interest to the phenomenon of perfectionism appeared in the mid-1940-s, though it was not in the focus of close attention until the mid-1990s. Actually, perfectionism as a topic of research gained momentum in 2004 when the annual amount of papers exceeded one hundred. Currently, there are authors who have over 30 publications on this topic: R.O. Frost, E.C. Chang, R. Shafran, T.D. Wade, M.M. Smith, P.L. Hewitt, J.S. Ashby, S.J. Egan, A.P. Hill, K.G. Rice, S.B. Sherry, J. Stober, G.L. Flett, among others. Perfectionism is mainly studied in psychology (2773 docs), medicine (1908 docs), social sciences (962 docs), arts and humanities (621 docs), neuroscience (203 docs), business, management and accounting (112 docs), nursing (111 docs), health professions (110 docs), and genetics (82 docs).

Definition Analysis

Perfectionism is defined [30] as a doctrine that the perfection of moral character constitutes a person’s highest good; as the theological doctrine that a state of freedom from sin is attainable on earth; a disposition to regard anything short of perfection as unacceptable; the setting of unrealistically demanding goals accompanied by a disposition to regard failure to achieve them as unacceptable and a sign of personal worthlessness. Synonyms of perfectionism are purism, fuss, pedantry, punctiliousness, fastidiousness [31].

Perfection as a noun implies flawlessness, maturity, being saintly, supreme excellence, accuracy [30]. Synonyms of perfection are choiceness, distinction, excellence, excellency, first-rateness, greatness, preeminence, superbness, superiority, supremacy. Perfectionist can be used as a noun and adjective, while perfectionistic — only as an adjective.

Perfectionment means improvement and refinement. Perfect as a verb means to bring to final form, improve, refine, complete, finalize, finish, polish, consummate.

Perfect as an adjective is similar in meaning to the noun ‘perfection’: being entirely without fault or defect, accurate, corresponding to an ideal standard; legally valid. The other meanings include proficient, pure, total, complete, sane, absolute, and mature. Obsolete meanings are certain, sure, contended, satisfied. Synonyms of perfect are absolute, faultless, flawless, ideal, immaculate, irreproachable, indefectible, letter-perfect, picture-book, picture-perfect, seamless, unblemished, entire, and intact. Antonyms of perfect are amiss, bad, censurable, defective, faulty, flawed, imperfect, and reproachable.

Consequently, along with perfectionism, the word family includes perfection, perfect (adjective and verb), perfectionment, perfectionist and perfectionistic. Perfectionism is the only word form that contains some negative implication in its meaning related to unattainability. The main component of the definition is doctrine which is defined as a set of religious, political, or legal beliefs [32].

The origin of the doctrine-related orientation derives from the suffix -ism which is also used as a noun, meaning practice, manner of action, behavior characteristic of a person, prejudice or discrimination; state, condition or property; a peculiar feature of something; a doctrine, theory, or adherence to a system or class of principles.

Considering the above mentioned, perfectionism is a semantic sum total of two components: perfection and ism — the former pointing at excellence, the latter — at a thinking mode. Together, they indicate to a set of beliefs of constant improvement, aspiration to excellence and attaining unrealistic goals. The locus of control can be internal, personal, or external, social.

Collocations in Academic Discourse

According to keyword search (Tb. 1), perfectionism is typical of adults (2008), including young adults, and adolescents (1007). Studies aimed at children (331), middle-aged (379) and aged people (172) are less numerous. Women are more vulnerable to perfectionism than men: 1741 female vs. 1369 male. Almost 200 papers on perfectionism are devoted to gender differences.

Two areas of human activity are prone to perfectionism: education (626) and sport (357). Students (483) are more likely to endure perfectionism than athletes (177).

Negative issues related to perfectionism begin with psychological problems (4273) distorting human mind, and result in a number of various consequences such as eating disorders (2791) which are referred to deviations in physical body state, personality self-identification issues (2742), and social consequences (955).

Perfectionism is thoroughly studied (5906): through questionnaires (950), controlled studies (856), clinical studies (833), rating scales (429), among others. A number of keywords associate perfectionism as a clinical state (1853); others offer some remedy for treating this disorder (1252), such as cognitive therapy, psychological adaptation, or psychotherapy.

Table 1/Таблица 1

**Lexical-semantic field of the concept ‘perfectionism’
in academic discourse /
Лексико-семантическое поле концепта «перфекционизм»
в научном дискурсе**

Categories	Keywords
Gender	female, 1741; male, 1369; sex difference, 108; gender, 90
Age	adult, 1501; young adult, 507; adolescent, 1007; middle aged, 379; child, 331; aged, 172; normal human, 101
Occupation	students, 483; university, 143; athlete, 177; sport, 105; exercise, 75
Personality	personality, 727; self-concept, 479; self-esteem, 307; self-report, 228; motivation, 200; personality inventory, 185; personality disorder, 281; personality test, 151; personality assessment, 92; self-evaluation, 92
Social Issues	behavior, 137; coping behavior, 117; achievement, 88; social behavior, 88; social phobia, 79; interpersonal relations, 78; avoidance behavior, 77; suicide, 77; culture, 74; responsibility, 72; maladjustment, 68
Psychology	depression, 735; obsessive-compulsive disorder, 571; obsession, 136; compulsion, 79; psychology, 550; anxiety, 514; psychological aspect, 324; stress, 193; mental stress, 133; anxiety disorder, 251; burnout, 121; affect, 110; distress syndrome, 91; impulsiveness, 86; fear, 84; neurosis, 79; emotions, 75; narcissism, 72; depressive disorder, 69
Eating Disorders	eating disorders, 912; feeding behavior, 154; feeding and eating disorders, 157; binge eating disorders, 121; anorexia nervosa, 300; bulimia, 278; bulimia nervosa, 109; body weight, 166; body mass, 166; body mass index, 87; body dissatisfaction, 87; obesity, 72; physiology, 103; pathophysiology, 79
Signs of Disease	risk factor, 447; risk assessment, 80; disease association, 195; mental disease, 182; treatment outcome, 156; disease severity, 147; prediction, 140; prevalence, 111; symptomatology, 92; symptom, 85; clinical feature, 81; comorbidity, 137
Overcoming	cognitive therapy, 156; psychotherapy, 119; cognitive behavioral therapy, 73; cognition, 247; psychological adaptation, 138; mental health, 123; attitude, 105; defense mechanism, 103; satisfaction, 96; thinking, 96; perception, 92
Methodological Studies	major clinical study, 833; controlled study, 777; case-control studies, 79; questionnaire, 826; cross-sectional study, 263; review, 186; psychometry, 185; reproducibility of results, 184; human experiment, 175; rating scale, 159; psychiatrists status rating scales, 155; psychological rating scale, 115; psychological models, 227; scoring system, 132; surveys and questionnaires, 124; comparative study, 121; regression analysis, 103; longitudinal study, 176; procedures, 88; correlation analysis, 86; clinical trial, 84; randomized control trial, 83; reliability, 81; diagnostic and statistical manual of mental disorders, 80; risk assessment, 80; psychologic assessment, 78; statistics, 75; factor analysis, 73; validity, 71; case report, 69; factorial analysis, 69; severity of illness index, 69

Source: compiled by the author

Let us consider the semantic categories from Table 1 more closely.

Gender. Both men and women are subjected to perfectionism, though studies are indicative of higher reliance of women on social opinion and, thus, following public rules more often and more persistently than men. The latter are less fearful of potential public ignorance or censure.

Age. A substantial social group vulnerable to perfectionism is comprised of adolescents. The cause of this phenomenon lies in the fact that they are considerably

influenced by adults and, especially, by such parents who are overcautious of their future, and are inclined to point at their children's mistakes rather than achievements. The current trend of adolescents living together with their parents longer worsens the adverse effect. Adults, exposed to perfectionism or perfectionistic influence, most probably bear heritage from their family traditions and beliefs.

Occupation. Perfectionism is widely spread in academic environment among students for several reasons: firstly, due to their intentions to receive higher education and prepare themselves in the most effective way for a high social position after graduation and receiving diploma; secondly, because of their negative past learning experience from childhood which left emotional fingerprints in their memories about their unsuccessful first steps, anxiety and inability to control their emotions when they were children. As they begin a new learning path, psychologically, they transfer their associations to a new stage of their development.

Perfectionism among athletes can be explained by objective reasons, such as severe competition, pressure from coach and parents, the desire to obtain the first prize, and by subjective reasons — fear of underperformance, self-criticism, and low self-esteem. In pursuit of eliminating any risk of misfortune or failure, athletes suffer from burnout, negative emotions, unproductive relations with surrounding people, overtraining and inclination to doping usage. Emotional well-being and mental health are highly valued not only for current professional sports career but also for future life.

Personality. Personal assessment is dependent on social norms and social standards. If physical, intellectual, or social characteristics do not correspond to the standards translated by public messages, self-evaluation drops significantly. Low self-concept is an integral feature of perfectionistic mindset instilled by parental influence. Personal disorders related to perfectionism include aggression, different forms of anger, hostile attitude to surrounding people, and shame.

Self-esteem at a high level produces elevated expectations from one's own activity and high personal standards; though fear of making mistakes rises proportionally, creating psychological obstacles to achieving high goals. Personal motivation determines the degree of satisfaction with reached goals: external motivation produces higher self-esteem than internal motivation does.

Social Issues. Social aspects of perfectionism matter when socially prescribed and other-oriented nature of the phenomenon is the cause of increased goal pursuit. Perfectionism instigates behavior in a working or other environments, implying goal-centered activity, which is characterized by strong commitment, high performance and a lot of undertaken efforts. Perfectionism models behavior determined by the necessity of achieving a meaningful result. Reaching a goal generates positive psychological thinking, positive emotions, a sense of importance of oneself to the public and society. A sense of achievement allows perfectionists to overcome low self-esteem and self-criticism, and provide evidence to oneself about their social value.

Negative manifestations of perfectionism such as social maladjustment, social phobia, avoidance behavior, poor interpersonal relations, and suicide, are caused

by high expectations from narrow and distant social environment, and personal expectations of social recognition of one's performance and achievements. Perfectionistic mindset poses a risk of suicidal behavior because of the fear of possible social reprimand or isolation.

Psychology. Psychological issues result from dysfunctional perfectionism and lead to various emotional disorders. Depression and anxiety as the main signs of perfectionism are explained by self-criticism, soaring personal standards, stringent frame-like thinking structures, and emotion suppression which are caused by a misconception in perfectionist mind about excessive emotional control which are considered to be redundant for rational thinking and achieving intended goals.

Patients with symptoms of obsessive-compulsive disorder suffer from repetitive ideas or reminiscences from the past which make them anxious. Compulsions are actions which are also psychologically painful but are believed to relieve patients from obsessions. Perfectionists with symptoms of obsessive-compulsive disorder are likely to convert their goals into obsessions which recur repetitively in their mind and urge them take actions to purpose those goals.

Stress is caused by perfectionism, burnout, and comorbid imposter-syndrome effect which develop as a result of performance exceeding normal standards, workaholism, or overtraining. Stress is aggravated by reserve perfectionist nature, unwilling to share emotions with others.

Narcissism originates from self-criticism, low self-confidence, and a feeling of inferiority which, at a social level, is expressed in self-important behavior. Narcissism is associated with workaholism, efforts of meeting high standards, and poor interpersonal relations.

Eating Disorders. Eating disorders occur with adolescents and, mainly, young adults as a result of their strong aspiration of achieving a high goal which occupies the entire possible amount of their time. Self-regulation mechanisms are focused on activities, necessary for completing tasks aimed at reaching a particular target; therefore, basic biological clocks and rhythms are not followed properly. Eating disorders of various kinds such as bulimia, obesity, or, on the contrary, anorexia, develop over a period of time. Consequently, eating disorders are caused by insufficient brain control of basic nutritional needs. Perfectionist mind is overwhelmed with goal achievement in such a way that it cannot process or deactivates essential functions.

Signs of Disease. Perfectionism is sometimes considered a mental disease which stems from psychological origin and manifests itself as depression, anxiety, obsessive-compulsive disorder, accompanied by insomnia and headaches. Perfectionism is also associated with bulimic symptomatology and social anxiety disorder. Perfectionism is predicted to have high rates of comorbidity with psychological, nutritional, personal, and social disorders. Each of the above mentioned dysfunctions can trigger onset of diseases which do not have direct links to perfectionism. At the behavioral level, perfectionism can become a risk factor

and predictor of suicidality, especially, among young people who believe they do not match high social expectations and standards.

Overcoming. The main source of remedy for perfectionists is psychological help in the form of various forms of cognitive therapy, as they are too concerned over mistakes, hypothetical negative results, criticism, possible variants of action, and social expectations. As perfectionism is pathologically related to procrastination, overcoming techniques include therapies aimed at developing social openness, personal flexibility, and reducing levels of doubt and self-criticism. Beneficial effects of combating psychological disorders and dysfunctional beliefs have a positive influence on physical, mental conditions, and interpersonal relations.

Methodological Studies. Various studies of perfectionism are aimed at conceptualization of the phenomenon, building reliable and valid models, based on frequent symptomatology, which assist in identification and verification of perfectionism-related disorders at the psychological, physical, mental, personal, and social levels. Multidimensional scales and factor analysis are used to assess perfectionism in various population groups, such as adults, young adults, adolescents.

Observations, self-reports, case studies, and surveys are effective for registering behavior, health conditions of informants. Further analysis helps reveal typical behavior patterns and create models for cognitive therapies against maladaptive perfectionism. Targeted questionnaires, statistical, correlation, regression analyses and other mathematical methods are applied for objective quantification of data and drawing reliable rating scales of different forms and signs of perfectionism.

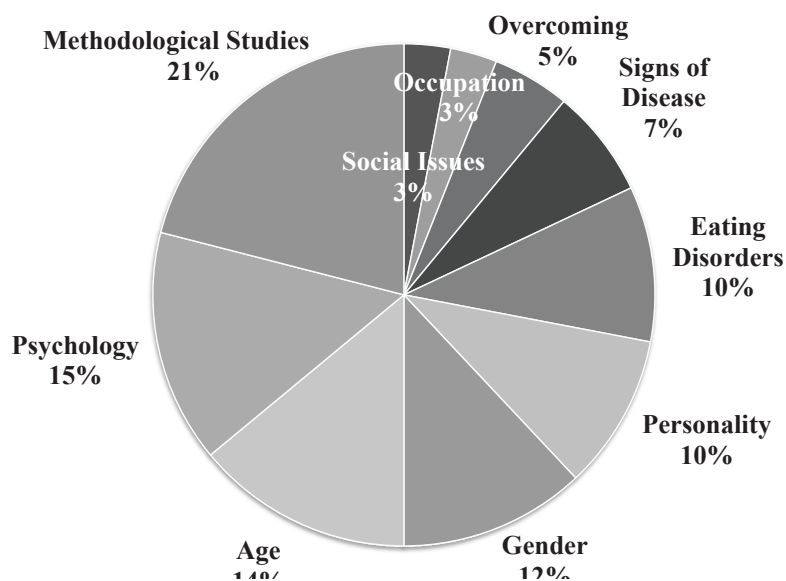

Fig. 1. A semantic field of the concept 'perfectionism' in academic discourse.

Source: compiled by the author

Рис. 1. Семантическое поле концепта «перфекционизм» в научном дискурсе

Источник: составлено автором

Overall, social characteristics (age, gender, occupation, social issues) constitute 32% of all lexical units, prevailing over psychological classes (psychology and personality), having a 25% share. The third group which can be referred to medicine accounts for 22%. The largest category is comprised of studies — 21% (Fig. 1).

Conclusion

Perfectionism has a multi-layer semantic field which implies complex relations between encoded and inferred meanings: on the one hand, perfectionism is posed as a positive character trait in a few social contexts, for example, in job interviews when candidates wish to produce a positive impression on a prospective employer — as a diligent worker, willing to reach high organizational goals; on the other hand, research papers on perfectionism give somewhat different evidence.

Perfectionism is viewed as a cognitive personality disorder due to a number of negative psychological inclinations such as obsessive-compulsive disorder, burnout, stress, neurosis, insomnia, depression, social anxiety, loneliness, and inadequate self-esteem. Perfectionism, presumably, has several sources: personal traits, parental influence, and social environment. Perfectionism is typical of academic and sports social groups which strive for constant personal improvement, the necessity to meet high standards, and strong competition with peers. Originally a cognitive attitude, perfectionism has a long-standing effect on development and socialization of a person.

Deep concerns over achieving a high goal, and anxiety about current or short-term underperformance have serious personal, mental, physical and social consequences, for example, eating disorders, resulting in excessive or insufficient body mass index, unhealthy interpersonal relations, social phobia, and generally, maladaptive behavior. Irrational sets of beliefs frequently serve as motivation for pursuing a certain behavioral pattern which is believed to result in reaching an idealistic unattainable goal.

Clinical studies of perfectionism are also carried out in order to reveal biological nature and systemic mental deviations related to the phenomenon. Obsessive-compulsive disorder seems to be a closely related pathology involving irrational attitudes and behavior, under the influence of strong and/or long-term stress. Treatment measures, mainly, include cognitive therapies which develop adaptive thinking strategies and create a defense mechanism against iterative recurrent relapses.

A cognitive approach to perfectionism treatment is based on numerous tests, controlled studies, questionnaires, surveys, case studies and observations which are aimed at constructing effective models against rigid psychological structures which dominate inadequate perception of reality.

Библиографический список

1. *Belligh T., Willems K.* What's in a code? The code-inference distinction in Neo-Gricean Pragmatics, Relevance Theory, and Integral Linguistics // *Language Sciences*. 2021. Vol. 83. 101310. <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2020.101310>
2. *Su H., Zhang Yu., Lu X.* Applying local grammars to the diachronic investigation of discourse acts in academic writing: The case of exemplification in Linguistics research articles // *English for Specific Purposes*. 2021. Vol. 63. P. 120–133. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2021.05.002>
3. *Bartlett T.* No Gods and precious few heroes: SFL and evolutionary linguistics // *Lingua*. 2020. Vol. 7. 102953. <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2020.102953>
4. *Riemer N.* Cognitive linguistics and the public mind: Idealist doctrines, materialist histories // *Language & Communication*. 2019. Vol. 64. P. 38–52. <https://doi.org/10.1016/j.langcom.2018.09.002>
5. *Palacios Martínez I.M.* Methods of data collection in English empirical linguistics research: Results of a recent survey // *Language Sciences*. 2020. Vol. 78. 101263. <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2019.101263>
6. *Нильсен Е.А.* Концептуальное моделирование континуально-дискретного восприятия времени // *Журнал Сибир. федерал. ун-та. Гуманит. науки*. 2018. № 11 (5). С. 787–794. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0270>
7. *Levisen C.* Biases we live by: Anglocentrism in linguistics and cognitive sciences // *Language Sciences*. 2019. Vol. 76. 101173. <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2018.05.010>
8. *Joue G., Boven L., Willmes K., Evola V., Demenescu L.R., Hassemmer J., Mittelberg I., Mathiak K., Schneider F., Habel U.* Metaphor processing is supramodal semantic processing: The role of the bilateral lateral temporal regions in multimodal communication // *Brain & Language*. 2020. Vol. 205. 104772. <https://doi.org/10.1016/j.bandl.2020.104772>
9. *Bogdanova-Beglarian N., Filyasova Yu.* Active Processes in Modern Spoken Russian Language (Evidence from Russian) // *Communications in Computer and Information Science*. 2018. Vol. 859. P. 391–400. https://doi.org/10.1007/978-3-030-02846-6_32
10. *Новоспаская Н.В., Авагян А.А.* Однонаправленность грамматикализации в современной лингвистике // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2021. № 1 (12). С. 89–104. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-89-104>
11. *Davies C., Richardson A.* Semantic as well as referential relevance facilitates the processing of referring expressions // *Journal of Pragmatics*. 2021. Vol. 178. P. 258–269. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.03.024>
12. *Абрамов В.П., Абрамова Г.А.* Структурный и функциональный подходы к анализу семантического поля // *Русистика*. 2017. № 1. С. 9–25. <https://doi.org/10.22363/2313-2264-2017-15-1-9-25>
13. *Goddard C., Wierzbicka A.* Semantics in the time of coronavirus: “Virus”, “bacteria”, “germs”, “disease” and related concepts // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25(1). P. 7–23. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-7-23>
14. *Денисенко В.Н., Калинина Н.С.* Лексические средства вербализации неопределенности в арабском языке на примере современных бестселлеров // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2020. № 11(1). С. 36–47. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-1-36-47>
15. *Подтележникова Е.Н., Коротяева В.А.* Моделирование семантического поля «сверхъестественное» в русском языке // *Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультур. коммуникация*. 2018. № 4. С. 121–126.
16. *Brooke M.* ‘Feminist’ in the sociology of sport: An analysis using legitimation code theory and corpus linguistics // *Ampersand*. 2020. Vol. 7. 100068. <https://doi.org/10.1016/j.amper.2020.100068>
17. *Ильина В.А.* Семантическое поле ценности «Власть» // *Вестник МГОУ*. 2020. № 2. С. 266–281.

18. Bromhead H. Disaster linguistics, climate change semantics and public discourse studies: a semantically-enhanced discourse study of 2011 Queensland Floods // *Language Sciences*. 2021. Vol. 85. 101381. <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2021.101381>
19. Ren J. Variability and functions of lexical bundles in research articles of applied linguistics and pharmaceutical sciences // *Journal of English for Academic Purposes*. 2021. Vol. 50. 100968. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2021.100968>
20. Shirazizadeh M., Amirfazlian R. Lexical bundles in theses, articles and textbooks of applied linguistics: Investigating intradisciplinary uniformity and variation // *Journal of English for Academic Purposes*. 2020. Vol. 49. 100946. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2020.100946>
21. Alangari M., Jaworska S., Laws J. Who's afraid of phrasal verbs? The use of phrasal verbs in expert academic writing in the discipline of linguistics // *Journal of English for Academic Purposes*. 2020. Vol. 43. 100814. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2019.100814>
22. Филясова Ю.А. Английский экономический термин «человеческий капитал» и его семантическое поле в научном дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. № 3 (10). С. 700–713. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-700-713>
23. Boran G. Semantic fields and EFL/ESL teaching // *International Online Journal of Education and Teaching (IOJET)* 2018. Vol. 5(2). P. 391–399. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://iojet.org/index.php/IOJET/article/view/359/242> (дата обращения: 16.07.21)
24. Dronova L.P. A Concept as a Diachronic Phenomenon: Heuristic Comparative Historical Analysis (Based on the “Purity” Lexical-semantic Field in the German and English Languages) // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 200. P. 423–428. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.08.090>
25. Кезина С.В. Семантическая структура слова как фрагмент семантической структуры поля // *Russian Journal of Linguistics*. 2008. № 4. С. 5–11.
26. Тамбовцева К.Д. Лексико-семантические поля молодежного американского сленга // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 3. С. 139–147.
27. Новиков А.Л. Эскиз семантического поля // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. № 2. С. 7–17.
28. Козлов А.А., Кухто А.В., Привизенцева М.Ю. О реальности семантического поля: лексико-типологический подход // *Acta Linguistica Petropolitana. Тр. ин-та лингв. иссл.* 2016. № 1. С. 522–533.
29. Корнакова Е.С. Системное изучение лексики методом семантического поля // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 4. С. 170–175.
30. Merriam-Webster Dictionary. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 16.07.21).
31. Cambridge Dictionary. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 16.07.21).
32. MacMillan Dictionary. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 16.07.21).
33. Scopus. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://www.scopus.com/> (дата обращения: 16.07.21).

References

1. Belligh, T. & Willems, K. (2021). What's in a code? The code-inference distinction in Neo-Gricean Pragmatics, Relevance Theory, and Integral Linguistics. *Language Sciences*, 83, 101310. <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2020.101310>

2. Su, H., Zhang, Yu. & Lu, X. (2021). Applying local grammars to the diachronic investigation of discourse acts in academic writing: The case of exemplification in Linguistics research articles. *English for Specific Purposes*, 63, 120–133. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2021.05.002>
3. Bartlett, T. (2020). No Gods and precious few heroes: SFL and evolutionary linguistics. *Lingua*, 7, 102953. <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2020.102953>
4. Riemer, N. (2019). Cognitive linguistics and the public mind: Idealist doctrines, materialist histories. *Language & Communication*, 64, 38–52. <https://doi.org/10.1016/j.langcom.2018.09.002>
5. Palacios Martínez, I.M. (2020). Methods of data collection in English empirical linguistics research: Results of a recent survey. *Language Sciences*, 78, 101263. <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2019.101263>
6. Nilsen, E.A. (2018). Conceptual Modeling of Discrete-Continuum Time-Perception. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 11 (5), 787–794. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0270>
7. Levisen, C. (2019). Biases we live by: Anglocentrism in linguistics and cognitive sciences. *Language Sciences*, 76, 101173. <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2018.05.010>
8. Joue, G., Boven, L., Willmes, K., Evola, V., Demenescu, L.R., Hassemmer, J., Mittelberg, I., Mathiak, K., Schneider, F. & Habel, U. (2020). Metaphor processing is supramodal semantic processing: The role of the bilateral lateral temporal regions in multimodal communication. *Brain & Language*, 205, 104772. <https://doi.org/10.1016/j.bandl.2020.104772>
9. Bogdanova-Beglarian, N. & Filyasova, Yu. (2018). Active Processes in Modern Spoken Russian Language (Evidence from Russian). *Communications in Computer and Information Science*, 859, 391–400. https://doi.org/10.1007/978-3-030-02846-6_32
10. Novospasskaya, N.V. & Avagyan, A.A. (2021). The Unidirectionality of Grammaticalization in Modern Linguistics. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(1), 89–104. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-89-104> (In Russ.).
11. Davies, C. & Richardson, A. (2021). Semantic as well as referential relevance facilitates the processing of referring expressions. *Journal of Pragmatics*, 178, 258–269. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.03.024>
12. Abramov, V.P. & Abramova, G.A. (2017). Structural and Functional Approaches to Semantic Fields Analysis. *Russian Language Studies*, 15 (1), 9–25. <https://doi.org/10.22363/2313-2264-2017-15-1-9-25> (In Russ.).
13. Goddard, C. & Wierzbicka, A. (2021). Semantics in the time of coronavirus: “Virus”, “bacteria”, “germs”, “disease” and related concepts. *Russian Journal of Linguistics*, 25 (1), 7–23. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-7-23>
14. Denisenko, V.N. & Kalinina, N.S. (2020). Lexical means of verbalization of uncertainty in the Arabic language on the example of modern best sellers. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (1), 36–47. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-1-36-47>
15. Podtelezhnikova, E.N. & Korotaeva, V.A. (2018). Modelling of a semantic field of ‘supernatural’ in the Russian language. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 4, 121–126. (In Russ.).
16. Brooke, M. (2020). ‘Feminist’ in the sociology of sport: An analysis using legitimation code theory and corpus linguistics. *Ampersand*, 7, 100068. <https://doi.org/10.1016/j.amper.2020.100068>
17. Ilyina, V.A. (2020). Semantic field of the value «power». *Bulletin of MRSU*, 2, 266–281. (In Russ.).
18. Bromhead, H. (2021). Disaster linguistics, climate change semantics and public discourse studies: a semantically-enhanced discourse study of 2011 Queensland Floods. *Language Sciences*, 85, 101381. <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2021.101381>
19. Ren, J. (2021). Variability and functions of lexical bundles in research articles of applied linguistics and pharmaceutical sciences. *Journal of English for Academic Purposes*, 50, 100968. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2021.100968>

20. Shirazizadeh M., Amirfazlian R. (2020). Lexical bundles in theses, articles and textbooks of applied linguistics: Investigating intradisciplinary uniformity and variation. *Journal of English for Academic Purposes*, 49, 100946. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2020.100946>
21. Alangari, M., Jaworska, S. & Laws, J. (2020). Who's afraid of phrasal verbs? The use of phrasal verbs in expert academic writing in the discipline of linguistics. *Journal of English for Academic Purposes*, 43, 100814. [10.1016/j.jeap.2019.100814](https://doi.org/10.1016/j.jeap.2019.100814)
22. Filyasova, Yu.A. (2019). The English Economic Term 'Human Capital' and Its Semantic Field in Scientific Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (3), 700–713. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-700-713>.
23. Boran, G. (2018). Semantic fields and EFL/ESL teaching. *International Online J. of Education and Teaching (IOJET)*, 5(2), 391–399 [Electr. resource]. URL: <http://iojet.org/index.php/IOJET/article/view/359/242> (accessed: 16.07.21).
24. Dronova, L.P. (2015). A Concept as a Diachronic Phenomenon: Heuristic Comparative Historical Analysis (Based on the "Purity" Lexical-semantic Field in the German and English Languages). *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 200, 423–428. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.08.090>
25. Kezina, S.V. (2008). A semantic word structure as a fragment of a semantic structure of a system. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 5–11. (In Russ.).
26. Tambovtseva, K.D. (2014). Lexico-semantic field of American youth slang. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 3, 139–147. (In Russ.).
27. Novikov, A.L. (2011). A drawing of semantic field. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2, 7–17. (In Russ.).
28. Kozlov, A.A., Kukhto, A.V. & Privizentseva, M.Y. (2016). On reality of semantic field: a lexical-typological approach. *Acta Linguistica Petropolitana. Papers of the Institute of Linguistic Research*, 1, 522–533. (In Russ.).
29. Kornakova, E.S. (2015). Systematic study of lexicon on the basis of semantic field method. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 4, 170–175. (In Russ.).
30. Merriam-Webster Dictionary. [Electr. resource]. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed: 16.07.21).
31. Cambridge Dictionary. [Electr. resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (accessed: 16.07.21).
32. MacMillan Dictionary. [Electr. resource]. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (accessed: 16.07.21).
33. Scopus. [Electr. resource]. URL: <https://www.scopus.com/> (accessed: 16.07.21).

Сведения об авторе:

Филясова Юлия Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и перевода Гуманитарного факультета СПбГЭУ; научные интересы: лингвистика, педагогика; e-mail: phill.yield@gmail.com
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9728-9458>; SPIN-код: 9503-8000

Information about the author:

Yulia A. Filyasova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Philology and Translation, Humanitarian Faculty, SPbSUE. Research interests: linguistics, pedagogy; e-mail: phill.yield@gmail.com
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9728-9458>; SPIN-code: 9503-8000

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-396-415

UDC 81'221'42:7.04

Research article / Научная статья

Event Construal in Text and Image. Gaze Behavior and Discourse Interpretations

Maria I. Kiose

Moscow State Linguistic University,
119034, Russian Federation, Moscow, Ostozhenka, 38

 maria_kiose@mail.ru

Abstract. The study explores the combinatorial prevalence effect in Event construal techniques in text and image components of heterosemiotic book pages. We hypothesize that their activity and contingency affect their interpretation, here tested in the oculographic experiment and discourse responses check. To proceed, we develop the parametric system applied for 100 book pages annotation and further statistical analysis. This study reveals the relevance of Truth, Type, Relation, Manageability, Completeness, Instantness, Achievement, Evaluation, Space location, Time location, Repeatability, Cause and effect parameter groups in Event construal in text and image as well as their resonance in concomitant activity. To select the samples serving as stimuli in the oculographic experiment, we apply Principal component analysis, which assigns Uniqueness indices to the samples, here ranging from 0.111 to 0.675, and provides diversity of Event construal techniques to be tested in terms of their interpretation. The results evidence that participants applied different text and image attention distribution patterns with longer fixations on text component in case the image displayed physical contact, static and desirable events. When the creation or destruction events, events-achievement, events located in time or causal events were not present in the text, the participants were more likely to address the image, not the text. Parameter activity also affects the choice of Descriptive, Narrative and Speculative discourse responses, with a restricted number of parameters stimulating Narrative discourse, with a restricted in text and vast in image number of parameters stimulating Speculative discourse, which evidences in favor of their more predetermined and predicted character. Hopefully, the results may be used to predict the interpretation effects and to further cognitive linguistic and semiotic research coordination.

Key words: heterosemioticity, event construal, text and image, construal parameters, oculographic experiment, gaze patterns, descriptive, narrative, and speculative discourse

Article history:

Received: 01.06.2021

Accepted: 01.03.2022

Acknowledgment. Financing

This research is financially supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-012-00370 “Textual heterogeneity and the factors of its successful reading comprehension” at Moscow State Linguistic University.

© Kiose M.I., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

For citation:

Kiose, M.I. (2022). Event Construal in Text and Image. Gaze Behavior and Discourse Interpretations. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), 396–415. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-396-415>

Особенности конструирования события в тексте и иллюстрации. Глазодвигательные реакции и дискурсивные интерпретации

М.И. Киосе

Московский государственный лингвистический университет,
119034, Российская Федерация, Москва, ул. Остоженка, 38

 maria_kiose@mail.ru

Аннотация. В работе исследуются комбинаторные эффекты в выборе техник конструирования события в гетеросемиотическом единстве текста и изображения на материале иллюстрированных книг. Гипотеза исследования, заключающаяся в том, что активность и сопряженность параметров конструирования события будет определять интерпретацию гетеросемиотического единства, верифицируется в ходе окулографического анализа и последующего анализа дискурсивных ответов участников. Анализу подвергаются 12 групп параметров: параметры истинности, общего типа, типа отношений, управляемости, завершенности, моментальности, результативности, оценочности, локализации в пространстве, локализации во времени, повторяемости, причинно-следственных отношений; в ходе анализа устанавливается их роль в создании текста и изображения, а также особенности их резонанса, или особенности дублирования их активности в тексте и изображении. Для отбора стимульных образцов используется методика определения их типичности и уникальности с помощью факторного анализа с привлечением показателей параметров конструирования; показатели уникальности установлены в диапазоне от 0.111 до 0.675, что обеспечивает вариативность привлекаемых образцов. В ходе эксперимента выявлено, что продолжительность пребывания взгляда в зонах текста и изображения обусловлена особенностями конструирования события. Увеличение продолжительности фиксаций в зонах текста наблюдается, если событие в изображении представлено как задействующее отношения физического контакта, как статическое и желательное. Если в тексте не представлены событие создания и разрушения, событие-достижение цели, событие, имеющее временные отсылки, событие с выраженными причинными и следственными отношениями, то возрастает продолжительность фиксаций в зоне изображения. Активность параметров также определяет выбор дискурсивных паттернов в дескриптивном, нарративном дискурсах и дискурсе-рассуждении. Установлено ограниченное количество параметров конструирования события, сопряженных с выбором нарративных паттернов; выбор дискурса-рассуждения сопряжен одновременно с ограниченным количеством параметров конструирования текста и с достаточно большим их количеством в изображении. Полученные данные позволяют использовать разработанную систему параметров конструирования события в тексте и изображении для реализации прогностической оценки успешности интерпретации гетеросемиотических единств. Результаты также способствуют интегрированию на единых основаниях достижений лингвокогнитивной и когнитивно-семиотической парадигм к анализу гетеросемиотических единств.

Ключевые слова: гетеросемиотичность, конструирование события, текст и иллюстрация, параметры конструирования, окулографический эксперимент, глазодвигательные паттерны, описательный, нарративный и спекулятивный дискурс

Благодарности. Финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-012-00370 «Гетерогенность текста и факторы ее успешной интерпретации читателем» в Московском государственном лингвистическом университете.

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2021

Дата приема в печать: 01.03.2022

Для цитирования:

Kiose M.I. Event Construal in Text and Image. Gaze Behavior and Discourse Interpretations // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 396—415. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-396-415>

Introduction

The studies of text and image in cognitive semiotics have recently integrated experimental methods since one of the key areas in heterosemiotic research is now prognostic analysis aimed at predicting how heterosemiotic construal techniques might influence interpretation. Prognostic assessment in the studies follows a series of experiments exploiting various heterosemiotic stimuli displaying diverse construal patterns. As a result, some behavior reactions contingent with the construal patterns are detected, which allows to range the construal patterns as more or less significant in terms of interpretation reactions they cause. Among the most influential experimental methods testing this contingency we will name oculo-graphic analysis since it helps reveal the gaze patterns and the quantitative data on reading techniques susceptible to construal patterns in heterosemiotic unities of text and image, for instance, see [1–3]. Experimental studies in multimodal semiotics (exploring various heterosemiotic forms), although not exploiting prognostic algorithms of interpretation, still succeed in detecting both typical and atypical gaze patterns of experiment participants perceiving the stimuli diverse in heterosemiotic construal. It is noteworthy, that these results are used in applied research and technology, for instance in gamification, publishing industry, educational literature design.

However, in most cases these are the semiotic characteristics of text and image unities that enjoy experimental research, among them we might name the occupancy space of text and image, the color techniques, the order of appearance [4; 5], the combination techniques like domineering, coordination, and reduplication [6; 7], the semantic types of information presented, for example its denotative or connotative character, participants type, dynamic or static type [8]). It is worth mentioning that the pre-experiment analysis of heterosemiotic construal techniques is seldom carried out and even in this case it is most restricted to discourse type studies [9] or communicative functions [10]. Therefore, cognitive construal techniques with participants, events or perspective construal techniques are rarely considered, although they might as well hamper or stimulate interpretation of heterosemiotic unities.

In this study, we test the event construal techniques in text and image, and later explore their effect onto the experiment participants' gaze patterns. We then proceed to studying the discourse patterns which the participants employed when they gave account on the

information they had received while reading. It is expected that diverse event construal techniques will affect the gaze patterns and the discourse patterns employed, although it is hard to predict which construal techniques will stimulate the diversity in cognitive load redistribution. Experimental studies mostly use monomodal stimuli, still among the most influential factors determining the increase in cognitive load expressed for instance in longer fixation duration and return saccadic movements they name the factors of salience (mostly expressed in the construal techniques frequency) and focusing (focalization of construal techniques), for instance, see [11–13]. In case of event construal techniques, we can also distinguish between more and less focal techniques, cf. achievement and non-achievement events, instant and durative events, intersubjective and mono-participant events, where the first event in each group is more focal, although the effects of salience will be applicable only in context. The research question is whether these more focal event construal techniques will affect the gaze behavior and interpretation responses. Therefore, the effects of combinatorial prevalence are explored in this study.

Event construal techniques in text and image

Event construal techniques have received attention in both cognitive semiotics [14–17] and in cognitive linguistics [18–21], among the key areas of study are dynamicity, aspectuality and entrenchment as well as embodiment construal types. Event typologies are thoroughly discussed in cognitive linguistics, however they cannot in all cases be easily adapted to conform to other semiotic systems analysis, still they may suffice to develop the event typologies applicable to heterosemiotic systems. It is worth mentioning, that event construal studies originated with the famous work of Z. Vendler who differentiated between events-achievements, accomplishments, states, and activities. Vendler's work [22] has become highly resonant in linguistics, especially in logical semantics. Following Vendler, N. Arutunova [23] and E. Paducheva [24] give a more detailed and linguistically oriented accounts on event types. Communicative and discursive characteristics of events were mostly explored in European and American studies of the 1980s, for instance, see [25; 26]. In later theories event construal becomes associated with participants' construal and their relations; this approach is a key one in construction grammar [27].

In this research, we will mostly rely on semiotic approaches to linguistic analysis which pave the way to interpretation theories and allow to synchronize several semiotic modes on the same grounds. Semiotic foundations for modes synchronization on linguistic terms received attention in the works of L. Novikov in his theory of ornamental field accumulating different means of poeticism construal [28] and in disclosing dominant structures in composition [29]. These dominant structures creating an ornamental field comprised objects and participants, their actions, inner world construal, event location in time and space, poeticism construal. However, these components need specification to be analyzed in heterosemiotic forms. The most influential typological research in this area is the study presented by V. Demyankov

who develops the notion of interpretation coordinates (or landmarks) [30] which may serve to develop the procedure of parametric analysis of event construal in different semiotic systems, not restricted to linguistic system. Among these landmarks, V. Demyankov names stativity / dynamicity, manageability (controllability) / non-manageability, integrity / non-integrity, momentarily / durative character, repeatability / uniqueness, achievements / non-achievements [30. P. 323–328].

The interpretation value of these landmarks lies in their more and less focusing character for the interpreter, it may help assess (and predict) the interpretation effects produced on the viewer (reader). For instance, the landmark “event-achievement” is more focal than “non-achievement” as it lacks result or action outcome, however in some cases the decision on focal character depends on the reader’s expectations as well as on the event construal type. Therefore, the character of manageable or non-manageable event, for instance, may be interpreted as focal or non-focal depending on whether it conforms to the macroevent (discourse event) expected structure or is totally unexpected. That explains our decision to address the parameters which might be both focusing and defocusing in the context of heterosemiotic construal. The annotation parameter system with the coded parameter values is given in Table 1. This system will be applied to annotate both text and image components of heterosemiotic unity.

The parameter code values start with 1 for annotating text and with 2 for annotating image. Applying two types of codes allows to conduct statistical processing of two data sets. For instance, annotating Sample 1 (see Fig. 1) we may select the following event construal parameters for image construal: True, veritable, real event (201), Physical contact, perception event (205), Intersubjective event (207), Manageable, planned event (211), Incomplete, interrupted event (213), Continuous event (215), Purposeless, aimless event (217), Event lacking evaluation (220), Event located in space (221), Event without location in time (223), Sporadic, unitary event (226), Descriptive event (228).

Fig. 1. Sample 1

Рис. 1. Образец 1

Table 1/Таблица 1

**Event construal parameters /
Параметры конструирования события**

Parameter groups/ группа	Parameters/параметры	Codes/ коды
Truth	True, veritable, real event	101/201
	Untrue, fictional, unreal event	102/202
Type	Creation, building, molding / demolishing, destruction event	103/203
	Shifting, changing event	104/204
	Physical contact, perception event	105/205
	Static event	106/206
Relations	Intersubjective event	107/207
	Interactive event (between man and object)	108/208
	Event not displaying any relations	109/209
Manageability	Non-manageable, spontaneous, accidental event	110/210
	Manageable, planned event	111/211
Completeness	Completed, resultant event	112/212
	Incomplete, interrupted event	113/213
Instantness	Instantaneous event	114/214
	Continuous event	115/215
Achievement	Event-achievement	116/216
	Purposeless, aimless event	117/217
Evaluation	Desirable event	118/218
	Undesirable event	119/219
	Event lacking evaluation	120/220
Space location	Event located in space	121/221
	Event without location in space	122/222
Time location	Event located in time	123/223
	Event without location in time	124/224
Repeatability	Repeatable event	125/225
	Sporadic, unitary event	126/226
Cause and effect	Causal event	127/227
	Descriptive event	128/228

Annotating its text component, we observe that in some cases events display a different character. The event is also given as True, veritable, real (101) as the text displays a sequence of events which might be real (the event on the children's playground), however it is Shifting, changing (104) as we see a chain of subsequent microevents employing a change in scene without creating or destroying any event components. The event is shown as Intersubjective (107) which activates several participants, grandma, children, grandma's own grandson, at the same time as opposed to the event in the image, it is Manageable, planned (111) which describes the deliberate action of grandma presenting it in detail. We may conclude that the text shows a Completed, resultant event (112) as it is a completed narrative with all narrative components described in [31], Orientation in the first two sentences presenting the scene and its participants and objects, Complicating Action in the third sentence presenting assessment of the grandma's action, although the action itself will be described later. Therefore, the sentences five and six display an amalgam of Complicating Action in *Grandma put a 8-kilo weight into her grandson's pocket* and Resolution in *Her grandson turned out to be the heaviest of all children*. Coda in the final sentence *Then Grandma boasted that they give the best food to their grandson* allows to present the Grandma's explanation for what has happened. The event is Continuous (115) as the actions described are mostly of unbounded aspect type [32] in *competed, behaved, overweighted, boasted* (cf. with the actions like *won, tore, killed, eaten* or similar). At the same, we encounter Event-achievement (116) because the reasons for the grandma's action are explained and the desired result is achieved. The event is classified as Undesirable (119) as this action is justified as dishonest, although explicitly. It might have been classified as desirable if the text perspective were the one that is construed by the grandma herself, however it is not so. The event is located in space (121) as there are several objects which help to orient it (swings, pocket), however, this is Event without location in time (124) because there are no time identifiers apart from the time identifier *then* in the final sentence, but this one collocates two microevents [33] and does not allow to locate the whole event in time. The event is Sporadic, unitary (126) as the action is not repeated, and Causal (127) because the reasons for such a dishonest action are clearly presented.

Therefore, the system elaborated allows to provide annotation in both text and image and to analyze them on the same grounds, which can further be used for statistical processing and exploring the techniques of event construal specifics developed in text and image in contrast.

Methods and procedure

The study applies the triangulation methodological procedure [34], here it comprises the methods of cognitive semiotic modelling (parametrization), annotation and statistical methods to explore the distribution and contingency

techniques in event construal in text and image, and cognitive psychological study (oculographic experiment) testing the contingency between construal and interpretation techniques and assessing role of combinatorial prevalence factor. Below, I will briefly describe these three research steps.

Parametrization procedure was described in detail above, it includes the elaboration of sufficient parameter system applicable to both text and image construal analysis. It involves 12 groups of event construal parameters which have coded values for further annotation and statistical processing.

Annotation was carried in UAM Image Tool (www.corpustool.com) which allows to conduct annotation at various levels and annotate image and text separately. The research data are 100 book samples presenting the fragments of text accompanied with illustration, addressed to adults and children. The basic criterion for samples selection was the criterion of diversity, that is the diversity in author and illustrator range, period of issue, style of writing and artistic style, genre of literature, addressee age group. The samples were selected from the works of A. Chekhov, B. Akunin, I. Ilf and Ye. Petrov, S. Marshak, N. Gogol, A. Barto, L. Kaminsky, F. Nonn, E. Tarle, Z. Turlonnas, among others, with illustrations made by Kukryniksy, L. Vladimirsky, V. Chizhikov, R. Bogdanova, I. Oleynikov, A. Bekker, A. Petrova, K. Boldt, V. Vidali, among others. In Figure 2 we demonstrate the structure of Event level and the annotation procedure of the Sample 1 given above.

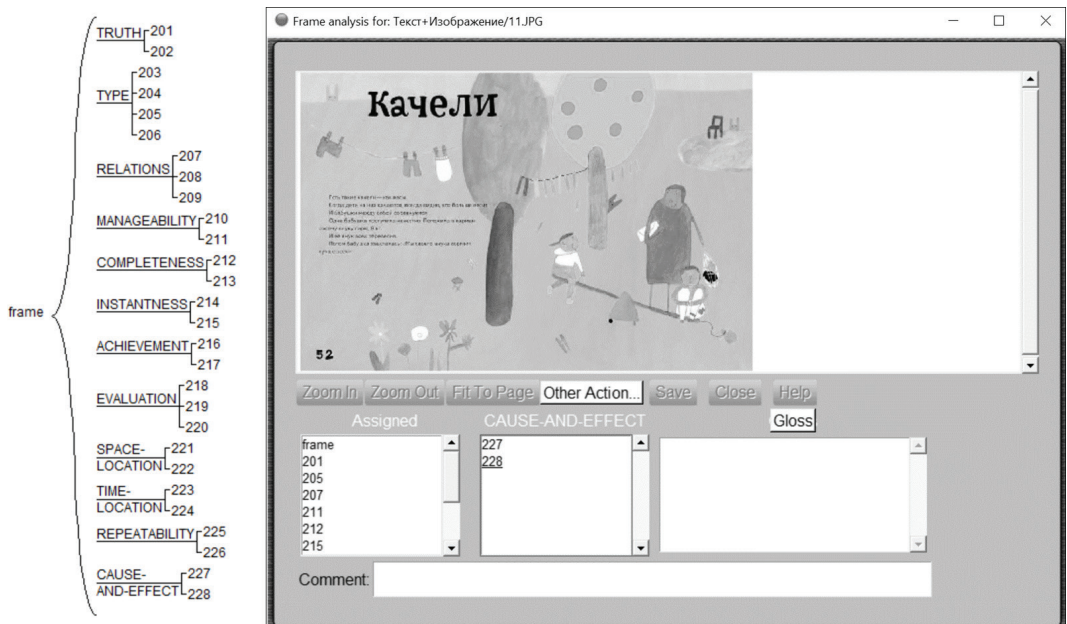

Fig. 2. Event level structure and annotation procedure in UAM Image Tool

Рис. 2. Структура уровня события и процедура аннотации в UAM Image Tool

There is specificity of annotating in UAM Image Tool which is the necessity to select only one parameter within the group, it explains why we applied paired parameters (and not only one of them) within the parameter system.

The results were further exported and statistically processed in specially designed software HETEROSTAT [35], which allows to receive the activity values of each parameter and each parameter group as well as the correlation values of every pair of parameters. We then may contrast the parameter distribution in text and image and explore the event construal techniques prevailing in text or in image. This analysis is carried out adopting the methods of vector semantic analysis [36–38] which helps detect the contingency between the multi-vector profiles of text and image event construal. With the contingency results we observe the differences between the text and image text construal profiles.

Apart from contingency analysis, we conduct the resonance analysis applying the procedure of overlapping the annotation results in text and image event construal. The procedure involves the search for the parameters with the same activity in text and image; in case a parameter is active in both matrices, it is marked as active in the heterosemiotic unity, in case it is active in text or image only, it is marked as inactive.

To select the samples for further oculographic analysis testing interpretation techniques of event construal in text and image, we conduct factor analysis (principal component analysis as one of its version) in JAMOVİ program (<https://www.jamovi.org>) to receive typicality and uniqueness values of each sample. Only the samples with varied uniqueness indexes, low and high, should be selected due to their different event construal techniques. In case we detect the changes in eye movement behavior demonstrated by the experiment participants which are contingent with any of the samples, we can easily deduce which event construal parameters, or the combinations of event construal parameters might have caused them. We finally select 6 samples (presented in Open Access web-resources) with different uniqueness index to serve as experiment stimuli (see Figure 3).

The paired samples 1–6 were further used in the experiment which tested the viewers' oculographic reactions and linguistic reports in terms of the discourse strategies used, which were descriptive, narrative, and speculative. We hypothesized that different Event construal patterns will correlate with specific eye-movement strategies and discourse strategies, which will allow ranging the Event construal operations in terms of their significance for interpretation. 16 participants (students, average age 22) were supposed to view 6 samples, after each sample there was a blank screen for 15 seconds, during this time the participants gave their reports on what they have seen. Their eye movements as well as their reports were recorded during stimuli presentation. Only the reactions of 11 participants were finally considered as in other 5 participants' eye movement or discourse interpretation reports not all 6 samples were presented adequately.

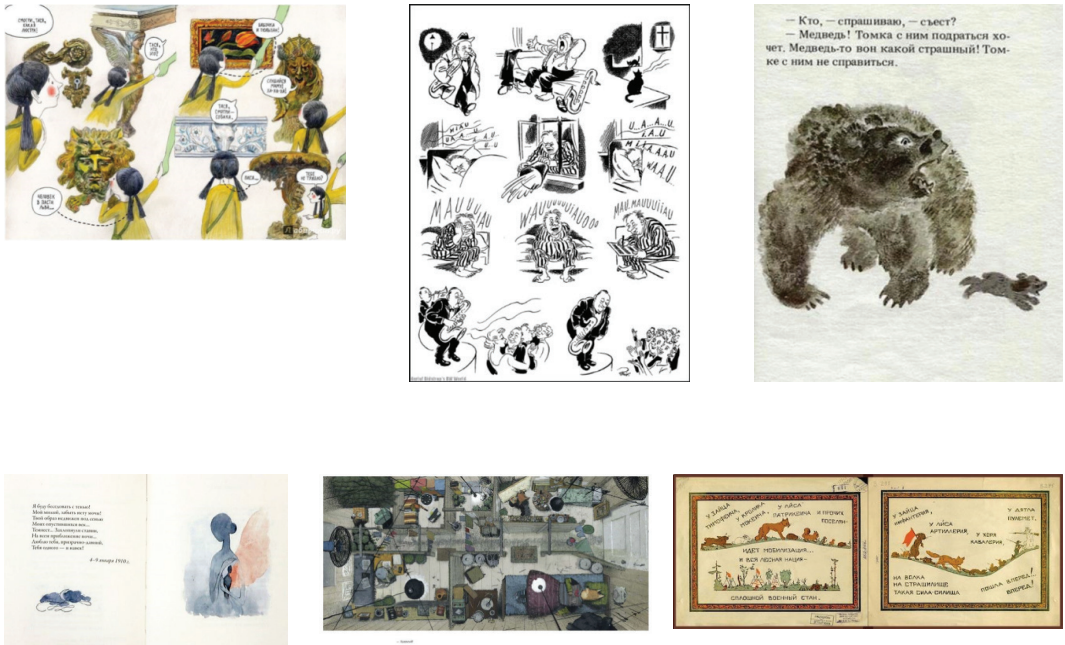

Fig. 3. Experiment stimuli 1–6

Рис. 3. Стимулы эксперимента 1–6

The SMI Red-x eye tracker was applied in the experiment (binocular system, frequency = 60 Hz, accuracy = 0.4°, head movement 40x20 cm, operating distance = 60–80 cm). Eye movement data during task performance were sampled (fixation and saccade duration, dwell time on the areas of interest); subjects' free reports were recorded and analyzed in terms of using Descriptive, Narrative, and Speculative discourse strategies. To analyze the discourse strategies and to decide in favor of the strategy adopted we relied on the discourse markers. For Narrative discourse we considered the tense of verbs (mostly present for Descriptive discourse, mostly past or tense shifts for Narrative discourse), the use of conjunctions and adverbs of time, the use of bodily verbs like *see* and *look* as well as of actional verbs like *make* and *take*. For Descriptive discourse we considered the tense of verbs, the use of parallel clauses, objects and participants naming in parallel structures. For Speculative discourse we looked for the use of modal verbs and words with the semantics of various modality types, the use of word with the semantics of evaluation, and the use of non-referential words, among other markers.

We hypothesized that this triangulation procedure will reveal contingent event construal techniques, eye movement techniques and discourse construal techniques, which will allow to range the significance of event construal parameters for interpretation.

Results

Annotation and statistical analysis

I will proceed with the results of annotation and statistical processing of the received data and then present the results of the oculographic experiment. Following the annotation procedure, we explored parametric activity in event construal in text and image. HETEROSTAT program window is given in Figure 4.

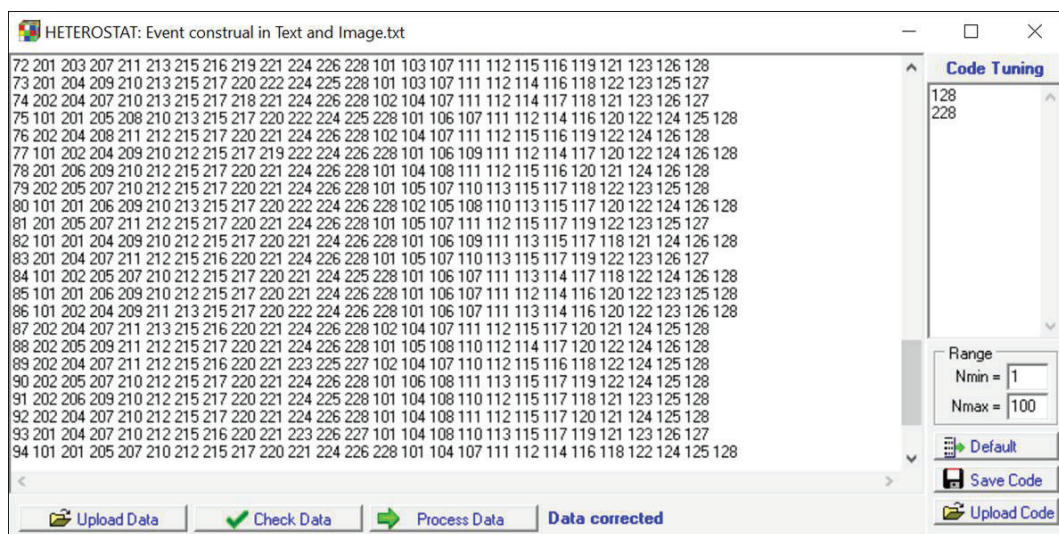

Fig. 4. HETEROSTAT window processing the data on Event construal

Рис. 4. Окно программы HETEROSTAT, обрабатывающей данные о конструировании событий

The samples numbers are given on the left, each sample demonstrates its parameter codes, the codes for event construal in text starting with 1, and the codes for event construal in image starting with 2. Parameter activity results helped reconstrue the text and image profiles of Event construal in the samples, see Figure 5.

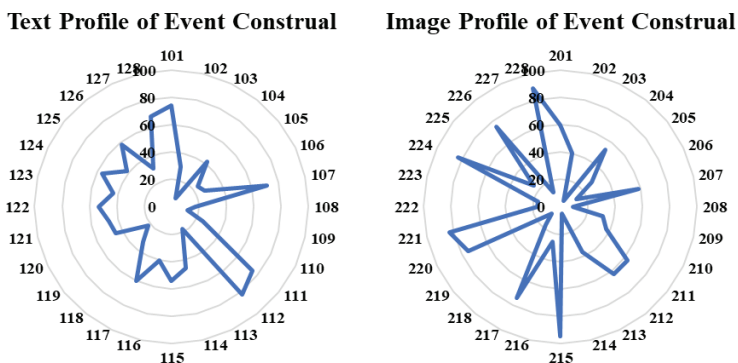

Fig. 5. Text and Image profiles of Event construal

Рис. 5. Профили конструирования события в тексте и изображении

Pearson correlation test to test profiles contingency revealed that $r(26)=0.66$, with critical r -values for $p=0.01$ equal to 0.48, and for $p=0.05$ the critical r -value is 0.37. High correlation value evidences that in general the direction of vector activity in text and image is similar, however, this analysis does not consider the values themselves. More detailed t -statistics (Paired samples T -test) revealed very low significance of contingency data in text and image, with $t(27)=0.017$, $p=0.99$. It shows that the techniques of Event construal are diverse in text and image. To find out which parameters display higher variance, we conducted One sample T -test. It revealed two parameters whose values are relatively similar, these are 107/207 with $t(1)=10.83$, $p=0.059$, and 111/211 with $t(1)=11.5$, $p=0.055$. This means that in most cases intersubjectivity and manageability in Event construal are reduplicated in text and image, probably for the sake of their focalization. Among the parameters with higher variance, we should name 114/214 with $t(1)=1.24$, $p=0.431$, 122/222 with $t(1)=1.94$, $p=0.302$, 119/219 with $t(1)=2.14$, $p=0.278$, 109/209 with $t(1)=2.2$, $p=0.272$, 123/223 with $t(1)=2.26$, $p=0.265$, 127/227 with $t(1)=2.26$, $p=0.265$. They are Instantaneous event with higher values in text, Event without location in space with higher values in text, Undesirable event with higher values in text, Event not displaying any relations with higher values in image, Event located in time with higher values in text, Causal event with much higher values in text. This means that the text component is more responsible for Event construal techniques, although these are several techniques displaying higher activity in image construal, with Incomplete, interrupted event, Continuous event, Event lacking evaluation, Event located in space, Event without location in time, Sporadic, unitary event, Descriptive event among them.

What is of importance, is the contingency values of Event construal parameters. With critical $r(54)$ of 0.34 at $p=0.01$ and 0.26 at $p=0.05$, there is a large number of those which display contingency, however in almost half of the cases this contingency is the result of the specifics of parameter annotation system which allows only one choice at each parameter group and therefore, the parameters work in counteraction. Considering this fact, I will give single parameters (in case there is counteraction) or parameter groups (in case there are more than two parameters representing each group) which demonstrate coordination prevalence in text and image construal. Among parameter groups I will name the event type, with high correlation values. We observe them in the correlation pairs including the parameter Shifting, changing event in image and text, for instance in the correlations of this parameter in image and Intersubjective event in text ($r(54)=0.68$), this one and Manageable, planned event in text ($r(54)=0.71$), this one and Completed, resultant event in text ($r(54)=0.68$). Among single parameters of image having rigid correlations with text parameters are Continuous event

(True, veritable, real event with $r(54)=0.79$, Manageable, planned event with $r(54)=0.83$, Completed, resultant event with $r(54)=0.89$, Purposeless, aimless event (True, veritable, real event with $r(54)=0.75$, Intersubjective event with $r(54)=0.72$, Manageable, planned event with $r(54)=0.77$, Completed, resultant event with $r(54)=0.77$, Sporadic, unitary event with $r(54)=0.69$, Descriptive event with $r(54)=0.7$). Displaying lower, but still significant correlations are the parameters Event located in space, Event without location in time, Descriptive event. Overall, we observe almost strict regulations in Event construal parameter distribution in text and image, with continuous changing events located in space lacking evaluation in image, and resultant causal purposeful manageable events located in time in text.

However, it is worth mentioning how text and image can comply to enhance the construal specificity of one and the same parameter or parameters. The resonance analysis applying the procedure of overlapping the annotation results in text and image event construal showed that in some cases parameter activation occurs simultaneously in text and image, obviously to enhance the information transferred. In Figure 6 I present the parameter activity results in text, image and the resonance values.

Event construal parameter values

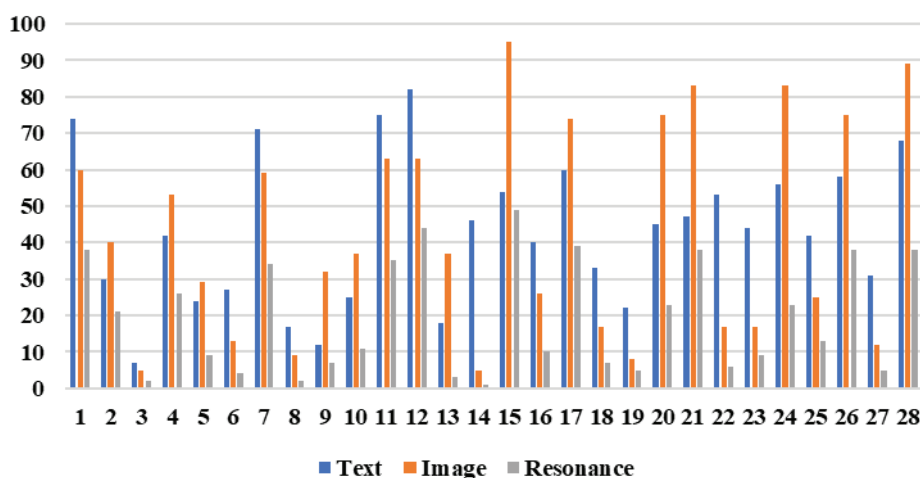

Fig. 6. Contrastive data on parameter values in text, image, and their resonance values

Рис. 6. Сопоставление данных о значениях параметров в тексте, изображении и их резонансных значениях

In Figure 6 the parameter codes are presented in the unified way which allows to consider text, image and resonance parameters on the same grounds. The diagram shows that in some cases the resonance values are almost similar to the values of the parameters in text or image. Among them are the events displaying Truth, Shifting, changing event, Completed, resultant event, Continuous event (almost all cases

of continuous event construal in text are reduplicated in image), Purposeless, aimless event, Event located in space (almost all cases of continuous event construal in text are reduplicated in image), Sporadic, unitary event. Therefore, we may conclude that these event types are principal for both text and image event construal.

To select the samples for further oculographic analysis testing interpretation techniques of event construal in text and image, I conducted principal component analysis and received typicality and uniqueness values of each sample. Factor analysis revealed 7 principal components within the data with the Uniqueness indices ranging from 0.111 to 0.675. Among the samples I then selected the ones displaying high uniqueness, thus being atypical and presumably requiring cognitive load increase in their interpretation, and the ones quite typical which might not cause interpretation problems. I hypothesize that their eye-movement and discourse interpretations will be different.

Oculographic experiment and discourse responses analysis

Next, I proceed with the results of oculographic experiment and discourse responses analysis.

6 samples were selected for the experiment, with the uniqueness indices in Event construal ranging from 0.23 to 0.57. They were presented to the participants one after another, however, they fall into 3 groups, demonstrating similarity in several parameters activity and distinct differences in others’.

First, I conducted contingency analysis with each Event construal parameter and eye movement reactions, here the contingency results of fixation duration within the areas of text and image. Overall, there were 54 probes, 8 probes of participants could not be considered due to inconsistent gaze paths received. In Table 2 Descriptive data on eye movement measures are presented.

Table 2 / Таблица 2

Eye movement measures of text and image AOIs / Показатели движения глаз в текстовых и графических зонах интереса

	Stimuli 1–6	
Text AOIs fixation duration (ms)	Mean	41.9
	Median	45.7
	Shapiro-Wilk p	<0.001
Image AOIs fixation duration (ms)	Mean	58.1
	Median	54.3
	Shapiro-Wilk p	<0.001

As seen, Shapiro-Wilk analysis reveals that the data have normal distribution, therefore I apply Pearson correlation procedure for contingency analysis. Pearson correlation analysis disclosed several parameters displaying rigid correlation with fixation duration distribution within the areas of text and image (at $p=0.01$ critical $r(53)=0.35$). The role of Event construal in the text was assessed first and the parameters contingent with gaze patterns distribution were detected. They are Event type featuring Creation, building, molding / demolishing, destruction event with $r(53)=-0.45$, Physical contact, perception event with $r(53)=0.52$, and Static event with $r(53)=0.54$, Event not displaying any relations with $r(53)=-0.54$, Event-achievement with $r(53)=0.-45$, Desirable event with $r(53)=0.45$, Event lacking evaluation with $r(53)=0.45$, Event located in time with $r(53)=0.-45$, Causal event with $r(53)=0.-45$, Descriptive event with $r(53)=0.45$. The results evidence that participants had text and image attention distribution in case the image displayed events showing physical contact, the event was static and desirable — under these circumstances the attention on the text component was longer as if helping to reconstruct the missing information. When the creation or destruction event, event-achievement, event located in time or causal event was not present in the text, the participants were more likely to address the image, not the text.

Next, I assessed the role of Event construal in the image. It is worth mentioning that the number of parameters contingent with statistically significant gaze patterns redistribution is twice smaller, which evidences that in general event construal by means of the image is less expected, its expected role is much higher in the text component. Among the Event construal parameters contingent with attention distribution were Intersubjective event with $r(53)=0.45$, Event without location in time with $r(53)=-0.66$, Desirable event with $r(53)=0.52$, Event lacking evaluation with $r(53)=-0.64$, Event located in time with $r(53)=0.52$.

Therefore, if the information load typical of the text component is shared in the image component it is the image that attracts longer fixations, perhaps because in this case the event construal is less typical and demands more concentration, the second explanation although is that the image component is enough to reconstrue the information. There are several parameters of event construal whose role is decisive in attention distribution between text and image components and whose activity affects both text and image construal. They are Relation construal in terms of Intersubjectivity, Event location in time and Desirable event, with the last one working differently. In case of its presence either in image or in text it makes the fixation duration longer. We might conclude that the presence of evaluation in all cases affects the fixation duration increase.

Second, I proceed with the discourse responses analysis.

The same correlation analysis procedure was carried out to see where the choice for discourse types applied (descriptive, narrative, and speculative)

was contingent with any of the Event construal parameters. The results have revealed that Descriptive discourse responses were stimulated (being highly contingent) by the presence of the following parameters in the text construal: Shifting, changing event with $r(53)=0.92$, Interactional event (between man and object) with $r(53)=0.46$, Manageable, planned event with $r(53)=0.92$, Purposeless, aimless event with $r(53)=0.92$, Event lacking evaluation with $r(53)=0.92$, Event without location in space with $r(53)=0.46$, Event without location in time with $r(53)=0.44$, Sporadic, unitary event with $r(53)=0.44$, Descriptive event with $r(53)=0.92$. Narrative discourse responses were stimulated by the following parameters in the text construal: Creation, building, molding / demolishing, destruction event, Non-manageable, spontaneous, accidental event, Event-achievement, Desirable event, Event located in time, Causal event, all with $r(53)=0.75$, Repeatable event with $r(53)=0.53$. Speculative discourse responses were stimulated by the following parameters in the text construal: Interactional event (between man and object), Event without location in space, both with $r(53)=0.46$, Repeatable event with $r(53)=0.62$. Thus, the choice of Speculative discourse responses is of a more individual character, although the results suffice to assume which Event construal parameters are highly provocative.

Now, I will report the results on the discourse responses contingent with Event construal in the image. Descriptive discourse responses were contingent with the presence of the following parameters: Shifting, changing event with $r(53)=0.49$, Intersubjective event with $r(53)=0.92$, Manageable, planned event and Completed, resultant event, both with $r(53)=0.44$, Continuous event with $r(53)=0.49$, Undesirable event, Sporadic, unitary event and Causal event, all with $r(53)=0.44$. Narrative discourse responses were stimulated by the presence of following parameters: Event not displaying any relations with $r(53)=0.75$, Non-manageable, spontaneous, accidental event, Incomplete, interrupted event, Event lacking evaluation, Repeatable event, and Descriptive event, all with $r(53)=0.53$. Speculative discourse responses were contingent with the following parameters: Shifting, changing event with $r(53)=0.46$, Non-manageable, spontaneous, accidental event and Incomplete, interrupted event, both with $r(53)=0.62$, Continuous event with $r(53)=0.46$, Event lacking evaluation, Repeatable event, and Descriptive event, all with $r(53)=0.62$.

Contrastive analysis of contingency results demonstrates that Descriptive discourse responses are stimulated by different Event construal parameters in text and image, and there are a lot of parameters displaying rigid correlation with the choice of this response type, whereas Narrative discourse responses are stimulated by partially the same parameters in text and image, and their number is significantly smaller. It might mean that the choice of Narrative discourse responses is rather predetermined and much easier predicted in case several distinct parameters of Event construal were present. The situation with Speculative discourse responses

choice is more complicated. I have detected a vast number of Event construal parameters in the image which stimulate the use of Speculative responses, whereas in the text these parameters are few. Besides, the image parameters contingent with Speculative discourse responses display non-manageable, continuous, incomplete character, thus lacking focusing potential, which in turn might have affected the choice of Speculative discourse.

Concluding remarks

The research aimed at testing Event construal specifics in the heterosemiotic format of book page has allowed to reveal the construal techniques in text and image, verify their interpretational value, and disclose the discourse response types contingent with these techniques.

The results conform with the experimental findings reported in [Kaspar, König 2011; Kirtley 2018] in the part concerning the types of parameter activity distribution in text and image components in heterosemiotic formats. However, in our study we do not focus on the synchronization techniques of domineering, coordination, and reduplication revealed in their works, but explore the contingency of Event construal parameters in text and image. The key issue is the techniques themselves in terms of their interpretation. The research has proved that the factors of focusing and typicality play a less significant role in heterosemiotic formats of information, compared with monosemiotic formats studied in terms of salience effects [Giora 2003], the effects of attractors [Gibbs, Tendal 2006], and entrenchment effects [Schmid 2016]. The study has explored the factor of combinatorial prevalence which adds to the effects of focusing and typicality.

The study has proved that Event construal parameters explored in [Tenny, Pustejovsky 2000] to describe text construal specifics can be applied to analysis of images with the idea of exploring both semiotic forms on the same grounds. Apart from that, several of these construal parameters demonstrate high interpretation value, at least in terms of text and image heterosemiotic construal. This approach integrating construal as both information generation and information processing allows to detect and verify the construal techniques outlined in cognitive linguistics and semiotics. However, the idea of their integrating in application to Event construal analysis is not a new one. The parameters bearing relevance to the interpretation were explored in [Demyankov 1983], but in his study mostly morphological and syntactic techniques were deduced, with the non-verbal parameter groups left unverified, although they were specified.

Among the most important findings of this study are the parameter activity and contingency results in Event construal in text and image, with the system of 28 parameters developed and applied for annotation and statistical processing. Their coordination and reduplication effects as components of combinatorial prevalence

were also disclosed, which may pave the way for prognostic fundamental and applied studies assessing the role of these parameters or aiming to devise a successful (with the readers) heterosemiotic format.

Parameter activity and contingency results served to detect the uniqueness and typicality effects among the data samples, which in their turn later became stimuli in the oculographic experiment accompanied by comprehension checks aimed at exploring the interpretation value of diverse construal techniques. The results suffice to state that the presence of several parameters in text or image is highly resonant with the gaze reactions of the participants, moreover, the gaze patterns are also dependent on the semiotic format in which these parameters are activated, which suffices to specify different interpretation roles of text and image. The experiment also included the study of participants discourse reactions, which proved highly resultant, since it revealed how the choice of discourse responses is stimulated.

Overall, hopefully the procedure developed and the results achieved may be used to predict the interpretation effects, select the proper construal techniques to achieve the necessary result, and help verify cognitive linguistic and semiotic data.

References

1. Itti, L. (2005). Quantifying the contribution of low-level saliency to human eye movements in dynamic scenes. *Visual Cognition*, 12 (6), 1093–1123.
2. Komogortsev, O. & Khan, J.I. (2006). Perceptual attention focus prediction for multiple viewers in case of multimedia perceptual. In: *ETRA 2006 — Proceedings of the Eye Tracking Research and Application Symposium*, Rähä K.-J., Duchowski A.T (eds.). California: San Diego. pp. 101–108.
3. Wilming, N., Onat, S., Ossandón, J.P., Açık, A., Kietzmann, T.C., Kaspar, K., Gameiro, R.R., Vormberg, A. & König, P. (2016). An extensive dataset of eye movements during viewing of complex images. *Scientific Data*, 4. URL: <https://www.nature.com/articles/sdata2016126.pdf> (accessed: 12.05.2020).
4. Lautenbacher, O.P. (2012). From still pictures to moving pictures: eye-tracking text and image. In: *Eye Tracking in Audiovisual Translation*, E. Perego (Ed.). Roma: Aracne Editrice. pp. 133–154.
5. Antipov, V.N. & Zhegallo, A.V. (2017). Three-dimensional perception of flat images in computerized environment. *Experimental Psychology*, 7(3), 97–111.
6. Kaspar, K. & König, P. (2011). Viewing behavior and the impact of low-level image properties across repeated presentations of complex scenes. *Journal of Vision*, 11, 1–29.
7. Kirtley, C. (2018). How images draw the eye: an eye-tracking study of composition. *Empirical Studies of the Arts*, 36 (1), 41–70.
8. Steptoe, W., Oyekoya, O. & Steed, A. (2010). Eyelid kinematics for virtual characters. *Journal of Visualization and Computer Animation*, 21 (3), 161–171.
9. Voroshiliva, M.B. & Zlokazov, K.V. (2017). Psychological methods of Creole texts study. *Political Science*, 2, 126–137. (In Russ.).
10. Baldry, A.P. & Thibault, P.J. (2006). *Multimodal Transcription and Text*. London: Equinox.
11. Giora, R. (2003). *On our mind: Saliency, context, and figurative language*. Oxford: Oxford University Press.

12. Gibbs, R. & Tendal, M. (2006). Cognitive effort and effects in metaphor comprehension: Relevance theory and psycholinguistics. *Mind and Language*, 21(3), 379–403.
13. Schmid, H-J. (ed.) (2016). *Entrenchment and the psychology of language learning. How we reorganize and adapt linguistic knowledge*. Washington DC: Mouton de Gruyter.
14. Merleau-Ponty, M. (2005). *Phenomenology of perception*, C. Smith (transl.). London: Routledge.
15. Clark, A. (2006). Language, embodiment and the cognitive niche. *Trends Cogn. Sci.*, 10, 370–374.
16. Danziger, E. & Rumsey, A. (eds.) (2013). *Intersubjectivity across Languages and Cultures. Special issue of Language and Communication*. Amsterdam: Elsevier,
17. Sinha, C. (2015). Language and other artifacts: Socio-cultural dynamics of niche construction. *Frontiers in Psychology*, 6. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2015.01601/full> (accessed: 12.01.2021).
18. Pustejovsky, J. (1995). *The Generative Lexicon*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press.
19. Talmy, L. (1996). Fictive motion in language and caption. In: *Language and Space*, P. Bloom, M. Peterson, L. Nadel, and M. Garrett (eds.). Cambridge, MA: MIT Press. pp. 211–276.
20. Jackendoff, R. (2002). *Foundations of language: Brain, meaning, grammar, evolution*. Oxford: Oxford University Press.
21. Bergen, B. (2015). Embodiment. In: *Handbook of Cognitive Linguistics*, E. Dabrowska, D. Divjak (eds.). Berlin: Walter de Gruyter. pp. 10–30.
22. Vendler, Z. (1967). Facts and Events. In: *Linguistics in Philosophy*. Ithaca, NY. pp. 12–146.
23. Arutunova, N.D. (1988). *Types of linguistic meanings: Assessment, event, fact*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988.
24. Paducheva, E.V. (1985). *Utterance and its coreference with reality*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985..
25. van Dijk, T.A. (1981). *Studies in the pragmatics of discourse*. The Hague—Berlin: Mouton.
26. Tomlin, R.S. (1987). Linguistic reflections of cognitive events. In: *Coherence and Grounding in Discourse*, R.S. Tomlin (Ed.). Amsterdam: Benjamins. pp. 455–480.
27. Tenny, C. & Pustejovsky, J. (eds.) (1991). *Events as Grammatical Objects: The Converging Perspectives of Lexical Semantics and Syntax*. Stanford, Ca: CSLI Publications.
28. Novikov, L.A. (2001). Dynamic composition. In: *Selected Papers. Vol. II. Esthetic aspects in language. Miscellanea*. Moscow: RUDN publ. pp. 409–412. (In Russ.).
29. Novikov, L.A. (1991). *Stylistic of ornamental prose of Andrej Belyi*. Moscow: RUDN publ. (In Russ.).
30. Demyankov, V.Z. (1983). Event in semantics, pragmatics and interpretation coordinates. *Izvestiya AN USSR. Literature and language series*, 42 (4), 320–329. (In Russ.).
31. Labov, W. (1972). *Language of the Inner City. Studies in the Black English Vernacular*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
32. Cienki, A. & Iriskhanova, O. (eds.) (2018). *Aspectuality across languages. Event construal in speech and gesture*. Amsterdam: John Benjamins.
33. Boldyrev, N.N. & Vinogradova, S.G. (2016). Composite sentence and its metacognitive modeling. *Issues of cognitive linguistics*, 3, 69–76. (In Russ.). <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2016-3-69-76>
34. Baker, P. & Egbert, J. (eds.) (2016). *Triangulating methodological approaches in corpus-linguistic research*. London: Routledge.
35. Kiose, M.I. & Efremov, A.A. (2020). HETEROSTAT software. Registered in FIPI 21.09.2020, registration number 2020661240.
36. Mikolov, T., Chen, K., Corrado, G. & Dean, J. (2013). Efficient estimation of word representations in vector space. In: *Proceedings of ICLR Workshop*. pp. 430–443. URL: <https://www.arxiv-vanity.com/papers/1301.3781/> (accessed: 1.04.2021).

37. Paradis, C., Löhndorf, S., van de Weijer, J. & Willners, C. (2015). Semantic profiles of antonymic adjectives in discourse. *Linguistics*, 53 (1), 153–191.
38. Kiöse, M.I. (2021). Linguistic creativity and discourse profiles of English language children's novels. *Russian Journal of Linguistics*, 25 (1), 147–164. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-147-164>

Information about the author:

Maria I. Kiöse is Doctor habil. of Philology, Associate Professor, Leading Researcher of the Centre for Socio-Cognitive Studies of Moscow State Linguistic University. *Research interests:* cognitive semantics, indirect naming in text, referential semantics, oculo-graphic and corpus-based research of text inference and generation process. *e-mail:* maria_kiose@mail.ru
ORCID ID: <http://www.orcid.org/0000-0001-7215-0604>; Scopus Author ID: 56642747500; Web of Science ResearcherID AAB-7989-2019

Сведения об авторе:

Киосе Мария Ивановна, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса Московского государственного лингвистического университета. *Научные интересы:* когнитивная семантика, не прямое наименование в тексте, референциальная семантика, окулографические и корпусные методы анализа восприятия и порождения текста. *e-mail:* maria_kiose@mail.ru
ORCID ID: <http://www.orcid.org/0000-0001-7215-0604>; Scopus Author ID: 56642747500; Web of Science ResearcherID AAB-7989-2019

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-416-432

УДК 811.111'367.625'42

Научная статья / Research article

Стилистическое использование грамматической категории времени на ранней стадии формирования английского языка

Ю.П. Вышенская

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48, корп. 14

 clemence_isaure@rambler.ru

Аннотация. В настоящем исследовании предлагается опыт наблюдений над раскрытием стилистического потенциала глагольной категории времени в текстах позднесредневековой английской художественной словесности, представленной в своём прозаическом сегменте. Обретение автономного статуса прозаической формой бытования текста словесно-художественного творчества являет собой важный этап в истории средневековой европейской литературы, хронологические рамки которого охватывают период смены средневековья Возрождением. Преодоление ступени слитности жанров знаменует размежевание словесных оболочек одного и того же содержания, отличных по своим стилистическим, лексическим и грамматическим характеристикам, а также использованием народного языка. По завершении процесса секуляризации средневекового сознания, с присущим ему практическим «освоением» реальной действительности, литературные произведения обретают «практическую целеустремлённость», в связи с чем, возникает необходимость новых приёмов описания сформировавшегося нового качественного типа сознания. Грамматическая категория времени избирается в качестве объекта наблюдения в силу свойственной ей глубокой зависимости от содержания и композиционных характеристик текстового целого. Временной континуум художественного произведения рассматривается как расчленяемый на автономные временные планы, отражаемые во временных формах глагола. Период перехода средневековья к Возрождению, известный также как период преемственности, предполагает установление эвалюативных соответствий в стилистической ориентировочной деятельности с эталоном, представленным античной риторической традицией. Особенность стилепорождающих процессов в текстах английской художественной литературы, вторичной по отношению к французской, составляет выдвижение на позицию эталона также и французской риторической традиции. Наиболее ярко этот тип традиции представлен в жанре куртуазного рыцарского романа, тексты произведений которого, как наиболее репрезентативного в системе жанров европейской литературы, используется в качестве иллюстративного материала исследования.

© Вышенская Ю.П., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Ключевые слова: глагольная категория, грамматическое время, стиль, текст, традиция, эволютивные соответствия

История статьи:

Дата поступления: 06.12.2021

Дата приема в печать: 15.04.2022

Для цитирования:

Вышенская Ю.П. Стилистическое использование грамматической категории времени на ранней стадии формирования английского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Том 13. № 2. С. 416—432. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-416-432>

Stylistic Use of the Grammatical Tense Category in the Middle English Prose

Yuliya P. Vyshenskaya

Herzen State Pedagogical University,
48, block 14, the Moika Embankment, St.-Petersburg, Russian Federation, 191186

 clemence_isaure@rambler.ru

Abstract. The paper proposes some observation experience over exploring stylistic resources of the verbal category of tense in the texts of English belles-lettres presented by its prosaic segment dated by High Middle Ages period. Acquiring by the prosaic form of the belles-lettres text the independent status is the important step in the History of European Literature which chronologically coincides with the period of transferring from Middle Ages to Renaissance. After passing the formation period there appeared verbal coverings of one and the same contents different in stylistic, lexical and grammatical characteristics as well as the use of the national language. In consequence of the consciousness secularization, works of literature characterized by practical appropriation of reality, take some practical orientation. This, in turn, causes some necessity in new ways to describe «tactile materiality of consciousness». The category of tense is chosen as the investigation object by virtue of its dependence on proper to textual structures' contents and compositional features. The work of literature text continuum is considered as distributed into chronological plans reflected in the verbal tense forms. The period of transferring from the Middle Ages to the Renaissance, the period of translation, supposes establishing evaluative correspondences in the stylistic orientative activity with some etalon presented by the antique rhetorical tradition. Style generating processes in the textual space of English literature, facultative when compared with French belles-lettres, are marked by putting on the etalon position the French rhetorical tradition as well. The most eminent instances of the tradition can be found in the romance genre as one of the most representative in the European literary genre system. The English genre variant is used as illustrative material for the analysis procedure done.

Key words: evaluative correspondences, Grammar categories, Grammar Tense, style, text, tradition

Article history:

Received: 06.12.2021

Accepted: 15.04.2022

For citation:

Vyshenskaya, Yu.P. (2022). Stylistic Use of the Grammatical Tense Category in the Middle English Prose, . *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), 416–432. doi: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-416-432>

Введение

Обособление прозы в самостоятельную форму бытования художественного текста, важный этап в истории средневековой европейской художественной словесности, хронологически совпадает с периодом перехода средневековья к Возрождению, обозначаемого термином transition («переход») [1. С. 164; 2. С. 8; 3. С. 1; 4. С. 38].

Результатом появления прозаических аналогов поэтических произведений является обретение одним и тем же содержанием вербальных покрытий, различных по своим, в том числе, и стилистическим характеристикам [5. С. 187: ср., 6. С. 259].

Темпы процесса прозаического переоформления поэтических произведений в Англии отличаются некоторой замедленностью. Первые переложения поэтических художественных сочинений в прозу и стихотворных вариантов прозы датируются XIV-м в., столетием позже, чем в странах континентальной Европы [7. С. 161].

Превосходство памятников английской художественной поэзии, созданных ранее своих прозаических модификаций, проявляется в жанровом и сюжетном разнообразии, а также использовании народного языка. Тем самым обусловлено характерное для прозы рассматриваемого периода стремление походить на поэзию или даже переходить в неё [8. С. 44].

Подобная ситуация складывается под воздействием ряда причин экстра- и языкового характера, следствием, как отмечает Дж. Гордон, аритмии темпов развития внутреннего времени языка и внешнего (социального) времени, иначе, опережения или отставания собственно языковых темпов от темпов социального характера. Убыстрение темпов характерно для переломных эпох, пример которой являет собой анализируемый период времени, когда вследствие изменения условий существования человека, «перехода на другой уровень рефлексии, усвоения новой суммы знаний» на фоне переосмысления картины мира появляются «качественные сдвиги» [9. С. 9: ср., 10. С. 183; 11. С. 241].

Присущая всем памятникам английской письменности «практическая целеустремлённость» возникает как следствие секуляризации сознания со свойственным ему практическим «освоением окружающей действительности». Обретением сознанием «осязательной “вещности”» обуславливается необходимость новых приёмов её описания, что влечёт за собой превращение языка в сферу отражения как «новых идейных исканий, так и степени лексической полноты и грамматической правильности английской речи» рассматриваемого периода временной протяжённости [12. С. 310; ср., 13. С. 45; 14. С. 306–307; 15. С. 56].

Оценочная категория «облагороженности» в среднеанглийском языке. Формирование системы литературных жанров

Первое филологическое обоснование большей устойчивости поэтического языка предлагается, как известно, в «Пире» Данте [16. С. 133], что превосхищает положения современной теории литературы об историчности языка прозы и внеисторичности языка поэзии, изъятая из жизненного обихода [17. С. 144].

Между тем, отмечаемая М.М. Бахтиным близость художественной прозе «идеи подлинного бытия языков» и связанное с нею «нарочитое ощущение исторической и социальной конкретности и относительности живого слова» [17. С. 144], вступает в противоречие с концепцией «литературности языка на раннем этапе его становления» [18. С. 127].

Понятие «литературности» языка, по наблюдениям Л.Г. Степановой, складывается как оценочная категория «облагороженности», что подразумевает развитие национального языка путём наложения на «общенародную основу чуждой её структуре элементов» [18. С. 127; ср., 19. С. 74]. Элементы заимствуются из языков, проделавших «путь формирования» и обладающих «не только культурным престижем, но также и детально разработанной системой грамматических и стилистических моделей» [20. С. 46]. Благодаря искусственному привнесению в язык чужеродной модели преодолевается диссонанс темпов развития стиля и языка.

Процесс «облагораживания» (английского) национального языка, преобразуемого в поэтический язык, являет собой разновидность процесса ориентировочной деятельности, в котором позицию эталона (образца) замещают латинские модели и структуры. Степень «облагороженности» определяется на основе принципа (не)совпадения с более развитой системой, воспринимаемой как образцовой, в силу завершённости её форм [18. С. 134–135].

Обнаруживаемые в островном и континентальном процессах стилепорождения сходные черты обусловлены, в частности, общностью дидактических традиций. Так, преподавание грамматики в английских образовательных учреждениях, как и повсюду в Европе, осуществляется на латыни, и, частично, на французском языке. Перемещение образцов латинских и французских оригиналов в процессе создания английской прозы на позиции эталонных стимулирует возникновение у языковой основы художественного стиля некой искусственности, оторванности от живой английской идиоматической речи, ослабленности связи языка как с языком более раннего периода, так и языком XV-го века [9. С. 65–66; 21. С. 76].

Отмеченное качество ложится в основу критерия оценивания достоинств стиля и исключает восприятие национальных моделей как эталонных. Таким образом, иноязычный опыт превращается в их единственно возможный источник. Осознанный поворот от использования и раскрытия ресурсов род-

ного языка препятствует формированию свода строгих правил в грамматике, отсутствие которых способствует укреплению в английском языке позиций риторики [7. С. 143].

Стилистическую эволюцию литературы во многом сдерживают стилистические формы, выработанные в рамках уходящей в прошлое куртуазной культуры, что стимулирует необходимость реформирования жанровой системы.

Жанровые искания непосредственным образом связаны с социокультурными особенностями эпохи европейского, в частности, английского, Средневековья, эпохи преддверия Ренессанса, охватывающей период XIV—XV-го веков. Отражение социокультурных процессов в изменении соотношения поэзии и прозы наблюдается, в том числе, в росте числа прозаических произведений в прозе на темы и сюжеты, ранее использовавшиеся в поэзии. Тем обусловлено появление новых форм существования литературы, представленных, в частности, жанром прозаического романа.

Выравнивание функциональной перспективы сообщения

Традиционно выделяемые в лингвистике категории обретают в текстовом целом ряд особенностей и представляют интерес в области диахронических исследований феномена стиля.

Особое место, занимаемое глаголом среди прочих частей речи с точки зрения стилистической значительности, обусловлено также и большим количеством грамматических категорий, находящихся в рассматриваемый период времени в состоянии формирования [22. С. 155]. «Глобально охватывающие текст» глагольные категории времени и модальности демонстрируют особенно глубокую зависимость от содержания и композиционных специфических черт, образующих в совокупности структуру текста [23. С. 44].

Стилистический спектр категории времени английского глагола во многих литературных произведениях, датируемых примерно одним и тем же периодом времени, обладают схожими чертами, что превращает эту категорию в маркер их стилистической близости [7. С. 150]. Временной континуум конкретного текста расчленяется на отдельные логически выделяемые временные планы, непосредственно отражаемые в используемых в цельных текстовых структурах временных формах [23. С. 46].

Резкие смены одного временного плана другим входят в ряд характерных особенностей литературных идиомов на ранних стадиях развития, охватываемых сферой языковых феноменов, связанных с проблемами стиля. Так, чередование прошедшего времени с настоящим (*Present Historicum*), нерегулируемое какими-либо правилами, по предложению Л.Г. Степановой, можно полагать «совмещением исторического и речевого планов» [18. С. 151]. Следует отметить, что различие между выделенными

планами в научном наследии Э. Бенвениста не рассматривается как тождественное «различию между письменной и устной разновидностями языка» [24. С. 276]. Исторический план повествования закрепляется за письменным языком и предполагает изложение событий, с исключением участия рассказчика, как если бы события рассказывали сами о себе. Сферой бытования речи, «всякого высказывания, предполагающего говорящего и слушающего, и намерения первого определённым образом воздействовать на второго, является одновременно и письменная и устная формы» [24. С. 276].

Глагольные времена распределяются в соответствии с выделенными формами бытования художественного текста. Процесс распределения определяет точка отсчёта, избираемая автором, что подразумевает фокусирование на моменте события или речи. Смена точки зрения сигнализирует о выходе из исторического плана повествования, поскольку таким образом становится очевидным присутствие повествователя, а также проникновение в объективную систему нечто инородного.

В рамках подобного понимания процесс литературной обработки языка предстаёт как «выравнивание упорядочение функциональной перспективы сообщения», иными словами, «подчинения различных точек зрения единому принципу измерения» [18. С. 151–153].

Анализ английских средневековых прозаических текстов демонстрирует сходство некоторых узловых моментов организации процесса выравнивания, выявленных на итальянском материале Л.Г. Степановой. Таково, в частности, наличие единства временной точки отсчёта, представленной далёким прошлым, проникающим в план настоящего. Возникающая таким образом «раздвоенность позиции рассказчика» между объективным временем события и субъективным моментом речи обуславливает начало «косвенного повествования» от автора или личного рассказа персонажа с далёкого прошлого, которое «прорывается» в плоскость настоящего [18. С. 151–153].

Динамика авторской позиции (мобильность точки отсчёта) становится причиной временного диссонанса, примету временной организации средневекового прозаического текста, представленного в виде «вставки» в ткань повествования времени иной группы:

Thus, as I haue shewed, went Melusine, lyke a serpent, flying in Thayer toward Lusynenl. 'Итак, как я и сказал, полетела Мелузина в обличье змеином по направлению к Лузиньяну' (перевод наш — Ю.В.).

В процитированном выше текстовом фрагменте из романа о фее Melusine позиция рассказчика закреплена за определённым лицом, что позволяет считать данный пассаж иллюстрацией наблюдения Л.Г. Степановой о пла-

¹ <https://archive.org/details/melusine00jeanuoft/page/320/mode/2up> (выделено мною — Ю.В.).

ности перехода одного временного пласта в другой. Present Perfect в своём прямом значении «законченности ближайшего действия, связанного с настоящим» переходит в Past Indefinite в значении «последовательность действий в прошлом».

В тексте фиксируются также иные примеры временных вставок:

And also he saith for certayn, that in his tyme he hadd a frend that was auntyent & old, whiche recounted for trouth / that in hys days he hadd seen many tymes suche thinges, and saith yet the said Geruayse, that the said fayrees toke somtyme the fourme & figure of fayre & yonge wymen / of whiche many men haue hadd som doughtits, and haue take to their wyues by meanes of som couenauntes or promysse that they made them swere vnto them / the som / that they shuld neuer see eche other / on the satirday² (выделено мною — Ю.В.). ‘А сказал ещё он с уверенностью, что когда-то был у него друг старинный, который рассказал ему доподлинно, что он в своё время неоднократно был свидетелем чудес таких, а сказал ещё упомянутый Жервез, что феи эти превращались иногда в прекрасных молодых женщин, и что рождались у них в союзе с мужчинами дочери, и что выходили они замуж, но на определенных условиях, по которым клялись мужья никогда не пытаться увидится с ними по субботам’ (перевод наш — Ю.В.).

Временная палитра вышеприведённой цитаты отличается пестротой видо-временных вербальных форм: в ней представлены практически все времена английского глагола, прошедшие или находящиеся на ступени формирования.

Повествование о временах, когда в Пуату водились сказочные существа, ведётся от третьего лица, позицию повествователя замещает местоимение *he*. Имя реального хрониста, (*the said*) *Geruayse*, из хроники которого собственно автор книги о фее Melusine заимствует сюжет, появляется в тексте романа с некоторым запозданием.

Зафиксированная видо-временная палитра глагольных форм подтверждает наблюдение М.К. Сабанеевой об использовании подобного разнообразия в качестве украшения текстовой ткани [26. С. 114]:

Следует отметить иллюзорность художественного временного хаоса, поскольку появление каждой новой временной формы сопровождается введением в текст нового персонажа.

Глаголов, предваряющих косвенную речь немного, их круг ограничивается глаголами речи *saith* и синонимичного ему *recounted*.

В приведённом текстовом фрагменте, в изъятие из общего правила, наличествует два плана повествования, закреплённые за двумя рассказчиками: первый из них пересказывает некогда рассказанную ему другом историю. Таким образом, рассказ первого повествователя ведётся в Presens Historicum, в то время как оригинальный рассказ о стародавних временах выстроен в Past Perfect

² Режим доступа: <https://archive.org/details/melusine00jeanuoft/page/4/mode/2up> (дата обращения: 10.04.2021).

и Past Indefinite. Мерным чередованием Presens Historicum vs Past Indefinite, Past Perfect vs Present Perfect повествованию сообщается ритмичность.

Отмеченное качество отличается разнообразием проявлений на всех уровнях (морфологической и синтаксической), в частности, в повторении корневой морфемы в личных и неличных формах глагола say: *saith* и *said Geruayse*, *said fayrees*. Представляет интерес повторение корня *tyme* в различных вариациях: собственно в составе существительных, устоявшихся формул *in hys tyme*, *many tymes*, наречии *somtyme*.

Иной тип репризы представлен повтором глагола *take* в различных значениях: *the said fayrees toke somtyme the fourme & figure of fayre & yonge wymen, of whiche many men ... haue take to their wyues*.

Объектом повторения становятся характерные для стиля памятников средневековой художественной словесности парные синонимы *auncyent & old*, иногда аллитерирующиеся *fourme & figure (of fayre)*.

Подобный стилистический ход способствует усилению эффекта правдоподобия, укрепляемого хрононимом *satirday* как заимствованного из реального хроноса.

Вторичность английского рыцарского романа обуславливает помещение на позицию рассказчика упоминания некоего французского источника, чаще всего книги:

Soo this mayden Elayne neuer wente from sir launcelot / but watched to hym that the frensshe book saith / there was neuer woman dyd more kyndelyer for man than she3 (выделено мною — Ю.В). ‘И пробыли они там целый месяц, и всё это время девица Элейна денно и ночью хлопотала и заботилась о сэре Ланселоте, и никогда ни жена, ни дитя не были так кротки с мужем и отцом, как Прекрасная Дева из Астолата’ [28. С. 670].

Иная причина закрепления за ссылками на иноязычные источники, представленные книгой или, в качестве альтернативы, хроникой, обусловлена, очевидно, стремлением придать излагаемым событиям некоторую подлинность.

Процитированный фрагмент выстроен на основе абсолютного соблюдения правил грамматики. Примечательно, что реприза лексического показателя времени Indefinite *neuer* усиливает смысловой акцент на чувствах, переживаемых героиней.

Внезапно прерываемая цепочка из глагольных форм Past Indefinite формой глагола *saith* в значении «общеизвестная истина» сигнализирует об условности временной плоскости, принадлежности повествовательного хроноса к иному временному плану, вымышленности ситуации, но вместе с тем способствует обретению повествованием неповторимого архаичного флёра.

³ Режим доступа: <https://archive.org/details/lemortedarthuror00malouoft/page/752/mode/lup?view=theater> (дата обращения: 10.04.2021).

О многообразии проявления временного «перебоя» свидетельствует пример, представленный иной своей разновидностью в предлагаемом ниже текстовом фрагменте из романа о фее Melusyne:

Longe tyme was the Kyng Elynas on the said mountayne in so moch, that deth which bringeth euevry personne to an ende toke hym⁴ (выделено мною — Ю.В.). 'Долго пробыл на этой горе король Элинас, долго, пока смерть, которая приходит за каждым, не пришла и за ним' (перевод наш — Ю.В.).

Временной диссонанс в приведённой цитате представлен случаем внезапного прерывания повествования, ведущегося в Past Indefinite, Present Indefinite, реализуемого в своём значении «известные истины, законы бытия».

Собранный корпус примеров демонстрирует вариативность комбинаций видо-временных форм, используемых в текстовом прозаическом материале:

And also aftir hym many other geants kept it vnto the tyme & commyng of Geffray with the grett toth / of the whiche ye shall more here hereafter. ... And from hens fourthon I wil bigynne & shew the trouth of the meruaylles of the noble Castel of Lusignen in Poitowe⁵ (выделено мною — Ю.В.). 'И после него многие великаны также хранили его до прихода Жоффруа, о котором услышите вы позднее. Сейчас я начну рассказ и поведаю истину о чудесах в благородном замке Лузиньян в Пуату' (перевод наш — Ю.В.).

Сочетание Past Indefinite с другими временами этой группы, Present и Future Indefinite отлично от уже проанализированного выше направлением временного вектора не в прошлое, а в вечность, то есть отсутствием определенной точки или периода в системе временных координат.

Взаимозависимость темпов развития стилистического потенциала и морфологической эволюции языка. Вариативность инициальной формулы

Анализ корпуса примеров выявляет свойственную позиции глагола в Presens Historicum мобильность. Так, использование собственно повествовательного времени в завершающей позиции способствует возникновению эффекта «перемещения» повествования в иную временную плоскость, отличную от реальной, сигнализируя о смене хроносов.

Темпы развития стилистического потенциала глагольных категорий, как отмечает с исследователь Н.Ф. Блейк, во многом определяются темпами развития формирования морфологического строя английского языка [7. С. 159].

⁴ Режим доступа: <https://archive.org/details/rightplesauntno4400caxtuoft/page/16/mode/2up> (дата обращения: 10.04.2021).

⁵ Ibid.

В силу отсутствия в среднеанглийском языке сложившейся системы видо-временных глагольных форм психологические нюансы, присущие французским оригиналам, в процессе перевода утрачиваются, тем самым, сфера процесса переложения ограничивается передачей основной сюжетной линии.

Таким образом, сфера стилистического функционирования простых времён сообразно их основному значению, сужается до констатации фактов [7. С. 159], что можно проиллюстрировать приводимой ниже цитатой из романа «Le Morthe D'Arthur»:

*Thenne sir Tristram **departed** / and in euery pace he **asked & demaunded** after sir Launcelot / but in no place he **coude** here of hym whether he **were dede or on lyue** / wherfor sir tristram **made grete dole and sorowe**⁶ (выделено мною — Ю.В.).* 'После того сэръ Тристрам оттуда уехал, и повсюду, куда бы он ни попадал, он спрашивал о сэре Ланселоте. Но нигде не мог он дознаться, жив ли сэръ Ланселот или умер, и оттого сэръ Тристрам горько сокрушался и печалился' [28. С. 369].

В цитате представлены немногочисленные однородные сказуемые, выраженные глаголами во времени Past Indefinite в значении «последовательность действий». «Зажатость» рамками одного предложения способствует созданию законченности сюжетной сцены.

Зависимость стилистической эволюции глагольных категорий от темпов их собственно грамматического развития иллюстрируется примером комбинации видо-временных форм, представленных, в частности, в тексте романа «The Right Pleasont and Goodly Historie of the Foure Sonnes of Aymon» («Подлинная и славная история о четырёх сыновьях Эмона»):

*Truelye we **finde** in the gestes & faites of the good kynge Charlemagne / that **vpon a time** at a feast of Penthecoste, the sayde kyng Charlemagne **kept** a ryght great and solemne **court** at Parys, after that he **was come** againe fro the parties of Lombardy / where he **had had** a ryght great and mervaylous **batayle** agenst the Sarasyns, and suche folke as **were oute** of the beleve, where of the cheef of the sayde Sarasins **was namwd** Guithelym the sesne. The which the said kynge Charlemagne / by hys prowess and valyauntnes / **had dyscomfyted & overcomen**. At the which batteyll and dyscomfyture, **dyed** greate noblenesses of kinges, princes, Dukes, Erles, barons, knyghtes, and squyers⁷ (выделено мною — Ю.В.).* 'Верно находим мы в жестах и деяниях доброго короля Карла Великого, что однажды на праздник Пятидесятницы, упомянутый король Карл собрал большой и важный совет в Париже, после которого вновь отправился в Ломбардию, где дал великое и славное сражение с сарацинами, изгнав их из христианских земель. А во главе сарацинского войска

⁶ Режим доступа: <https://archive.org/details/lemortedarthuror00malouoft/page/412/mode/2up?view=theater> (дата обращения: 10.04.2021).

⁷ Режим доступа: <https://archive.org/details/rightpleasuntno4400caxtuoft/page/16/mode/2up> (дата обращения: 10.04.2021).

стоял некий Гуитъельм, которого упомянутый король Карл силой своею и доблестью одолел в бою. В битве той и сражении полегло много благородных королей, принцев, герцогов, графов, баронов, рыцарей, оруженосцев' (перевод наш — Ю.В.).

Точкой отсчёта повествования в приведённом пассаже является совпадение абсолютного исхода повествования «vrop a time», унаследованного из древности.

В цитируемом отрывке наблюдается совмещение трёх временных пластов: план рассказчика (Presens Historicum) и план повествования, ведущегося от третьего лица, лица персонажа (Past Indefinite и Past Perfect). Превалирование Past Indefinite корректируется более точным указанием времени посредством использования хрононима, имени собственного Penthecoste, характерного для куртуазного литературного календаря, поддерживаемым глаголом *keep* в Past Indefinite.

Выбор Past Indefinite, доминирующего в формах глаголов-сказуемых в сочинительных предложениях *kept a right, were oute of the beleve, dyed* можно рассматривать как иллюстрацию приведённым выше наблюдениям Н.Ф. Блейка, что вписывается в общую стилистическую тенденцию использования этой группы времён для констатации событий.

Использование этой временной группы, как указывает Н.Ф. Блейк, препятствует раскрытию и развитию стилистического потенциала других грамматических категорий для выражения различных чувств и эмоций: вероятности, предположения, различных степеней сомнения, всего набора, могущего восприниматься желательными в длинном повествовании [7. С. 150].

Стилистический потенциал английского перфекта и категории модальности

В тексте представлены примеры использования стилистического потенциала прочих глагольных времён, что, в частности, находит проявление в использовании формирующегося аналитического перфекта, а также категории модальности.

Следует отметить, что выполняемая формирующимся английским перфектом, сфера применения которого остается, скорее, грамматической, стилистическая нагрузка не отличается особой значимостью. Область его применения, как показывает анализ, ограничивается придаточными подчинительными предложениями времени и места, где излагаются некоторые уточнения, пояснения и комментарии, связанные с ходом развития событий в романе в целом: *was come againe, had had a right, had dyscomfyted & overcomen*.

Замыкание глагольной цепочки видо-временной формой Past Indefinite глагола *dyed* являет собой характерную черту английской прозы как составляющей европейской прозы периода смены средневековья Возрождением.

Подобное композиционное положение непосредственно связано со свойством грамматической категории времени выступать «как ничем не ограниченная длительность», свободная от «требований логического развития сюжета» и «предельного характера изображаемого действия» [18. С. 155].

Использование Past Indefinite в конце повествовательного смыслового блока открывает для неё возможность выполнения функции своеобразного маркера продолжения художественного времени в другом подобного рода повествовании. Точкой отсчёта потока художественного хроноса является «инициальная формула» (*once*) *upon a time* в повествовании о некоем однажды имевшем место событии. Присущая неопределённому времени бесконечность позволяет использовать его для формирования базового повествовательного фона, на котором разворачиваются остальные события.

Появление отмеченного типа временной организации средневековых литературных текстов, как указывает Л.Г. Степанова, возникает вследствие стирания видо-временных различий между действиями одно- и многократного характера, завершённостью и длительностью, воплощаемых в конкретных глагольных формах в рамках системы с приоритетом «бесконечного продолжения и всеобщей связи единовременных происшествий», что даёт основание и возможность пренебречь отмеченными видами различий в «микросистеме данного текста» [18. С. 155].

В процессе анализа собранного корпуса примеров обнаруживается вариативность инициальной формулы:

*And soo vpon the morne erly syre launcelot herd masse and brake his fast / and soo toke his leue of the quene and departed / And thenne he rode soo moche vntyl he came to Astolat ...*⁸ (выделено мною — Ю.В.). *‘И вот рано поутру, он отслушал обедню, утолил голод, простился с королевой и отправился в путь. И скакал он во весь опор и как раз случилось, что достиг он Астолата...’* [28. С. 657].

Исходный вариант формулы угадывается в уточнённой форме *soo vpon the morne*, сочетаемой с маркерами повседневной жизни средневекового человека: *masse, fast*, что можно рассматривать как точку пересечения реального и романного хроносов.

Инициальная формула, как показывает анализ иллюстративного материала, может принимать вид метонимического переноса. Повествовательный зачин представлен в текстах средневековых рыцарских романов в разных модификациях, чаще всего, как отмечалось выше, в виде апелляции к некоей французской книге, как в приводимом ниже примере:

In the begynninge of Arthur after he was chosen kyng by adventure and by grace of barons knewe not that he was Vther pendragons sone / But as Merlyn

⁸ Режим доступа: <https://archive.org/details/lemortedarthuror00malouoft/page/738/mode/1up?view=theater> (дата обращения: 10.04.2021).

*made it openly known / But yet many kynges & lordes helde grete were ayenst hym for that cause*⁹ (выделено мною — Ю.В.). 'В начале книги об Артуре рассказывалось, как после избрания его королём милостью божией и волею доброго случая, из баронов едва ли кто ведал, что он сын Утера Пендрагона, хотя Мерлин и объявил об этом, и по той причине многие короли и лорды пошли на него войной' [28. С. 72].

Инициальная формула в приведённой выше цитате являет собой метонимическое приращение имени главного героя, Arthur, легендарного короля, используемого вместо повествующей о рыцарях Круглого Стола книги. Следующее за формулой обозначение временного периода *after he was chosen kyng* маркирует точку отсчёта определённого этапа в жизни короля. Обозначения подобного рода можно рассматривать как контекстуальные синонимы, примеры которых представлены в тексте других глав романа.

Текстовый материал произведений куртуазного жанра показывает также наличие в художественном хроносе точных указаний на реальную временную шкалу:

*In the tyme of kyng Charles of Fraunce the yere of our lord Ihesu Cryst MCC lxxj / was in the londe of vyennoys a ryche baron daulphyn and lord of the londe named syr Godefroy of alaunson & was of the kynges kyndrede of fraunce*¹⁰. 'Во времена короля Карла Французского, в году 1271 от рождества Христова, жил в венской земле богатый барон, дофин и повелитель земли той, по имени сэр Жоффруа Алансонский, и был он из рода королей французских' (перевод наш — Ю.В.)

Цитата из романа «Parus and Vienne» («Парис и Вена») открывается традиционной инициальной формулой, дополняемой точным указанием даты событий. Подобная деталь роднит художественный текст с текстом хроники, что придаёт всему текстовому целому большую убедительность.

Заключение

Хронологические рамки периода перехода от средневековья к Возрождению в европейской культуре совпадают с периодом обособления прозаической формы существования текста художественной словесности, значимый для исторического развития европейской художественной литературы этап.

Вследствие процесса прозаического обособления одно и то же содержание облекается отличающимися стилистическими, вербальными и грамматическими чертами формами.

⁹ Режим доступа: <https://archive.org/details/lemortedarthuror00malouoft/page/100/mode/2up?view=theater> (дата обращения: 10.04.2021).

¹⁰ Режим доступа: <https://archive.org/details/parisandviennet00hazlgoog/page/n23/mode/2up> (дата обращения: 10.04.2021).

Англия включается в процесс прозаического переоформления на столетие позже прочих страны континентальной Европы, в XIV-м веке.

Выделенному процессу в области литературы сопутствуют процессы формирования жанровой системы, изменения направления процессов в области стилистической ориентировочной деятельности, эволюционного движения национального языка, тесным образом связанных с процессами урбанизации и перестройки социального устройства, что сопряжено с поисками новых способов описания изменившегося социального сознания.

Анализ практического материала позволяет прийти к выводу об отмеченности процессов формирования стиля в произведениях английской художественной прозы в период своего становления необычайной сложностью.

Художественный текст жанра рыцарского романа возникает в средневековой системе литературных европейских жанров вследствие интеллектуально-эстетических запросов куртуазной аудитории как отражение системы определенных эстетическо-культурных ценностей. Вторичность характера английского куртуазного рыцарского романа отображается в порождающих стиль процессах. Эвалюативные соответствия в текстах куртуазного жанра, сообразно риторической практике средневековья устанавливаются в соответствии с эталоном, воплощаемым античной риторической традицией, дополняемой многолетней практикой стилистических поисков, представителей этого направления. Английский язык рассматриваемого периода перехода средневековья к Возрождению, известного как период перехода, находится на стадии становления своих основных категорий, прежде всего, времени и модальности. Несовершенство лингвистической природы английского материала делает его непригодным для полноценного приятия и применения стилистических находок и решений мастеров куртуазной литературной.

В силу затруднённости использования в полной мере сложившихся стилистических канонов, вызванного аритмией языкового развития, в творческой писательской среде зарождается импульс к новым стилистическим исканиям со стороны авторов переложений и переводов текстов произведений куртуазной рыцарской литературы.

Тем самым обусловлено наличие в средневековых текстах стилистических черт универсального характера, а также следование британскими мастерами художественного слова своим оригинальным стилистическим маршрутам, которые составляют особенность процессов стилистической ориентировочной деятельности рассматриваемого периода временной протяжённости.

Библиографический список

1. Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М.: Прогресс, 1986.
2. *Campbell S.J., Milner S.J.* Artistic Exchange and Cultural Translation in the Italian Renaissance City. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

3. *Dyer Ch.* An Age of Transition? Economy and Society in England in the Later Middle Ages. Oxford: Clarendon Press, 2005.
4. *Schlauch M.* The English Language in Modern Times (since 1400). Warszawa & London: PWN — Polish Scientific Publishers; Oxford University Press, 1964.
5. *Ненарокова М.Р.* Каролингская эклога: текст и история жанра. М.: ИМЛИ РАН, 2012.
6. *Евдокимова Л.В.* У истоков французской прозы: Прозаическая и стихотворная форма во французской литературе XIII в. М.: Наследие, 1997.
7. *Blake N.F.* The English language in medieval literature. London, Melbourne and Toronto: J.M. Dent & Sons Ltd; Rowman and Littlefield, Totowa, N.-Y., 1977.
8. *Григорьев В.П.* Становление языка испанской национальной литературы. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1975.
9. *Gordon J.A.* The Movement of the English Prose. London: Longmans, 1966.
10. *Шиб Г.* Немецкий язык в период раннебуржуазной революции // Актуальные проблемы языкознания ГДР. Язык. Идеология. Общество М.: Прогресс, 1979. С. 183–222.
11. *Corti M.* Il viaggio testuale. Torino: Giulio Einaudi editori s.p.a., 1978.
12. *Алексеев М.П.* Литература средневековой Англии и Шотландии. М.: Высшая школа, 1984.
13. *Ahern J.* Dionco's repertory: Performance and writing in Boccaccio's "Decameron" // Performing Medieval Narrative. N-Y.: Boydell & Brewer Ltd., 2005. P. 41–61.
14. *Vaugh A.* Literary History of England. N.-Y. & London: Appleton-Century, 1948.
15. *Ревякина Н.В.* Гуманистическая культура Падуи и университет в конце XIV начале XV веков // Традиции образования и воспитания в Европе XI—XVIII веков. Иваново: Ивановск. гос. ун –т, 1995. С. 56–68.
16. *Данте Алигьери.* Пир // Малые произведения. М.: Наука. 1968.
17. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Искусство, 1975.
18. *Степанова Л.Г.* Наблюдения над синтаксисом раннеитальянской прозы // Синтаксические особенности литературных языков на ранних этапах их формирования. На материале индо-европейских языков. Л.: Наука. Лен. отделение, 1982. С. 124–159.
19. *Zumthor P.* Langue et Techniques Poétiques á l'Époque Romane (XI-e—XIII-e siècles) // Bibliothèque Française et Romane. Série C: Études Littéraires. 1963. № 4.
20. *Алисова Т.Б.* Синтаксис и стиль в процессе формирования письменной нормы литературного итальянского языка XIII—XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия VII. Филология, журналистика. 1963. № 1. С. 46–58.
21. *Kazumi M.* Syntax and Style in Early English. Finite and Non-Finite Clauses c. 900–1600. Tokyo: Kaibunsha Ltd., 1979.
22. *Арнольд И.В.* Стилистика современного английского языка. М.: Просвещение, 1990.
23. *Семенюк Н.Н.* Очерки по исторической стилистике немецкого языка. М.: ИЯЗРАН, ИИЯ, 2000.
24. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
25. *D'Arras, J.* Melusine. Режим доступа: <https://archive.org/details/melusine00jeanuoft> (дата обращения: 5.08. 2017).
26. *Сабанеева М.К.* Художественный язык французского эпоса: Опыт филологического синтеза. СПб.: Изд –во С.-Петербургского университетета, 2001.
27. *Malory Th.* Syr: Le Morte d'Arthur. Режим доступа: <https://archive.org/details/lemortarthor00malouft> (дата обращения: 05.08. 2019).
28. *Мэлори Т.* Смерть Артура // Смерть Артура. М.: Наука, 1993. С. 13–764.
29. The Right and Goodly Historie of the foure Sonnes of Аumon. Режим доступа: <https://archive.org/details/rightplesauntno4400caxtoft> (дата обращения: 21.05. 2018).
30. Paris and Vienne. Thystory of the Noble Ryght Valiant and Worthy knyght Paris and of the Fayr Vienne the Daughter of Vyennes. Режим доступа: <https://archive.org/details/parisandviennenet00hazlgoog> (дата обращения: 26.07. 2021).

References

1. Garen, E. (1986). *Problemy ital'yanskogo Vozrozhdeniya* [Issues of Italian Renaissance]. Moscow: Progress Publ. (In Russ.).
2. Campbell, S.J. & Milner, S.J. (2004). *Artistic Exchange and Cultural Translation in the Italian Renaissance City*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Dyer, Ch. (2005). *An Age of Transition? Economy and Society in England in the Later Middle Ages*. Oxford: Clarendon Press.
4. Schlauch, M. (1964). *The English Language in Modern Times (since 1400)*. Warszawa & London: PWN — Polish Scientific Publishers; Oxford University Press.
5. Nenarokova, M.R. (2012). *Carolingian Eclogue: text and Genre History*. Moscow: Institute of World Literature Russian Academy of Sciences Publ. (In Russ.).
6. Evdokimova, L.V. (1997). *The French Prose Origin: Prosaic and Poetical Form in the XIII-th century French literature*. Moscow: Nasledie Publ. (In Russ.). (In Russ.).
7. Blake, N.F. (1977). *The English language in medieval literature*. London, Melbourne and Toronto: J.M. Dent & Sons Ltd; Rowman and Littlefield, Totowa, N.-Y.
8. Grigor'ev, V. P. (1975). *Formation of Spanish National Literature Language*. Leningrad: Herzen State Pedagogical Institute Publ. (In Russ.).
9. Gordon, J.A. (1966). *The Movement of the English Prose*. London: Longmans.
10. Shib, G. (1979). *German Language during the Early Period of Bourgeois Revolution*. In: *Actual Matters of General Linguistics in German Democratic Republic. Language — Ideology — Society*. Moscow: Progress Publ. pp. 183–222. (In Russ.).
11. Corti, M. (1978). *Il viaggio testuale*. Torino: Giulio Einaudi editori s.p.a. (In Ital.).
12. Alekseev, M.P. (1984). *Medieval English and Scottish Literature*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
13. Ahern, J. (2005). *Dionco's repertory: Performance and writing in Boccaccio's "Decameron"*. In: *Performing Medieval Narrative*. N-Y.: Boydell & Brewer Ltd. pp. 41–61.
14. Baugh, A. (1948). *Literary History of England*. N.—Y. & London: Appleton-Century — Crofts, Inc.
15. Revyakina, N.V. (1995). *Humanistic Culture of Padua and the University in the End of the XI-th and the Beginning of the XV centuries*. In: *Educational and Breeding Traditions in Europe during the Period of the XI—XVIIIth centuries*. Ivanovo: Ivanovsky University Publ. pp. 56—68. (In Russ.).
16. Dante, Alig'eri (1968). *Pir [Feast]*. In: *Operi Minori*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
17. Bahtin, M.M. (1975). *Issues of Literature and Esthetics*. Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russ.).
18. Stepanov, L.G. (1982). *Observations over Old Italian Prose Syntax*. In: *Syntactical Peculiarities of Literary Languages at their Early Periods of Formation. On the Indo-European Language material*. Leningrad: Nauka. pp. 124–159. (In Russ.).
19. Zumthor, P. (1963). *Langue et Techniques Poétiques à l'Époque Romane (XI-e—XIII-e siècles)*. *Bibliothèque Française et Romane. Série C: Études Littéraires*, 4. (In French).
20. Alisova, T.B. (1963). *Syntax and Style in the Process of Forming of Middle Italian Language Norm*. *Philology and Journalism Bulletin*, 1, 46–58. (In Russ.).
21. Kazumi, M. (1979). *Syntax and Style in Early English. Finite and Non-Finite Clauses c. 900–1600*. Tokyo: Kaibunsha Ltd.
22. Arnold, I.V. (1990). *Stylistics of the Modern English*. Moscow: Prosveshchenije Publ. (In Russ.).
23. Semenjuk, N.N. (2000). *Essays in Historical Stylistics of the German Language*. Moscow: Institute of Foreign Languages. Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
24. Benvenist, Je. (1974.). *General Linguistics*. Moscow: Progress Publ. (In Russ.).
25. D'Arras, J. *Melusine*. URL: <https://archive.org/details/melusine00jeanuoft> (accessed: 5.08.2017).
26. Sabaneeva, M.K. (2001). *Poetic Language of French Epic: Philological Synthesis Experience*. Saint Petersburg: S.-Peterburg University Publ. (In Russ.).

27. Malory, Th. *Syr. Le Morte d'Arthur*. URL: <https://archive.org/details/lemortarhuror00malouft> (accessed: 05.08. 2019).
28. Melori, T. (1993). *Le Morte d'Arthur*. In: *Le Morte d'Arthur*. Moscow: Nauka. pp. 13–764.
29. The Right and Goodly Historie of the foure Sonnes of Aymon. URL: <https://archive.org/details/rightplesauntno4400caxtoft> (accessed: 21.05. 2018).
30. Paris and Vienne. Thystory of the Noble Ryght Valiant and Worthy knyght Paris and of the Fayr Vienne the Daughter of Vyennoyes URL: <https://archive.org/details/parisandviennenet00hazlgoog> (accessed: 26.07. 2021).

Сведения об авторе:

Вышенская Юлия Павловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена; *научные интересы*: историческая стилистика, история литературы, история языка, литературоведение; стилистика, лингвистика текста; *e-mail*: clemence_isaure@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0003-2870-3026. E-library SPIN-код: 7067-9940

Information about the author:

Yuliya P. Vyshenskaya, Ph.D, Associate Professor of the Department of English Language and British Studies of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Herzen State Pedagogical University”; *Scientific Interests*: Historical Stylistics, History of Literature, History of Language, Literature studies, Stylistics, Text Linguistics; *e-mail*: clemence_isaure@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0003-2870-3026. E-library SPIN-code: 7067-9940

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-433-454

УДК 811.111'42

Научная статья / Research article

Формально-содержательная организация гибридного художественно-правового дискурса

Е.В. Дзюба¹ , И.Ю. Рябова²

¹Уральский государственный педагогический университет,
620017, Российская Федерация, Екатеринбург, проспект Космонавтов, 26

²Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева,
620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

 ev_dziuba@uspu.me

Аннотация. Исследование выполнено в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы в изучении языка с привлечением методов когнитивно-дискурсивного, концептуального, контекстуального, структурно-семантического, компонентного, дефиниционного и этимологического анализа. В статье определяется понятие ситуативной эквивалентности, устанавливаются ее параметры в гибридном художественно-правовом дискурсе, который формируется в нарративно-документальном пространстве, охватывающем содержание романа И. Макьюэна «Закон о детях» и одноименного закона, принятого Парламентом Великобритании в 1989 году. При этом гибридный художественно-правовой дискурс, маркированный — в силу взаимопроникновения двух концептуальных пространств — интертекстуальностью и интердискурсивностью, рассматривается как особая социокультурная практика, призванная обнаружить остросоциальные проблемы общества и осветить их не только с правовой, но также с общегуманистической позиций. Подчеркивается, что нарративная модель художественно-правового дискурса обобщает элементы пяти уровней его формально-содержательной организации: 1) поверхностная структура текста (событийный ряд, фактуальная информация); 2) «семантическое ядро» содержания; 3) детализация или генерализация описания ситуации; 4) грамматические средства выражения смысла; 5) прототекст (нехудожественный текст, который лег в основу литературного произведения; здесь — «Закон о детях»). Понятие ситуативной эквивалентности трактуется с учетом трех параметров: идентичность основных существенных свойств концептуальных пространств и их функций; равноценность ситуаций с юридической точки зрения (константные параметры); наличие дополнительных коннотаций (вариативный параметр). Предметом данного исследования являются языковые маркеры юридического дискурса и единицы художественного текста, рассматриваемые в сопоставительном аспекте с точки зрения их ситуативной эквивалентности. В аспекте наличия или отсутствия коннотативного потенциала исследуемых тематических единиц разграничивается полная и частичная ситуативная эквивалентность. Представленная концепция демонстрируется на примере концепта РАЗУМНОСТЬ, репрезентирующего идею правильности (серьезности, корректности, рациональности) профессиональных действий представителей судебной власти и принятых ими решений.

© Дзюба Е.В., Рябова И.Ю., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Отмечается, что интерпретационный потенциал данного концепта существенно расширяется вследствие интеграции языковых маркеров юридического дискурса в нарративное пространство художественного текста; опора на прототекст позволяет выявить тематические единицы гибридного художественно-правового дискурса, составляющие «семантическое ядро» анализируемого концептуального пространства. В работе обозначена точка зрения, что вследствие формирования у концепта дополнительных коннотаций в смысловой структуре художественного текста обогащается и соответствующий фрагмент концептуального пространства правового документа. На примере изучения концепта РАЗУМНОСТЬ демонстрируется процесс моделирования когнитивного феномена, формирующегося в процессе гибридизации двух концептуальных пространств (художественного и правового) как особый динамический комплекс специфических свойств и характеристик.

Ключевые слова: гибридный дискурс, художественно-правовой дискурс, нарративно-документальное пространство, ситуативная эквивалентность, параметры ситуативной эквивалентности, тематическая единица, языковой маркер юридического дискурса, концепт

История статьи:

Дата поступления: 01.03.2022

Дата приема в печать: 15.03.2022

Для цитирования:

Дзюба Е.В., Рябова И.Ю. Формально-содержательная организация гибридного художественно-правового дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 433–454. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-433-454>

Formal and Semantic Organization of Hybrid Literary-Legal Discourse

Elena V. Dziuba¹ , Irina Y. Ryabova²

¹Ural State Pedagogical University,
26, prospect Kosmonavtov, Yekaterinburg, Russian Federation, 620017

²Ural State Law University named after V. F. Yakovlev,
21, Komsomol'skaja str., Yekaterinburg, Russian Federation, 620137

 ev_dziuba@uspu.me

Abstract. The research is carried out through cognitive-discursive paradigm in language learning using the methods of cognitive-discursive, conceptual, contextual, structural-semantic, component, definitional and etymological analysis. The article defines the concept of situational equivalence and sets its parameters in a hybrid literary-legal discourse, which is formed in the narrative-documentary space, dealing with the content of the novel by I. McEwan “The Children Act” and the real law of 1989, adopted by the British Parliament. At the same time, the hybrid literary-legal discourse, marked — due to the interpenetration of two conceptual spaces — by intertextuality and interdiscursivity, is considered to be a special socio-cultural practice designed to reveal urgent social problems and highlight them not only from a legal, but also from a humanistic aspect. The narrative model of literary-legal discourse is emphasized to generalize the elements of five levels of its formal and meaningful organization: 1) the surface structure of the text (event series, factual information); 2) the “semantic core” of the content; 3) detailing or generalization of the description of the situation; 4) grammatical means of expressing the meaning; 5) proto-text (non-literary text that formed the basis of a literary work; here — “The Children Act”). The concept of situational

equivalence is interpreted taking into account three parameters: the identity of the main essential properties of conceptual spaces and their functions; the equivalence of situations from a legal point of view (constant parameters); the presence of additional connotations (variable parameter). The subject of this research is the linguistic markers of legal discourse and the units of a literary text, considered in a comparative aspect from the point of view of their situational equivalence. We also speak about full and partial situational equivalence from the point of view of the presence or absence of the connotative potential of the studied thematic units. The presented conceptual theory is demonstrated by the example of the concept REASONABLENESS, which explicates the idea of rightness (seriousness, correctness, rationality) of professional actions of judicial representatives and their decisions. It is noted that the interpretative potential of this concept is significantly expanded due to the integration of language markers of legal discourse into the narrative space of a literary text; reliance on prototext allows us to identify thematic units of hybrid literary-legal discourse that make up the “semantic core” of the analyzed conceptual space. Due to the fact that the concept obtains additional connotations in the semantic structure of the literary text, thus, the corresponding fragment of the conceptual space of the legal document is also enriched. The study of the concept REASONABLENESS as a special dynamic complex of specific properties and characteristics shows the process of modeling a cognitive phenomenon in the process of hybridization of two conceptual spaces (literary and legal).

Key words: hybrid discourse, literary-legal discourse, narrative-documental space, situational equivalence, parameter of situational equivalence, thematic unit, linguistic marker of legal discourse, concept

Article history:

Received: 01.03.2022

Accepted: 15.03.2022

For citation:

Dziuba, E.V. & Ryabova, I.Y. (2022). Formal and Semantic Organization of Hybrid Literary-Legal Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), 433—454. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-433-454>

Вводные замечания

Проблема изучения гибридного дискурса, предпосылкой которого становится трансфер гуманитарного знания из одной концептуальной области в другую, является новой в когнитивной лингвистике. Суть «смешанного», художественно-правового формата дискурса заключается во взаимовлиянии и взаимообогащении двух сфер — концептуального пространства правовой документации и нарратива художественно-эстетического творчества, репрезентирующего отдельные аспекты права, в частности, например, вопросы профессионализма представителей судебной власти. Столкновение двух дискурсов обусловлено идейным замыслом романа И. Макьюэна «Закон о детях» и содержанием одноименного правового документа, изданного в 1989 году. Изучение языкового и концептуального планов этих текстов в их взаимодействии позволяет проследить процесс моделирования когнитивных структур (категорий и концептов) в гетерогенном пространстве гибридного дискурса.

По замечаниям А.А. Джигоевой и О.Ф. Стрельниковой, «ничто значимое в мире не может не пройти процесс языковой номинации и не найти свою адекватную языковую репрезентацию» [1]. В остросоциальном романе бри-

танского писателя И. Макьюэна «Закон о детях» акцептируются ключевые вопросы английского права, касающиеся благополучия ребенка, воспитания здоровой личности, морально-этические вопросы свободных религиозных верований и др. Главным персонажем романа является судья Фиона Мей, образ которой строится на персонифицированной концепции поведения, интегрирующей «слово» закона, собственные ценностные установки, личный жизненный опыт и бесценный опыт коллег [2]. Мотивом для написания романа стал принятый в 1989 году Парламентом Великобритании «Закон о детях» / *The Children Act*, который обозначил основные направления в разрешении судебных семейных споров: ответственность родителей перед детьми, условия опекуна, вопросы поддержки семей местными органами власти, основы гуманизма в процессе принятия судебных решений и т.п. [3].

В основу настоящего исследования положена **гипотеза** о формировании гибридного художественно-правового дискурса как социокультурной практике, тесно связанной с социальным, политическим и правовым контекстом и вскрывающей социальные вопросы общества через призму авторской интерпретации в художественном произведении. Сосуществование правового документа, имеющего юридическую силу, и индивидуальной авторской его интерпретации в литературном произведении создает основу для формирования гибридного дискурса. По замечаниям О.А. Солоповой и К.А. Наумовой, «взаимопроникновение и интеграция характеристик тех или иных типов дискурса порождает качественно новый формат дискурса, не сводимый к сумме его составляющих» [4]. В данном исследовании гибридный художественно-правовой дискурс определяется как результат интеграции языковых маркеров и концептов юридического дискурса в нарративное пространство художественного текста, формирующего единое эмерджентное новообразование — пространство нарративно-документальное. Под языковыми маркерами юридического дискурса понимается терминология и специальная лексика правовой сферы, репрезентирующая юридическое знание и зафиксированная в основном в юридических словарях, а также — в иных лексикографических источниках (толковых и этимологических) при условии наличия в дефиниции сем, связанных с концептуальной областью правовых отношений.

Кроме того, гибридный дискурс, сформированный на стыке права и художественного нарратива, рассматривается как особый тип текстовой структуры, маркированный интертекстуальностью. По мнению Н.А. Фатеевой, «... интертекстуальность — это установка на (1) более углубленное понимание текста или (2) разрешение непонимания текста (текстовых аномалий) за счет установления многомерных связей с другими текстами» [5]. В.Е. Чернявская отмечает, что принцип дискурсивности заключается в том, чтобы понимать текст «не как изолированную единицу, а как составную часть метатекстового единства» [6]. Гибридный художественно-правовой дискурс, представленный многообразием текстового материала, на глобаль-

ном уровне аккумулирует знание о своеобразии исторических эпох и ключевых поворотных моментах, которые «проживали» правовые институты различных государств. Принимая во внимание мысль М.Л. Новиковой о том, что «смысловой информации разнородных художественных текстов имманентно присуще свойство конденсироваться, превращаться в некоторый обобщенный художественный смысл, который соотносится с системой ценностей, присущих национальной культуре и национальной ментальности», обозначим, что «конденсат» обобщенных смыслов, сформированных в тексте гибридного формата, репрезентирует сугубо национальные черты правового сообщества [7].

Цель исследования — выявление особенностей смысловой и организационной структуры гибридного дискурса, эксплицирующей концептуальные представления о разумности судебных деяний, зафиксированных в правовом документе «Закон о детях» 1989 года и описанных И. Макьюэном в одноименном романе. В целях реализации основной идеи исследования используются общенаучные **методы** когнитивно-дискурсивного, концептуального, контекстуального, структурно-семантического анализа с привлечением более частных методик компонентного, дефиниционного и этимологического анализа.

Когнитивно-дискурсивный метод нацелен на исследование художественно-правового дискурса как явления, в рамках которого моделируются когнитивные феномены (категории и концепты) в результате аккумуляции нового знания в ходе гибридизации двух совершенно различных по своей стилистике и специфике отображения реальности дискурсов. Концептуальный анализ позволяет выявить дополнительные коннотации, приобретаемые единицами правовой сферы в результате их трансфера в нарративное пространство художественного текста. Контекстуальный анализ призван описать взаимодействие языковых средств выражения в текстовом фрагменте конкретного дискурса и завершить описание семантики лексической единицы «гибридного характера». Структурно-семантический метод позволяет проследить изменения значений в слове (в т.ч. термине) посредством актуализации его этимологического компонента, выявления ключевых дифференциальных сем, исследования дефиниции слова и синтаксической организации предложения, в которое включена данная единица.

Специальное юридическое знание, репрезентированное языковыми маркерами юридического дискурса, вживается в нарративное пространство художественно-эстетического произведения посредством механизмов, приемов и средств трансфера.

Под **трансфером** гуманитарного знания, вслед за Л.М. Алексеевой и С.Л. Мишлановой, мы понимаем процесс переноса в концептуальную область художественного текста индивидуального — накопленного обществом в определенной сфере — знания (здесь: юридического), име-

ющий социальную значимость и сложную сеть отношений, «в котором реализуются различные стадии мыслительной деятельности по формированию и осмыслению понятия» [8]. В более широком смысле трансфер репрезентирует трансляцию нового знания в качественно ином типе дискурса, если принимать во внимание точку зрения В.Е. Чернявской о том, что «...тема дискурса раскрывается не одним текстом, но интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов...» [9]. Таким образом, слово, взятое из юридического контекста (правового документа) и помещенное в художественный текст, прирастает новыми компонентами значения, новыми коннотациями и начинает функционировать как особая единица языка. Мысль о семантической и стилистической модификации юридических терминов в полярно ином формате дискурса высказывают О.Н. Кондратьева и Ю.С. Игнатова, подчеркивая, что «эти сдвиги отражают онтологически присущее языку свойство — способность и стремление к изменению» [10]. При этом основой для формирования языковых фактов и концептуальных структур гибридного дискурса становится категория **ситуативности**, предопределяющая совокупность лингвистических и нелингвистических средств выражения смысла, релевантных для описания конкретной когнитивно-коммуникативной ситуации. Именно ситуативность определяет выбор тех единиц, которые участвуют в процессе гибридизации.

В данном исследовании процесс гибридизации будет рассмотрен на примере слова-концепта РАЗУМНОСТЬ / REASONABLENESS, выступающего элементом гибридного художественно-правового дискурса и сформированного на базе оценочного понятия о корректности и правильности профессиональной деятельности судей Англии. Разумность действий представителя судебной власти четко зафиксирована в «Законе о детях» 1989 года, это подтверждается частотностью указанной лексемы и единиц, близких ей по семантике.

Одноименный роман написан по следам юридической практики известных барристеров. Выбор материала исследования в рамках гибридного дискурса обусловлен возможностью вскрыть остросоциальные проблемы, поднимаемые в рамках «холодной», беспристрастной юридической сферы, и осмыслить их сквозь призму естественных человеческих ценностей благодаря возможностям литературного произведения; выявить первостепенную важность для судьбы, с одной стороны — профессионализма (непредвзятости, бескомпромиссности перед законом и под.), с другой стороны — гуманности; подчеркнуть смысловые трансформации в понимании ключевых концептов правой сферы, включенных в художественное произведение. Основой исследования гибридного дискурса является сравнительно-сопоставительный анализ смыслов контекстов, зафиксированных в «Законе о детях» и фрагментах одноименного романа.

Ситуативная эквивалентность в нарративной модели художественно-правового дискурса

Социально значимая природа нарратива в художественно-правовом дискурсе обусловлена трансляцией юридического знания в широкие общественные области с такой целью: по замечаниям В.И. Карасика, в нарративах о конкретных событиях (в нашей работе — о судебном процессе в Англии) происходит «анализ их причин и типичного развития, а также осмысление» рассматриваемых событий [11]. Исследование нарратива, согласно Ф. Анкерсмитту, строится на анализе четырех компонентов: поверхностная структура текста (непосредственно нарратив), глубинная структура («семантическое ядро» нарратива), правила трансформации текста (опущение или добавление некоторых деталей), грамматика текста [12]. Мы будем использовать термин **нарративная модель художественно-правового дискурса**, под которой в настоящем исследовании понимается авторская интерпретация события правовой действительности, репрезентированная в литературном произведении И. Макьюэна «Закон о детях».

С учетом дискурсивной и интертекстуальной природы текста гибридного формата, а также факта продуктивности процессов языковой гибридизации на структурном уровне и обогащения семантики гибридных единиц, в настоящем исследовании *нарративная модель художественно-правового дискурса* обобщает элементы пяти уровней его формально-содержательной организации: 1) поверхностная структура текста (событийный ряд, фактуальная информация); 2) «семантическое ядро» содержания; 3) детализация или генерализация описания ситуации; 4) грамматические средства выражения смысла; 5) прототекст, где прототекст — первичный нехудожественный текст, который лег в основу литературного произведения, в данном случае — «Закон о детях» 1989 года / «The Children Act».

Поверхностная структура текста художественно-правового дискурса анализируется с точки зрения архитектоники текста (структуры, событийного содержания, логики развертывания событий — сериального метода и др.). Согласно Ж. Делезу, «не бывает структуры без серий, без отношений между терминами каждой серии и без сингулярных точек, соответствующих этим отношениям» [13]. В романе И. Макьюэна судья Мей рассматривает разные судебные дела, в круг правовых и морально-этических проблем включены вопросы жизни и смерти сиамских близнецов, места жительства девочек семейства Харедим, лечения Адама Генри против его воли, заключающееся в переливании крови, что противоречит религиозным верованиям его родителей-свидетелей Иеговы и др. Каждая «серия» судебного разбирательства может включать инвариантные значения разумности, впоследствии моделирующие образ представителя судебной системы.

Глубинная структура, «*семантическое ядро*» содержания, реализуется главным образом посредством тематических единиц текста. Тематическая

единица текста — важная языковая единица текстового пространства, объективированная в повторе одного слова или слов одной тематической группы, актуализирующей ситуативно значимую семантику (актуальные семы). По замечаниям И.В. Арнольд, «... наиболее существенными для смысла целого текста являются повторяющиеся в нем значения, составляющие его тематическую основу или сетку. Эти значения могут быть выражены повторами слов, повторами сем или повторами тем...» [14]. Следует обозначить, что «семантическое ядро» гибридного художественно-правового дискурса не лишено коннотативных значений вследствие влияния художественной составляющей, что отличает его от имманентных характеристик сугубо правового дискурса. Интерпретационный потенциал одной и той же тематической единицы в прототексте и в нарративе художественного произведения варьируется с точки зрения синтагматических связей с другими языковыми единицами. Отметим, что важными механизмами трансфера юридического знания в художественный текст являются механизмы метафоризации и адъективации, способные трансформировать конвенциональное юридическое знание в пространстве художественного нарратива.

Третий уровень формально-содержательной организации гибридного дискурса — *правила трансформации текста*, предполагающие опущение или добавление некоторых деталей, — тесным образом связаны с авторским замыслом, прагматическими установками, литературными нормами эстетического творчества. Художественная *детализация или генерализация описания ситуации* является частью образа художественного как результат эстетического мастерства его создателя. Обобщение или опущение деталей в правовом документе в рамках сравнительно-сопоставительного анализа фрагментов двух текстов обусловлено различными аспектами актуализируемых концептов.

Исследование структурно-синтаксической организации высказывания (в широком смысле *грамматики текста*) позволяет выявить лингвопрагматический потенциал языковой реалии (слово, предложение, период текста). Механизм фокусирования как способ трансфера определенного знания обнаруживает корреляцию позиции слова с его прагматической установкой. В предложениях выявляются синтаксические доминанты, участвующие в формировании смысла целого высказывания. Нарративная модель художественно-правового дискурса имеет целью вскрыть особенности концептуализации важных в профессионально (здесь: юридически) значимой ситуации понятий в художественной картине мира с опорой на прототекст посредством выявления особых лингвопрагматических реалий в структурной организации высказывания.

Нарративная модель художественно-правового дискурса применяется в данном исследовании с позиции **ситуативной эквивалентности** текстовых отрезков двух дискурсов с целью сопоставления языковых фактов, называющих важные составляющие актуальной ситуации. По замечаниям

И.В. Арнольд, под ситуативной эквивалентностью понимается такое отношение между лингвистическими единицами, когда они обладают «общими свойствами, позволяющими им выполнять одинаковую функцию» и передают «равноценность ситуаций с какой-нибудь, например, этической, юридической, тактической и т.д. точки зрения» [14]. Исследуя процесс трансфера гуманитарного знания, Ю. Найда отмечает следующее: «... it is the referential, conceptual burden of the message that has the highest priority...» [15].

Ситуативная эквивалентность выражается в концептуальной релевантности языковых ситуаций с позиции трех параметров: 1) идентичность основных существенных свойств концептуальных пространств и их функций; 2) равноценность ситуаций с юридической точки зрения; 3) наличие дополнительных коннотаций. В предложенной теории ситуативной эквивалентности первые два параметра считаются константными, т.е. необходимыми условиями непосредственно самого понятия ситуативной эквивалентности, а третий параметр является переменным, наличие или отсутствие которого характеризует полную или частичную ситуативную эквивалентность.

Первый параметр ситуативной эквивалентности — *идентичность основных существенных свойств концептуальных пространств и их функций* — связан с описанием конкретной бытийной ситуации на уровне смысловой структуры. По замечаниям Л.Г. Бабенко, наряду с тем, что в художественно-правовом дискурсе находят отражение «все существенные свойства пространства как объективной бытийной категории..., репрезентация пространства уникальна, так как в нем воссоздаются творческим мышлением, фантазией автора воображаемые миры... в художественном тексте воплощается объективно-субъективное представление автора о пространстве» [16]. Анализируя доминантный принцип организации языка и языкового сознания, Н.Н. Болдырев говорит о существовании *частных* когнитивных доминант в языковом сознании индивида-автора в отличие от *общих, коллективных*; последние «в языковой деятельности обнаруживаются в использовании имен концептов и категорий, характерных для коллективного сознания соответствующих групп» [17].

В этой связи концепт РАЗУМНОСТЬ / REASONABLENESS, который далее будет подробно рассмотрен, является частью коллективного сознания, репрезентированного в правовом документе, и инвариантно отражается в нарративе романа, что проявляется «в выборе фокуса, точки отсчета, аспекта осмысления... и конкретных языковых единиц для его передачи» [17]. Так, основные существенные свойства концептуальных пространств неизменно проявляются в лексике, отражающей коллективно-индивидуальный характер интерпретации в гибридном дискурсе и «измеряются» *эквивалентностью тематических единиц*, формирующих «семантическое ядро» содержания двух фрагментов.

Дополнительных пояснений в аспекте первого параметра ситуативной эквивалентности требует рассмотрение *эквивалентности тематических единиц*, которая предполагает трехступенчатую формулу достижения равноценности смысловых значений: 1) семантическое тождество лексических единиц; 2) общность дистрибуции в прототексте и тексте романа; 3) логическое сцепление выявленных единиц в «сериях» текста. Под общностью дистрибуции в исследовании понимается такое позиционное распределение лексических единиц в словосочетаниях, которые маркированы синонимичностью соседних языковых единиц. Если дистрибуция предполагает рассмотрение конкретного фрагмента — дискретного сегмента текста, то сцепление представляет собой цепь взаимосвязанных по смыслу, логике и структуре высказываний, помещенных, как отмечает И. В. Арнольд, «в сходные позиции». По замечаниям автора, «основная функция сцепления состоит в том, чтобы осуществлять взаимосвязь элементов в структуре целого» [14]. Следовательно, сцепление в нарративно-документальном пространстве гибридного дискурса представляет собой связность семантических значений тематических единиц между «сериями» текста, формируя комплекс инвариантных смыслов концепта «разумность».

Под *равноценностью ситуаций с юридической точки зрения* — второй параметр ситуативной эквивалентности — мы понимаем соответствие общепризнанным правовым доктринам и нормам, выявление единого пространственно-логического континуума исследуемых концептуальных пространств, отсутствие маркеров принадлежности контекстов разным временным отрезкам. Пространственно-логический континуум характеризуется включенностью в языковую ситуацию одних и тех же акторов действия и актуальностью логических связей внутри контекста: причина — следствие, цель — завершение и т.д.

Третий (вариативный) параметр ситуативной эквивалентности связан с наличием *коннотативного компонента* в гибридном высказывании. Возможные коннотации, создаваемые «пластически-живописными характеристиками внешнего действия» в художественном тексте, по замечаниям М.М. Бахтина, «переводят действие в другой план, в другой ценностный контекст» [18]. Адекватная реализация предметно-логического значения слова (терминология И.В. Арнольд) в двух текстах художественно-правового дискурса при отсутствии дополнительных коннотаций, в том числе выраженных эмоционально-оценочной лексикой как имманентной характеристикой художественного текста является показателем полной ситуативной эквивалентности фрагментов двух дискурсов. Следует заметить, что коннотации, возникшие посредством интеграции языковых маркеров юридического дискурса и единиц художественного текста в тексте романа, не остаются «за кадром» и для прототекста, они обогащают концептуальное пространство правового

документа, способствуя рассмотрению функционирования правовой системы в таких жизненных условиях, которые максимально приближены к реальным.

Таким образом, *ситуативная эквивалентность в нарративной модели художественно-правового дискурса* становится необходимым условием сравнительно-сопоставительного анализа текстовых фрагментов, позволяющим систематизировать знание о концептуальной релевантности рассматриваемых языковых фактов. Как отмечает М.М. Бахтин, любой текст (в том числе дискурс как совокупность двух текстов) «представляет собой не чисто лингвистическую данность», а уникальный феномен культуры [18]. Нарративная модель художественно-правового дискурса призвана вскрыть особенности моделирования когнитивного феномена РАЗУМНОСТЬ / REASONABLENESS действий английского судьи и выявить специфику новых смыслов, сформированных, главным образом, «силами» художественного текста.

Концепт РАЗУМНОСТЬ / REASONABLENESS в аспекте лингводискурсивной гибридации

Обратимся к иллюстрации того, как истоки гуманизма в процессе принятия судебных решений, нашедшие языковую репрезентацию в «Законе о детях» 1989 года, интерпретированы в литературном произведении. Проследим смысловые трансформации значимых лексических единиц, участвующих в процессе гибридации и обусловленные ситуативностью.

В законе о детях 1989 года концепт «разумность» связан с тремя акторами — родителями (опекунами, родственниками и др.), судом (court, authority) и детьми. Ключевая лексема «*reasonable*» встречается в тексте закона 117 раз; она частотна в таких выражениях как «*reasonable grounds*», «*reasonable expenses*», «*reasonable excuse*», «*reasonable cause*», «*reasonable to do something*» и т.п. Современное значение слова «*reasonable*» исследуется наравне с актуализацией этимологического компонента языковой единицы в аспекте ретроспективного взгляда на предметно-логическое значение слова в лексикографических источниках разного временного сегмента. Также принимается во внимание точка зрения И.В. Арнольд о синонимии как «одном из видов лексической эквивалентности» [14]. Лексикографическое описание языковой единицы с позиции дефиниционного, компонентного анализа и синонимической парадигмы позволяет зафиксировать тематические единицы в нарративно-документальном пространстве.

Согласно словарю АБВУ Lingvo 6, в дефиниции «*reasonable*» актуализована семантика разумности, умеренности, справедливости и правильности: 1. *having sound judgment, fair and sensible*; 2. *as much as is appropriate or fair; moderate*; 3. *there are good reasons why it may be correct* (АБВУ Lingvo 6). Словарь Webster's Complete Dictionary of the English Language акцентирует значение рациональности, толерантности и важности: «*rational*; no excessive,

within due limit; *tolerable, considerable*) (WCDEL). В словаре A Complete Dictionary of Synonyms and Antonyms выявлены следующие синонимы слова (синонимия как «частный случай эквивалентности», по И. В. Арнольд): *sober, equitable, judicious* [CDSA]. Цепь дефиниций включает также языковые единицы «*serious*», «*solemn*», «*sincere*», «*formal and dignified*», «*impartial*» (ABBYY Lingvo 6).

Слово-концепт «*reasonable*» включает следующие структурные компоненты: ‘подходящий’, ‘соответствующий ситуации’; ‘рациональный’; ‘правильный’; ‘серьезный’; ‘умеренный’; ‘непредвзятый’; ‘рассудительный’; ‘беспристрастный’.

Важность и разумность родительской ответственности обозначена в «Законе о детях» в ч. 3 п. 5:

A person who –
 (a) *does not have parental responsibility for a particular child; but*
 (b) *has care of the child, may (subject to the provisions of this Act) do what is reasonable in all the circumstances of the case for the purpose of safeguarding or promoting the child’s welfare* [3]. Забота о ребенке предполагает защиту его благополучия и здоровья: *care — the provision of what is necessary for the health, welfare, maintenance, and protection of someone or something* (ABBYY Lingvo 6). Основная цель действий родителей — защита. Доминантной лексической единицей является глагол *promote*, репрезентирующий сему дальнейшего прогресса — *further progress of something* (ABBYY Lingvo 6). В тексте романа зафиксирован фрагмент, содержащий аналогичную тематическую единицу, помимо слова-концепта *reasonable*: *She believed she brought reasonableness to hopeless situations. On the whole, she believed in the provisions of family law. In her optimistic moments she took it as a significant marker in civilization’s progress to fix in the statutes the child’s needs above its parents* [2].

Полными эквивалентами в данном контексте следует считать слова *promote* и *progress*, эксплицирующие способность развития здоровой и успешной личности подростка как маркера сильной цивилизации: *progress — development towards an improved or more advanced condition; promote — raise (someone) to a higher position or rank*. Общность дистрибуции слов *reasonable* и *reasonableness* с языковыми маркерами юридического дискурса *promoting* и *progress*, а также фокусирование на источнике права — *provisions (of this Act, of Family law)* — формирует тесную и неделимую связь концепта «разумность» с движением вперед в случае согласованности действий с правовыми нормами.

Позиционное распределение слов *safeguard* и *promote* в одном контексте становится устойчивым в «Законе о детях», оно повторяется в ч. 3 п. 17 (1): «*It shall be the general duty of every local authority (in addition to the other duties imposed on them by this Part) — (a) to safeguard and promote the welfare of children within their area who are in need...*» [3]. Согласно лексическому

значению слова *safeguard*, подчеркнем, что оно эквивалентно слову *protect*: *safeguard — protect from harm or damage with an appropriate measure* (АВВУ Lingvo 6). Действия судьи Мей после вынесения ей судебного решения о переливании крови подростку вопреки его желанию оцениваются самим Адамом Генри как желание защитить его: «... “*Look, you saved my life. And it’s not only that. My dad tried to keep it from me, but I read your judgment. You said you wanted to protect me from my religion. Well, you have. I’m saved!*”» [2]. В пространстве художественного нарратива подростка приходится защищать от религиозных предрассудков, в плену которых находятся его родители.

Сцепление двух фрагментов текста «Закона о детях» эксплицирует одну идею — защита благополучия ребенка, в то время как в пространстве художественного произведения на примере рассмотренных отрывков романа мы наблюдаем динамику развития ситуации, заключающуюся в детализации ее описания: цель защиты уточняется — от религиозных убеждений, навязанных родителями.

Языковая репрезентация безвыходной ситуации — «*hopeless situation*» — коррелирует с текстом «Закона о детях» — «*in all the circumstances of the case*»; словосочетание «*child’s welfare*» — с «*child’s needs*». Таким образом, мы можем говорить об идентичности основных существенных свойств двух текстовых пространств и выражения ими одинаковых функций в силу выполнения следующих условий: 1) эквивалентность тематических единиц *promote / progress, safeguard / protect*; 2) указание на единую пространственно-временную характеристику ситуации, выполняющую номинативную функцию (*hopeless situation*); 3) уточнение понятия «благополучие ребенка» (*needs*). Равноценность ситуаций с юридической точки зрения реализуется в едином пространственно-логическом континууме (акторы — родители, суд и подопечные) и за счет уточнения источника права — *provisions of this Act / of Family law*. При отсутствии дополнительных коннотаций, экспрессивно-оценочной лексики, мы можем констатировать полную ситуативную эквивалентность представленных текстовых фрагментов на смысловом уровне. Формальная организация гибридного дискурса подчиняется прагматическим установкам нарративно-документального пространства, где цель «Закона о детях» — представить основную «доктрину» разумных действий представителя судебной власти, а задача нарратива — сконструировать на основе этой доктрины концептуальную картину мира английского судопроизводства, основанного на персонифицированной модели поведения его слугителей.

Защита детей в тексте «Закона о детях» и в романе И. Макьюэна ассоциируется с выбором разумного пути. В правовом документе 14 раз встречается словосочетание «*reasonable steps*» в значении «разумные действия» как правильные шаги на пути к достижению цели. Проследим языковую репрезентацию в контексте: «*Every local authority shall take reasonable steps, through the provision of services under Part III of this Act, to prevent children within their area*

suffering ill-treatment or neglect» [3]. В пространстве художественного произведения концепт разумности судебных решений эксплицируется посредством метафоры «путь / маршрут принятия судебного решения». Обратимся к фрагменту романа: «*The narrative ingredients were compelling: tragic babies, kind-hearted, solemn and eloquent parents in love with each other... In this dire contest there was only one desirable or less undesirable outcome, but a lawful route to it was not easy. Under pressure of time, with a noisy world waiting, she found, in just under a week and thirteen thousand words, a plausible way*» [2].

В лексикографических источниках зафиксирован синоним-эквивалент *plausible* — *reasonable* (АВВУ Lingvo 6). Отметим, что дефиниция слова *plausible* — *(of an argument or statement) seeming reasonable or probable, valid* — содержит коннотацию сомнения и эмотивной оценки действия со стороны. Лексема *lawful* в сочетании «*a lawful route*» — *recognized by law, allowed by law* — напрямую отсылает читателя к закону, к пониманию того, что действия судьи Мей подчинены действующим законам, что подтверждается в контексте: «*It was not her business or mission to save him, but to decide what was reasonable and lawful*» [2].

Выражение «*in dire contest*», репрезентирующее значение борьбы (*struggle*), в художественном тексте коррелирует с целью, указанной в правовом документе, — «*to prevent children...*», что свидетельствует о реализации в широком смысле единой функции — целеполагание действий судьи. В качестве эксперимента возможна замена выражения «*a plausible way*» словосочетанием «*take reasonable steps*»: ... *in just under a week and thirteen thousand words, she took reasonable steps*. Заметим, что общий смысл высказывания не меняется, данные выражения ситуативно эквиваленты. Однако слово *way* предполагает целый комплекс «шагов», определенный метод, стиль, «технику» принятия решения и включает значение пути как пройденной дистанции, в силу чего появляется импликация «разумный, но достигнутый с трудом». Дальнейшее развитие наша мысль о существовании определенной «техники» принятия судебных решений — «разумного подхода» — приобретает в следующем фрагменте текста: «*Berner and Carter appeared to be colluding in the grisly facts for the benefit of the parents. It was a reasonable line of approach and Fiona did not intervene*» [2].

Отмеченные тематические единицы *plausible* и *reasonable* следует признать частично эквивалентными в силу присутствия в значении первой единицы дополнительной коннотации эмотивной оценки действия со стороны. Объектом метафоризации в рассмотренных фрагментах художественного текста становится «путь» принятия решений, моделирующий художественное воплощение определенной судебной «техники». Тем не менее, следует констатировать идентичность реализуемой функции — целеполагание в судопроизводстве — и равноценность ситуаций с юридической точки зрения в аспек-

те пространственно-логического континуума. Разумность профессиональных действий судьи уточняется в нарративно-документальном пространстве с позиции трудоемкости достижения высокого профессионализма, модификации собственной модели поведения, необходимости оценки действия со стороны.

«Закон о детях» эксплицирует собирательный образ власти в слове «*authority*». Ключевыми акторами становятся не только судьи, но и социальная служба, опекуны, а также частные лица, заинтересованные в благополучии ребенка. Ответственность судьи Мей, выраженная в ее способности действовать с «серьезностью физика-ядерщика», изображается в романе в тесной связи с профессионализмом социальной службы принимать разумные решения: «*If the parents could not agree, the law, reluctantly, must take the decisions. Fiona would preside with all the seriousness and obedience to process of a nuclear scientist. Preside over what had begun with love and ended in loathing. The whole business should have been handed to a social worker, who could have taken half an hour to reach a sensible decision*» [2]. Дефиниция слова *preside* эксплицирует семантический компонент «*be in the position of authority*». В настоящем контексте на первый план выходит «вся серьезность (разумность)» принимаемых судебных решений с позиции человека, решающего судьбу ребенка.

В рамках исследования понятия ситуативной эквивалентности обратимся к фрагменту в «Законе о детях», транслирующему аналогичную мысль о судьбе ребенка как его (суда) первостепенной задачи: «*When a court determines any question with respect to — a) the upbringing of a child; ... the child's welfare shall be the court's paramount consideration*» [3]. Сравнительный оборот художественного текста «*with all the seriousness and obedience of a nuclear scientist*» реализует значение правового документа — «*paramount consideration*», где *paramount* означает «*more important than anything else; of great significance*», *consideration* — «*careful thought*», в аспекте совпадения семы — аккуратность, тщательное обдумывание действий.

В данных фрагментах выявлена идентичность существенных свойств и функций. В аспекте содержательной организации высказываний она проявляется через указание на результат деятельности судебной власти — в тематических единицах, выражающих семантику ситуации принятия решения (*determine a question, take the decisions*) — и на существование некоторой «высшей точки» в словах *reach, paramount*, регламентирующих высшую точку достижения эффективности в ситуациях действительности.

Формальная структура текстов подчинена прагматическим установкам судопроизводства через идею долженствования (*shall, must*). Учитывая эквивалентность тематических единиц (*decide; determine — firmly decide*) (АВВУУ Lingvo 6), а также дистрибутивную сочетаемость выражений «*reach a sensible decision*» и «*firmly decide*», обозначим, что концепт «разумность» приобретает в гибридном дискурсе значение строгости и твердости принимаемых решений, где понятие «строгость» постулирует значение отвлеченности от всех субъек-

тивных факторов. Так, словосочетания «*take the decision*», «*reach a sensible decision*», «*firmly decide (determine) any question*» обладают общностью дистрибуции в аспекте корреляции перфективности глагола, образного компонента (*sensible, firmly*) и слов-дериватов (*decide, decision*). Равноценность ситуаций с юридической точки зрения обусловлена единым пространственно-логическим континуумом: на стороне правосудия задействованы те же акторы — *law, court*. Частичная ситуативная эквивалентность текстовых фрагментов констатирует факт трансфера знания между концептуальными пространствами: оттенок строгости разумных судебных решений «вплетается» в нарративно-документальное пространство гибридного дискурса, метафоры и сравнительные обороты художественно-эстетического творчества обогащают сферу правового документа. Вслед за Д.С. Лихачевым, обозначим, что «художественные концепты, чаще всего представленные образной формой, ... не остаются лишь единицей художественной модели мира автора текста», смысловое поле художественного нарратива вносит особый вклад в формирование концептуальной картины мира [19].

Тема доминирования благополучия ребенка в процессе принятия судебных решений является в романе узловой и находит выражение в следующем фрагменте романа: «*The welfare of the child therefore dominates my decision, and I must decide what E's welfare dictates*» [2]. Необходимо отметить, что указанный фрагмент, хотя тематически и архитектурно связан в романе по своей содержательно-формальной организации с рассмотренными выше фрагментами, он является элементом другой «серии» судебного разбирательства.

Разумность судопроизводства в «Законе о детях» репрезентируется также оборотами «*consider appropriate*»/ «*appropriate in the circumstances of the case*» и др. (*appropriate* встречается в документе 204 раза), «*give due consideration*»/ «*paramount consideration*», утверждающими главную цель — защитить и обеспечить благополучие детей («*safeguard and promote*»). Дополнительный интерпретационный потенциал и коннотативное значение в романе содержит метафора «*fashion a judgment*» в контексте: «*She would have liked to see this boy for herself... immerse herself in the intricacies, fashion a judgment formed by her own observations*» [2]. Конвенциональными выражениями для выражения настоящего действия, согласно словарю под редакцией А.С. Мамуляна и С.Ю. Кашкина, являются сочетания «*give, render, deliver, pass judgment*» [АРПЮС]. В правовом документе встречается также «*pass a resolution*» [3].

Глагол «*fashion*» имеет следующее значение: *make into a particular form*. Обращаясь к этимологическому компоненту слова «*fashion*» с целью определения его «внутренней формы», отметим следующее: *whatever is in accord with conventional usages of the upper class society for the time being* [CODCE]. Ключевым моментом в вынесении судебного решения является «согласованность с обычаями общества в данный период времени», что соответствует понятию «разумность» с правовой и семантической точки зре-

ния (*in accord with = appropriate*). «Мода» в судебном решении коррелирует с собственным стилем Фионы Мей в процессе ведения дела, что обусловлено контекстуально — *«immerse herself in the intricacies», form a judgment «by her own observations»*. С первых страниц романа становится понятно, какого рода судебное решение принимает судья Мей: *«She had a powerful grip on what was conventionally correct»; «...Fiona Maye was praised... for the compact terms in which she laid out a dispute»; «...and kindness, the Family Division daily proved, was the essential human ingredient» [2]*.

В данном контексте мы можем говорить о частичной ситуативной эквивалентности при общности дистрибуции в *«pass a resolution»* и *«fashion a judgment»*, идентичности семантики слов *resolution* и *judgment* (с единственной разницей в количестве участников, принимающих решение: *judgment — a decision made by a judge; resolution — a formal decision taken at a meeting by means of a vote*), равнозначности ситуаций с юридической точки зрения, тем не менее, с разницей в экспрессивно-оценочных характеристиках выражений.

Художественная ткань романа обогащает понимание сложного процесса вынесения судебных решений, зафиксированных в «Законе о детях», от правильных и разумных до выстраданных и с трудом принятых. Образ судьи Мей моделируется в нарративной модели художественно-правового дискурса в аспекте генерализации и детализации описания ситуаций. Процесс трансфера знания между двумя концептуальными областями позволяет проследить смысловые трансформации, возникающие на стыке двух дискурсов, а сравнительно-сопоставительный анализ текстовых фрагментов через призму ситуативной эквивалентности обнажает инвариантные характеристики и особенности моделирования образа судей в литературном произведении vs. правовом документе.

Таким образом, концепт «разумность» в правовом документе в аспекте заботы о благополучии ребенка со стороны родителя или третьего лица уточняется в художественном произведении: целью защиты становится развитие успешной личности, при этом третье лицо (в данном случае судья) должен защитить подростка от религиозных верований, навязываемых родителями. В нарративно-документальном пространстве моделируется желаемая модель поведения служителей закона, и предлагается возможный вариант персонифицированной модели, основанный на моральном и профессиональном долге судьи встать на сторону ребенка. Разумный подход к решению вопроса, эксплицируемый в юридическом документе как «правильные шаги в разрешении судебного дела», приобретает интерпретацию тщательно обдуманной судебной техники в романе, позволяющей оценить профессионализм представителя власти с позиции трудоемкости и грамотности принятых им решений. Разумность судебных действий репрезентируется в литературном произведении через призму невероятной точности, обязательной безошибочности, тщательного обду-

мывания каждого шага судьи. Строгость и твердость характера человека, наделенного судебной властью, становятся в нарративно-документальном пространстве доминантными профессиональными и личностными качествами. Экспрессивность выражений, функционирующих в тексте гибридного формата, акцентируют внимание на «человеческой составляющей» поведения судьи, выводя на первый план беспрецедентно чуткое отношение судьи к рассматриваемым судебным делам.

Заключение

Формирование гибридного художественно-правового дискурса маркировано процессом интеграции двух видов знания — специального и художественно-эстетического в рамках единого эмерджентного нарративно-документального пространства. Гибридный дискурс выступает как социокультурная практика, призванная обнаружить острые и неоднозначные проблемы правовой системы и транслировать их в широкие круги общественности посредством жанра романной прозы, который впоследствии оказывает влияние на реконструкцию смысла в правовом документе.

Результат трансфера знания между концептуальной областью права и литературным произведением эксплицируется в нарративной модели художественно-правового дискурса, обобщающей элементы пяти уровней его формально-содержательной структуры (поверхностная структура текста, «семантическое ядро» содержания, детализация или генерализация описания ситуации, грамматические средства выражения смысла и прототекст). Именно она — нарративная модель художественно-правового дискурса — создает условия для порождения новых смыслов и новых коннотаций в тексте гибридного формата.

Под воздействием специфики создаваемых образов в художественном произведении, архитектоники объекта литературного творчества и особой дистрибутивной сочетаемости единиц внутри синтагматических единств, коннотативный материал слов-концептов «вплетается» в канву художественного текста, впоследствии обогащая и концептуальную картину мира реального.

Заложенная в нарративной модели художественно-правового дискурса идея корреляции художественной интерпретации текста с текстом правового документа, имеющего юридическую силу, основывается на категории ситуативности, которая отвечает за выбор единиц, участвующих в гибридизации и трансформации их содержания. Понятие ситуативной эквивалентности — полной или частичной, лежащее в основе сравнительно-сопоставительного анализа текстовых фрагментов, позволяет проанализировать языковые ситуации с позиции эквивалентности тематических единиц, равноценности и релевантности их соответствия одной правовой «доктрине», тем самым стано-

вится возможным выявить аспекты взаимовлияния и точки соприкосновения двух концептуальных пространств.

Исследование неоднородного, «смешанного» формата дискурса позволяет систематизировать знание о его семантической и формальной организации через призму процесса моделирования лингвоментальных феноменов. Концепт РАЗУМНОСТЬ / REASONABLENESS как комплекс подвижных концептуальных представлений о корректности действий представителя закона в нарративно-документальном пространстве акцептирует как сугубо человеческие, так и профессионально значимые характеристики личности представителя судопроизводства — несгибаемость и железная воля, ориентированность на справедливость и точность решений. При этом разумное действие судьи приобретает оттенки учтивости, толерантности, оно не лишено «человеческой составляющей».

Подводя итог настоящему исследованию, подчеркнем, что гибридный художественно-правовой дискурс, нашедший отражение в нарративной практике, представляет собой сложноорганизованный механизм порождения новых смыслов, уникальный способ вербального представления правового «фрагмента» мира в виде высказываний, образованных посредством интеграции языковых маркеров юридического дискурса и единиц художественного текста. Возникающие в нарративно-документальном пространстве новые смыслы и коннотации фиксируют причинно-следственные связи, возникающие между двумя полярно разными концептуальными областями, и выявляют значимые аспекты общественно-социальных и правовых институтов, требующие особого внимания на пути формирования здорового общества. Например, актуальной в рассмотренном тексте гибридного формата оказывается потребность социума в профессиональных служителях закона, социальном патронаже как индивидуальной форме помощи семьям и детям, попавшим в опасную, кризисную ситуацию, медиации, представляющей эффективную модель решения споров в досудебном порядке.

Библиографический список

1. Джиоева А.А., Стрельникова О.Ф. Репрезентация метафорического концепта семьи в англоязычном политическом дискурсе как отражение реальных процессов в мире // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 2. С. 377–383. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-2-377-383>
2. Mcewan I. The Children Act. London: Vintage books, 2014.
3. «The Children Act». 1989. Режим доступа: https://www.congreso.es/docu/docum/ddocum/dosieres/sleg/legislatura_10/spl_78/pdfs/46.pdf. (дата обращения: 07.04. 021).
4. Солопова О.А., Наумова К.А. Гибридные форматы дискурса: проблемы классификации // Филологический класс. 2018. № 4 (54). С. 15–21. <https://doi.org/10.26710/fk18-04-02>
5. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М.: КомКнига, 2007.
6. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

7. Новикова М.Л. Аксиология художественного пространства сквозь призму геопозитики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 1. С. 115–123. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-1-115-123>
8. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Моделирование трансфера знания в гуманитарных науках // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2(41). С. 36–40.
9. Чернявская В.Е. Операционализация контекста в дискурсивном анализе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9. Вып. 4. С. 83–93. <https://doi.org/10.17072/2037-6681-2017-4-83-93>
10. Кондратьева О.Н., Игнатова Ю.С. «Словарь юридических терминов в российских СМИ XXI века» как новый лексикографический продукт // Филологический класс. 2021. Т. 26. № 4. С. 182–194. <https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-04-16>
11. Карасик В.И. Восстание: интерпретативная матрица сюжета // Язык и культура. 2020. № 50. С. 41–56. <https://doi.org/10.17223/19996195/50/4>
12. Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003.
13. Делез Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я.И. Свирского. М.: Академический проект, 2011.
14. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сборник статей. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999.
15. Nida E.A., Taber C.R. *Theory and practice of translation*. Leiden, 1982.
16. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004.
17. Болдырев Н.Н. Доминантный принцип организации языка и языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2020. № 4 (43). С. 21–79.
18. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
19. Дзюба Е.В. Когнитивная лингвистика: учебное пособие для высших учебных заведений. Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2018.

Лексикографические источники

1. АРПЮС — Англо-русский полный юридический словарь / А.С. Мамулян, С.Ю. Кашкин. М.: Изд-во ЭКСМО, 2005.
2. АБВУ Lingvo 6 — Электронный словарь. Выпуск: 16.1.3.49. ООО «Аби продакшн», 2014.
3. CDSA — A Complete Dictionary of Synonyms and Antonyms, or synonyms and words of opposite meaning / by Rt. Rev. Samuel Fallows, A.M., D.D. NY: Chicago: Toronto: Fleming H. Revell Company, 1898.
4. CODCE — The Concise Oxford Dictionary of Current English / by H. W. Fowler and F. G. Fowler. Oxford: At the Clarendon Press, 1919.
5. WCDEL — Webster's Complete Dictionary of the English Language / by Chauncey A. Goodrich, D.D., L.L.D. and Noah Porter, D.D., Dr. C.A.F. Mahn, of Berlin, and others. London: George Bell and sons, 1886.

References

1. Dzhioeva, A.A. & Strelnikova, O.F. (2017). The Metaphorical Representation of the Concept of Family in English Political Discourse as a Reflection of Real Processes in the World. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(2), 377–383. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-2-377-383> (In Russ).
2. McEwan, I. (2014). *The Children Act*. London: Vintage books.
3. «The Children Act». (1989). URL: https://www.congreso.es/docu/docum/ddocum/dosieres/sleg/legislatura_10/spl_78/pdfs/46.pdf. (accessed: 07 April 2021).

4. Solopova, O.A. & Naumova, K.A. (2018). Hybrid discourse formats: classification issues. *Philological class*, 4 (54), 15–21. <https://doi.org/10.26710/fk18-04-02> (In Russ).
5. Fateeva, N.A. (2007). *Intertext in the world of texts*. Moscow: KomKniga. (In Russ).
6. Chernyavskaya, V.E. (2009). *Linguistics of the text: Polycode content, intertextuality, interdiscursiveness*. Moscow: LIBROKOM publ. (In Russ).
7. Novikova, M.L. (2017). Literary space axiology: Geopoetic aspect. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(1), 115–123. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-1-115-123> (In Russ).
8. Alekseeva, L.M. & Mishlanova, S.L. (2020). Knowledge transfer modeling in the humanities. *Cognitive studies of language*, 2(41), 36–40. (In Russ).
9. Chernyavskaya, V.E. (2017). Operationalization of context in discourse analysis. Perm University Herald. *Russian and Foreign Philology*, 9(4), 83–93. <https://doi.org/10.17072/2037-6681-2017-4-83-93> (In Russ).
10. Kondratyeva, O.N. & Ignatova, Yu.S. (2021). “The Dictionary of Legal Terms in the Russian Mass — Media of 21st Century” as a New Lexicographical Product. *Philological Class*, 26(4), 182–194. <https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-04-16> (In Russ).
11. Karasik, V.I. (2020). Uprising: interpretative subject plot matrix. *Language and Culture*, 50, 41–56. <https://doi.org/10.17223/19996195/50/4> (In Russ).
12. Ankersmit, F. (2003). *Narrative logics. Semantic analysis of the historians' language*. Moscow: Ideja-Press. (In Russ).
13. Delez, Zh. (2011). *Logics of meaning*. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russ).
14. Arnol'd, I.V. (1999). *Semantics. Stylistics. Intertextuality*. Saint Petersburg: Saint Petersburg university publ. (In Russ).
15. Nida, E.A. & Taber, C.R. (1982). *Theory and practice of translation*. Leiden.
16. Babenko, L.G. (2004). *Philological analysis of the text. The basics of the theory, principles and aspects of analysis*. Moscow: Akademicheskij proekt; Ekaterinburg: Delovaja kniga. (In Russ).
17. Boldyrev, N.N. (2020). The dominants-oriented principle of language and linguistic consciousness structure. *Cognitive studies of language*, 4(43), 21–79. (in Russ).
18. Bahtin, M.M. (1979). *Esthetics of verbal creativity*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ).
19. Dzijuba, E.V. (2018). *Cognitive linguistics: manual for higher educational institutions*. Ekaterinburg. (In Russ).

Dictionaries

1. Mamuljan, A.S. & Kashkin, S.Ju. (2005). *English-Russian Complete Law Dictionary*. Moscow: JeKSMO. (In Russ).
2. ABBYY Lingvo 6 (2014). Electronic dictionary. Edition: 16.1.3.49., LLP «Abi prodakshn».
3. Samuel Fellows A.M. (1898). *A Complete Dictionary of Synonyms and Antonyms, or synonyms and words of opposite meaning*. NY: Chicago: Toronto: Fleming H. Revell Company.
4. Fowler, H.W. & Fowler, F.G. (1919). *The Concise Oxford Dictionary of Current English*. Oxford: At the Clarendon Press.
5. Goodrich, Ch.A. (1886). *Webster's Complete Dictionary of the English language*. London: George Bell and sons.

Сведения об авторах:

Дзюба Елена Вячеславовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; *сфера научных интересов*: теория языка, когнитивная лингвистика, сопоставительная лингвистика; *e-mail*: ev_dziuba@uspu.me
ORCID ID: 0000-0002-3833-516X.

Рябова Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева; *сфера научных интересов*: теория языка, дискурсология, лингвокультурология; *e-mail*: i.y.ryabova_3012@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-5904-8971.

Information about the authors:

Elena V. Dziuba, Doctor of Philology (Advanced Doctorate), Professor of the Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University. *Research interest*: Theory of Language, Cognitive Linguistics, Comparative Linguistics; *e-mail*: ev_dziuba@uspu.me
ORCID ID: 0000-0002-3833-516X.

Irina Y. Ryabova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian, Foreign Languages and Speech Culture, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, *Research interest*: Theory of Language, Discourse Theory, Language and Culture Studies; *e-mail*: i.y.ryabova_3012@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-5904-8971.

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-455-467

UDC 811.9'37:003

Research article / Научная статья

Constructed Languages as Semantic and Semiotic Systems

Philipp N. Novikov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

 philippnovikov@gmail.com

Abstract. The research aims to explore constructed languages as semantic and semiotic systems by analyzing various types of languages based on their lexical, syntactic, morphological and other features. In order to achieve this goal, the author examines the existing classifications of constructed languages and attempts to establish a connection between purposes of their creation and their linguistic features on various levels. The research topic relevance is determined by a substantial rise in popularity of constructed languages, the emergence of their new roles and functions as well as a multitude of new types of media available for communication in these languages and their distribution. The author argues that the recent development in technology provides constructed language creators and enthusiasts with new non-verbal ways of expression that were previously unavailable and thus facilitates communication. This hypothesis is confirmed by several case studies, including the one of “SolReSol: The Project”, an open-source computer program developed by the author, which automates and improves the implementation of semiotic systems designed back in the 19th century. Furthermore, attention is also drawn to the problem of eurocentrism in constructed languages. The research findings lead to the conclusion that on closer inspection both a priori and a posteriori constructed languages created by native speakers of European languages inevitably reveal a certain percentage of Standard Average European features in their semantic and semiotic systems.

Keywords: constructed language, conlang, auxiliary language, planned language, semantics, semiotics, eurocentrism, linguistic relativity

Article history:

Received: 01.06.2021

Accepted: 1.03.2022

For citation:

Novikov, P.N. (2022). Constructed Languages as Semantic and Semiotic Systems. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), 455–467. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-455-467>

© Novikov P.N., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Искусственные языки как семантические и семиотические системы

Ф.Н. Новиков

¹Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, Миклухо-Маклая, 6
 philippnovikov@gmail.com

Аннотация. Цель исследования — рассмотреть искусственные языки как семантические и семиотические системы путем анализа различных типов языков на основе их лексических, синтаксических, морфологических и иных особенностей. Для достижения данной цели автор рассматривает таксономию конструируемых языков и пытается установить связь между целями их создания и лингвистическими особенностями, проявляемыми на различных уровнях языковой системы. Актуальность темы исследования определяется значительным ростом популярности искусственных языков, возникновением у них новых ролей и функций, а также новыми возможностями способов передачи информации. Автор утверждает, что развитие технологий открывает перед создателями и исследователями искусственных языков ранее недоступные невербальные способы выражения идей и тем самым способствует коммуникации. Данная гипотеза подтверждается несколькими примерами, в том числе — реализацией SolReSol: Project — компьютерной программы с открытым исходным кодом, разработанной автором данного исследования, в которой наглядно реализованы и автоматизированы семиотические системы, заложенные автором в язык еще в XIX веке. Наряду с этим, внимание также уделяется проблеме евроцентризма в конструируемых языках. Автор исследования приходит к выводу, что при ближайшем рассмотрении как апостериорные, так и априорные искусственные языки, созданные носителями европейских языков, проявляют в своих семантических и семиотических системах определенные черты языков средневропейского стандарта.

Ключевые слова: искусственный язык, плановый язык, семантика, семиотика, евроцентризм, гипотеза лингвистической относительности

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2021

Дата приема в печать: 1.03.2022

Для цитирования:

Novikov P.N. *Constructed Languages as Semantic and Semiotic Systems* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 455—467. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-455-467>

Introduction

As noted by Professor L.A. Novikov, “Due to the interconnection of various aspects of semiotic and linguistic theories, the meaning of language elements may be described not only from the semantic perspective per se, but also in terms of pragmatics, structure and paradigms” [1. P. 403]. Since all of the aforementioned aspects are also present in various types of constructed languages, albeit to different extents, general analysis of their semantic and semiotic features is deemed feasible. It should be specified that for the purpose of terminology standardization, this research uses the English term *constructed language* (or *conlang*) as an umbrella term that encompasses all types of non-natural languages (the problem of their

classification is addressed in the first chapter below) due to its predominant popularity both among the members of academia and hobbyists.

A multitude of reasons serve as a foundation of this research relevance. First, it is argued that “language remains to be one of the forms of reflection, expression and comprehension as well as a thinking tool” [2. P. 30]. This statement reveals the interest in the exploration of constructed languages, which, by definition, greatly differ from the natural ones: their semantic and semiotic systems, either purposely or not, might lead to creation of new and unique thinking tools.

Secondly, the timeliness of a deeper analysis of semantic and semiotic systems of constructed languages is due to the recent development of telecommunications which leads to a twofold paradigm shift: it enables the emergence of new semiotic systems which offer previously unavailable ways of expressing ideas as well as creates an informational space for niche international linguistic projects that otherwise would not be able to reach the critical mass of followers needed for their further development.

The usual counterargument to the statement regarding the relevance of any research focused on constructed languages may start with the indication of their impracticality and the failure of even the most notable constructed languages to achieve their goals of becoming highly popular methods of communication. However, it should be argued that such a point of view is inherently narrow since it only takes into consideration the idealistic and unreachable goals that are no longer shared by the overwhelming majority of modern conlang enthusiasts that see creation and development of a new language as a linguistic and social experiment or a form of artistic expression rather than an attempt to establish a new international language that would rival the most widespread natural ones.

The aforementioned misconception formed a stigma that researchers are well aware of: “Linguists do not generally consider constructed languages to be a worthy object of study” [3. P. 10]. Moreover, learning a constructed language rather than analyzing its features may be seen as detrimental and academically discrediting as opposed to being merely counterproductive.

This awareness is shared by the scholars that focus on analyzing semantic and semiotic systems of constructed languages and contribute to various interdisciplinary projects: “one may wonder why someone would be concerned with investigating such an elusive and whimsical area of research as the translation and analysis of constructed languages” [4. P. 91].

However, the aforementioned paradigm shift in the last decade has been associated with a more positive attitude to constructed languages, as proven by the release of the book by Oxford University Press, a major mainstream publishing house. The publication is dedicated to providing the rationale for exploration of constructed languages and their beneficial use as tools of introspection and language learning facilitation. The authors maintain that “conlangs have held importance in the sociopolitical arena and in the world of literature and science fiction media” [5. P. 1].

Correlation between types of constructed languages, purposes of their creation and linguistic features

Documented attempts to construct a new language date back to the 12th century when Hildegard of Bingen described *Lingua Ignota* (Latin for “*unknown language*”), a secret ritual language, i.e., a language that is largely unintelligible to the lay people. While no evidence of its grammar has been recovered, the existing document proves that *Lingua Ignota* possessed two highly important and almost universal features of a constructed language: its semiotic system is based on Latin with some elements of German and Greek, which constitutes a manifestation of linguistic eurocentrism. Another point inferred by modern linguists is that the purpose of *Lingua Ignota* was to completely reorganize communication, either by “purifying” it through creation of an artificial state of diglossia, or to isolate the group of Hildegard’s entirely female congregation.

The latter implication is a well-established one among researchers who believe that people create constructed languages “because they are somehow dissatisfied with the set of existing languages: those are considered inadequate instruments for thought or for communication or too difficult to learn.” Both of these points will be addressed throughout the research.

Similar goals were pursued by the mystics who created *Balaibalan*, another early example of a constructed language, in the 14th century. This language was written with the Ottoman variant of the Arabic alphabet and comprised various elements of Persian, Turkish and Arabic languages, yet a large percentage of its vocabulary does not contain any traces of the existing languages, which also serves the purpose of obfuscation.

The two aforementioned languages were described as “secret languages” — by using a semantic system unknown to the general public, they served the purpose of security through obscurity. However, this term is not common in the modern taxonomy of constructed languages. One of the most important classifications of constructed languages includes the definitions of *a priori* and *a posteriori* languages. This dichotomy allows the linguists to separate constructed languages into two categories — languages with supposedly entirely new semantic and semiotic systems and those heavily reliant on the preexisting languages. However, it may be argued that this division should be seen as a scale rather than a binary system since all *a priori* languages are bound to be influenced by their creator’s linguistic worldview. Thus, the aforementioned language *Balaibalan*, traditionally classified as an *a priori* language, demonstrates a higher degree of reliance on natural languages than *SolReSol*, which represents a group of conlangs referred to as philosophical languages, yet in its turn will have a position different from the one of *aUI* with its unique semantic and semiotic systems.

It should be noted that the use of the conlang taxonomy is inconsistent and is further complicated by a lack of global terminology, as evidenced by the examples of such terms as “planned language”, “experimental language”, “artificial

language”, “fictional language”, “imaginary language”, “engineered language”, etc., some of which might be considered pejorative by the authors of the said languages.

Along with the aforementioned structural a priori / a posteriori dichotomy, there is one rather well-defined pragmatic distinction based on the initial purpose of creating a new language. Reliance on these criteria is widely accepted: “Unlike natural languages, conlangs have traceable sources, known authors, and well-defined purposes” [7].

M. Halley defines these two categories as *interlangs* and *artlangs*. While the other subcategories, including the ones mentioned in the previous paragraph, might occupy a specific place in that system, it offers a reasonable distinction — *interlangs*, also referred to as auxiliary languages, or International Auxiliary Languages (IAL), set the aim of connecting people that do not share a similar language. Examples of such languages include Volapuk, Esperanto and Ido, Interlingua, etc. Such languages typically belong to the a posteriori category, their semiotic systems are rarely original and demonstrate a high degree of eurocentrism.

This category will also include zonal languages, one of the earliest examples of which is the Common Slavonic language created in the 17th century by J. Križanić who sought the Slavic unity both in cultural and political spheres. The highest degree of a posteriority is demonstrated by a special subcategory described as controlled natural languages: Simple English, Basic English, Special English, Globish, etc. Their semiotic systems do not usually differ from the ones of the respective natural languages and semantic systems range from the so-called lexical minimums similar to those used in foreign language teaching to such thinking devices as E-Prime that excludes all forms of the verb *to be* in order to promote eloquence and clarify thoughts.

These languages contrast with *artlangs*, i.e., artistic languages that demonstrate a much higher inconsistency in the use of semantic and semiotic systems and rarely pursue the goal of becoming a lingua franca. These languages range from those that do not possess any developed semantic systems and are only featured to create an exotic effect by using their unusual semiotic systems (e.g., the Star Wars universe features 68 languages, yet none of them have any formal description or consistency) to the well-developed ones with in-depth descriptions of inventories (such as the Star Trek’s Klingon which was used as one of the official languages of Wikipedia before its abolishment as a measure of preventing the copyright disputes).

Artlangs are not necessarily incorporated into works of fiction since their creation represents an act of art and science per se. For example, Ygyde is a language that pursues mathematical precision as its top priority and relies on the semiotic systems existing outside of natural languages: the color *pink* is defined as #FFABAB, which is a unique hexadecimal expression of one of the 16,000,000 of shades while countries are only identified by using their respective geographic coordinates.

Some other examples of *artlangs* include Futurese, a language with a high degree of a posteriority that aims to predict the development of American English

by exaggerating its current semiotic trends and Drsk — an art language containing no vowels and using a dozanal (i.e., base-12) system as opposed to the decimal one. Expansion of semiotic systems beyond the scope of what is generally offered by modern languages is a common trait — there are also some proposals of using the binary code, base-6 and base-16 systems.

Such projects may be seen as attempts to reorganize the world — for example, Láadan was created in the late 20th century for an “international community of women seeking a way to communicate outside the constraints of languages controlled by men” [8].

A constructed language may pursue a multitude of goals — aUI, a philosophical language created by J. Weilgart, who emigrated from Germany in 1939, was described by him as “the Language of Space”, a language that would be understood by the extraterrestrials attempting to establish contact with the earthlings. While this idea appealed to the young people in the Space Age of the sixties and seventies, in order to prevent it from being immediately dismissed as frivolous, the author and his successors describe the lack of semantic ambiguity as well as its simple and symbolic systems as the main features. It is added that there is a more serious purpose to the creation of aUI, which is combatting stereotypical thinking exploited by propagandists through creation of a strong and ubiquitous a priori connection between semantic and semiotic systems.

Some authors propose completely new, often specialized conlang classifications: “[...] a priori and a posteriori are unable to comprehensively analyze the relationship between fictional conlangs with game elements...” They may advocate such solutions as “constructing a new taxonomy on fictional conlang design approach that adheres specifically to video games” [9].

Despite the existence of multiple classifications of constructed languages and a large variety of their systems, it is still agreed by the academia that “natural languages are more complex than planned ones on the morphological level” [10].

Semiotic specificity of constructed languages in the digital age

While the World Wide Web was introduced to the general public 40 years ago, it is only recently that such technical factors as the lack of portability, limited storage, bandwidth and computational power as well as other restrictions have been minimized. This facilitation of communication led to the creation of unprecedentedly focused international niche communities, included the ones aimed at implementing various conlang-related projects.

Development of Web 2.0 in the first decade of the 21st century lowered the entry barrier to content creation and empowered users to participate in such projects regardless of their technical skills. While the English language indisputably became the language of the Internet (it accounts for more than 60 % of the World Wide

Web content according to W3Techs 2021 estimates), it did not stop the users from creating content in constructed languages and translating the existing pages, thus forming the necessary cultural foundation. This led to two major implications for constructed languages: first, conlang enthusiasts were able to use message boards and various types of social media to revive the old, long forgotten languages, popularize the more wide-spread ones and create their own; secondly, the new technology permitted them to implement some previously unavailable semiotic systems, facilitating and automating communication.

Furthermore, new forms of media are not limited to the communication-focused ones and can include various types of software such as video games. While artlangs have been an inherent part of video games (such as Gargish in the Ultima series that dates back to 1988 and Dovahzul in Skyrim), the online mode allowed developers and players to incorporate semiotic systems of auxiliary languages (such as Vötgil with its three-letter writing system optimized for the voxel-based Minecraft game) for peer-to-peer communication as well.

In addition to the conlang-focused projects, there has been some interest in incorporating constructed languages into neural networks and using them to explore the potential of artificial intelligence and social dynamics, creating self-organized semantic and semiotic systems. The authors of one such project came to the conclusion that “development of conlangs can happen in artificial societies of simple agents” [11].

Developed in the early 19th century, Solresol is one of the first attempts at creating an a priori international auxiliary language that predates the more popular Volapuk and Esperanto. Its uniqueness is manifested in the potentially infinite number of semiotic systems: described as a language of music with its seven-tone inventory, it also incorporates such signs as solfège, the seven spectral colors, numbers, gestures, etc.

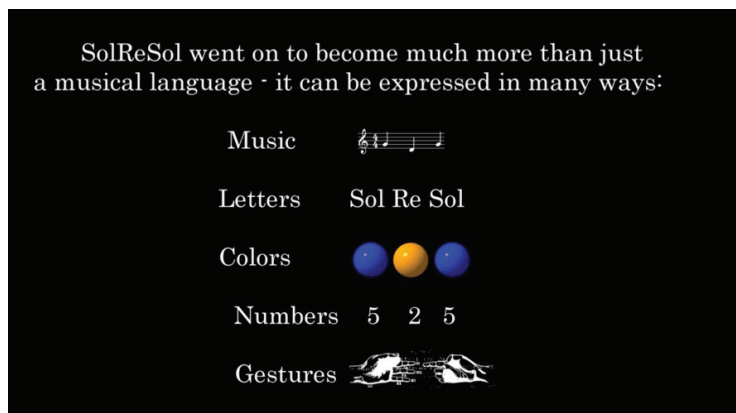

Fig. 1. Some semiotic systems used in Solresol

Рис. 1. Некоторые знаковые системы, используемые в языке сольресоль

Unreal Engine 4, a user-friendly real-time 3D creation system used in filmmaking, architectural visualization and video games, permitted the author of this research to create a self-maintained open-source computer program named SolReSol: The Project, which became the first implementation of all the semiotic systems initially designed by Francois Sudre: it augments the synesthetic effect of using the colors of the rainbow together with the high-fidelity sounds of musical instruments, allowing its users to decompose the lexis into the minimal elements of meaning and observe semantic transformations through color blending.

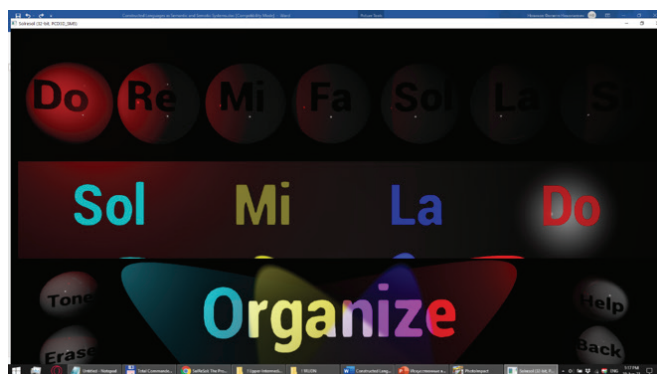

Fig. 2. Implementation of the spectral input mode in “SolReSol: The Project”

Рис. 2. Реализация спектрального режима ввода в “SolReSol: The Project”

Furthermore, it also supports direct input of sounds through the MIDI interface, providing a real-time translation of musical notes into Solresol and English. Several versions of the project have been released and the roadmap includes the plans to implement such input modes as the absolute pitch recognition through the microphone, enabling the use of non-MIDI instruments as well as optical color recognition, permitting the system to read printed or drawn color codes captured by the camera.

This program contributed to the rise in popularity of Solresol as a language with 27,000 views of its demonstration on various social media platforms, more than 1,000 installations and its inclusion into such sources as Atlas Obscura and Wikipedia. It also sparked the creation of new international SolReSol-based scientific and artistic projects such as the one by J. Lloyd from Newcastle University who used its framework as a basis for constructing a device that attempts to decipher bird vocalization.

Despite the opportunities offered by the new technology, some of the online practices have been deemed questionable by the more scrupulous members of the conlang community: Google Translate offers Esperanto as one of its non-experimental languages, Wikipedia is available in eight different constructed languages (Esperanto, Volapuk, Ido, Interlingua, Kotava, Occidental, Lingua Franca

Nova, Novial, Lojban) with Volapuk accounting for the largest number of articles (over 117,000, which places it 17th in the global rating, above the natural languages with millions of speakers), yet the overwhelming majority of them are the examples of low-quality machine translation.

Another issue of constructed languages related to their modern state of accessibility is the lack of centralization, which leads to their forking. Creating new constructed languages based on the existing ones is not a new practice: Ido is a well-established reformed version of Esperanto that sought to be grammatically, orthographically and lexicographically regular, changing the hard-to-pronounce words (such as *scii* to *savar*) and eliminating the denotation of even the most basic female-related concepts through suffixation of their male counterparts. Lojban was derived from Loglan and SolReSol exists in at least two major versions — the original one, created by Francois Sudre and the one created many decades later by Boleslas Gajewski, who changed such basic terms as *fasol* from *why* to *here*.

However, purists argue that revisionism plays a detrimental role, further dividing the community that could focus on communication and content creation instead. The example of Solresol demonstrates dozens of proposals for its reform, calling for various types of changes, from the major revisions (such as introducing new semiotic systems with sharp / flat notes in order to facilitate transliteration and simplifying its grammar to the point of transforming the language into an isolating one) to the non-intrusive ones such as the expansion of vocabulary that would help to accommodate modern terms. Some of the proposed reforms seek to minimize or eliminate the eurocentrism which proved to be a widespread feature of both a priori and a posteriori constructed languages.

Eurocentrism as a semantic and semiotic feature of constructed languages

Since the inception of international auxiliary languages, their authors have been using different solutions in order to minimize advantages given to speakers of any particular language: while the vocabulary of Volapuk is based on Romance and Germanic languages, its creator purposely obfuscated the original words, often making them unrecognizable. Nevertheless, its grammar includes a variety of tenses and moods, increasing the number of paradigm elements to 234 forms, making using suffixation to make distinctions between requests, commands and demands. Nowadays this system is seen as a proof of the Standard Average European concept introduced by B. Whorf [12] and deemed unnecessarily complex for a language described as an international auxiliary one.

Similarly, Esperanto has been criticized for its 26-letter alphabet based on Polish, L. Zamenhof's native language, and uses six diacritics, yet excludes the letters *u* and *h*, which nowadays complicates its use in different titles such

as filenames and website URLs. Its toponyms are also highly Eurocentric: the exonyms *Japanio* and *Ĉinio* are used for Japan and China, respectively.

An in-depth examination of various semantic systems reveals the fact that eurocentrism is not limited to a posteriori languages: although Lojban is seen as a language that strives for neutrality and regularity, its lexis contains a large number of European words, e.g., *mandarina* — orange, *blanu* — blue, *cyan* = *cicna*, *narju* = *naranja*, *pink* = *penka*, etc.

While Solresol presents a unique a priori semiotic system that seemingly excludes any form of reliance on natural languages, it still bears a lot of traces of the nineteenth century French language and culture. This is demonstrated both in its grammar and vocabulary, as evidenced by the absence of words for 70 and 90, which forces the speakers to use *60+10* (*soixante-dix*) and *4*20+10* (*quatre-vingt-dix*) respectively. This Eurocentric trait dates back to the early vigesimal (base-20) systems used in French, Danish, Albanian, Welsh and other languages.

Another example of cultural relativism in Solresol is its abundance of terms describing some political structures and titles: it contains specific words for “Minister of the Marine and Colonies”, “Grand Officer” and a variety of manners of address, yet only one word for all types of celestial bodies, its inflexion system mimics the one observed in French grammar.

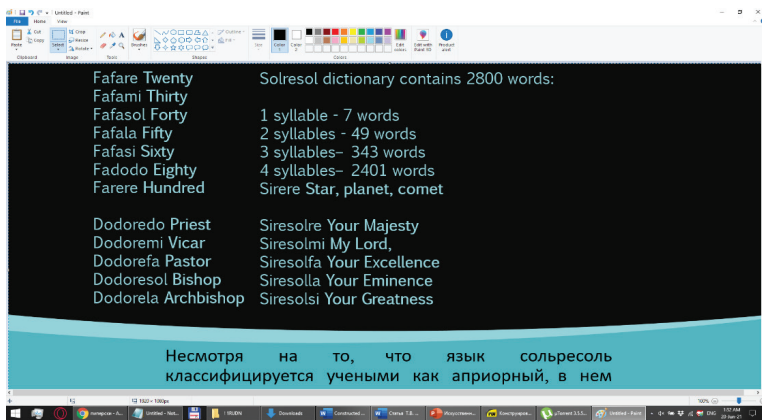

Fig. 3. Examples of linguistic relativism and eurocentrism in SolReSol

Рис. 3. Примеры лингвистической относительности и евроцентризма в языке сольресоль

Some conlang creators view the eurocentrism avoidance as the main feature of their languages: Lidepla (*Lingwa de Planeta*) incorporates vocabulary based on the ten most spoken (at the time of its creation) languages — Arabic, Chinese, English, French, German, Hindi, Persian, Portuguese, Russian, and Spanish. Nevertheless, it can be argued that there still remains a certain preference towards Indo-European languages since the

lexis of the two non-Indo-European languages has been transformed based on its romanization.

Another attempt at avoiding eurocentrism is demonstrated in Toki Pona, an oligosynthetic polysemic language. It is written in the Latin alphabet of 14 letters, but can be transliterated into many other scripts, such as Cyrillic, Cherokee, Hangul, Hiragana, etc. [13]. Furthermore, some artlangs prove to be semantically Eurocentric despite their exotic semiotic systems: Dovahzul with its runic script and digraphs reveals a completely Anglocentric system, even borrowing such idioms as *keep (something) at bay* from the English language.

Some conlangers embrace eurocentrism instead of denying it, which leads to the creation of zonal languages, including the abovementioned attempt by J. Križanić to create Pan-Slavonic, named “*Руски језик*” by him. Pan-Slavonic languages are still being created and developed many centuries later, as evidenced by Interslavic language, Neoslavonic, Nowoslovnica, etc. Zonal conlangs have also been designed for communication amongst speakers of Germanic languages (Folkspraak), Niger-Congo and Bantu languages (Afrihili).

Based on the extreme interpretation of linguistic relativism, it can be concluded that all constructed languages will inevitably include a certain degree of zonality in their semantic and semiotic systems and favor speakers of certain languages since the bias caused by the creator’s linguistic worldview cannot be completely avoided.

Conclusion

Despite the traditional skepticism expressed by the academia towards any type of research related to constructed languages, there has been a substantial rise of interest in conlang projects caused by a modern paradigm shift. Constructing new languages is not seen exclusively as an attempt to eliminate the dominance of natural languages and establish a new international auxiliary language, it might be interpreted as an act of art, a way of exploring the reality and creating new thinking tools, provoking introspection and increasing the degree of linguistic self-awareness.

Furthermore, the research findings point to the modern interdisciplinary relevance of constructed languages that along with such areas of knowledge as linguistics, poetics and culturology, contribute to artificial intelligence networks, social dynamics simulation and other types of big data projects.

The research results also reveal the lack of a uniform constructed language taxonomy and challenge the integrity of the seemingly well-established dichotomies of a priori and a posteriori, auxiliary and artistic languages. Nevertheless, there is a possibility of describing the general semantic and

semiotic features of a language through the analysis of its place in the paradigm of constructed languages.

Additionally, the further exploration of constructed languages leads to the conclusion that the traces of Standard Average European features can be found in their semantic and semiotic systems, thus proving the hypothesis of linguistic relativity.

References / Библиографический список

1. Novikov, L.A. (2001). *Selected works. Aesthetic aspects of language. Miscellanea*. Vol. II. Moscow: Publishing house of RUDN University, 2001. (In Russ.).
Новиков Л.А. Избранные труды. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. Т. II. М.: Изд-во РУДН, 2001.
2. Krasina, E.A., & Vasileva, A.A. (2019). Cartesian Linguistics: two Universal Grammar. In: *Language and thinking: psychological and linguistic aspects*. Moscow. pp. 28–31. (In Russ.).
Красина Е.А., Васильева А.А. Картезианская лингвистика: две универсальные грамматики // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты. Материалы XIX международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения В.И. Кодухова. М., 2019. С. 28–31.
3. Piperski, A. (2016). *Construction of languages: from Esperanto to Dothraki*. Moscow: Alpina Publ. (In Russ.).
Пиперски А. Конструирование языков: от эсперанто до дотракийского. М.: Альпина нон-фикшн, 2016.
4. Butnaru, N.L. (2016). Means of preserving intentionality and functionality in constructed language translation analyses: a study on Kálmán Kalocsay's Esperanto poem Somernokto". *Interstudies (Revista Centrului Interdisciplinar de Studiu al Formelor Discursive Contemporane Interstud)*, (19), 91–100.
5. Punske, J., Sanders, N., & Fountain, A.V. (Eds.). (2020). *Language Invention in Linguistics Pedagogy*. Oxford: Oxford University Press.
6. van Oostendorp, M. (2019). Language contact and constructed languages. In: *Handbook of language contact*. Boston: De Gruyter Mouton. pp. 124–135. <https://doi.org/10.1515/9783110435351-011>
7. Ng, S.B., & Schwendiman, A. (2017). *Properties of Constructed Language Phonological Inventories*. Washington: University of Washington, 2.
8. Skowrońska, D. (2018). Constructed Languages of Hildegard of Bingen and Suzzette Haden Elgin. Female Empowerment through Language? *Forum Filologiczne ATENEUM*, 1(6), 101–112. [https://doi.org/10.36575/2353-2912/1\(6\)2018.101](https://doi.org/10.36575/2353-2912/1(6)2018.101) Forum Filologiczne Ateneum 1(6)2018
9. Purnomo, S.L.A., Nababan, M., Santosa, R., & Kristina, D. (2017). Ludic linguistics: A revisited taxonomy of fictional constructed language design approach for video games. *GEMA Online Journal of Language Studies*, 17(4), 45–60.
10. Gobbo, F. (2017). Are planned languages less complex than natural languages? *Language Sciences*, 60, 36–52.
11. Gonzalez-Rodriguez, D., & Hernandez-Carrion, J.R. (2018). Self-Organized Linguistic Systems: From traditional AI to bottom-up generative processes. *Futures*, 103, 27–34.
12. van Olmen, D. & van Der Auwera, J. (2016). Modality and mood in Standard Average European. *The Oxford handbook of modality and mood*, 363–384. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199591435.001.0001>
13. Blahuš, M. (2011). Toki pona—eine minimalistische Plansprache. Spracherfindung und ihre Ziele. *Beiträge der*, 20, 51–56.

Information about the author:

Philipp N. Novikov is PhD. in Philology, Associate Professor, Foreign Language Department, Institute of Law, RUDN University; *Research interests*: cognitive linguistics, corpus linguistics, constructed languages, comparative linguistics, linguistic software development; *e-mail*: philippnovikov@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-4884-3659; eLIBRARY SPIN-code 3523-2539. Web of Science ResearcherID AАН-8064-2019

Сведения об авторе:

Новиков Филипп Николаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков юридического института РУДН; *сфере научных интересов*: когнитивная лингвистика, корпусная лингвистика, искусственные языки, сопоставительное языкознание, разработка языковых приложений; *e-mail*: philippnovikov@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-4884-3659; eLIBRARY SPIN-код: 3523-2539. Web of Science ResearcherID ААН-8064-2019

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ COMPARATIVE STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-000-000

УДК [811.512.122:811.161.1]’27

Научная статья / Research article

Казахско-русская билингвальная практика: смешение кода как ресурс в коммуникативном взаимодействии

Ш.К. Жаркынбекова¹ , В.Е. Чернявская²

¹Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева,
010008, Республика Казахстан, г. Нур-Султан, ул. Кажимукана, 11

²Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
195251, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 19

 chernyavskaya_ve@spbstu.ru

Аннотация. Рассматривается билингвальная практика в современном Казахстане. Анализируется переключение или смешение кода в ситуации казахско-русского и русско-казахского этнического билингвизма. Для практики гибридизации кода характерны два основных типа смешения кода, линейное сочетание слов из казахского и русского языков внутри высказывания и сочетаемость корня слова из казахского языка и аффикса из русского. Теоретико-методологический контекст анализа задан разработками в социолингвистике ‘третьей волны’, в дискурсивном анализе, лингвистической антропологии. Новый подход связан с изучением языковой вариативности как выражения социальной и этноязыковой идентичности в проекции интеракциональности и агентивности человека, использующего язык. Материалом для анализа стали контексты, демонстрирующие смешение казахского и русского языков в повседневной практике общения в Казахстане, а также извлеченные из социальных сетей и современных казахстанских фильмов. Использовался метод наблюдения за речевым поведением и спонтанной реакцией коммуникантов на русском и казахском языках. Выявлено около 300 случаев смешения кода. Анализ демонстрирует, что практика смешения кода особым образом фокусирует поликультурную и полиязыковую личность в ситуации этнического двуязычия в Казахстане. Смешение казахского и русского языков объясняется не с позиции языковой инференции, речевых ошибок вследствие недостаточной коммуникативной практики или ограниченного словарного запаса билингва, но как особый семиотический ресурс, используемый для выражения взаимопонимания и гармонизации коммуникации. Это особое использование языка, выдвигающее в центр внимания активность использующего язык человека, способного выбрать лингвистическое средство, адекватное в конкретной ситуации. В объяснении выдвигается понятие комму-

© Жаркынбекова Ш.К., Чернявская В.Е., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

никативной компетенции как способности человека взаимодействовать в социальных условиях, координировать языковое знание с культурно-специфическими нормами общения. Делается вывод, что использование гетерогенного языкового кода дает точку доступа к изучению рефлексии в использовании языковых ресурсов.

Ключевые слова: казахско-русский билингвизм, русско-казахский билингвизм, социолингвистика третьей волны, переключение кода, смешение кода, бикультурная идентичность

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2022

Дата приема в печать: 01.03.2022

Для цитирования:

Жаркынбекова Ш.К., Чернявская В.Е. Казахско-русская билингвальная практика: смешение кода как ресурс в коммуникативном взаимодействии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 468—482. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-468-482>

Kazakh-Russian Bilingual Practice: Code-Mixing as a Resource in Communicative Interaction

Sholpan K. Zharkynbekova¹ , Valeria E. Chernyavskaya²

¹ L.N. Gumilyov Eurasian National University,
11, Kazimukyuan str., Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan, 010008

^{2*} Peter the Great St. Petersburg Politechnic University,
19, Politechnicheskaya str., St. Petersburg, Russian Federation, 195251

 chernyavskaya_ve@spbstu.ru

Abstract. The present paper discusses the ethnic bilingual practice in Kazakhstan. The focus is on code-switching or, in other term, code-mixing in the Kazakh-Russian and Russian-Kazakh bilingualism. The bi- and multilingualism is characteristic for Kazakhstan and is caused by multiethnicity of the republic. Within this paper we are interested in identities of persons with more than one cultural background. The idea of the present investigation is a response to the sociolinguistics ‘third wave’, discourse analysis, linguistic anthropology. In this theoretical framework the research focus is on exploring linguistic variation as a medium used by individuals or social groups to evoke the social practice. It is crucial how semiotic ties are set between a linguistic sign and social context, how persistent social attribution is created through linguistic choices. Data collection for this study: we analyzed 300 contexts that show the Kazakh-Russian code-mixing in everyday and internet communication, and in modern Kazakh films reflecting the typical code-mixing practice. The data were gathered by doing observation, documentation, the analysis proceeded in a context-based interpretative way. In the framework suggested we show the code-switching/code-mixing not in terms of interference mistakes as heavily influenced by Russian language and culture, not as “linguistic errors” cases presupposed by low language competence of the speakers, but rather as a dynamic resource to shape the understanding in the communication. There are considerable nuances and complexity in the language mixed practice, that is not to be framed in pejorative terms.

Kew words: Kazakh-Russian bilingualism, Russian-Kazakh bilingualism, sociolinguistics third wave, code-switching, code-mixing, bicultural identity

Article history:

Received: 01.02.2022

Accepted: 01.03.2022

For citation:

Zharkynbekova, Sh.K. & Chernyavskaya, V.E. (2022). Kazakh-Russian Bilingual Practice: Code-Mixing as a Resource in Communicative Interaction. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), 468—482. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-468-482>

Постановка проблемы

Предлагаемый анализ обращен к билингвальной социокультурной практике в современном Казахстане. Предметом специального анализа является переход от одного языка к другому в ситуации казахско-русского и русско-казахского билингвизма. Такая практика в социолингвистике, лингвистической антропологии, этнолингвистике изучается как переключение кода (code switching) или смешение кода (code mixing). Кодовое переключение изучается в ситуации альтернативы между двумя и более лингвистическими вариативностями: литературной нормой и социолектом или же как переключение с одного языка на другой [1–3]. В практике переключения кода говорящий переходит от высказывания на одном языке к высказыванию на другом или, соответственно, к использованию социолекта. Как разнородные явления разделяют переключение кода, когда включенный элемент не интегрирован в язык, и заимствование, когда слово интегрируется в принимающий язык фонологически или морфологически. В ситуации билингвизма центральным понятием становится смешение или гибридизация кода (code-mixing), что представляет особый тип билингвизма. Смешение кода — это спонтанное использование внутри устного или письменного высказывания, построенного в соответствии с правилами этого языка, средств другого языка или социолекта. Они различимы именно как включения, как слова из другого языка. Смешение кода может происходить автоматически, когда использующий язык человек одинаково хорошо владеет двумя языками и интуитивно заменяет некое «потерявшееся в памяти» слово на другое из другого языка. Это широко наблюдается сегодня в ситуации «глобанглизации», глобального использования английского языка. Типичные примеры: *Ты идешь? Да, just a minute. Sorry, sorry, это я нечаянно.* Аналогично происходит соскальзывание на другой язык в ситуации, когда нет эквивалентной единицы, закрепленной в языке. Например: *Нам нужны специалисты в digital humanities.* В числе факторов смешения кода сегодня следует назвать развитие мобильности и сетевого пространства, в котором люди взаимодействуют в глобальном он-лайн сообществе. Смешение кода отмечается как частотное в социальных сетях, в молодежной среде как наиболее динамичной мультикультурной среде. Заметим, что переключение и смешение кода в ряде исследований используются как взаимозаменяемые понятия.

В объяснении переключения кода в би/полилингвизме есть разные подходы. Мы представляем исследовательскую точку зрения, в соответствии

с которой переключение кода в билингвизме обусловлено не недостаточной компетенцией человека в рамках одного из двух языков, но скорее показывает высокий лексико-грамматический уровень владения вторым языком, как и в речи монолингва. Такой подход противостоит объяснительной традиции, сложившейся в 1970–1990 гг., которая объясняет переключение кода главным образом недостаточным словарным запасом, отсутствием контроля над использованием языка, недостаточным образовательным статусом человека. Эта точка зрения выдвигалась в социалингвистике ранее применительно к ситуации языковых контактов между английским и испанским, французским и арабским, немецким и турецким языками в поликультурной среде, и в предшествующих разработках русско-казахского билингвизма. О теории и практике социалингвистики и трех периодах ее развития см. также [4].

Мы исходим из того, что перечисленные факторы необязательно являются центральными, чтобы мотивировать переключение и смешение кода среди билингвов. Предлагаемый анализ имеет иной методологический ракурс. Его цель — показать, что гибридные языковые практики и переключение, а точнее, смешение языкового кода используется как динамический лингвистический ресурс для коммуникативного взаимодействия и достижения понимания.

Теоретико-методологический контекст предлагаемого анализа задан работами в социалингвистике, маркируемые как социалингвистика третьей волны вслед за разработками П. Экерт, М. Сильверстина, К. Холл, М. Бухольц, Н. Коупленда, в дискурсивном анализе, лингвистической антропологии [5–9]. Новым приоритетом здесь является изучение социальной и этноязыковой идентичности с опорой на лингвистические ресурсы. Языковая вариативность связывается с интеракциональностью, агентивностью человека. Это особенно затронуло разработки в области бикультурной этноязыковой идентичности. Так определяется идентичность человека, который сформирован в пространстве более чем одной культуры, ср.: *bicultural or multicultural identities* [10; 11. С. 36]. Можно указать по меньшей мере три основания, по которым исследователи по-новому развивают социалингвистические подходы к этнической идентичности и изучению динамики выражения социальных отношений во взаимодействии с другими. Первое, традиционные подходы к определению социальной идентичности [12] и коллективной идентичности [13] брали за основу различие двух идентичностей: идентичность, формируемая принимающей культурой (*host culture*), и идентичность этнической культуры. Такая дихотомия более недостаточна для описания той ситуации, которую исследователи называют «супер-разнообразием» культур (*superdiversity*) [14; 15]. Исследователи указывают, что есть существенное разнообразие в тех формах, которые поли- или бикультурные личности выбирают, чтобы выражать свою идентичность и свое субъективное представление о том, в какой мере их две идентичности интегрированы и накладываются друг на друга в повседневной деятельности и общении. Исследования бикультурных идентичностей показывают разные фор-

мы самоидентификации и самопрезентации и их разную меру гармонизации или, наоборот, поляризации, что может выражаться в широкой растяжке между двумя полюсами самоидентификации, например [16]. Процессы мобильности и глобализации существенно увеличили специфику и дифференциацию внутри социальных групп, которые прежде рассматривались как устойчивые и однородные. Сложилась общая тенденция уходить от дихотомических моделей к большей комплексности и работе с полисоставными категориями.

Второе, этническая идентичность не исчерпывается и несводима к одному монолитному представлению человека/группы лиц о себе и проявляется на многих уровнях — во взаимоотношении в семье, коллективе, профессии и т.д.

Третье, представления об идентичности были в значительной мере обобщенными и деконтекстуализированными. Сегодня очевидно, что только погруженность в контекст может дать детальный обзор и тонко настроить оптику восприятия того, что мы хотим определять как этническая идентичность, поликультурная, полиязыковая личность [11]. В этой связи примечательно, что для описания динамического использования лингвистических ресурсов в билингвальной практике вместе переключение кода используются другие предпочтительные термины *translanguaging/трансыязычие*, *polilanguaging/полиязычие* [17; 11]. Вообще в англоязычных разработках стал характерным термин *language*, который можно передать как использование языка, выдвигающее в центр внимания активное действие использующего язык человека, его способность выбрать лингвистическое средство, адекватное в конкретной ситуации.

Эти теоретико-методологические основания определяют логику нашего анализа и новизну подхода к объяснению билингвальной социокультурной практики в современном Казахстане.

Билингвизм в Казахстане: теоретические основания анализа

В современном Казахстане существует полилингвизм, порожденный полиэтничностью населения Казахстана, и особый тип полилингвизма — казахско-русский и русско-казахский билингвизм. Билингвизм означает владение родным языком и языком другого народа на уровне, достаточном для коммуникации с представителями этого народа. Существующий в Казахстане билингвизм определяется как этническое двуязычие.

Для осмысления лингвистического ландшафта Казахстана следует опираться на ряд базовых представлений и ключевых понятий социолингвистики. Первое. Существенное значение имеет разделение координативного и субординативного типов билингвизма. В ситуации координативного, или «чистого» двуязычия человек-билингв владеет языками в равной мере свободно, использует оба языка. В речевой деятельности на каком-либо из двух языков не возникает существенной интерференции и ошибок. В координативном

билингвизме можно говорить о сосуществовании двух языковых кодов. Это описывается с опорой на термины первый язык Я1 и второй язык Я2. Первым языком (Я1) считается язык, в котором языковая компетенция билингва выше, это может быть язык, усвоенный первым, или более значимый функционально. Вторым языком (Я2) — тот, при использовании которого билингв проявляет более низкую коммуникативную компетенцию.

«Субординативный» тип билингвизма иной. Человек владеет одним языком лучше, чем другим. В речевой деятельности это наблюдаемо через переключение с одного языка на другой. Две языковые системы билингва «смешиваются», что может порождать разного рода интерферентные ошибки под влиянием Я1 на Я2. Исследователи говорят в этом случае, что «у носителя двух языков формируется общая картина мира, где одному элементу содержания соответствуют два элемента плана выражения.» [18. С. 46]. В Казахстане преобладает именно субординативный тип билингвизма.

Второе. Для характеристики билингвальной ситуации исследователи опираются на ключевое социолингвистическое понятие «доминирующий язык». Это наблюдаемо в современном Казахстане. В качестве доминирующего может выступать неродной язык, русский, что прослеживается у этнических казахов, проживающих в регионе с преобладанием русскоязычного населения. На юге и западе республики Казахстан наблюдается билингвизм с доминированием казахского языка [18. С. 47]. Доминирующий язык — это один из языков, используемый при двуязычии с максимальной функциональной нагрузкой в большинстве сфер общения, профессиональной деятельности, образовании. Доминирующий язык не идентичен понятию родной язык, может совпадать или не совпадать с ним. Доминирующий язык часто выступает как язык межнационального общения.

Третье. По объему и социальной значимости в обществе разделяют массовый, групповой и индивидуальный типы билингвизма. В Казахстане представлен массовый казахско-русский и национально-русский билингвизм. «Экзоглоссность языковой ситуации в современном Казахстане характеризуется языковым разнообразием, обусловленным уникальностью этнического состава населения республики. В тоже время, своеобразие языковой ситуации Казахстана создается не столько тотальной и пестрой языковой многоголосицей, сколько со-функционированием в едином коммуникативном пространстве двух демографически и коммуникативно мощных языков-партнеров — казахского и русского» [19. С. 14].

Вследствие языковой политики государства в последние 20–25 лет начинает формироваться субординативный билингвизм с доминантой казахского языка как государственного и усиливается тенденция к изучению казахского языка как неродного.

Четвертое. Обсуждая специфику билингвизма в Казахстане, следует принимать во внимание характер освоения второго языка у билингва, а именно

естественный и искусственный билингвизм. Естественный билингвизм формируется в живой языковой среде, в условиях естественных контактов с носителями языка. Язык усваивается в социокультурной практике, внутри культуры. При искусственном билингвизме усвоение второго языка происходит и без погружения в языковую среду, в процессе образования как целенаправленное формирование продуктивных компетенций.

Билингвизм в Казахстане: гибридные языковые практики

Для гибридной речевой практики характерно использование гибридных слов, в которых казахский корень соединяется с русскими аффиксами или флексией. Например: *рахатизм* — получать удовольствие (от каз. *рахат* — удовольствие, прекрасно), *джунгарить* — буянить, безобразничать (каз. *жунгар* — воин); *хабарить* — общаться (каз. *хабар* — сообщение, новость); *асарить* — помогать (каз. *асар* — помощь).

К морфологическим элементам русского языка могут присоединяться казахские аффиксы, например: *столовыйга барасың ба?* — ты пойдешь в столовую? *мен кеттім универге* — я пошел в универ; *кешке кинога барамыз* — вечером пойдем в кино; *если что, званда* — если что, звони. Здесь казахский суффикс *-да, -га, -ге* присоединяется к корневой основе русского слова.

По нашим наблюдениям, типичные примеры смешения казахского и русского языков таковы:

Неуд қойдыңыз ба? — Вы поставили неуд?

Магазинге барайық. — Пойдем в магазин.

Дождь деп айтты. — Сказали, будет дождь.

Маган скинь. — Скинь мне.

Мен, если что, жұмыста боламын. — Я, если что, буду на работе.

Маган универге приезжай. — Приезжай ко мне в универ.

Гибридный язык не представляет собой уникальное социокультурное явление. Наоборот, он встраивается в ряд примеров лингвистической гибридации. Смешение кода можно наблюдать во многих социокультурных практиках. Например, социокультурное явление, описываемое как «рунглиш» или «брайтонский язык». Это язык русской эмиграции четвертой волны после распада Советского Союза и перестройки, используется в русскоязычном эмигрантском сообществе в Нью-Йорке¹.

¹ Хрестоматийной иллюстрацией стал фрагмент из эссе Т. Толстой «Надежда и опора»:

Америка, год 1998, город — любой, русский магазин.

Покупатель — продавцу: Мне полпаунда свисс-лоу-фетного творогу.

Продавец: Тю!.. Та разве ж творог — свисс-лоу-фетный? То ж чиз!

Покупатель (удивляясь): Чиз?

Термин «рунглиш» возник от соединения «русский» и «English» по аналогии с френглиш, спанглиш [20; 21], обозначающих английский язык с большим количеством включений из французского и испанского, и с денглиш, «англимецким» языком, представляющим смешение немецкого и английского. Рунглиш стал популярным после 2000 года, когда был назван как язык общения космонавтов на борту международной космической станции. Для рунглиша характерна грамматическая калька: «*брать автобус*», «*у меня нет идеи*» по аналогии с английской структурой «take a bus; I have no idea», а также замена корневых морфем, вытеснение русского корня английским с сохранением русского суффикса, флексии. Например, *дринки* — *напитки*; *обкэшитъ* — *обналичить*; *сейвить* — *хранить*; *смувиться* — *ухать*; *энаунситъ* — *объявлять* и т.п.

Явление гибридного языка сделало проблему смешения языков в казахстанском обществе очевидной. Практика языкового смешения, вызывает большое внимание, при этом остается не вполне отрефлексируемым с научной точки зрения. Такое смешение языков обсуждается в том числе как молодёжный социолект. «Данный языковой факт — веяние времени, отражающее менталитет казахстанской молодежи, её стремление к диалогу языков и культур» [22. С. 570].

В публикациях казахстанских исследователей казахско-русское двуязычие и гибридные языковые формы рассматривалось в основном с точки зрения заимствования, интерференции, трансференции, то есть в проекции изменения одного языка под влиянием другого и следования нормам, правилам одного языка в другом в ситуации языковых контактов, см. напр.: [23–25]. Причину смешения казахского и русского языков в устной речи усматривали главным образом в степени владения вторым языком и нехватке словарного запаса, лексико-семантические лакуны говорящего. Указывалось, что переключение кодов должно рассматриваться в связи с типом двуязычия, что в свою очередь предполагает учет уровня владения языком. Чем ниже этот уровень, тем чаще и больше переключение кодов будет результатом стрем-

Очередь (в нетерпении): Чиз, чиз! Не задерживайте, люди же ж ждут.

Покупатель (колеблясь): Ну свесьте полпаунда чизу.

Продавец: Вам послаисить или целым писом?

(Для тех, кто не читает Шекспира в подлиннике, а также для участников олимпиады по лингвистике: cheese — сыр, Swiss low-fat — швейцарский с пониженным содержанием жира: round — фунт: to slice — нарезать ломтиками, piесе — целый кусок. ... Мозг — странная вещь: как его ни воспитывай, он время от времени взбрыкивает. Приведенное выражение трудно буквально и коротко перевести на русский язык. ... Это слишком длинно, мы же стремимся выразить мысль кратко и экономно; полученное задание мозг принимает как руководство к действию и, повидимому, в минуты ослабления самоконтроля не обращает внимания на другое задание: выразиться на каком-нибудь одном языке, не валить все в кучу. Английское выражение оказывается короче, и вот оно выбегает из лингвистического загона, вырывается за ограду и произносится прежде, чем говорящий спохватывается. Цит. По: Татьяна Толстая. Изюм. Избранное. Изд-во Подкова, 2002. С. 158–159.

ления билингва перейти на язык, которым он владеет лучше, с целью преодоления языкового дискомфорта. По мере возрастания уровня владения языком эта причина будет оказываться все менее существенной [24]. По мнению С.Т. Саиной [25. С. 73], в семейно-бытовом, дружеском общении казахский язык чаще доминирует в двуязычной речи билингвов, русский язык выполняет функцию экспрессивного, вспомогательного, по отношению к казахской части, средства. Пропорции двух языков зависят от социальных компонентов конкретной ситуации. Билингвы используют такой вариант языкового поведения, который коррелирует с социально-демографическими признаками (возраст, образование, социальное положение и т.д.) и языковыми потенциями собеседника. В объяснении смешения языков на первый план выдвигалась следующая точка зрения: «Переключение с одного языка на другой происходит при смене ситуации, при желании показать знания второго языка, языка своего собеседника, в целях расположить к себе собеседника, либо при ущербной компетенции второго языка» [26. С. 20].

Билингвизм рассматривается в проекции языковых ошибок в условиях субординативного полиязычия. Так, в детальном исследовании [18] классифицируются четыре типа ошибок: фонетические ошибки в произношении, неверная постановка ударения; ошибки употреблении слов и сочетаемости слов; ошибки в структуре слов, в использовании грамматических категорий; ошибки в построении предложений. Авторы в таком ряду рассматривают ошибки в использовании рода и падежа русского языка, под влиянием казахского языка как тюркского языка: *Я пригласил Вас поговорить по поводу одной делы* (одного дела). Одновременно как типичные проявления интерференционных ошибок рассматривается сочетаемость корневой морфемы слова из казахского языка и аффикса из русского, подобно примерам, приведенным выше: *асарить, кезекишикать*, а также линейная сочетаемость слов из двух языков, например, ситуация при покупке билетов на поезд: *Маган нижняя полка керек / Нужна нижняя полка*. Ошибки или «отклонения в процессе коммуникации» объясняются отсутствием у казахов-билингвов постоянной практики общения на русском языке. В приведенном исследовании ошибки оцениваются с точки зрения того, какие из них наиболее/наименее препятствуют пониманию устной речи по мнению респондентов с доминирующим казахским или русским языком. Делается вывод о высокой толерантности к интерференционным ошибкам в казахстанском обществе. При этом авторы делают акцент именно на ошибках: «безусловно, изучение ошибок интерферентного характера, являющихся результатом взаимовлияния языков, которые сосуществуют в одном социальном пространстве, является ключом к их предотвращению» [18. С. 61].

С такой точки зрения проблема билингвизма получает свою заостренность и как вопрос о витальности, жизнеспособности казахского языка, сужения его функций в различных сферах коммуникации.

Это — один из возможных взглядов на проблему, при этом его объяснительная возможность ограничена и оставляет без ответа многие центральные вопросы, которые становятся очевидными в современной практике. Мы принимаем иную объяснительную позицию. Анализ здесь не ставит цель редуцировать действительное многообразие факторов, влияющих на выбор языка в ситуации этнического двуязычия, и свести их к одному. Сделав исследовательский акцент на гибридной языковой практике, мы хотим показать, что для объяснения поликультурной и полиязыковой практики в современном Казахстане продуктивной является опора на динамическое интеракциональное взаимодействие двух языков для достижения понимания в коммуникативной ситуации. Это снимает потенциальное противопоставление языков в терминах «языкового дискомфорта», «пропорций языков» или «жизнеспособности языка», и переводит к осмыслению смешенного языкового кода как особого семиотического ресурса, выбираемого человеком для выражения взаимодействия и взаимопонимания в конкретной коммуникативной ситуации. Объяснительный потенциал связан таким образом с тем, как «двуязычный носитель посредством смены языков достигает наибольшего коммуникативного эффекта» [25. С. 73].

Материал и методика исследования

Исследованы контексты переключения и смешения кода, наблюдаемые в повседневной практике общения в Казахстане, а также извлеченные из социальных сетей и современных казахстанских фильмов. Использовался метод наблюдения за речевым поведением и спонтанной естественной реакцией коммуникантов на русском и казахском языках. В рассмотренных речевых ситуациях форма общения — устная, характер общения в большинстве случаев — неформальный. Выявлено около 300 случаев смешения кода. Контексты анализировались методами прагма-семантического, дискурсивного анализа, с опорой на метод словарных дефиниций.

Интерпретация результатов

Смешение кода представлено главным образом линейным сочетанием слов из казахского и русского языков внутри высказывания. Типичные примеры из повседневной коммуникации в университетской среде:

1. Разговор в отделе во время обеда. Беседуют две коллеги, одна из которых этническая казашка, вторая русская:

— *Настя, ты какой чай хочешь — зеленый, черный?*

— *Черный. Вообще-то мне барибер.*

Здесь *барибер* — от каз. слова *барібір* — все равно, безразлично.

2. Коллега по работе казашка обращается к русской коллеге.

— *Настя, эта ручка не пишет. Там паста закончилась.*

— *Настя: Басе, я-то думаю, почему не пишет? Замерзла что ли?*

Басе — казахское междометие, выражающее согласие.

3. Русская коллега обращается к коллегам-казашкам.

— *Всем привет, девочки. Ну что у нас там? Какие **усеки**?*

— ***Новостей** особых нет, с утра письмами занимаемся.*

Здесь *усек* — от каз. слова *өсек* — сплетня, новость.

Контексты смешения кода в общении в социальных сетях:

4. *Особенно хочу подтянуть свой письменный казахский. Буду самостоятельно ...:)) писать короткие посты. Еще планирую начать читать книги на казахском. Ал, удачи мне!* Казахское междометие *ал* переводится как ну, итак, служит для подведения итога, заключения высказывания.

5. *Говорила тост моя женге. Как келинка с опытом она начала тост с поздравления мамы, маме нравится ее речь, сидит слушает комплименты. Келин, сойлей бер, регламент жок.* Казахское *женге* — жена брата; *келин* — невестка, сноха; *жок* — слово, выражающее отрицание, означает *нет*.

Мы видим здесь связанные и цельные высказывания, в которых происходит естественное спонтанное смешение русского и казахского языков. Создается формальное и содержательно-смысловое целое. Переход к казахскому слову — это узнаваемый сигнал общения со своими, распознавания своих в ситуации двуязычия. Он действует как контекстуальная подсказка, что участники коммуникации имеют общие представления о возможности использования двух языков и знают, узнают лингвистическую вариативность. Смешение кода очевидно действует как маркер обращенности на коммуникативного партнера. Оно нацелено на поддержание контакта с адресатом и гармонизацию коммуникации. Таким образом реализуется фатическая функция гибридной речи. Фатическая, контактоустанавливающая роль смешения казахского и русского языков фокусирует адекватную контекстуализацию, а именно общения со «своими». В третьем примере обращает на себя внимание рефлексия со стороны участницы диалога, распознающей семантику казахского слова *усеки* и реагирующей семантически адекватно с использованием русского слова *новости*. Мы можем наблюдать, что смешение не создает препятствий, но наоборот, демонстрирует способность понимать и интерпретировать тонкие прагматические связи в содержательном целом.

Характерная для Казахстана практика гибридизации кода отражается в художественных фильмах, которые фиксируют и показывают типичные ситуации, аналогичные общению в реальной практике. Ниже фрагменты из комедии «Келинка тоже человек», производство Казахстан, 2017 г., режиссер А. Узабаев, ставшей очень популярной и рейтинговой в Казахстане.

В основе сюжета — отношения родителей и взрослых детей в современной культуре Казахстана на примере невестки и свекрови.

Фрагмент 1. Утром одна соседка заходит к другой (обе казашки, владеющие казахским и русским с доминирующим казахским):

— *О, Култан, сәлем.*

— *Представляешь, менде соль бітіп қалыпты. Бере салшы.*

Здесь *менде соль бітіп қалыпты. Бере салшы* — каз. у меня закончилась соль, дай, пожалуйста.

Фрагмент 2. Две подружки (те же, что и во Фрагменте 1) встретились на базаре:

Құдалықты не забывай.

Не забуду.

Не забудь, Майра.

Жарайды.

Здесь *Құдалықты* — каз. сватовство; *жарайды* — каз. хорошо.

Фрагмент 3. Диалог между супругами.

Туу, Сабыржан. Сказали же тебе мын кырык бес рет, нельзя значит нельзя.

Здесь *мын кырык бес рет* — тысячу сорок пять раз.

Примечательно, что смешение кода в таких ситуациях имеет индексальный характер и указывает на языковые знания, общие для коммуникантов и их способность выбрать лингвистическое средство, адекватное в конкретной ситуации. Одновременно в объяснении такой билингвальной практики следует опираться на понятие коммуникативная компетенция, которая приобретается в процессе социализации. Ее сформированность позволяет человеку адекватно и оптимально действовать в социальной практике, соответствовать коммуникативным ожиданиями других коммуникативных партнеров.

Заключение

Перспектива гетерогенного языкового кода имеет значительный объяснительный потенциал для анализа этнической билингвальной практики. Понятие переключения кода особым образом фокусирует ситуацию, в которой действует поликультурная и полиязыковая личность. Переключение, смешение кода может использоваться как динамичный ресурс для выражения взаимопонимания и гармонизации коммуникации в этническом двуязычии. В социокультурной практике современного Казахстана смешение кода объясняется не как девиантная практика и речевые ошибки, но как особый семиотический ресурс. С таких объяснительных позиций центральную роль получает понятие коммуникативной компетенции человека-билингва. Коммуникативная компетенция — это способность взаимодействовать в социальных условиях, коор-

динируя языковое знание с культурно-специфическими нормами, предписаниями общения. Собственно, компетенция, положенная в основу осмысления интеракциональности, объясняет, как порождаются прагматические эффекты и рефлексия над использованием языка в связной структуре. Использование гетерогенного языкового кода дает точку доступа к наблюдению и изучению рефлексии в использовании языковых ресурсов. Рефлексия обеспечивает доступ к оценочным установкам, пресуппозициям, стоящими за языковым выражением.

Библиографический список

1. *Aronin L., Singleton D.* Multilingualism. Amsterdam: John Benjamins, 2012.
2. *Gort M.* Code-switching patterns in the writing-related talk of young emergent bilinguals // *Journal of Literacy Research*. 2012. № 44 (1). P. 45–75.
3. *Акынова Д., Жаркынбекова С., Агманова А., Кусар З.* Conversational aspect of code-switching: Using repair in EFL classrooms // *Journal of Language and Literature*. 2014. № 3. P. 210–218.
4. *Чернявская В.Е.* Текст и социальный контекст: Социолингвистический и дискурсивный анализ смылопорождения. М.: URSS, 2021.
5. *Bucholtz M., Hall K.* All of the above: New coalitions in sociocultural linguistics // *Journal of Sociolinguistics*. 2008. № 12/4. P. 401–431.
6. *Coupland N., Jaworski A.* (eds.). *The New Sociolinguistics Reader*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009.
7. *Eckert P.* *Meaning and Linguistic Variation: The Third Wave in Sociolinguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
8. *Kecskes I.* Sociopragmatics and cross-cultural and intercultural studies // К. Allan and К. М. Jaszczolt (eds.). *The Cambridge Handbook of Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 599–616.
9. *Куссе Х., Чернявская В.Е.* Культура: объяснительные возможности понятия в дискурсивной лингвистике // *Вестник СПбГУ. Серия: Язык и литература*. 2019. № 3 (16). С. 444–462. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.307>
10. *Berry J.W.* Acculturation: Living successfully in two cultures // *International Journal of Intercultural Relations*. 2005. № 29 (6). P. 697–712.
11. *Fons van de Vijver J.R., Blommaert J., Gkoumasi G., Stogianni M.* On the need to broaden the concept of ethnic identity // *International Journal of Intercultural Relations*. 2015. № 46. P. 36–46.
12. *Tajfel H., Turner J.C.* The social identity theory of intergroup behavior // *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.
13. *Ashmore R.D., Deaux K., McLaughlin-Volpe T.* An organizing framework for collective identity: Articulation and significance of multidimensionality // *Psychological Bulletin*. 2004. № 130. P. 80–114. 14.
14. *Vertovec S.* Towards post-multiculturalism? Changing communities, contexts and conditions of diversity // *International Social Science Journal*. 2010. № 61. P. 83–95.
15. *Jorgensen J. N., Karrebaek M. S., Madsen L. M., Moller J. S.* Polylinguaging in superdiversity // *Diversities*. 2011. № 13 (2). P. 23–37.
16. *Benet-Martínez V., Leu J., Lee F., Morris M.* Negotiating biculturalism: Cultural frame switching in biculturals with oppositional versus compatible cultural identities // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2002. № 33. P. 492–516.
17. *García O.* *Bilingual education in the 21st century: A global perspective*. Wiley/Blackwell, Malden: MA, 2009.

18. Мирзоева Л.Ю., Ахметжанова З. К. К вопросу об интерферентных ошибках как элементе языкового ландшафта в условиях субординативного полиязычия // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 60. С. 45–65.
19. Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж., Аканова Д.Х. Языки народов Казахстана: Социолингвистический справочник. Астана, 2007.
20. Ramon A.M. Reading the world in Spanglish: Hybrid language practices and ideological contestation in a sixth-grade English language arts classroom // *Linguistics and Education*. 2013. Vol. 24. Iss. 3. P. 276–288. <https://doi.org/10.1016/j.linged.2013.03.007>
21. Otheguy R., Stern N. On so-called Spanglish // *International Journal of Bilingualism*. 2010. № 15 (1). P. 85–100.
22. Анищенко О.А. Лексикографическое описание субстандартной лексики: словарь регионального молодёжного социолекта // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2011. № 3 (25). С. 568–571.
23. Тезекбаев М.Т. Лексическая интерференция казахского языка в русской речи казахов-билингвов: дисс. ... степени канд. филол. наук. Алма-Ата, 1987.
24. Суюнова Г.С. Речевое поведение казахов-билингвов: дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук. Алматы, 1995.
25. Саина С.Т. Двужычие и многоязычие в семейной жизни и в повседневном быту // *Речевое общение в условиях языковой неоднородности*. М., 2000. С. 60–75.
26. Жикеева А.Р. Языковая ситуация Костанайской области Республики Казахстан. Билингвистический аспект: автореф. дис. ... кан. филол. наук. Челябинск, 2011.

References

1. Aronin, L. & Singleton, D. (2012). *Multilingualism*. Amsterdam: John Benjamins.
2. Gort, M. (2012). Code-switching patterns in the writing-related talk of young emergent bilinguals. *Journal of Literacy Research*, 44 (1), 45–75.
3. Akynova, D., Zharkynbekova, S., Agmanova, A. & Kuzar, Z. (2014). Conversational aspect of code-switching: Using repair in EFL classrooms. *Journal of Language and Literature*, 3, 210–218.
4. Chernyavskaya, V.E. (2021). *Text and Social Context*. Moscow. (In Russ.).
5. Bucholtz, M. & Hall, K. (2008). All of the above: New coalitions in sociocultural linguistics. *Journal of Sociolinguistics*, 12(4), 401–431.
6. Coupland, N. & Jaworski, A. (2009). *The New Sociolinguistics Reader*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
7. Eckert, P. (2018). *Meaning and Linguistic Variation: The Third Wave in Sociolinguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Kecskes, I. (2012). Sociopragmatics and cross-cultural and intercultural studies. In: K. Allan and K. M. Jaszczolt (eds). *The Cambridge Handbook of Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 599–616.
9. Kuße, H. & Chernyavskaya, V.E. (2019). Culture: Towards its explanatory charge in discourse linguistics. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 3(16), 444–462. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.307> (In Russ.).
10. Berry, J.W. (2005). Acculturation: Living successfully in two cultures. *International Journal of Intercultural Relations*, 29 (6), 697–712.
11. Fons van de Vijver, J.R., Blommaert, J., Gkoumasi, G. & Stogianni, M. (2015). On the need to broaden the concept of ethnic identity. *International Journal of Intercultural Relations*, 46, 36–46.
12. Tajfel, H. & Turner, J.C. (1986). The social identity theory of intergroup behavior. In: *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago: Nelson-Hall. pp. 7–24.
13. Ashmore, R.D., Deaux, K. & McLaughlin-Volpe, T. (2004). An organizing framework for collective identity: Articulation and significance of multidimensionality. *Psychological Bulletin*, 130, 80–114.

14. Vertovec, S. (2010). Towards post-multiculturalism? Changing communities, contexts and conditions of diversity. *International Social Science Journal*, 61, 83–95.
15. Jorgensen, J.N., Karrebaek, M.S., Madsen, L.M. & Moller, J.S. (2011). Polylinguaging in superdiversity. *Diversities*, 13 (2), 23–37.
16. Benet-Martínez, V., Leu, J., Lee, F. & Morris, M. (2002). Negotiating biculturalism: Cultural frame switching in biculturals with oppositional versus compatible cultural identities. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 33, 492–516.
17. García, O. (2009). *Bilingual education in the 21st century: A global perspective*. Wiley/Blackwell, Malden: MA.
18. Mirzoyeva, L. & Akhmetzhanova, Z.K. (2019). Interference Errors in the Frame of Subordinate Multilingualism. *Tomsk State University Journal of Philology*, 60, 45–65. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/19986645/60/4>
19. Suleimenova, E.D., Shaimerdenova, N.Z. & Akanova, D.H. (2007). *Languages in Kazakhstan: Socio-linguistic Reader*. Astana. (In Russ.).
20. Ramon, A.M. (2013). Reading the world in Spanglish: Hybrid language practices and ideological contestation in a sixth-grade English language arts classroom. *Linguistics and Education*, 24(3), 276–288. <https://doi.org/10.1016/j.linged.2013.03.007>.
21. Otheguy, R. & Stern, N. (2010). On so-called Spanglish. *International Journal of Bilingualism*, 15 (1), 85–100.
22. Anischenko, O.A. (2011). Lexicographic description on substandard lexic. *Problemy istorii, filologii, kultury*, 3 (25), 657–662. (In Russ.).
23. Tesekbaev, M.T. (1987). *Lexical interference in Kazakh language in the Russian speech of bilingual kazakhs* [dissertation]. Alma-Ata.
24. Sujunova, G.S. (1995). *Speech behaviour of bilingual kazakhs* [dissertation]. Alma-Ata. (In Russ.).
25. Saina, S.T. (2000). Bi- and Multilinguism in every day life. In: *Speech practices in multilingualisms*. Moscow. pp. 60–75. (In Russ.).
26. Zikeeva, A.R. (2011). *Speech situation in Kostanai region in Kazakhstan. Bilingual dimension* [dissertation]. Chelyabinsk. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Жаркынбекова Шолпан Кузаровна, доктор филологических наук, профессор кафедры прикладной и теоретической лингвистики Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева; *e-mail*: zharkynbekova_shk@enu.kz
ORCID ID: 0000-0002-4160-6215; SCOPUS ID 55446258300

Чернявская Валерия Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого; *e-mail*: chernyavskaya_ve@spbstu.ru
ORCID ID: 0000-0002-6039-6305; SCOPUS ID 57200371860

Information about the authors:

Sholpan K. Zharkynbekova, Dr. Sc. in Linguistics, Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, L. N. Gumilyov Eurasian National University; *e-mail*: zharkynbekova_shk@enu.kz
ORCID ID: 0000-0002-4160-6215; SCOPUS ID 55446258300

Valeria E. Chernyavskaya, Dr. Sc. in Linguistics, Professor, Institute of Humanities, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; *e-mail*: chernyavskaya_ve@spbstu.ru
ORCID ID: 0000-0002-6039-6305; SCOPUS ID 57200371860

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-483-501

УДК 811.512.156:811.512.145:811.161.1:811.134.2:398.61

Научная статья / Research article

Образы природы в тувинских, татарских, русских и испанских загадках

О.С. Чеснокова , Т.Ф. Усманов Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 timur.usmanov25@gmail.com

Аннотация. Исследование представляет опыт контрастивного лингвокультурологического исследования образов основных явлений природы (*солнце, луна/месяц, день, ночь, звезды, тень, ветер, дождь, снег/лед*) в загадках четырех фольклорных традиций, относящихся к тюркоязычным (тувинская и татарская), славянской (русская) и романской (испанская) лингвокультурам, с использованием интерпретации особенностей поэтики. Природа универсально связывает воедино различные уровни познания, вызывает образные ассоциации, относится к архетипическим константам мифопоэтического творчества. Загадки о природе представлены в словесном творчестве любого этноса. Теоретически и практически важным представляется систематизация данных о поэтике тематически идентичных загадок разноязычных культур. Предмет исследования — загадки о природе, объект — языковые средства, создающие образы *солнца, луны/месяца, дня, ночи, звезд, тени, ветра, дождя, снега/льда* в загадках тувинского, татарского, русского и испанского этносов. Материалом послужили около 400 тувинских, татарских, русских и испанских загадок на темы природы из изданий по тувинскому, татарскому, русскому, испанскому фольклору; загадки, зафиксированные в сборниках загадок и размещенные на интернет-сайтах. Основные методы исследования — семантический, интерпретационный, лингвокультурологический анализ, культурологическое комментирование, сопоставительный анализ. Главная задача статьи — проанализировать модели образного представления и поэтики девяти явлений природы в четырех лингвокультурах. Установлено, что этнолингвистическое содержание и поэтика загадок о природе варьируют в зависимости от объективных природно-географических факторов, доминант народного мировидения и типологической принадлежности языков. Наиболее многочисленными и метафорически разветвленными во всех четырех лингвокультурах оказались загадки о *солнце, ветре* и *луне*. Исследованные загадки о природе проявляют признаковую детерминанту тюркских и событийную детерминанту русских и испанских загадок. Имеющееся сходство образов говорит о евразийском континууме загадок о природе.

Ключевые слова: фольклор, загадка, тувинцы, татары, русские, испанцы, лингвокультура, природа, поэтика, диалог культур

© Чеснокова О.С., Усманов Т.Ф., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Благодарность:

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН (Российская Федерация). Вклад авторов в работу равнозначен на всех этапах.

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2022

Дата приема в печать: 1.04.2022

Для цитирования:

Чеснокова О.С., Усманов Т.Ф. Образы природы в тувинских, татарских, русских и испанских загадках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 483—501. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-483-501>

Images of Nature in Tuvan, Tatar, Russian, and Spanish Riddles

Olga S. Chesnokova , Timur F. Usmanov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN university),
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

 timur.usmanov25@gmail.com

Abstract. The article offers evidence of contrastive ethnolinguoculturological analysis of images of major natural phenomena (*the sun, the moon, the day, the night, the stars, the wind, the rain, the snow/ice*) in the riddles of four folk cultures that belong to Turkic (Tuvan and Tatar), Slavic (Russian), and Romance (Spanish) linguocultures, with interpretation of peculiarities of the poetics. Nature binds together different levels of cognition, evokes imaginative associations, refers to the archetypal constants of mythopoetic creativity. Riddles about nature are presented in the verbal creativity of any ethnic group. Theoretically and practically, it is important to develop a unified ethnolinguoculturological approach to study the poetics of thematically identical riddles of multilingual cultures. The subject of the article is riddles about nature, the object is linguistic means that create images of *the sun, the moon, the day, the night, the stars, the wind, the rain, the snow/ice* in Tuvan, Tatar, Russian-speaking, and Spanish ethnic groups. In the study, around 400 Tuvan, Tatar, Russian and Spanish riddles about nature from books on Tuvan, Tatar, Russian and Spanish folklore were used, along with riddles found on the Internet. The study methods include semantic, interpretative, linguoculturological analysis, culturological commentary, and comparative analysis. The main objective of the article is to analyze models of figurative representation and poetics of nine natural phenomena in four linguocultures. The article establishes that the ethnolinguistic content and poetics of riddles about nature vary depending on objective natural and geographical factors, dominant folk worldview, and typological affiliation of languages. The most numerous and metaphorically branched in all four linguistic cultures were the riddles about *the sun, the wind, and the moon*. The investigated riddles about nature show the characteristic determinant of the Turkic and the sporadic determinant of the Russian and Spanish riddles. The similarity of the images suggests a Eurasian continuum of riddles about nature.

Key words: folklore, riddle, Tuvinians, Tatars, Russians, Spaniards, linguoculture, nature, poetics, dialogue of cultures

Financing. Acknowledgement.

This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program. All authors have contributed equally

Article history:

Received: 01.02.2022

Accepted: 01.04.2022

For citation:

Chesnokova, O.S. & Usmanov, T.F. (2022). Images of Nature in Tuvan, Tatar, Russian, and Spanish Riddles. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), 483—501. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-483-501>

Введение

Загадка относится к древнейшему жанру словесного творчества. Определение загадки как хорошо составленной метафоры структурировало изучение текстов и функций загадки в различных языках и культурах. Загадка представляет текст различной протяженности, различной художественной конструкции (проза или поэзия) в виде прямого или косвенного вопроса и ответа. Поэтому композиция загадки универсально включает связанные между собой вопрос и ответ и подразумевает двух участников, в роли которых может выступать не одно лицо, а коллектив. В.И. Даль определял загадку как «что-либо загадочное, сомнительное, неизвестное, возбуждающее любопытство; иносказание или намеки, окольная речь, обиняк; краткое иносказательное описание предмета, предлагаемое для разгадки» [1. С. 506]. Современное понимание загадки приблизительно такое же: «краткое иносказательное описание какого-либо предмета или явления, которое нужно узнать, разгадать» (Новейший большой толковый словарь русского языка, 2008).

Естественная среда традиционного обитания этноса, национальная риторическая традиция придают загадке, или «загадочному тексту», по В.Н. Топорову [2. С. 8–53], этнокультурную специфику. Возникнув как сакрально-обрядовые знаки, загадки становятся анонимными фольклорными текстами, приобретают свойственные фольклору противоречия, в том числе, противоречия фольклора с самим собой [3. С. 28]. Поэтика загадок сопряжена с их современной игровой, обучающей, воспитательной функциями в лингвокультуре, которая понимается нами, вслед за В.В. Красных, как воплощенная и закрепленная в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых процессах культура [4. С. 60].

В современном языкознании наметились новые подходы к изучению загадки, среди которых выделим ведущий лингвокультурологический в сочетании с когнитивным, семиотическим и контрастивным [5. С. 176; 6. С. 97–101; 7. С. 59–71; 8. С. 144–147; 9; 10. С. 305; 11. С. 572–579].

Эмпирическую базу нашего исследования составила авторская картотека, включающая около 400 загадочных текстов, среди которых 98 тувинских, 97 татарских, 90 русских, 98 испанских загадок о природе, извлеченных из лексикографических источников, изданий по фолькло-

ру методом сплошной выборки [12. С. 253; 13. С. 3–35; 14. С. 560; 15. С. 416; 16. С. 278; интернет-источников^{1, 2, 3, 4}.

Основные методы исследования: семантический, интерпретационный, лингвокультурологический анализ, культурологическое комментирование, сопоставительно-типологический анализ. Мысль выдающегося философа и культуролога М.М. Бахтина о том, что «чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже» [17. С. 354], авторы рассматривают как стимул для предпринятого сопоставительно-контрастивного лингвокультурологического исследования загадок о природе в тувинской, татарской, русской и испанской лингвокультурах.

Характеристика тувинской, татарской, русской и испанской лингвокультуры

Как предпосылка валидности *контрастивного лингвокультурологического* анализа загадок в четырех лингвокультурах необходима их краткая характеристика.

Тувинский, татарский и русский этносы образуют органичную часть России как полиэтнического государства и часть русскоговорящего населения Российской Федерации.

Тува (Тыва), в силу уникальности географического положения, относится, по заключению Ч.К. Ламажаа, к лимитрофной зоне, а ее население сочетает тяготение к разным цивилизационным общностям [18. С. 180]. Природа традиционно занимала ключевое место в мировидении и мифотворчестве тувинцев [19. С. 180], а тувинские древние праздники, как, например, Шагаа или Наадым, отражают не только философские и этические представления, но и константы мифопоэтического творчества тувинского народа, в частности, спаянность с природой и ее одухотворение. Интересующая нас тема загадок связана с тувинским ритуалом загадывания по вечерам, чтобы не отвлекаться от работы, с состязанием жителей соседних юрт, а также с новогодним праздником Шагаа, когда загадки становились формой соперничества молодежи во главе с остроловами «уран-чечен» [20. С. 362].

Татары являются вторым по численности, после русских, наиболее многочисленным этносом Российской Федерации [21. С. 14–31; 22. С. 34]. Этногенез татар остается одной из интереснейших и не решенных задач [23].

¹ Режим доступа: <https://infourok.ru/tuvinskie-zagadki-tiva-tiviziktar-1086968.html> (дата обращения: 12.12.2021).

² Режим доступа: https://www.studmed.ru/view/zagadki-na-tatarskom-yazyke_db14f0cb90f.html (дата обращения: 12.12.2021).

³ Режим доступа: <https://www.kostyor.ru/student/?n=325> (дата обращения: 12.12.2021).

⁴ Режим доступа: <https://www.pocooyo.com/adivinizas/naturaleza> (дата обращения: 12.12.2021).

Как справедливо пишет Р. Теляшов, «история взаимоотношений татар и русских — это значительная, громадная, очень важная часть общей истории России и ее коренных народов [24. С. 11]. Этнологам хорошо известно высказывание Льва Гумилева: «Татары — народ не рядом с нами, они внутри нас, они в нашей крови, нашей истории, нашем языке, нашем мироощущении» [Цит. по: 25. С. 5].

Русскоязычная лингвокультура России уходит корнями в культуру восточных славян и в настоящее время охватывает лингвокультуру этнических русских, а также билингов, владеющих русским языком, в нашем случае, — тувинцев и татар.

Современная испанская лингвокультура является синтезом иберийских, греческих, романских, семитских черт и самобытным полиэтническим средиземноморским пространством [26. С. 21–23; 27. С. 250]. В Испании четыре коофициальных языка: испанский, каталанский, гасилийский, баскский, но подавляющее большинство граждан Испании, родной язык которых не испанский, являются билингвами, владеющими испанским языком.

Природа в словесном творчестве

«Природа живет вечно, набухая той энергией, которую получает от Солнца и звезд нашей Галактики и радиораспада в глубинах нашей планеты», — пишет создатель пассионарной теории этногенеза Л.Н. Гумилев [28. С. 10]. Он предлагает термин «этносфера»: это «мозаичная антропосфера, постоянно меняющаяся в историческом времени и взаимодействующая с ландшафтами планеты Земля» [28. С. 44]. По мнению основателя системной лингвистики Г.П. Мельникова, ландшафтно-климатические условия являются основополагающими в развитии языка и истории народа [29. С. 90; 30. С. 28], что находит отражение в детерминантах типологически различных языков, связывающих воедино все уровни языка.

Природа упорядочивает уровни этносферы. Если, по наблюдению В.Я. Проппа, сказок о природе относительно мало [3. С. 48–49], то пословицы, приметы, суеверия, загадки о природе представлены в словесном творчестве широко, при этом уже аксиомой стала связь пословичного фонда и загадок.

Загадки о природе в тувинской, татарской, русской и испанской лингвокультурах

Для данной статьи мы выбрали девять основных явлений природы (*снег* и *лед* объединены как различные агрегатные состояния одного явления), которые выступают единичными отгадками загадок в четырех исследуемых нами лингвокультурах. Обобщим слова-отгадки в виде таблицы.

**Обозначения явлений природы /
Denominations of natural phenomena**

	тувинский язык / Tuvan language	татарский язык / Tatar language	русский язык / Russian language	испанский язык / Spanish
1	хүн	кояш	солнце	sol
2	ай	ай	луна/месяц	luna
3	хүн	кен	день	día
4	дүн	тен	ночь	noche
5	сылдыс	йолдыз	звезда	estrella
6	хөлеге	күлэгө	тень	sombra
7	хат	жил	ветер	viento
8	чаъс	яңгыр	дождь/ливень	lluvia/aguacero
9	хар	кар	снег/лед	nieve/hielo

Солнце

В нашей картотеке наибольшее количество загадок для четырех лингвокультур, несмотря на их географическую удалённость, оказалось именно о солнце. В тувинских загадках солнце персонифицируется, предстает в виде «небесного отца», артефактно метафоризируется и одновременно олицетворяется как кормящая человека «красная чашка»: *Дээр адазының тейи көстүп келди* [12. С. 10]; *Бурунгаартан кызыл дашка келген, Чемижсин каап каан.* [12. С. 11].

Примечателен тувинский образец, где комбинируются три загадываемых денотата: *солнце, снег, лед*, не обнаруженные нами в трех других лингвокультурах: *Алдын чайыр чылытты, Ак ширтек союлду* [12. С. 16].

В татарском фольклоре солнце предстает в разных гендерных обликах: как мужчиной и мужем луны, так и девушкой — женой луны, а солнце принято сравнивать с золотом: *Алтын китте, көмеш килде* [13. С. 19].

В русских загадках солнце антропоморфно предстаёт как мужчина «(золотым) хозяином» и противопоставляется месяцу или луне, что в совокупности отражает событийную детерминанту флективных языков, по Г.П. Мельникову, ярким представителем которой является русский язык [29. С. 74]:

Золот хозяин — на поле;

Серебрян пастух — с поля [31. С. 48; 15. С. 307].

Имеются также сравнения солнца с девушкой:

Сестра к брату в гости идёт,

*Он от неё прячется*⁵.

Для средиземноморского мира, к которому относится испанская лингвокультура, солнце выступает то как друг, то как испепеляющий враг. В загадках используются антропоморфные метафоры мужчины, облеченного властью: *rey* «король», *pastor hermoso* «прекрасный пастух», *hombre hermoso* «красивый мужчина», а также артефактные метафоры денег как мерил ценности: *moneda grande y dorada* «большая золотая монета»:

*Dicen que soy rey
Y no tengo reino;
Dicen que soy rubio
Y no tengo pelo;
Afirman que ando
Y no me meneo;
Arreglo relojes
Sin ser relojero* [16. С. 53].

Понятийно связаны с загадками о солнце загадки о солнечном луче. В тувинской лингвокультуре солнечный луч мифопоэтически предстаёт золотисто-желтой нитью:

*Агаардан баткан
Алдын-сарыг удазын
Устүүртен баткан
Узулбес сарыг удазын* [12. С. 10].

Татарская традиция ассоциирует солнечный луч с золотым мечом: *Алтын кылыч жиргә төште, Тавышын беркем ишетмәде* [13. С. 16], а в русской загадке он сравнивается с пресным молоком: *Пресное молоко на пол льют, ни ножом, ни зубами соскоблить нельзя* [14. С. 224].

Испанская фольклорная традиция констатирует сиюминутность солнечного луча, при этом используется средний залог, передающий достоверность не зависящего от воли человека события, в соответствии с событийной детерминантой флективных языков: *Apenas se la ve entrar/ Y la casa ha de llenar* [16. С. 50].

Очевидно, что золотой цвет солнца представлен во всех четырех лингвокультурах, при этом оттенки солнца наиболее разветвленно обнаруживаются в тувинских загадках за счет использования биоморфной и артефактной поэтики.

⁵ Режим доступа: <https://multi-mama.ru/zagadki-pro-solnce/> (дата обращения: 12.12.2021).

Луна/месяц

В тувинских загадках луна ассоциируется с «шубой» и «лохматой головой», а лунный свет — с «шелковистой кисточкой». Сравним: *Бодум борбай, Бажым соглай (салбай); Муң каът чагылыг, Мундаазын чалаалыг* [12. С. 8].

Биоморфный код представлен перечислением качеств сущностей, приписываемых луне, где зооморфные признаки представлены образом сурка, например:

*Шүглүр аза,
Шүүк меге,
Сарыг-мелдер тарбаган* [12. С. 8].

При диверсификации конфессиональности татар, ислам является их доминирующей религией, поэтому татарская лингвокультура уделяет особое значение полумесяцу — началу лунного месяца по мусульманскому календарю и символу ислама. При этом даже татарская детская загадка о луне содержит точную фактическую природную информацию:

*На тридцатый день глупеет,
на четырнадцатый умнеетб.*

По данным нашей картотеки, в татарских загадках луна сравнивается с хлебом, а месяц — с половинкой хлеба (краюшкой): *Өй артында — ак калач; Ярты телем ипи /Бөтен дөнъяга житкән* [13. С. 21].

Аналогично и в русской загадке луна так же сравнивается с краюшкой хлеба:

*За бабкиной избушкой
Висит хлеба краюшка;
Собаки лаят,
А достать не могут* [15. С. 307].

В испанских загадках солнце совершенно логично сравнивается с золотом или золотой монетой, а луна — с серебряной. Однако в некоторых загадках луна предстает красивой дамой, одетой в золото, например:

*Una dama muy hermosa
con un vestido de oro,
siempre volviendo la cara
hacia un lado y hacia otro* [16. С. 49].

Итак, луна и солнце в загадках четырех лингвокультур оказываются антитепами, соперниками и врагами, поэтому часто встречаются в едином тек-

⁶ Режим доступа: <https://www.hobobo.ru/zagadki/tatarskie-zagadki> (дата обращения: 12.12.2021).

сте и одновременно противопоставляются друг другу. В тувинском материале нами не было обнаружено загадок одновременно о солнце и луне. Желто-золотистый цвет типичен для загадочных текстов о луне для всех четырех лингвокультур. Зооморфные образы луны различны: сурок представлен в тувинских загадках и лакунарен в других лингвокультурах; хлеб типичен для татарской и русской лингвокультур, золото представлено в татарском, русском, испанском материале и не обнаружено в тувинском, где присутствуют артефактный код: «*доха*», «*кисточка*».

День и ночь

Загадки про день и ночь являются достаточно редкими. В тувинском и русском материале мы обнаруживаем одинаковые загадки, в которых день и ночь представлены врагами:

Ийи өжээти сүрүштү
Ийи өжээти сүржүп төнер (төнмес) [12. С. 9].

В татарской лингвокультуре, напротив, день и ночь предстают братьями: *Ике туган: Берсе ак булган, Берсе кара булган* [13. С. 18].

В русском и испанском языках находим похожие загадки с зоометафорами «черная корова» (исп. *vaca negra*), «черная/белая курица» (исп. *gallina negra/blanca*):

Черная корова всех людей поколола,
А белая встала, всех поподымала [14. С. 220];
Una gallina blanca
Desparrama pollos;
Pero llega la negra
Y los junta todos [16. С. 231].

Как правило, день и ночь предстают антиподами, которым придаются признаки живого существа: зооморфного или антропоморфного.

Звезды

В фольклоре звезды являются одним из самых часто используемых небесных объектов. В тувинских загадках звезды биоморфно предстают войском, артефактно — бисером, разбросанным по шелковистому полотну. Нередко присутствует упоминание степи — доминирующего природного фактора Тувы: *Кара ховуда — Хамык шеригниң одаа кыпты* [12. С. 7].

Признаковая, по Г.П. Мельникову, детерминанта агглютинирующих языков наблюдается, на наш взгляд, в конкретике и детализации загадываемых

денотатов со звездами, таких, как, например, «звезды в ночном, темном небе», где взаимодействуют пищевой и цветовой коды: *Дош кырында — кызыл-тараа; Дош кырында сарыг-тараа төктү берди* [12. С.8].

Примечательно, что и в татарских загадках о звездах прослеживается идентичная гастрономическая аллюзия рассыпанного проса, что так же можно рассматривать как проявление признаковой детерминанты тюркских языков: *Өй башына тары сиптем* [13. С. 22].

В испанских загадках звезды чаще всего сравниваются с фундуком (исп. *avellana*): *Una fuente de avellanas/ Se llena y no se derrama* [16. С. 47].

Нами было найдено несколько вариаций загадок с лексемой *avellana* «фундук», при этом используются различные по значению, но схожие по звучанию слова: *fuelle de avellanas* «фонтан полный фундука», *puente de avellanas* «мост из фундука». Антропоморфный код наблюдается в испанских загадках, где небесные светила уподобляются прекрасным дамам, что можно расценивать как куртуазный код испанской лингвокультуры: *¿Qué damas bonitas Salen por las noches/ Y, al llegar la aurora, En alto se esconden?* [16. С. 48].

Таким образом, тюркская мифопоэтическая традиция дает сходные тувинские и татарские образы звезд в загадках. Событийность флективных русского и испанского языков показывает интересный репертуар этноспецифических образов, в частности овец в русском, фундука и дамы в испанском материале.

Тень

Во всех четырех лингвокультурах загадки про тень сводятся к описанию ее как безмолвного, бесшумного биоморфного существа без ног, но способного передвигаться:

*Көөрге — көскү,
Тударга — туттунмас,
Амызы чок — ады бар* [12. С. 12].

В татарской традиции, как в тувинской и в русской, тень загадывается как явление, сопровождающее нас, но в то же время неуловимое:

*Көн куарсың, төн куарсың,
Ай куарсың, ел куарсың, —
Барыбер житә алмасың* [13. С. 19].
Аналогично в русском материале:
*Ходит без ног,
Рукава — без рук,
Уста без речи* [15. С. 307].

Испанские загадки про тень выделяются большей вариативностью и низыванием ассоциаций. Коммуникативно-функциональный стержень как русских, так и испанских загадок о тени тяготеет к описанию событий появления тени. Например, в испанском тексте тень загадывается как явление, ходящее по воде и при этом не мокнущее:

*Entro el agua y no me mojo,
entro al fuego y no me queto,
de arriba llueve y de abajo crece,
cortarla no pude, ¿qué te parece?* [16. С. 56].

Испанские загадки про тень оказываются линейно протяженными и подробными. Возможно, внимание испанцев к тени обусловлено климатическими условиями, когда при жаре тень является естественным спасением.

Примечательно, что в тувинском фольклоре, в отличие от русского и испанского, зоометафора «черная корова/бык» используется для обозначения тени, а не ночи: *Кара бугам өг долганды* [12. С. 12].

Итак, загадки про тень рисуют ее как биоморфную сущность и показывают наибольшее число образцов в испанском материале.

Ветер

Загадки про ветер богаты на метафоры и национально-специфичные образы. В тувинских загадках появляется лексема «сараакай», что обозначает карточную масть трефы [12. С. 18].

В одной из тувинских загадок ветер ассоциируется со «страшным ламой» — религиозным учителем в буддизме, характеристика которого как «страшиного» создает интенсивное признаковое свойство ветра: *Дагда дадай лама* [12. С. 18].

Тувинские загадки обнаруживают зооморфный код ассоциаций ветра с конем, одним из самых мифологизируемых животных, при этом конь оказывается без гривы и хвоста:

*Челер-челер боорда,
Чел, кудуруу чок,
Маңнаар-маңнаар боорда,
Макпалчыы чок* [12. С. 18].

В другом образце ветер предстает как витальное существо «сумеречно-черный силач», однако не уточняется его антропоморфный или зооморфный образ:

*Көөрге — көзүлбес,
Тударга — туттунмас,
Имиртиң кара мөге* [12. С. 18].

В татарских загадках ветер описывается как существо без головы, рук и ног, но тем не менее, биоморфное: *Аягы да юк, башы да юк, Үзе жұлдереп йөри* [13. С. 31]. Загадка *Кулсыз-аяксыз тарәзә кага* (Без рук-без ног, а стучит) является аналогом следующей русской загадки о ветре:

*Без рук, без ног
Под окном стучится
В избу просится*⁷.

В русском фольклоре ветер описывается по производимому действию-событию, при этом частотны глаголы, выражающие событийность, в соответствии с событийной детерминантой русского языка:

*Без рук, без ног, а ворота открывает;
Свищет, гонит, вслед ему кланяются* [31. С. 51].

Разрушительное действие ветра (в тексте два загадываемых денотата: *ветер* и *дым*) обнаруживаем в загадке:

*Пришел вор
Во двор,
Хозяина во двор унес* [15. С. 290].

По мнению В.В. Митрофановой, загадок, где ветер сравнивается с конем, мало [31. С. 51], однако в нашей картотеке есть такой интересный образец:

У батюшки жеребец — всему миру не сдержать [14. С. 224].

Самую негативную, на наш взгляд, окраску ветер получает в испанских загадках. В Испании часты ветра, которые считаются опасными и разрушительными, что отражается в испанских загадках, где подробно описываются события, в соответствии с событийной детерминантой, по Г.П. Мельникову, флективных языков. Например:

*Do y vida y puedo matar;
No hay quien me gane a correr;
Siempre te estoy azotando,
Y nunca te puedes ver* [16. С. 58].

В четырех лингвокультурах ветер олицетворяется. В тувинских и татарских загадках ветер описывается через признаки и качества, в русских и испанских — через проявления и действия ветра. Сравнение ветра с карточной мастью, не отмеченное в трех других лингвокультурах, становится лингвокультурологически значимым в тувинском материале.

⁷ Режим доступа: <https://spanwords.info/answer.php?key=1eb41c0b76b8acbf5908d8257c61260&id=432220> (дата обращения: 12.12.2021).

Дождь/ливень

В тувинском языке дождь, как и ветер, предстаёт скакуном:

*Шаап-шаап,
Шатта кирди,
Челип-челип,
Черде кирди [12. С. 20].*

Помимо этого, дождь загадывается через признаки, которые спасают человека от жары в степи:

*Дериткен кижии дээр манады,
Суксаан кижии суксун манады [12. С. 21].*

В татарских загадках, как и в русских, нередко описывается персонифицируемое вертикальное движение дождя сверху вниз: *Куктән килде, жиргә китте [13. С. 36].* Сравним русский образец: *Шел долговяз, / В землю увяз [15. С. 305].*

Значимость дождя для урожая отражает русская загадка, где зафиксированы сразу три вопроса:

*Один льет,
Другой пьет,
Третий зеленеет да растет [15. С. 298].
(Дождь, земля, растения).*

В испанском фольклоре существуют как простые загадки для детей про дождь, так и более сложные для отгадывания загадки, включающие, например, сравнение с Богом:

*Millones de soldaditos
Van unidos a la guerra,
Todos arrojan sus lanzas
Que caen de punta a la tierra [16. С. 50].
De la tierra subí al cielo,
Del cielo bajé a la tierra;
No soy Dios, y sin ser Dios,
Como al mismo Dios me esperan [16. С. 45].*

Дождь во всех четырех лингвокультурах предстает как биоморфная сущность, при этом тувинские и татарские загадочные тексты фиксируют внимание на качествах дождя, а русские и испанские — на его событийном проявлении.

Снег/лёд

Исследование показало, что загадки про снег и лёд характерны для тувинской, татарской и русской лингвокультур, тогда как в испанской лингвокультуре они не находят отражения из-за климатических условий. Самое большое количество загадок про снег нами было найдено в тувинском и русском материале. В тувинских загадках так же, как и в случае с ветром, используется образ скакуна, но его масть «белая-пребелая», т.е. вновь обнаруживаем качественную, по Г.П. Мельникову, детерминанту: *Маңган асқыр маңнап келди, Бараан чылгы түлей берди* [12. С. 14].

В тувинских загадках примечательно использование местных реалий рельефа, например, степи: *Ак ширтек хову шыпты* [12. С. 14].

Внимание к деталям, созвучное качественной детерминанте тюркских языков, наблюдается в загадках про идущий хлопьями снег и заснеженный в лесу пенёк, которые загадываются как «снежные бабочки» и «белоголовый старик» [12. С. 15].

В тувинском и русском языках встречаются практически одинаковые загадки про снег и его свойство таять:

*Ужуп чорааш — ыттавас,
Удуп чыткаш — ыттавас,
Оттуп келгеш — мөөрөп үнер* [12. С. 16].

В русском фольклоре отметим использование в загадке важнейших событий жизненного цикла:

*Летит — молчит,
Лежит — молчит,
Когда умрет,
Тогда заревет* [15. С. 306].

Внимание к деталям и точнейшим качествам природных явлений прослеживается в тувинской загадке, где денотатом выступает «таяние снега весной», не характерное для других исследуемых нами лингвокультур:

*Чадып каан хөвөңимни
Чабырааш чип бар чыдыр* [12. С. 16].

В татарской лингвокультуре популярна следующая загадка про лёд:

*Тышка куйдым — таи булды,
Өйгә керттем — су булды* [13. С. 42].

Для природно-географических условий Испании снег характерен для горных цепей. В сборнике загадок Хосе Луиса Гарфера и Кончи Фернандес нет ни одного образца про снег. Представленные на сайтах испанские загадки про снег связывают его с волшебством:

¿Qué tipo de magia es esta? Corrientes de arroyos de cisne por el río8.

Итак, загадки о снеге и льде как об обыденном природном явлении характеризуют тувинскую, татарскую, русскую лингвокультуры, с тяготением к подробному описанию признаков в тувинском и татарском материале и сосредоточении на событийности, в русском. В тувинских загадочных текстах примечательны фиксирующие внимание к деталям развёрнутые отгадки. В испанском фольклоре снег предстает как магия.

Заключение

Впервые на материале текстов загадок для тувинской, татарской, русской и испанской лингвокультур предложен опыт контрастивного описания девяти природных явлений, с использованием интерпретации особенностей поэтики. Загадки о природных феноменах и явлениях: *солнце, луне/месяце, дне, ночи, звездах, тени, ветре, дожде, снеге*, – есть во всех четырех лингвокультурах, однако, как и следовало ожидать, их представление окрашено этноспецифически и обусловлено типологически, так как тувинская и татарская лингвокультуры тяготеют к фокусированию на признаках и качествах денотатов в загадках, созвучном признаковой (качественной) детерминанте, тюркских языков; а русский и испанский материал проявляет тяготение к событийности, в соответствии с событийной детерминантой флективных языков, по Г.П. Мельникову.

Во всех четырех лингвокультурах природные явления персонифицируются, им приписываются свойства особо значимых в повседневной жизни животных (ср. образ *скакуна* в тувинской культуре), драгоценных металлов (*золото* в тувинских, татарских, русских, испанских загадках о солнце), либо артефактов гастрономического кода (*просо* в тувинской и татарской лингвокультурах, *фундук* в испанской лингвокультуре). Обозначенные явления природы могут комбинироваться в одном и том же тексте, и эта комбинаторика также окрашена этнолингвистически. Только в тувинском материале в тексте загадки обнаружена комбинация денотатов «*солнце*», «*снег*», «*лёд*». Структура отгадок обеспечивается в объеме от одного компонента (обнаружено во всех четырех лингвокультурах) до детализированной отгадки типа «*заходящее солнце*», «*идуций хлопьями снег*», что особо характеризует тувинскую фольклорную традицию на исследованном языковом и лингвокультурологическом фоне и явно проявляет типологическую качественно-признаковую детерминанту тюркских языков.

В контрастивном плане образам природы в текстах загадок свойственна лакунарность: загадки о снеге типичны для тувинской, татарской и русской

⁸ Режим доступа: <https://irgp2.ru/es/zagadki-pro-sneg-zagadki-pro-sneg-zagadka-snezhnyi-kom/> (дата обращения: 12.12.2021).

лингвокультур и крайне скудны в испанской, где снегу приписывается код волшебства и магии; в тувинском материале значимо сравнение ветра с карточной мастью, не отмеченное в трех других лингвокультурах.

Сходные образы могут применяться в отношении различных денотатов; так, в тувинском материале, в отличие от русского и испанского, зоометафора «*черная корова/черный бык*» используется в загадках о тени, а не ночи.

Во всех исследованных фольклорных текстах загадки о природе как о вечной сущности эстетически окрашены, содержат много неожиданных для инофона образных, поэтических и фактических деталей, что и делает тексты загадок привлекательным как для детей и взрослых, так и для исследователей — филологов, культурологов.

Неоценимо значение загадки в сохранении культурной памяти этноса, развитии лингвистической эрудиции студентов гуманитарных специальностей, что по сей день остается лакуной в лингводидактике иностранных языков, частной филологии, курсах по теории языка, лингвокультурологии, по лингвистической семантике и поэтике.

Контрастивное изучение загадок в четырёх лингвокультурах выявило не только их этноспецифику, но и особенности формирования образности, что задаёт новые ракурсы изучения загадок в различных национально-культурных и коммуникативных контекстах и ситуациях.

Библиографический список

1. *Даль В.И.* Пословицы, поговорки и присловья русского народа. М.: Эксмо, 2000.
2. *Топоров В.Н.* Второе происхождение — загадка в ритуале (ведийская космологическая загадка типа *brahmodya*: структура, функция, происхождение // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. М.: Индрик. 1999. С. 8–53.
3. *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.: Гл. ред. восточной литературы, 1976.
4. *Красных В.В.* Основные постулаты и некоторые базовые понятия лингвокультурологии // Русский язык за рубежом. 2011. № 4 (227). С. 60–66.
5. *Абдрашитова М.О.* Миромоделирующая функция жанра загадки в фольклорном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012.
6. *Ковшова М.Л., Орлова О.С.* Когнитивный анализ загадок и культурологический комментарий: опыт исследования // Когнитивные исследования языка. Вып. № 2 (41): Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и смежных науках: современные проблемы и методология исследования: материалы X Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 17–20 сентября 2020 г. / отв. ред. вып. А.П. Чудинов. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020. С. 97–101.
7. *Медведева Е.С., Чеснокова О.С.* Лингвокогнитивный анализ испанских загадок о животных // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 13 (829). С. 59–71.
8. *Мугтасимова Г.Р.* Этнокультурные особенности татарских загадок // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 7 (18) часть 2. С. 144–147.

9. Лазарева О.В. Языковая личность: результаты и перспективы исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 229–237. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-229-237>
10. Орлова О.С. Принцип непрямого номинации в загадках и эвфемизмах на тему рождения и смерти. Дис. канд. филолог. наук. М.: Ин-т языкознания РАН, 2021.
11. Medvedeva E. Linguosemiotic Analysis of Spanish Animal Riddles. Linguosemiotic Analysis of Spanish Animal Riddles. Режим доступа: <https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2020.12.02.76> (дата обращения: 24.01.2022). <https://www.doi.org/10.15405/epsbs.2020.12.02.76>
12. Тувинские загадки = Тывы тывызыктар: Сборник/ (Сост. Г.Н. Курбатский). Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2002.
13. Татар халык табышмаклары / (төз. һәм кереш Т23 сүз авт. Х. Мәхмүтов). Татар. кит. Нәшр, 2014.
14. Соколов Ю.М. Русский фольклор. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1941.
15. Русский фольклор. Сборник мифов, былин, сказок, песен, загадок, пословиц и поговорок/ Составление, вступ. Статья и комментарии В. Модестова. М.: Худож. лит., 2007.
16. Garfer, José L., Fernández, Concha. Adivinancero antológico español. Ponferrada: Ediciones del Prado, 1994.
17. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
18. Ламажжаа Ч.К. Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 178–194. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>
19. Самдан З.Б. Миф в фольклорной традиции тувинцев: (формы бытования, сюжетный состав, система персонажей). Новосибирск: Наука, 2016.
20. Курбатский Г.Н. Тувинцы в своем фольклоре: Историко-этнографические аспекты тувинского фольклора. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2001.
21. Михальченко В.Ю. Языковая ситуация и языковая политика в современной России // Языковая ситуация в Европе начала XXI века: Сб. обзоров. М.: РАН ИНИОН, 2015. С. 14–31.
22. Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимовлияния: монография под ред. Н.В. Уфимцевой. М.: РФФИ, 2017.
23. Татарская нация: история и современное развитие/ научн. редактор и сост. Д.М. Исхаков. Казань, 2002.
24. Теляшов Р. Татары и русские: историко-лингвистические размышления. СПб., 2014.
25. Шихаб К., Еникеев Г.Р. Наследие татар. М.: Алгоритм, 2017.
26. Fuentes C. El Espejo enterrado. Madrid, 1997.
27. Pérez-Reverte A. Una historia de España. Madrid: Alfaguara, 2019.
28. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Азбука, 2019.
29. Мельников Г.П. Системная типология языков. Курс лекций. М.: РУДН, 2000.
30. Бахтикиреева У.М., Валентинова О.И., Рыбаков М.А. Факторы типологической комплексности славянских и тюркских языков в свете системной лингвистики и этнологии // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2019. № 3. С. 21–30. <https://www.doi.org/10.20339/PhS.3-19.021>
31. Митрофанова В.В. Русские народные загадки. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978.

References

1. Dal', V.I. (2000). *Proverbs of the Russian people*. Moscow: Eksmo. (In Russ.).
2. Toporov, V.N. (1999). The second origin is a riddle in ritual (Vedic cosmological riddle of the brahmodya type: structure, function, origin. In: *Studies in the field of Balto-Slavic spiritual culture. A riddle as a text*. Moscow: Indrik. pp. 8–53. (In Russ.).

3. Propp, V.Ya. (1976). *Folklore and Reality*. Moscow. (In Russ.).
4. Krasnykh, V.V. (2011). Fundamental Postulates and Some Basic Terms of Linguo-Culture Studies. *Russian language abroad*, 4 (227), 60–66. (In Russ.).
5. Abdrashitova, M.O. (2012). *The world-modeling function of the riddle genre in folklore discourse [dissertation]*. Tomsk. (In Russ.).
6. Kovshova, M.L. & Orlova, O.S. (2020). Cognitive analysis of riddles and cultural comment: research experience. *Cognitive Studies of Language*. Vol. 2 (41): Cognitive and discursive paradigm in linguistics and related sciences: current problems and research methodology. Papers of the X International Congress on Cognitive Linguistics September 17–20, 2020, Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 97–101. (In Russ.).
7. Medvedeva, E.S., Chesnokova O.S. (2019). Linguocognitive analysis of spanish animal riddles. *Vestnik of Moscow state linguistic university. Humanitarian sciences*. Vol. 13 (829). S. 59–71. (In Russ.).
8. Mugtasimova, G.R. (2012). Ethno-cultural features of tatar riddle. *Philology. Theory & Practice*. № 7 (18). 2. S. 144–147. (In Russ.).
9. Lazareva, O.V. (2021). Language Personality: Results and Prospects of the Study. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 229–237. (In Russ.). <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-229-237>
10. Orlova, O.S. (2021). *The principle of indirect nomination in riddles and euphemisms on the topic of birth and death [dissertation]*. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN. (In Russ.).
11. Medvedeva, E. (2022). *Linguosemiotic Analysis of Spanish Animal Riddles*. URL: <https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2020.12.02.76> (accessed: 24.01.2022) 10.15405/epsbs.2020.12.02.76
12. Tuvinskie zagadki = Tyvy tyvyzyktar: Sbornik (2002). G.N. Kurbatskiy (Ed.). Kyzyl: Tuvinskoje izdatel'stvo. (In Russ.).
13. Tatar national riddles (2014). (təz. həm keresh T23 syz avt. KH. Məkhmytov). Tatar. kit. nəshr.
14. Russian folklore (1941). Yu.M. Sokolov (Ed.). Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Nrkompromsa RFSRS. (In Russ.).
15. Russian folklore (2007). Collection of myths, epics, fairy tales, songs, riddles, proverbs and sayings, V. Modestov (Ed.). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
16. Garfer, J.L. & Fernández, C. (1994). *Adivinancero antológico español*. Ponferrada: Ediciones del Prado. (In Spanish).
17. Bakhtin, M.M. (1986). *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.).
18. Lamazhaa, Ch.K. (2021). Tuva as a limitrophe zone: language, religion and people's identity. *New Research of Tuva*, 3, 178–194. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.14> (In Russ.).
19. Samdan, Z.B. (2016). *Myth in the folklore tradition of Tuvinians: (forms of existence, plot composition, character system)*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
20. Kurbatskiy, G.N. (2001). *Tuvans in their folklore*. Kyzyl: Tuvinskoje izdatel'stvo. (In Russ.).
21. Mikhail'chenko, V.Yu. (2015). Language situation and language policy in modern Russia. In: *The language situation in Europe at the beginning of the XXI century: Collection of reviews*. Moscow. pp. 14–31. (In Russ.).
22. Regional linguistic consciousness of Komi, Russians, Tatars: problems of mutual influence (2017). N.V. Ufimtseva (ed.). Moscow. (In Russ.).
23. The Tatar nation: history and modern development (2002). D.M. Iskhakov (Ed.). Kazan. (In Russ.).
24. Telyashov, R. (2014). *Tatars and Russians: historical and linguistic reflections*. Saint-Petersburg. (In Russ.).
25. Shihab, K. & Enikeev, G.R. (2017). *Tatar heritage*. Moscow: Algorithm. (In Russ.).
26. Fuentes, C. (1997). *El Espejo enterrado*. Madrid.
27. Pérez-Reverte, A. (2019). *Una historia de España*. Madrid: Alfaguar.
28. Gumilev, L.N. (2019). *Ethnogenesis and the Biosphere*. Saint-Petersburg: Azbuka. (In Russ.).

29. Mel'nikov, G.P. (2000). *Systemic typology of languages*. Textbook. Moscow: RUDN Publ. (In Russ.).
30. Bakhtikireeva, U.M., Valentinova, O.I. & Rybakov, M.A. (2019). The factors of Slavic and Turkic languages typological complementary in the light of systemic linguistics and ethnology. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 3, 21–30. <https://www.doi.org/10.20339/PhS.3-19.021> (In Russ.).
31. Mitrofanova, V.V. (1978). *Russian national riddles*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).

Информация об авторах:

Чеснокова Ольга Станиславовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН; *сфера научных интересов*: вариативность испанского языка (лексика, семантика, фразеология), межкультурная коммуникация, переводоведение, семиотика художественного текста, ономастика. *e-mail*: chesnokova-os@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0001-7025-4098 eLIBRARY SPIN-код: 6485-4278.

Усманов Тимур Фазлитдинович, аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН, *e-mail*: timur.usmanov25@gmail.com

Information about the authors:

Olga S. Chesnokova, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages, Philological Faculty, RUDN University, Moscow; *research interests*: variation of Spanish (vocabulary, semantics, phraseology), translation studies, literary text semiotics, onomastics. *e-mail*: chesnokova-os@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0001-7025-4098. eLIBRARY SPIN-code: 6485-4278.

Timur F. Usmanov, PhD student of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University; *e-mail*: timur.usmanov25@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-502-517

UDC [811.161.1:811.581]367.624

Research article / Научная статья

Comparative Analysis of the Russian Adverb *чрезвычайно* and the Chinese Adverb 非常 in the Meaning of ‘extremely’

Jin Lian¹, Olesya V. Lazareva¹ , Olga S. Lazareva²

¹Peoples' Friendship University of Russia,
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation, 117198

²Centre of Sports and Education “Sambo-70” of Committee
of Physical culture and sport of Moscow,
4B, Academic Vinogradov st., Moscow, Russian Federation, 117133

 lazareva-ov@rudn.ru

Abstract. The research is devoted to an actual topic — a comparative description of adverbs of degree and measure in the Russian and Chinese languages. The object of the comparative analysis of this study is the adverbs of degree and measure of the Russian and Chinese languages *чрезвычайно* [chrezvychayno] and 非常 [fēicháng] ‘extremely’. The subject of the study is the similarities and differences in the field of pragmatics and semantic compatibility of the adverbs *чрезвычайно* [chrezvychayno] and 非常 [fēicháng] ‘extremely’. The purpose of this work is to reveal semantic and pragmatic properties of the adverbs *чрезвычайно* [chrezvychayno] and 非常 [fēicháng] ‘extremely’. The article involves the following methods: descriptive method, observation method, comparative analysis method, example confirmation method. The scientific novelty of the research lies in the fact that in a comparative study of adverbs *чрезвычайно* [chrezvychayno] and 非常 [fēicháng] in the strong meaning ‘extremely’ in Russian and Chinese has not been previously carried out. Based on the analysis of theoretical provisions and linguistic material derived from the National Corpus of the Russian Language and Chinese fiction, as well as explanatory dictionaries of Russian and Chinese, we can conclude that despite the coincidence of the semantics of the adverbs *чрезвычайно* [chrezvychayno] and 非常 [fēicháng] ‘extremely’ their usage varies. To avoid mistakes, it is necessary to take into account the similarities and differences in the field of semantic compatibility and pragmatics of these adverbs. The study can be useful in teaching Russian as a foreign language and theory and practice of translation from Chinese into Russian and vice versa.

Keywords: adverb, adverbs of degree and measure, comparative analysis, semantic compatibility, pragmatics, Russian language, Chinese language

Article history:

Received: 01.09.2021

Accepted: 01.12.2021

© Jin Lian, Lazareva O.V., Lazareva O.S. 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

For citation:

Jin, Lian, Lazareva, O.V. & Lazareva, O.S. (2022). Comparative Analysis of the Russian Adverb *чрезвычайно* and the Chinese Adverb 非常 in the Meaning of ‘extremely’. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), 502—517. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-502-517>

Сопоставительный анализ русского наречия *чрезвычайно* и китайского наречия 非常

Цзинь Лянь¹, О.В. Лазарева¹ , О.С. Лазарева²

¹Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

²«Центр спорта и образования «Самбо-70» Москомспорта,
117133, Российская Федерация, Москва, ул. Академика Виноградова, 4Б

lazareva-ov@rudn.ru

Аннотация. Работа посвящена актуальной теме — сопоставительному описанию наречий меры и степени в русском и китайском языках. Объектом сравнительного анализа данного исследования являются наречия меры и степени русского и китайского языков *чрезвычайно* и 非常 [фэй чан] ‘чрезвычайно’. Предмет исследования — сходства и различия в области прагматики и семантической сочетаемости наречий *чрезвычайно* и 非常 [фэй чан] ‘чрезвычайно’. Цель данной работы — выявить семантические и прагматические свойства наречий *чрезвычайно* и 非常 [фэй чан] ‘чрезвычайно’. В статье применялись следующие методы: описательный метод, метод наблюдения, метод сопоставительного анализа, метод подтверждения примером. Научная новизна исследования состоит в том, что сопоставительном исследовании наречий со значением высокой степени *чрезвычайно* и 非常 [фэй чан] ‘чрезвычайно’ в русском и китайском языках ранее не проводились. На основе анализа теоретических положений и языкового материала, взятого из Национального корпуса русского языка и китайской художественной литературы, а также толковых словарей русского и китайского языков, можно сделать вывод о том, что несмотря на совпадения семантики наречий *чрезвычайно* и 非常 [фэй чан] ‘чрезвычайно’, их употребление различается. Во избежание ошибок необходимо учитывать сходства и различия в области семантической сочетаемости и прагматики данных наречий. Исследование может быть полезным при преподавании русского языка как иностранного, а также в теории и практике перевода с китайского языка на русский язык и с русского на китайский язык.

Ключевые слова: наречие, наречие меры и степени, сопоставительный анализ, семантическая сочетаемость, прагматика, русский язык, китайский язык

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2021

Дата приема в печать: 1.12.2021

Для цитирования:

Jin Lian, Lazareva O.V., Lazareva O.S. Comparative Analysis of the Russian Adverb *чрезвычайно* and the Chinese Adverb 非常 in the Meaning of ‘extremely’ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 502—517. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-502-517>

Introduction

A comparative study of adverbs in Russian and Chinese has been carried out in a number of linguistic works. Interest in considering an adverb in a comparative aspect is associated with a number of reasons, primarily with the fact that in the field of adverbialization there are several similar features of the two languages under consideration. Thus, for example, in Russian and Chinese, adverbs are described as belonging to the class of derived or non-derived units. Derived adverbs in both compared languages are mainly formed from adjectives and nouns — a suffixal way for this group in both languages.

It is known that the Chinese language differs from the Russian language in a number of grammatical features at the level of morphology and at the level of syntax. The Chinese language is characterized by the economy of grammatical means, which is manifested in various aspects of the grammatical structure of the Chinese language. This is also seen on the example of adverbs in the works of Russian and Chinese scientists. L.V. Adamchuk conducted a study of the classification of adverbs of degree and measure, which shows the principles of singling out an adverb as a part of speech according to the syntactic criterion, describes the similarities of the functioning of adverbs in the Chinese language in comparison with the Russian language and considers grammatical characteristics of adverbs [1]. Zhao Meng's research shows that adverbialization in Chinese is characterized by a tendency for forms that perform the functions of modifiers in a sentence to acquire adverbial meanings, which are subsequently assigned to them due to regular use in speech. Gradually, they pass the stage of isolation from the original part of speech, undergo significant grammatical and semantic changes, and thus turn into adverbs [2]. He Ping conducted a semantic description of adverbs of degree and measure in Russian using the example of adverbs *чрезвычайно* [chrezvychayno] 'extremely', *очень* [ochen'] 'very' and *весьма* [ves'ma] 'notably' and pointed out that in most cases they can be replaced in a sentence with each other, however, there are differences between them in terms of semantics: *очень* [ochen'] 'very' gives an objective assessment and *чрезвычайно* [chrezvychayno] 'extremely' and *весьма* [ves'ma] 'notably' give very subjective assessment [3]. Jia Xiaoxu compared the definition and classification principles of degree and measure adverbs in two languages, in which he divided them into quantitative, comparative and subjective. Comparing adverbs of degree and measure in Chinese and Russian, Jia Xiaoxu found that there is not much difference in meaning between them and noted that adverbs of degree and measure in Chinese can be combined with nouns, which is not possible in Russian [4]. Zhang Yuehong describes the dialects of the Chinese language from the point of view of the theory of Moscow Semantic School and explores the semantic scope of Chinese dialects. The semantic scope, according to the author of the work, is a generalized concept of octant as applied to predicates in a broad sense, which include some valences in their semantic structure. The semantic

sphere of a lexeme, according to a certain valence, is a fragment of the meaning of a sentence that fills this valency [5].

Thus, today a grammatical theory of adverbs is being created, in which a comparative description of adverbs of degree and measure in Russian and Chinese is relevant. An accurate understanding of the semantics of the adverb is important for interpreting the meaning of the entire sentence as a whole and for describing the semantic relationship between the adverb and the central predicate of the sentence.

The theoretical and methodological basis of the study were the works of the following Russian and Chinese linguists: L.V. Adamchuk [1], Zhao Meng [2], He Ping [3], Jia Xiaoxu [4], Zhang Yuehong [5], N.Yu. Shvedova [6], V.A. Beloshapkova [7], S.A. Grigorieva [8], Li Quan [9], Yang Zhongxiang [10], Zhang Guibin [11], Zhou Xiaobing [12], V.I. Gorelov [13], T.F. Efremova [14], Huang Ying [15], Lu Danjing [16], Xi Lusheng, Mao Diguang [17], O.N. Lyashevskaya, S.A. Sharov [18], S.I. Ozhegov [19], Zhang Yisheng [20], Huang Yujiao [21], Chen Jinxiang [22], E.N. Vinogradova, L.P. Klobukova [23], Li Yuming [24], etc.

Definition and classification of adverbs of degree and measure in Russian and Chinese

Adverbs of degree and measure play an important communicative role in expressing modifier meanings, the degree of expressiveness of the action; they obviously increase the information capacity of the narrative without significantly expanding the volume of the message. When studying adverbs of degree and measure in Russian and Chinese, it is necessary to first consider their definition and classification.

Adverbs of degree and measure mainly express the intensity of the manifestation of a feature and usually define an adjective or an adverb, therefore they belong to the category of qualitative adverbs, for example: *очень* [ochen'] 'very', *слишком* [slishkom] 'too', *абсолютно* [absolyutno] 'absolutely', *совершенно* [sovershenno] 'completely', *чересчур* [chereschur] 'too much', *чуть-чуть* [chut'-chut'] 'just a little', *немного* [nemnogo] 'a little', etc. [6. P. 864]. This category of adverbs also includes the adverbs studied in this work *чрезвычайно* [chrezvychayno] and *非常* [fēicháng] 'extremely'.

Adverbs of degree and measure indicate the quantity, measure or degree of expression of a feature. In other words, they can be called quantitative adverbs. They answer the questions: *to what extent? how much? how many? in what degree?* etc. Adverbs with the meaning of degree and measure can be combined with verbs, adjectives and adverbs [6. P. 515].

V.A. Beloshapkova distinguished two categories of adverbs of degree and measure: 1) with intense meaning: *весьма* [ves'ma] 'notably', *слишком* [slishkom] 'too', *очень* [ochen'] 'very', *чрезвычайно* [chrezvychayno] 'extremely', etc. 2) with a weakened meaning: *чуть-чуть* [chut'-chut'] 'just a little', *почти* [pochti] 'almost',

etc. [7. P. 519]. S.A. Grigorieva divided adverbs of degree and measure into three categories based on the concept of norm: 1) less than normal: *мало* [malo] ‘little’, *чуть* [chut’] ‘slightly’, etc.; 2) normal: *достаточно* [dostatochno] ‘enough’, *довольно* [dovol’no] ‘quite’, etc.; 3) more than normal: *крайне* [krayne] ‘utterly’, *очень* [ochen’] ‘very’, *чрезвычайно* [chrezvychayno] ‘extremely’, etc. [8].

As for the definition of adverbs of degree and measure in Chinese, Li Quan believes that adverbs of degree and measure indicate the degree of manifestation of a feature and define only qualitative adjectives, verbs denoting a mental state, or verb-object constructions. For example: *非常新鲜* [fei chang xin xian] ‘extremely fresh’, *很后悔* [hěn hòuhuǐ] ‘very sorry’, *有点气人* [yǒudiǎn qì rén] ‘a little annoying’, etc. [9. P. 87]. Yang Zhongxiang believes that the semantic feature of adverbs of degree and measure is the expression of the degree of manifestation of a feature or certain actions [10. P. 78].

Zhang Guibin and Zhou Xiaobing classified adverbs of degree and measure in more detail. Zhang Guibin divided adverbs of degree and measure into four categories: *超高级* [chāo gāojí] ‘super high’, for example: *最* [zuì] ‘the most’; *极高级* [jí gāojí] ‘high’, for example: *更* [gèng] ‘more’; *次高级* [cì gāojí] ‘lower than high, but higher than low’, for example: *非常* [fēicháng] ‘extremely’; *较低级* [jiào dī jí] ‘low’, for example: *稍* [shāo] ‘just a little’ [11. P. 93].

Zhou Xiaobing believes that adverbs of degree and measure can be divided into three categories: *程度过头* [chéngdù guòtóu] ‘excessive degree’; *程度高* [chéngdù gāo] ‘medium-high degree’; *程度低* [chéngdù dī] ‘low degree’ [12. P. 101].

Despite the fact that the classifications of adverbs of degree and measure in Chinese and Russian languages differ, they can be roughly divided into three categories: adverbs of low, medium and high degree. In this work, the main attention is paid to the most used adverbs of the high degree of Russian and Chinese languages *чрезвычайно* [chrezvychayno] and *非常* [fēicháng] ‘extremely’ [13. P. 37]. The paper introduces a comparative analysis of their similarities and differences in terms of semantic compatibility and pragmatics.

Comparison of the semantic compatibility of adverbs *чрезвычайно* [chrezvychayno] and *非常* [fēicháng] ‘extremely’

In *New dictionary of Russian language* by T.F. Efremova *чрезвычайно* [chrezvychayno] ‘extremely’ means the manifestation of the highest degree of a feature [14]. In the *Xinghua* Chinese dictionary, the adverb *非常* [fēicháng] ‘extremely’ is also interpreted as an indication of a strong, high degree of manifestation of something [25. P. 126]. It can be considered that the adverbs *чрезвычайно* [chrezvychayno] and *非常* [fēicháng] ‘extremely’ have many similarities, the differences are observed in the semantic compatibility of these adverbs (see Table 1) [10. P. 83–87; 15. P. 215–220].

Table 1 / Таблица 1

**Semantic compatibility of adverbs *чрезвычайно* [chrezvychayno]
and 非常 [fēicháng] ‘extremely’ /
Семантическая сочетаемость наречий *чрезвычайно*
и 非常 [fēicháng] ‘extremely’**

adverb	with quality adjectives	with verbs	with adverbs	with nouns
extremely	beautiful	wish, fear	loudly	–
非常 [fēicháng]] <i>чрезвычайно</i> [chrezvychayno] ‘extremely’	英俊 [yīngjùn] <i>красивый</i> [krasivyy] ‘beautiful’	希望 [xīwàng] <i>желать</i> [zhelat’] ‘wish’; 害怕 [hàipà] <i>бояться</i> [boyat’sya] ‘fear’	大声地 [dàshēng de] <i>громко</i> [gromko] ‘loudly’	绅士 [shēnshi] ‘gentleman’

To conduct a detailed analysis of the compatibility of *чрезвычайно* [chrezvychayno] and 非常 [fēicháng] ‘extremely’, let us consider 18 examples from the national corpora of Russian [26] and Chinese [27].

1. With quality adjectives.

- a) 他大约28岁左右，身材高大，肩膀宽阔，身体健康，**非常英俊**无比。 [tā dàyuē 28 suì zuōyòu, shēncái gāodà, jiānbǎng kuānkùo, shēntǐ jiànkāng, fēicháng yīngjùn wúbǐ] [27]. *Это был очень высокий, широкоплечий, здоровый и чрезвычайно красивый молодой человек, лет 28-ми* [Eto byl ochen’ vysokiy, shirokoplechiy, zdorovyuy i chrezvychayno krasivyy molodoy chelovek, let 28-mi] [26] ‘He was a very tall, broad-shouldered, healthy and **extremely handsome** young man, about 28 years old’.
- b) 需要专门研究一下这个**非常重要**的问题 [xūyào zhuānmén yánjiū yīxià zhègè fēicháng zhòngyào de wèntí] [27]. *Это чрезвычайно важная проблема требует специального изучения* [eto chrezvychayno vazhnaya problema trebuet spetsial’nogo izucheniya] [26] ‘This **extremely important problem requires** special study’.

Чрезвычайно [chrezvychayno] and 非常 [fēicháng] ‘extremely’ can be combined with quality adjectives, but they cannot be used with adjectives that themselves express a high degree of manifestation of a feature or quality: *ярко-красный* [yarko-krasnyy] ‘bright red’, *белоснежный* [belosnezhnyy] ‘snow-white’, 鲜红 [xiānhóng]] ‘bright red’, 雪白 [xuěbái] ‘snow-white’, etc.

2. With verbs.

- 1) *Чрезвычайно* [chrezvychayno] and 非常 [fēicháng] ‘extremely’ can be used with modal verbs such as *wish, need*, etc.
 - a) 我**非常希望**避免进一步的解释，这对你会更有好处 [wǒ fēicháng xīwàng bìmiǎn jìnyībù de jiěshì, zhè duì nǐ huì gèng yǒu hǎochù] [27].

Я чрезвычайно желаю избежать дальнейших объяснений, да и вам это будет выгоднее [ya chrezvychayno zhelayu izbezhat' dal'neyshikh ob'yasneniy, da i vam eto budet vygodneye] [26] 'I **extremely wish** to avoid further explanations, and it will be more profitable for you'.

- b) 据推测, 布尔什维克政府不会持续太久, 移民将返回那个**非常需要**受过法律教育人才的俄罗斯 [jù tuīcè, bù'ershéwéikè zhèngfǔ bù huì chíchù tài jiǔ, yímín jiāng fǎnhuí nàgè fēicháng xūyào shòuguò fǎlù jiàoyù réncái de èluósī] [27]. *Предполагалось, что большевистская власть продержится недолго и эмигранты вернуться в Россию, которая будет **чрезвычайно нуждаться** в юридически образованных людях* [predpolagalos', chto bol'shevitskaya vlast' proderzhitsya nedolgo i emigranty vernutsya v Rossiyu, kotoraya budet chrezvychayno nuzhdat'sya v yuridicheski obrazovannykh lyudyakh] [26] 'It was assumed that the Bolshevik power would not last long and the emigrants would return to Russia, which would **extremely need** legally educated people'.

2) *Чрезвычайно* [chrezvychayno] and 非常 [fēicháng] 'extremely' can be combined with verbs of mental state.

- a) 我**非常害怕**他是个酒鬼 [wǒ fēicháng hàipà tā tā shìgè jiǔguǐ] [27]. *Я **чрезвычайно боюсь**, не пьян ли он?* [ya chrezvychayno boyus', ne p'yan li on] [26] 'I am **extremely afraid** if he is drunk'.
- b) 我们对一切都**非常感兴趣** [wǒmen duì yīqiè dōu fēicháng gǎn xìngqù] [27]. *Нас всё это **чрезвычайно интересует*** [Nas vso eto chrezvychayno interesuyet] [26] 'We are **extremely interested** in all this'. In these examples, *to be afraid* and *to be interested* refer to the verbs of the mental state.

3. With adverbs.

- a) 正是这话, 让商人、仆从等人都笑了, 笑得**非常大声** [zhèng shì zhè huà, ràng shāngrén, pú cóng děng rén dōu xiàole, xiào dé fēicháng dàshēng] [27]. *Это-то и веселило и купца, и лакея, и всех, и они **чрезвычайно громко** и развязно смеялись* [eto-to i veselilo i kuptsa, i lakeya, i vsek, i oni chrezvychayno gromko i razvyazno smeyalis'] [26] 'This amused the merchant, the lackey, and everyone, and they laughed **extremely loudly** and cheekily'.
- b) 新的书籍制作方式传播速度**非常快** [Xīn de shūjí zhìzuò fāngshì chuánbò sùdù fēicháng kuài] [27]. *Новый способ изготовления книг **распространился чрезвычайно быстро*** [Novyy sposob izgotovleniya knig rasprostranilsya chrezvychayno bistro] [26] 'The new way of making books has spread **extremely quickly**'.

Чрезвычайно [chrezvychayno] and 非常 [fēicháng] 'extremely' cannot be used with adverbs of manner, for example: 跑步地 [pǎobù de] 'in a running way', etc.

The analysis of the examples allows us to conclude that the semantic valency of the adverbs *Чрезвычайно* [chrezvychayno] and 非常 [fēicháng] ‘extremely’ almost coincide. However, in China in recent decades, there has been a new trend in the use of the adverb 非常 [fēicháng] ‘extremely’ — in modern Chinese, the phrase 非常 [fēicháng] ‘extremely’ + noun is increasingly common [15. P. 76]. For example: a) nouns denoting a person or place: (1) 非常绅士 [fēicháng shēnshì] ‘very (real) gentleman’ — implies a mandatory set of qualities of a well-mannered, educated and decent person, (2) 非常西方 [fēicháng xīfāng] ‘very western’ — the character of a person is very open or the architecture is very European; b) abstract nouns with qualitative semantics: (3) 非常青春 [fēicháng qīngchūn] ‘very young’. Thus, the speaker expresses more information in a short statement, which is popular among native Chinese speakers, in particular, in the oral speech of the younger generation [16. P. 26]. Whereas the Russian adverb *чрезвычайно* [chrezvychayno] ‘extremely’ is impossible to combine with nouns, since this does not correspond to the accepted rules of word usage.

Comparison of the pragmatics of adverbs *чрезвычайно* [chrezvychayno] and 非常 [fēicháng] ‘extremely’

1. Differences in styles.

The stylistic features of adverbs are reflected in the frequency of their use in oral and written forms. Table 2. *Frequency of use in different styles* combines statistics on the frequency of use of adverbs *чрезвычайно* [chrezvychayno] and 非常 [fēicháng] ‘extremely’ in different styles based on the Frequency Dictionary of the Modern Russian Language [17. P. 682] and the Frequency Dictionary of Modern Chinese [28. P. 862]. The frequency of use is expressed in IPM (instances per million words).

Table 2 / Таблица 2

**Frequency of use in different styles /
Частота использования наречий в разных стилях**

Adverb	Publicistic style (IPM)	Popular scientific style (IPM)	Fiction (IPM)	Colloquial and everyday speech (IPM)
<i>Чрезвычайно</i> [chrezvychayno] ‘extremely’	54.3	53.6	29.0	36.8
非常 [fēicháng] ‘extremely’	60	98	189	37

When comparing the data given in the table, we can see that both adverbs can be used in oral and written speech. The frequency of their use in writing styles varies: *чрезвычайно* [chrezvychayno] ‘extremely’ is often used in newspapers and magazines, and 非常 [fēicháng] ‘extremely’ is often used in fiction.

2. Differences in the distribution by types of sentences (narrative, imperative and exclamatory).

To analyze the use of the considered adverbs in different types of sentences, we have taken examples from literary texts and national corpora of the Russian and Chinese languages.

1) *Чрезвычайно* [chrezvychayno] and 非常 [fēicháng] ‘extremely’ can be used in narrative sentences, for example:

a) 姑姑给侄子留下了一个歇斯底里、**非常不幸**的女人的印象 [gūgū gēi zhízi liú xiàle yīgè xiēsīdǐlǐ, fēicháng bùxìng de nǚrén de yìnxiàng].
*На племянника тётка произвела впечатление женщины истеричной и **чрезвычайно несчастливой*** [na plemyannika totka proizvela vpechatleniye zhenshchiny isterichnoy i chrezvychayno neschastlivoy] [26] ‘The aunt impressed her nephew as a hysterical and **extremely unhappy** woman’.

b) 苏联的金属**非常便宜** [sūlián de jīnshǔ fēicháng piányí] [25]. *Металл в Советском Союзе был **чрезвычайно дешёвый*** [metall v Sovetskom Soyuze byl chrezvychayno deshevyy] [26]. ‘Metal in the Soviet Union was **extremely cheap**’.

The adverbs *чрезвычайно* [chrezvychayno] and 非常 [fēicháng] ‘extremely’ are characterized by a high degree of emotionality: according to the Chinese Xinghua dictionary, the adverb 非常 [fēicháng] ‘extremely’ has an unusual, special and strong emotional connotation [24. P. 127]. The Explanatory Dictionary of the Russian Language also explains the word *чрезвычайно* [chrezvychayno] ‘extremely’ as: unusual, special [18]. Therefore, such assessments as 非常不幸 [fēicháng bùxìng] ‘extremely unhappy’, 非常便宜 [fēicháng piányí] ‘extremely cheap’ have a clear emotional connotation. However, in Chinese comparative sentences we cannot use such adverbs of degree and measure as 非常 [fēicháng] ‘extremely’ [19. P. 244], but in Russian we can, for example: *он **чрезвычайно смелый** по сравнению со мной* [on chrezvychayno smelyy po sravneniyu so mnoy] ‘he is **extremely brave** compared to me’ [25].

2) The adverb *чрезвычайно* [chrezvychayno] ‘extremely’ can be used in imperative sentences, for example: *делай это **чрезвычайно осторожно!*** [delay eto chrezvychayno ostorozhno] ‘do it **extremely carefully**’.

非常 [fēicháng] ‘extremely’ cannot be used in such sentences, since in Chinese adverbs of degree and measure can only be used to determine the real modality, and the imperative sentence is unfulfilled [19. P. 247–249].

3) The adverb 非常 [fēicháng] ‘extremely’ can be used in exclamatory sentences, for example: 种新型的炸弹! 威力**非常大!** [zhǒng xīnxíng de zhàdàn! Wēilì fēicháng dà] [25] ‘a new type of bomb! **extremely powerful!**’.

Thus, there are both similarities and differences in the use of the adverbs *чрезвычайно* [chrezvychayno] and 非常 [fēicháng] ‘extremely’.

3. Differences in function in sentences

Adverbs of degree and measure in Russian mainly indicate various characteristics of actions or states. From a syntactical point of view, the **adverb** *чрезвычайно* [chrezvychayno] ‘extremely’ **acts as a modifier** in sentences, which is a common and frequent occurrence [3]. For example:

- a) *Оценки количественных изменений пространственной мобильности — **чрезвычайно сложная** задача* [otsenki kolichestvennykh izmeneniy prostranstvennoy mobil’nosti — chrezvychayno slozhnaya zadacha] [25] ‘Estimating quantitative changes in spatial mobility is an **extremely difficult** task’.
- b) *У нас оно ничего этого не делает, зато **чрезвычайно активно** вмешивается в экономику, более того — срашивается с ней* [u nas ono nichego etogo ne delayet, zato chrezvychayno aktivno vmeshivayetsya v ekonomiku, boleye togo — srashchivayetsya s ney] [25] ‘In our country, it does nothing of the sort, but it intervenes **extremely actively** in the economy, moreover, it merges with it’.
- c) *Иван Прокофьевич человек крутого характера, но зато редких добродетелей; напротив того, Прокофий Иванович **чрезвычайно любит** редьку с мёдом* [Ivan Prokof’evich chelovek krutogo kharaktera, no zato redkikh dobrodeteley; naprotiv togo, Prokofiy Ivanovich chrezvychayno lyubit red’ku s modom] [25] ‘Ivan Prokofievich is a man of strong character, but rare virtues; on the contrary, Prokofy Ivanovich **extremely loves** radishes with honey’.

In the three sentences above, *чрезвычайно* [chrezvychayno] ‘extremely’ is combined with the adjective *сложная* [slozhnaya] ‘difficult’, the adverb *активно* [aktivno] ‘actively’, the verb *любить* [lyubit’] ‘love’ and serves as a modifier.

The adverb 非常 [fēicháng] ‘extremely’ can be used both as a modifier and as a complement [20].

In modern Chinese, 非常 [fēicháng] ‘extremely’ is used as a modifier and combined with adjectives, verbs, adverbs, and nouns. This adverb can be repeated in a sentence to give expressiveness to the statement and enhance the meaning [21]. For example:

- a) 我们还可以记住一件**非常重要**的事情：物质不是我们内心产生邪恶的根源 [Wǒmen hái kěyǐ jì zhù yī jiàn fēicháng zhòngyào de shìqíng: Wùzhǐ bùshì wǒmen nèixīn chǎnshēng xié’è de gēnyuán] [27]. *И мы можем ещё одно помнить, **чрезвычайно важное**: не тело является причиной и источником зла в нас* [i my mozhem yeshcho odno pomnit’, chrezvychayno vazhnoye: ne telo yavlyayetsya prichinoy i istochnikom zla v nas] [26] ‘And we can remember one more thing, **extremely important**: it is not the body that is the cause and source of evil in us’.
- b) 他不记得果戈理，但他**非常喜欢**休克疗法 [tā bù jìdé guǒ gē lǐ, dàn tā fēicháng xǐhuān xiūkè liáofǎ] [27]. *Гоголя он не помнил, но шоковая тера-*

ния ему **чрезвычайно понравилась** [Gogolya on ne pomnil, no shokovaya terapiya yemu yemu chrezvychayno ponravilas'] [26] 'He didn't remember Gogol, but he **really liked** the shock therapy'.

- c) 别说开车，连大白天走路也变得**非常危险** [bié shuō kāichē, lián dà báitiān zǒulù yě biàn dé fēicháng wéixiǎn] [27]. *Не то, что проехать, пройти даже средь бела дня стало **чрезвычайно опасно*** [ne to, chto proyekhat', proyti dazhe sred' bela dnya stalo chrezvychayno opasno] [26] 'Not only that it has become **extremely dangerous** to pass, even in broad daylight'.
- d) 影片《**非常岁月**》获得了很高的评价 [yǐngpiàn «**fēicháng suìyuè**» huòdéle hěn gāo de píngjià] [27]. *Фильм «Годы» получил высокие оценки* [fil'm «Gody» poluchil vysokiye otsenki] 'The film **Years** received high marks'. Here, the adverb **非常** [fēicháng] is combined with a noun and cannot be translated as 'extremely'.

When using the adverb **非常** [fēicháng] as a complement, its compatibility becomes more limited. It mainly includes words such as: **热闹** [rènao] 'fun', **快乐** [kuàilè] 'happily', **美丽** [měili] 'beautiful(ly)' and other laudatory lexemes [21]. For example:

- a) 宴会上，众宾客齐聚一堂，**热闹非常** [yànhuì shàng, zhòng bīnkè qí jù yītáng, rènao fēicháng]. *На банкете собрались все гости, и было очень **весело*** [na bankete sobralis' vse gosti, i bylo ochen' veselo] [26] 'All the guests gathered at the banquet, and it was a lot of **fun**'.
- b) 多亏你，我们相识，结了婚，**快乐非常** [duōkuī nǐ, wǒmen xiāngshí, jiéle hūn, kuàilè fēicháng]. *Мы познакомились благодаря вам, поженились, живем очень **счастливо*** [my poznamomilis' blagodarya vam, pozhenilis', zhivem ochen' schastlivo] [26] 'We met thanks to you, got married and live very **happily**'.
- c) 坐在隔壁的女人，**美丽非常** [zuò zài gébì de nǚrén, měili fēicháng]. *Женщина, рядом сидящая, очень **красива*** [Zhenshchina, ryadom sidyashchaya, ochen' krasiva] [25] 'The woman sitting next to me is very **beautiful**'.

Analyzing the above examples, we can notice that the adverb **非常** [fēicháng] 'extremely' in Chinese acts as a modifier or object depending on its position in relation to the word it defines: in cases where **非常** [fēicháng] 'extremely' stands before the word being defined, it is a modifier, in cases where **非常** [fēicháng] 'extremely' is after the word being defined it is an object.

In **negative sentences**, the words **不** [bu] 'no' can only be placed after adverbs **非常** [fēicháng] 'extremely' and **非常** [fēicháng] 'extremely' to express a negative emotional coloring [22]. For example:

- a) 他**非常不喜欢**历史上的“理性主义方法” [tā fēicháng bù xǐhuān lìxǐng zhǔyì fāngfǎ] [27]. *Ему **чрезвычайно не нравится** «рационалистический подход» в истории* [yemu chrezvychayno ne nravitsya «ratsionalisticheskiy podkhod» v istorii] [26] 'He **extremely dislikes** (does not like) the “rationalistic approach” in history'.

- b) 必须说，整个动员是**非常不经济的**，而且使人民付出了惨重的代价 [bìxū shuō, zhěnggè dòngyuán shì fēicháng bù jīngjì de, érqiě shǐ rénmin fùchūle cǎnzòng de dàijià] [27]. *Нужно сказать, что вся мобилизация производилась **чрезвычайно не экономно** и стоила народу очень дорого* [nuzhno skazat', chto vsya mobilizatsiya proizvodilas' chrezvychayno ne ekonomno i stoila narodu ochen' dorogo] [26] 'It must be said that the entire mobilization was carried out **extremely uneconomically (not economically)** and cost the people very dearly'.

Thus, the adverbs *чрезвычайно* [chrezvychayno] and 非常 [fēicháng] 'extremely' can be used as modifiers, but 非常 [fēicháng] 'extremely' can also be used as an object.

Conclusion

A comparative study of the adverbs of degree and measure *чрезвычайно* [chrezvychayno] and 非常 [fēicháng] 'extremely' from the point of view of semantic compatibility and pragmatics showed that, although the lexical meaning of these adverbs in dictionaries is the same, they have differences in use.

Semantic compatibility of *чрезвычайно* [chrezvychayno] and 非常 [fēicháng] 'extremely' are practically the same: both adverbs can be used with quality adjectives, adverbs, modal verbs and verbs of mental state, they cannot be used with state adjectives and action adverbs. However, in Chinese there is a tendency to combine 非常 [fēicháng] 'extremely' with nouns, which is impossible in Russian.

Чрезвычайно [chrezvychayno] and 非常 [fēicháng] 'extremely' can be seen in both spoken and written language. The adverb *чрезвычайно* [chrezvychayno] is most common in journalistic style — in newspapers and magazines, and 非常 [fēicháng] 'extremely' — in literary texts. Both adverbs are met in narrative sentences with a pronounced emotional coloring. The difference is that 非常 [fēicháng] 'extremely' can be used in exclamatory sentences, and *чрезвычайно* [chrezvychayno] — in imperatives and in sentences with comparison. From the point of view of syntactic functions, the adverb 非常 [fēicháng] 'extremely' in sentences can act as a modifier and object, while *чрезвычайно* [chrezvychayno] 'extremely' performs only the functions of a modifier. Their use in negative sentences is the same.

Thus, in order to avoid mistakes in the use of these adverbs, it is necessary to know and take into account the differences between them, since they are not equivalent.

Библиографический список

1. Адамчук Л.В. Особенности наречия в русском и китайском языках // Вестник Российско-таджикского (славянского) университета. 2008. № 4. С. 151–154.
2. Чжао Мэн. Процесс адвербиализации в современном русском литературном языке в сопоставлении с китайским языком // Преподаватель XXI века. 2013. № 4–2. С. 336–344.

3. 何平. 俄语程度副词语义研究. 黑龙江大学, 2012. (*Хэ Пинг*. Семантический анализ наречия меры и степени в русском языке. Харбин: изд-во Хэйлуцзянского университета, 2012).
4. 贾晓旭. 汉俄副词对比研究. 黑龙江大学, 2014. (*Цзя Сяоюй*. Сравнительное изучение наречий в китайском и русском языках. Харбин: изд-во Хэйлуцзянского университета, 2014).
5. *Чжан Юехун*. Семантика и сферы действия китайских наречий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 4. С. 145–148. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.30>
6. *Шведова Н.Ю.* Русская грамматика. Синтаксис. М.: Наука, 1980.
7. *Белошапкина В.А.* Современный русский язык. Семантические разряды наречий. М.: Высшая школа, 1989.
8. *Григорьева С.А.* Степень и количество // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М.: изд-во Российского государственного гуманитарного университета, 2001. С. 232–240.
9. 李泉. 从分布上看副词的再分类. 语言研究, 2002. 第2期, 第85–91页 (*Ли Цюань*. Классификация наречий от распределения // Исследование языка. 2002. № 2. С. 85–91).
10. 杨荣祥. 近代汉语副词研究. 北京: 商务印书馆, 2005 (*Ян Жунсян*. Исследование наречий современного китайского языка. Пекин: Коммерческая пресса, 2005).
11. 张桂宾. 相对程度副词与绝对程度副词. 华东师范大学学报, 1992. 第2期, 第92–96页 (*Чжан Гуйбинь*. Относительные и абсолютные наречия меры и степени // Журнал Восточного китайского педагогического университета. 1992. № 2. С. 92–96).
12. 周小兵. 论汉语的程度副词. 中国语文. 1995. 第2. 第100–104. (*Чжоу Сяобин*. О наречиях меры и степени в китайском языке // Китайский язык. 1995. № 2. С. 100–104).
13. *Горелов В.И.* Грамматика китайского языка. М.: Просвещение, 1957.
14. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
15. 黄颖. 新编俄语语法. 北京: 外语教学与研究出版社, 2017. (*Хуан Ин*. Практическая грамматика русского языка. Пекин: Издательство обучения и исследования иностранных языков, 2017).
16. 刘丹青. 语法化中的更新、强化、与叠加. 语言研究, 2001, (2). 第71–81页 (*Люй Данцзин*. Обновление, усиление и наложение в грамматикализации // Исследование языка. 2001. № 2. С. 71–81).
17. *Си Люшэн, Мао Дигуан*. Когнитивный анализ конструкции китайского языка «наречие степени + имя существительное» // Вестник Чжэцзянского института иностранных языков. 2012. № 3. С. 25–29.
18. *Ляшевская О.Н., Шаров С.А.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009.
19. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2005.
20. 张谊生. 现代汉语副词研究. 上海: 学林出版社, 2004. (*Чжан Ишэн*. Исследование современных китайских наречий. Шанхай: издательство Сюе Линь, 2004).
21. 黄誉娇. “非常”与“特别”的多角度分析. 三峡大学学报, 2009. № 1. 第110–112页 (*Хуан Юйцзяо*. Многоаспектный анализ наречий «чрезвычайно» и «особенно» // Вестник университета Санься. 2009. № 1. С. 110–112).
22. 陈金香. 程度副词语义, 句法, 语用研究. 集宁师范学院学报. 2009. № 3. 第33–37页 (*Чэнь Цзиньсян*. Семантические, синтаксические и прагматические исследования наречия меры и степени // Вестник педагогического колледжа Цзинин. 2009. № 3. С. 33–37).
23. *Виноградова Е.Н., Клобукова Л.П.* Грамматика русского предлога: теоретические аспекты // Русистика. 2022. Т. 20. № 1. С. 84–100. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-1-84-100>
24. 李宇明. 程度与否定. 世界汉语教学. 1999. № 1. 第28–35页 (*Ли Юймин*. Степень и отрицание // Преподавание китайского языка в мире. 1999. № 1. С. 28–35).

25. 中国社会科学院语言研究所. 新华字典. 北京: 商务印书馆, 2009. (Научно-исследовательский институт языка Академии общественных наук Китая. Китайский словарь Сихуа). Пекин: Коммерческая пресса, 2009.
26. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/>
27. (дата обращения: 7.07.2021).
28. 国家语委现代汉语语料库 (Корпус современного китайского языка Государственного комитета по работе в области языка и письменности). Режим доступа: <http://www.cncorpus.org/> (дата обращения: 7.07.2021).
29. 北京语言学院语言教学研究所. 现代汉语频率词典. 北京: 北京语言学院出版社, 1986. (Частотный словарь современного китайского языка). Пекин: изд-во Пекинского языкового института, 1986.

References

1. Adamchuk, L.V. (2008). Features of the adverb in Russian and Chinese. *Bulletin of the Russian-Tajik (Slavonic) University*, 4, 151–154. (In Russ.).
2. Zhao, Meng (2013). The process of adverbialization in the modern Russian literary language in comparison with the Chinese language. *Prepodavatel XXI veka*, 4–2, 336–344. (In Russ.).
3. 何平 (2012). 俄语程度副词语义研究. 黑龙江大学. (He, Ping (2012). *Semantic analysis of adverbs of measure and degree in Russian*). Harbin: Heilongjiang University publ. (In Chinese).
4. 贾晓旭 (2014). 汉俄副词对比研究. 黑龙江大学. (Jia, Xiaoxu (2014). *Comparative study of adverbs in Chinese and Russian*). Harbin: Heilongjiang University publ. (In Chinese).
5. Zhang, Yuehong (2019). Semantics and Scope of the Chinese Adverbs. *Philology. Theory & Practice*, 12(4), 145–148. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.30>
6. (In Russ.).
7. Shvedova, N.Yu. (1980). *Russian grammar. Syntax*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
8. Beloshapkova, V.A. (1989). *Modern Russian language. Semantic categories of adverbs*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
9. Grigoryeva, S.A. (2001). Degree and Quantity. In: *Computational Linguistics and Intelligent Technologies*. Moscow: Russian State University for the Humanities publ. pp. 232–240.
10. 李泉 (2002). 从分布上看副词的再分类. 语言研究, 2, 85–91 (Li, Quan (2002). Classification of Adverbs from Distribution). *Language Research*, 2, 85–91. (In Chinese).
11. 杨荣祥 (2005). 近代汉语副词研究. 北京: 商务印书馆. (Yang, Rongxiang (2005). *A study of the dialects of modern Chinese*). Beijing: Commercial Press. (In Chinese).
12. 张桂宾 (1992). 相对程度副词与绝对程度副词. 华东师范大学学报, 2, 92–96 (Zhang, Guibin (1992). Relative and absolute adverbs of measure and degree). *Journal of East China Normal University*, 2, 92–96. (In Chinese).
13. 周小兵 (1995). 论汉语的程度副词. 中国语文, 2, 100–104 (Zhou, Xiaobing (1995). On adverbs of measure and degree in Chinese). *Chinese language*, 2, 100–104. (In Chinese).
14. Gorelov, V.I. (1957). *Grammar of the Chinese language*. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.).
15. Efremova, T.F. (2000). *New dictionary of the Russian language. Explanatory derivational*. Moscow: Russian language. (In Russ.).
16. 黄颖 (2017). 新编俄语语法. 北京: 外语教学与研究出版社. (Huang, Ying (2017). *Practical grammar of the Russian language*. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Publ.). (In Chinese).
17. 刘丹青 (2001). 语法化中的更新、强化、与叠加. 语言研究, 2, 71–81 (Lu, Danjing (2001). Update, amplification and overlay in grammaticalization. *Language Research*, 2, 71–81. (In Chinese).

18. Xi, Lusheng & Mao, Diguang (2012). Cognitive analysis of the construction of the Chinese language “adverb of degree + noun”. *Bulletin of the Zhezyan Institute of Foreign Languages*, 3, 25–29. (In Russ.).
19. Lyashevskaya, O.N. & Sharov, S.A. (2009). *Frequency Dictionary of the Modern Russian Language (based on the materials of the National Corpus of the Russian Language)*. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.).
20. Ozhegov, S.I. (2005). *Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow: ITI Technologies. (In Russ.).
21. 张谊生 (2004). 现代汉语副词研究. 上海: 学林出版社. (Zhang, Yisheng (2004). *A Study of Modern Chinese Dialects*. Shanghai: Xue Lin Publ.). (In Chinese).
22. 黄誉娇 (2009). “非常”与“特别”的多角度分析. 三峡大学学报, 1, 110–112 (Huang, Yujiao (2009). Multi-angle analysis of adverbs “extremely” and “singularity”. *Bulletin of Sanxia University*, 1, 110–112). (In Chinese).
23. 陈金香 (2009). 程度副词语义, 句法, 语用研究. 集宁师范学院学报, 3, 33–37 (Chen, Jinxiang (2009). Semantic, syntactic and pragmatic studies of adverbs of measure and degree. *Bulletin of Jining Pedagogical College*, 3, 33–37). (In Chinese).
24. Vinogradova, E.N. & Klobukova, L.P. (2022). The grammar of Russian preposition: theoretical aspects. *Russian Language Studies*, 20(1), 84–100. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-1-84-100>
25. 李宇明 (1999). 程度与否定. 世界汉语教学, 1, 28–35 (Li, Yuming (1999). Degree and negation. *Chinese teaching in the world*, 1, 28–35). (In Chinese).
26. 中国社会科学院语言研究所. 新华字典 (2009). 北京: 商务印书馆. (Language Research Institute of the Chinese Academy of Social Sciences. *Sihua Chinese Dictionary*. Beijing: Commercial Press.). (In Chinese).
27. National Corpus of the Russian Language (NCRL). URL : <http://ruscorpora.ru/>. (accessed: 07.07.2021). (In Russ.).
28. 国家语委现代汉语语料库 (Corporation of Modern Chinese Language of the State Committee for Work in the Field of Language and Writing). URL: <http://www.cncorpus.org/>(accessed: 07.07.2021). (In Russ.).
29. 北京语言学院语言教学研究所 (1986). 现代汉语频率词典. 北京: 北京语言学院出版社 (Frequency Dictionary of Modern Chinese (1986). Beijing: Beijing Language Institute Publ.). (In Chinese).

Сведения об авторах:

Цзинь Лянь, аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов, *научные интересы*: сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание; *e-mail*: 1044558980@qq.com

Лазарева Олеся Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов, ответственный секретарь журнала Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика; *научные интересы*: сопоставительная грамматика и лексика, язык для специальных целей, семиотика; *e-mail*: lazareva-ov@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0002-1227-4493, Scopus Author ID: 57225183694, Web of Science ResearcherID: AAB-6284-2019.

Лазарева Ольга Сергеевна, «Центр спорта и образования «Самбо-70» Москомспорта, Россия, учитель английского языка высшей категории, учитель русского языка и литературы, русского языка для иностранцев, почетный работник образования города Москвы, *научные интересы*: переводоведение, языкознание, профессиональное общение, поэтический строй языка, семиотика; *e-mail*: olgalazareva.lazareva@yandex.ru

Information about the authors:

Jin Lian, PhD student of the Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia; *Research interests*: Comparative historical, typological and contrastive linguistics; *e-mail*: 1044558980@qq.com

Olesya V. Lazareva, PhD in Philology, Associate Professor of the General and Russian Linguistics Department, Philological faculty, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Executive Secretary of Editorial Team of RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics; *Research interests*: language for special purposes, comparative grammar and lexis, semiotics; *e-mail*: lazareva-ov@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0002-1227-4493, Scopus Author ID: 57225183694, Web of Science ResearcherID: AAB-6284-2019.

Olga S. Lazareva, Centre of Sports and Education "Sambo-70" of Committee of Physical culture and sport of Moscow, Russian Federation an English teacher of the highest category, Russian, Literature, a Russian language teacher for foreigners, an honorary worker of education of Moscow, *Research interests*: translation studies, language for special purposes, professional communication, poetic language, semiotics; *e-mail*: olgalazareva.lazareva@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-518-535

УДК [811.111:811.112:811.161.1]373

Научная статья / Research article

Сопоставительный анализ коммуникативных ценностей во фразеологии на материале английского, немецкого и русского языков

С.М. Юсупова

Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова,
364024, Российская Федерация, Грозный, ул. А. Шерипова, 32

 seda_linguist@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается семантика английских, немецких и русских идиом, представляющих коммуникативные ценности, в частности: взаимопонимание и конфликт. Проводится анализ синтаксических и семантических свойств идиом в контекстах употребления, полученных из Британского национального корпуса, Корпуса современного американского языка, Корпуса института немецкого языка в Мангейме, Национального корпуса русского языка, выявляется соотношение словарного и актуального значений устойчивых выражений, специфика коммуникативных ценностей в разных культурах и способы их концептуализации. Результаты исследования показывают, что коммуникация имеет определённую структуру, нацелена на получение и передачу информации, достижение консенсуса, выстраивание отношений, может привести либо к пониманию, либо к непониманию и спору. Коммуникация имеет две и в некоторых случаях больше сторон, одного и более участников коммуникации. На коммуникацию также накладывается социальный, личный опыт, ценности человека. Взаимопонимание — это согласие, достижение консенсуса. Так, во всех языках находят отражение такие коммуникативные ценности, как: свобода выражения мысли, конструирование диалога, передача смысла в речевом сообщении. В немецком языке акцентируется ценность выстраивания коммуникации, стремление найти общий язык, попытка взаимодействия. В русском языке — откровенность, правдивость как важные элементы коммуникации.

Ключевые слова: речевая коммуникация, идиомы, коммуникативные ценности, семантика, корпусный подход, сопоставительный анализ

История статьи:

Дата поступления: 01.12.2021

Дата приема в печать: 1.02.2022

Для цитирования:

Юсупова С.М. Сопоставительный анализ коммуникативных ценностей во фразеологии на материале английского, немецкого и русского языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 13. № 2. С. 518—535. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-518-535>

© Юсупова С.М., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Comparative Analysis of Communicative Values in Phraseology on the Material of the English, German and Russian Languages

Seda M. Yusupova

Kadyrov Chechen State University,
32, A. Sheripova str, Grozny, Russian Federation, 364024

 seda_linguist@mail.ru

Abstract. The article considers the semantics of English, German and Russian idioms representing communicative values, in particular: mutual understanding and conflict. The syntax and semantic properties of idioms are analyzed in the contexts of use, obtained from the British National Corpus, Corpus of Contemporary American English, Corpus of the Institute of the German Language in Mannheim, the National Russian Language Corpus, the correlation of the dictionary and actual meanings of fixed expressions, the specificity of communicative values in different cultures and ways of their conceptualization are revealed. The results of research show that communication has a certain structure, is aimed at obtaining and transmitting information, reaching consensus, building relationships, can lead to either understanding or misunderstanding and dispute. Communication has two or sometimes more sides, one and more participants of communication. Communication is also influenced by social, personal experience and values of a person. Understanding is a consent, reaching a consensus. Thus, all languages reflect such communicative values as: freedom of expression, building a dialogue, sense transmission in speech. The German language emphasizes the value of building communication, the desire to find a common language, an attempt to interact. In Russian — openness, truthfulness as important elements of communication.

Keywords: speech communication, idioms, communicative values, semantics, corpus approach, comparative analysis

Article history:

Received: 01.12.2021

Accepted: 01.02.2022

For citation:

Yusupova, S.M. (2022). Comparative Analysis of Communicative Values in Phraseology on the Material of the English, German and Russian Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), 518—535. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-518-535>

Введение

Коммуникация является неотъемлемым компонентом прогресса, наиважнейшей ценностью, средством человеческого взаимодействия, обмена и передачи информации, достижения понимания, согласия, интеграции, также как и непонимания, развязки конфликта.

В широком смысле коммуникация — это и театр, игра, кино, архитектура, любой способ выражения идей и сообщений. «Все результаты человеческой деятельности могли быть достигнуты только в процессе общения, или комму-

никации: без обмена информацией, без ее накопления и передачи следующим поколениям люди не могли бы выжить. Коммуникация — это условие и выживания, и развития человечества» [1. С. 9].

Коммуникативная ценность представляет собой категорию, которая обусловлена особенностями национальной культуры, находящая отражение в языке и отношениях человека с окружающим миром [2. С. 24–28].

Коммуникативные ценности также определяются как ментальные установки коммуникативного поведения, вербального и невербального, принятого в том или ином обществе. То есть коммуникативные ценности выражаются как в языковых (грамматика, лексика, фразеология), так и в неязыковых знаках (обряды, ритуалы, традиции, предметы быта) [3. С. 14].

Целью данной статьи является изучение семантики английских, немецких и русских идиом семантического поля «коммуникативные ценности», в частности, будут рассмотрены ценности, приводящие к согласию, взаимопониманию, и к конфликту.

Методы и материалы

В качестве материала исследования были взяты более 100 английских, немецких и русских идиом, полученных методом сплошной выборки из фразеологических словарей. Отобранные идиомы, представлявшие коммуникативные ценности, были рассмотрены в более 5 тысяч контекстах употребления, зафиксированных в Британском национальном корпусе, Корпусе современного американского языка, Корпусе института немецкого языка в Мангейме и Национальном корпусе русского языка.

Методы исследования — метод сплошной выборки из словарей, классификация, сопоставительный, семантический, корпусный анализ. На первом этапе исследования методом сплошной выборки в разных языках отобраны идиомы, описывающие коммуникацию, далее на основании общих семантических признаков была составлена классификация идиом семантического поля «коммуникация». Сопоставительный анализ позволил выявить сходства и различия семантических свойств идиом в контекстах, во внутренней форме и актуальном значении квазиэквивалентных идиом. В рамках семантического анализа были выделены компоненты значения, реализуемые в контекстах, а корпусный подход выявил способы реализации значения и влияние экстралингвистических факторов и образов на употребление идиом.

Коммуникативное поведение базируется на коммуникативных ценностях, соблюдении правил этикета, проявлении культуры и толерантности. Актуальность работы обусловлена важностью коммуникации в выстраивании межличностного межкультурного общения, отношений, выявления способов ее репрезентации в разных языках, концептуализа-

ции моделей коммуникации и языковых выражений, связанных с речевой деятельностью.

Новизна работы заключается в том, что коммуникативные ценности анализируются в рамках корпусного подхода на материале разных языков и культур. Так в разных культурах наблюдается определённая специфика коммуникативных ценностей. Функциональный аспект позволит выявить факторы, влияющие на развитие языка, его изменение, а корпусный подход оперировать большим объемом естественных текстов.

Разным культурам свойственны свои особенности ведения коммуникации, исторически сложившиеся, связанные с этикетом, менталитетом. Так, в английском языке находят отражение такие коммуникативные ценности, как: сдержанность, демонстративная вежливость, свобода, независимость, соблюдение дистанции и личного пространства. В немецком языке также отражается свобода выражения мыслей, мнения, выстраивание коммуникации, стремление найти общий язык, попытка взаимодействия. В русском языке акцентируются откровенность, правдивость как важные элементы коммуникации.

Различие в системе базовых ценностей могут приводить к конфликтам, нарушению как межличностного, так и межэтнического общения. Для базовых ценностей, как правило, характерна связь личного опыта индивида с реальностью, устойчивость и неизменность. Помимо личных ценностей, индивиды могут иметь и культурные ценности, особо актуальные для межкультурной коммуникации. Таким образом, ценности оказывают большое влияние на поведение говорящих в личном и межэтническом общении, могут быть эксплицитно и имплицитно выражены, восприниматься как часть культуры или системы [4. Р. 112].

Основой коммуникации представляется проблема достижения взаимопонимания между личностями, культурами, социумами, возможность доверия, обретения общности как показатель успешной коммуникации и отчуждение как следствие неуспешного взаимодействия [5]. Таким образом, существуют барьеры, которые могут препятствовать успешному ведению коммуникации или ее неудачи, приводить к недопониманию, конфликту. Трудности и барьеры вытекают из лексико-фразеологических ограничений, присущих тому или иному языку, интеллектуальных (незнание предмета), психологических особенностей (скрытность, открытость), физической среды (обстановки, в которой протекает общение) [5–7].

Модель коммуникации включает участников, говорящего, получающего информацию. В процессе коммуникации информация не только передается, но и формируется, уточняется, развивается рецепиентами [8. С. 262]. Коммуникация включает в себя настоящее, прошлое и проецируется в будущее [9].

Перспективы мирового развития связаны с ростом многообразия, а полноценная коммуникация возможна на пути обретения общности при сохранении различий (интересов) [10. С. 20].

Существует также антропоцентрический подход, в котором акцентируется иерархичность координат представленности человека в языке — наблюдатель, интерпретатор, субъект оценки [11. С. 7–14]. В сознании отображается жизненный опыт человека, впечатления, ощущения, образы и смыслы. В изучении концептов важным пунктом является выявление функциональных отношений между поведением и окружающей средой, которые обеспечивают основу концептуального поведения [12. Р. 237]. Таким образом, коммуникация — это многосторонний процесс и содержит в себе целый спектр информации.

В основу исследования положены теоретические концепции корпусной, сопоставительной лингвистики. Работа с корпусами открывает широкие возможности и повышает уровень объективности данных. Тем не менее, объем лексикона безграничен и невозможно представить корпус, который вместил бы весь лексикон языка [13. С. 106]. Корпусные исследования либо подтверждают существующие теоретические гипотезы, либо выдвигают новые. Корпус позволяет увидеть язык в его реальном состоянии, вернув лингвистике полноправный объект исследования — текст [14]. Таким образом, корпусные исследования могут обнаружить совершенно новые данные о том, как устроен язык и как функционирует. Это может содействовать созданию корпусных словарей или грамматик, опирающихся на конкретные корпуса, повышая их надежность и объективность [15. С. 26]. Корпусное исследование свободно от языковой абстракции, норм литературного языка, правильности/неправильности, основанным на интуиции. В то же время самые крупные корпуса не могут отразить все возможное в языке [16. С. 12]. Сопоставительный метод анализа является многоаспектным, позволяя выявлять структурные и типологические различия языков, их когнитивные, лингвистические, национальные и культурные особенности [17].

Семантические сходства и различия фразеологических единиц проявляются на уровне образной эквивалентности, национальной специфики, фразеологической безэквивалентности [18].

Значимыми аспектами национальной специфики идиом выступают также денотативный, коннотативный и функциональный: объем значений, эмоционально-экспрессивная окраска в текстах. Коммуникативное поведение отражает как доминантные особенности коммуникативного поведения народа, так и спонтанные. Доминантным чертам характерны определенная тематика, яркие национальные особенности. Различия в коммуникативном поведении могут оказывать огромное влияние на понимание в межкультурном и личностном общении. Сопоставительный анализ коммуникативных культур направлен на описание и выявление доминантных явлений коммуникативного поведения, их сходств и различий [19. С. 74–75]. Важным также представляется анализ и выявление явлений, встречающихся во всех языках, языковых универсалий [17].

Результаты

Как показывает анализ семантики идиом и контекстов их употребления, коммуникация имеет следующую структуру — охватывает две и в некоторых случаях больше сторон. На коммуникацию также накладывается социальный, личный опыт, ценности.

Взаимопонимание определяется как согласие, взаимное понимание.

Речевая передача информации, смысла

Английский

Speak volumes (about/for sb/sth) (букв. говорить тома о ком-либо/ чем-либо) — «показывать или выражать много о природе или качестве чего-то», «говорить о многом». Образ влияет на актуальное значение, высвечивая компонент значения «объем информации».

- a. *But the defense says Radley's own words **speak volumes** about his motive. And this sounds awful, but I'm glad that he was up and alive long enough to know that what comes around goes around* ("Love, Hate & Obsession" 2015). / Но защита полагает, что слова Рэдли **говорят много** о его мотиве. И это звучит ужасно, но я рад, что он был в живых достаточно долго, чтобы знать, что то, что приходит, то и уходит. Слова/текст как выражение мотива действия.
- b. *The silence can **speak volumes**. Piano players and organists learn the difference between a legato, which is a very smooth flowing style, and a staccato, which is a very marked and fractured style, and a pizzicato, which is extremely short notes. The duration of the notes is critical, and how much time there is between them is essential to creating the mood, or if you will, the color of a piece* (CLOSE TO THE EDGE WEB <http://www.yhwh.com/ctte.htm>, 2012). / Тишина может **говорить о многом**. Пианисты и органисты узнают разницу между легато, который является очень гладким текучим стилем, и стаккато, который является очень заметным и раздробленным стилем, и пиццикато, которые являются чрезвычайно короткими нотами. Длительность заметок критична, и сколько времени между ними необходимо для создания настроения или, если хотите, цвета произведения.

Немецкий

Bände sprechen (разг.) (букв. говорить тома) — «быть максимально / очень показательным, все сказать». В немецкой идиоме акцент делается на показательности, а не объеме информации, несмотря на то, что во внутренней форме описана аналогичная с английской ситуация.

a. «*Kein Wort des Dankes für die letzten vier Jahre*», soll er als Grund für seine Enttäuschung angeben. Nur Angela Merkel habe ihm gedankt für die aufreibende Zeit als Minister. Und das würde doch **Bände sprechen**. Immerhin hatte er sie im Wahlkampf noch hart attackiert. Die SPD-Fraktion im Bundestag, der er angehört, hat ihm die Hand gereicht, hat ihn sogar beklatscht» (Stern, 15.02.2018). / «Ни слова благодарности за последние четыре года», — назвал он в качестве причины своего разочарования. Только Ангела Меркель поблагодарила его за то, что он был министром. И это **показательно**. В конце концов, во время предвыборной кампании он сильно на нее напал. Фракция СДПГ в Бундестаге, к которой он принадлежит, протянула ему руку, даже похлопала».

Идиома употреблена в значении «иметь большой смысл, подтекст, ценность».

b. Werte, die **Bände sprechen** «*Starker Partner*» gesucht Um das Spital in der Gemeinde Davos erhalten zu können, brauche es die Zusammenarbeit mit einem starken Partner, der die genannten Schwankungen auffangen könne, fuhr Gilgen fort. Gespräche mit möglichen Partnern würden zurzeit geführt (Die Südostschweiz, 20.02.2018). / Ценности, которые **говорят о многом**, «Поиск сильного партнера», для сохранения больницы в муниципалитете Давоса нужна совместная работа с сильным партнером, способным уловить эти колебания, продолжил Гилген. В настоящее время ведутся переговоры с потенциальными партнерами. В контексте наблюдается метафора «ценности говорят о многом...».

Русский

Говорить о многом/ красноречивее всяких слов — «выражать многое». В текстах в качестве субъекта действия выступают существительные «суета, взгляд, молчание», неодушевленные вещи, образуя метафору.

a. — По своим каналам отыщите хозяина денег. Шеф молчал, и молчание его было **красноречивее всяких слов**. «Вот где камень преткновения, — поняла Евгения. — Боится, что засветится» (Елена и Валерий Гордеевы. Не все мы умрем (2002)).

b. А зачем ему это, если он чист? Суета, дети мои, всегда **красноречивее всяких слов**. Я специально съездил к Коновалову и рассказал о своих подозрениях. Коновалов — нормальный честный мужик, он не мог не передать наш разговор своему товарищу, он же верит Минаеву как самому себе (Александра Маринина. Не мешайте палачу (1996)).

с. Он ничем не выдал своего разочарования и только посмотрел на меня долгим ненавидящим взглядом. Но его взгляд **красноречивее всяких слов** говорил, что на этом этапе я выиграл сражение. По дороге в Сокольники я думал о странностях, встречающихся на каждом шагу. Стычка с Питоврановым не была исключением (Борис Левин. Блуждающие огни (1995)).

Во всех трех контекстах выражение имеет значение «выражать какой-то яркий и очевидный смысл». Описывается невербальный способ выражения смысла, эмоциями («ненавидящий взгляд»), молчанием, отсутствием реакции, поведением.

Конструирование диалога

Английский

Be on speaking terms (with sb) (букв. быть в хороших отношениях) — «знать кого-то достаточно хорошо, чтобы разговаривать с ними, возможно кого-то известного или важного; разговаривать друг с другом снова после ссоры».

a. *She wasn't exactly **on speaking terms with** courage, and to be effective, she'd have to endanger her own life* (Showalter, Gena, *Burning dawn*, 2014). / Она была не совсем **в хороших отношениях с мужеством**, и чтобы быть эффективной, она должна была подвергнуть опасности свою собственную жизнь. В контексте наблюдается метафорическое сочетание идиомы «быть в хороших отношениях со смелостью».

b. *And Donna came out crying and crying, and then Calvin tried to hug her, but Donna stepped away and doubled over, and even though we weren't **on speaking terms**, I couldn't stand seeing her cry, and I started crying* (Patrick Dacey, *We've already gone this far*, 2017). / И Донна вышла плача, а потом Кэлвин попытался обнять ее, но Донна отошла и удвоилась, и даже несмотря на то, что мы **не были достаточно знакомы**, я не мог видеть ее плачущей, и сам расплакался. Также в процесс коммуникации вовлечено три участника, один из которых наблюдатель, но не достаточно знаком с эмоционально активным «плачущим» участником для того, чтобы вмешаться и успокоить, но, тем не менее, испытывает сильную эмпатию.

Немецкий

Miteinander reden (букв. говорить друг с другом) — «говорить друг с другом, общаться друг с другом».

*Kassel/München — Am Ende stand ein dürftiger Kompromiss, aber immerhin: Die Parteien im Handball-Streit wollen weiter **miteinander reden**, bereits in dieser Woche. Am Samstag trafen sich die Mitglieder des Handball-*

Bundesrats in Kassel, um auszuloten, wie die drohende Kampfabstimmung beim kommenden Bundestag des Deutschen Handball-Bundes (DHB) noch verhindert werden kann (Süddeutsche Zeitung, 10.08.2015). / *Кассель/ Мюнхен — в конце концов, был достигнут незначительный компромисс, но, все же: стороны в гандбольном споре хотят **продолжить диалог** уже на этой неделе. В субботу члены Совета Федерации гандбола встретились в Касселе, чтобы выяснить, как предотвратить надвигающееся боевое голосование в гандбольном конгрессе Германии (DHB). По контексту и внутренней форме выражения выделяются участники коммуникации «две партии, стороны», как договор, примирение, попытка найти компромисс.*

Русский

В дружеских, хороших отношениях с кем-либо — «иметь хорошие отношения с кем-либо». В контекстах сочетается с глаголами «быть, находиться».

- a. *В 20-е годы он активно выступал за установление торгово-экономических отношений между Данией и Советской Россией и даже обещал, как свидетельствуют документы архивов МИДа России, большевикам кредиты. Бывшая российская императрица, являясь центром притяжения русских эмигрантов, вызвала раздражение большевистских функционеров, поэтому Андерсен, находясь **в дружеских отношениях** с Марией Федоровной, убеждал ее выехать в Англию* (Юлия Кудрина. Остается только примириться... // «Знание — сила», 2008). В контексте высвечивается диалог двух сторон, имеющих хорошие отношения, попытка оказать воздействие и убедить одной из сторон.
- b. *С этой газетой в то время я был **в дружеских отношениях*** (Виталий Вульф. Преодоление себя (из книги «Серебряный шар») // «Октябрь», 2002). Описываются отношения человека и текста (газеты), понимание и интерес со стороны читателя.

Высказывание мнения

Английский

Speak your mind (букв. высказывать то, что на уме) — «сказать прямо, что думаешь».

- a. *So it seems like in some ways, like, your role has changed from the documentarian to be able to, like, **speak your mind** about things that you feel deeply about, especially having — after having witnessed President Obama learning the news about Sandy Hook. I am now a private citizen. And I should be free to express*

- my views (Photographer Pete Souza Reflects On 8 Years (And 1.9 Million Photos) Of Obama SPOK: Fresh Air 12:00 AM EST 2017 (171107)). / Так что кажется, что в некотором смысле ваша роль изменилась от документалиста, чтобы иметь возможность, типа, **говорить прямо** о вещах, которые вы глубоко чувствуете, особенно после того, как президент Обама узнал новости о Сэнди Хук. Теперь я частная гражданка. И я могу свободно выражать свои взгляды.*
- b. *Your opinion may be ill considered, your facts may be erroneous, your logic may be flawed, but you yourself are worthless to me if you do not **speak your mind** (Rinehart, Gray We Side with the Free; New York Vol. 136, Iss. 11, (Nov 2016): 77–102. FIC: Analog Science Fiction & Fact 2016). / Ваше мнение может быть плохо воспринято, ваши факты могут быть ошибочными, ваша логика может быть ошибочной, но вы сами ничего не значите для меня, если вы не **высказываете свое мнение**. В контексте подчеркивается важность выражения мыслей, мнения.*
- c. *You've never been afraid to **speak your mind**. And even though it sometime makes us uncomfortable, we're all better off because of it. I felt from the first time I looked into your eyes that I had met a kindred spirit, somebody I didn't have to explain myself to and who didn't need to explain herself to me. I have been truly grateful to call you my friend. I wish you a happy day (SPOK: THE VIEW 11:01 AM EST WHOOP!^S BIRTHDAY CELEBRATION2015 (151113)). / Ты никогда не боялся **говорить, что думаешь**. И хотя это иногда ставит нас в неловкое положение, нам всем лучше из-за этого. Я почувствовала, что с первого взгляда в твои глаза я встретила родственную душу, человека, которому я не должна была объясняться и которому не нужно было объясняться со мной. Я был очень благодарен за то, что назвал тебя своим другом. Желаю вам счастливого дня. Высказывание мнения может ставить в неловкое положение. Качество, необходимое для выражения мнения — смелость.*
- d. *The ability to **speak your mind** on nearly any topic and feel you are part of a single body of opinion and discussion that, in the end, somehow works. It's guaranteed by the Constitution. And it is the spine, perhaps the entire skeleton, of our way of life — what it means to be an American (ANDELMAN, DAVID A.; WHITHER FREE SPEECH MAG: Saturday Evening Post Mar/Apr2015, Vol. 287. Issue 2, p. 32–34. Зр.). / Способность **говорить свободно** практически на любую тему и чувствовать себя частью единого мнения и дискуссии, которая, в конце концов, так или иначе работает. Это гарантировано Конституцией. И это позвоночник, возможно, весь скелет нашего образа жизни — то, что значит быть американцем.*

В контекстах «способность высказывать мнение как право, прописанное в конституции, способность высказываться на любую тему, свое мнение как ценность».

Немецкий

Jmdm. die/seine Meinung sagen/geigen (букв. сказать о своем мнении кому-то) — «высказывать кому-то свое недовольство, недвусмысленно выражать свое недоумение, непослушание».

Tatsächlich legen die Gründer viel Wert darauf, dass alle von den Workshops profitieren. Sie achten darauf, dass alle gehört werden, jeder seine Meinung sagen kann — und sich nicht der lauteste durchsetzt. “Wir bemühen uns, auch schwierige Diskussionen locker und flüssig zu gestalten”, sagt Kai. Offenbar mit Erfolg (Spiegel-Online, 02.11.2018; Trinken mit Solidarprinzip). / Действительно, основатели придают большое значение тому, чтобы все извлекли выгоду из семинаров. Они следят за тем, чтобы все были услышаны, каждый мог **высказать свое мнение** — и не был самым громким. «Мы стараемся сделать трудные дискуссии более свободными и беглыми», — говорит Кай. Очевидно, с успехом.

В контекстах часто встречается с местоимением *jeder* — «каждый», наречиями *frei* — «свободно», *offen* — «открыто».

Русский

Говорить откровенно / высказывать свое мнение — «выражать свое мнение, мысли, то, что думаешь».

- a. Если **говорить откровенно**, любое художественное произведение — вымысел. И задача автора состоит, в основном, в следующем: 1) Внести смысл, выразить свое я, раскрыть тему. 2) Убедить зрителя, что это натурально. К примеру, тот же фильм «Гостя из будущего». Сказка полная! Но зато как убедительно! (коллективный. Форум: Обсуждение фильма «Все умрут, а я останусь» (2010–2011)). В контексте имеет значение — «говорить правду, как есть». Письменный текст — задумка автора — читатели.
- b. Другая российская компания, SPb TV, чей конек — решения для трансляции спортивных мероприятий, показала ряд своих оригинальных интерактивных находок: во время трансляции, например, футбольного матча зритель может участвовать в викторинах и опросах, **высказывать свое мнение** о ходе состязания (Алексей Грамматчиков. Глобальная мобилизация // «Эксперт», 2014).

Таким образом, взаимопонимание достигается в ходе общения, свое мнение и отношение также можно выражать невербальным путем.

Конфликт

Конфликт несогласие между двумя или более сторонами (лицами или группами). В конфликте каждая из сторон стремится к тому, чтобы был принят ее взгляд и мнение. Конфликт также определяется как борьба ценностей, может иметь положительное влияние, поддерживая социальное равновесие, а также отрицательное, приводящее к разрушению.

Начало спора

Английский

For the sake of argument (букв. ради спора) — «начальный пункт дискуссии, обсуждать что-то только теоретически». В большинстве контекстов употребляется с *let's say, assume, let's suppose, let's assume*.

a. *Other than that, it seems like you're just arguing for the sake of argument rather than any real disagreement, so I'm done* (High Fructose Corn Syrup: Tasty Toxin or Slandered Sweetener? <http://www.sciencebasedmedicine.org/index.php/high-fructose-corn-syrup/> 2012). / Кроме того, кажется, что вы просто спорите ради спора, а не ради каких-либо реальных разногласий, так что я закончил.

В самом контексте эксплицитно выражена идея и смысл ситуации бессмысленного спора, не имеющего основания, явных разногласий.

Немецкий

des Argumentes wegen (букв. из-за аргумента) — «из-за довода, аргумента». В немецком языке акцент делается на предположении, аргументе, прогнозе, а не споре.

a. *SPIEGEL: ... der vermutlich ebenfalls in den Skandal verwickelt ist. FOLEY: Also, nur des Arguments wegen nehmen wir an, George Bush träte ebenfalls zurück und ein anderer würde zum Vizepräsidenten ernannt. Hilft das der Demokratischen Partei, 1988 die Präsidentschaftswahlen zu gewinnen? Nein, ganz sicher nicht* (Der Spiegel, 08.12.1986). / Шпигель: ... который, вероятно, тоже замешан в скандале. Фоли: Итак, мы предполагаем, что Джордж Буш тоже уйдет в отставку, а другой будет назначен вице-президентом. Поможет ли это Демократической партии победить на президентских выборах 1988 года? Нет, конечно, нет.

Русский

Ради спора — «спор ради дискуссии».

a. *Его ум был несколько диалектичный, он любил спор ради спора* (С.М. Волконский. Мои воспоминания. Том 2 (1923–1924)). Спор и дискуссия — диалог, диалектика, поиск аргументов.

b. *Надо на деле доказывать, в чем не прав ваш оппонент. И это не спор ради спора, а спор (я бы сказал) ради жизни. Ведь нас читают молодые, неопытные солдаты. Возможно, от правильного совета будет зависеть их жизнь, умение выстоять в бою, одержать победу над коварным врагом* («Книга боевого опыта» — наше общее дело // «Солдат удачи», 2004.06.09).

В контексте подчеркивается серьезность спора, конфронтация, отрицание с целью пояснения — спор ради жизни, участниками коммуникации выступают автор, оппонент, читатели.

Урегулирование конфликта

Конец конфликта выражается в остановке наступлений и действий со стороны конфликтующих.

Английский

Have it out with sb (букв. выяснить что-то с кем-либо) — «серьезно обсуждать с кем-то что-то для того, чтобы завершить несогласие, ссору и т.д.». В контекстах выяснение личных отношений, деловых вопросов; сделки, долг.

a. *He made up his mind to **have it out with** Annie Clyde at last. To say all that had gone unsaid for the past two years. They had to if they meant to start over in Michigan. But when Annie Clyde came inside and cleared the dishes from the table, he couldn't bring himself to say anything at all.* (Greene, Amy, *Long man: a novel* New York: Alfred A. Knopf, Edition: First Edition, 2014). / Он решил наконец **поговорить** с Энни Клайд. Сказать все, что не было высказано за последние два года. Они должны были, если они хотели начать все сначала в Мичигане. Но когда Энни Клайд вошла внутрь и убрала посуду со стола, он не смог заставить себя вымолвить ни слова.

Выяснить — высказать все, что не сказано, для того, чтобы преодолеть несогласие и добиться примирения.

b. *Long John leaped up from his stool, roaring. Silver: Do any of you gentlemen want to **have it out with** me? Well, I'm ready. Grab a sword, and I'll see the color of his inside* (BNC, 2007). Лонг Джон вскочил с табуретки, ревя. Кто-нибудь из вас, джентльменов, хочет **поговорить со мной**? Ну, я готов. Возьмите меч, и я увижу его настоящего.

c. *I know. Normally I'd be happy to stay and **have it out with** Higgins, but I had to meet a new client. Henry Barr, former sugar tycoon. Very rich and very old. Apparently he hasn't left his estate in years. Not sure why a wealthy mogul like Barr would want to hire a private investigator, but I got to admit, I was pretty intrigued. Mr. Magnum. I'm Reginald. Please, come in. You should know, Mr. Barr hasn't been well these past few years. I'm sorry to hear that* (BNC, 2018). / Я знаю. Обычно я был бы рад остаться и **выяснить все** с Хиггинсом, но мне пришлось встретиться с новым клиентом. Генри Барр, бывший сахарный магнат. Очень богатый и очень старый. Очевидно, он не покидал свое поместье много лет. Не уверен, почему такой богатый магнул, как Барр, хочет нанять частного следователя, но должен признать, я был очень заинтригован. Мистер Магнум. Я Реджинальд. Пожалуйста, входите. Вы должны знать, мистер Барр не хорошо жил в последние несколько лет.

d. *My father was a hothead like you and he went over to **have it out with** the Kembles and vanished into thin air* (BNC, 2004). Мой отец был таким

*горячим, как ты, и он пошел, чтобы **выяснить отношения с Кемблес** и исчез в воздухе.*

В первых двух контекстах речь идет об урегулировании конфликта путем беседы, а в других двух описаны сценарии, раскрывающие конфликт, с эмоциями, реальной конфронтацией, которая может привести к борьбе.

Немецкий

den Streit mit jmd. austragen (букв. выносить спор с кем-либо) — «урегулировать спор с кем-либо».

a. ... als „Anwalt der Soldaten“ und als „Anreger von Parlament und Regierung“ Klartext reden. „Wo es Streit gibt, werden wir auch **den Streit austragen**. „Schuldenbremse als Begründung. Überaus kritisch äußert er sich über die früheren Verteidigungsminister Karl-Theodor zu Guttenberg (CSU) und Thomas de Maizière (CDU) (Mannheimer Morgen, 22.05.2015). / ... как «адвокат солдат» и как «стимул парламента и правительства» произносит ясный текст. Там, где есть спор, мы также будем **вести спор**. Долговой тормоз как обоснование. Чрезвычайно критически он относится к бывшим министрам обороны Карлу-Теодору Гуттенбергу (ХСС) и Томасу де Мазьер (ХДС). В контексте подчёркивается, что при наличии конфликта, его будут регулировать.

b. Rucht: Ich persönlich bin für das Gespräch. Aber man erwischt ja immer nur den Teil der Bewegung, der überhaupt diskussionsbereit ist. Mit diesen Menschen muss man dann auch **den Streit austragen** — und sie mit ihrem eigenen Programm konfrontieren. Wie soll denn ein Einwanderungsgesetz ihrer Meinung nach genau aussehen? Wer soll nach Deutschland gelassen werden, wer nicht? (Nürnberger Nachrichten, 26.01.2015). / Я лично за разговор. Но всегда можно поймать только ту часть движения, которая вообще готова к обсуждению. С этими людьми приходится **вступать в спор** — и сталкиваться с их собственными программами. Как, по их мнению, должен выглядеть закон об иммиграции? Кого пустить в Германию, а кого нет?

Глагол *austragen* выражает смысл «выносить, вывести из скрытого, латентного состояния конфликт». Спор как результат неготовности к диалогу, обсуждению.

Русский

Выяснять отношения — «вести дискуссию, чтобы урегулировать спор или выявить виноватых».

a. Я ни с кем не хочу сводить счёты. Не хочу **выяснять отношения** с теми, кто уже не сможет мне ответить. Ненависть меня разруша-

ет. Сейчас идут в наших театрах спектакли, и даже очень талантливые, от которых исходит разрушительная энергия (Федор Чеханков: Ненависть меня разрушает // «Витрина читающей России», 2002.09.13). Выяснение отношений как конфликт, разрушение, отрицательное воздействие и эмоции.

- б. Кривичи, пришедшие в эти места в седьмом или в восьмом веках, были мирными и не любили **выяснять отношения** с соседями, а потому предусмотрительно забрались в самую глубь непроходимых лесов и болот, на западный край нынешней Тверской губернии — подальше от Москвы, Твери, Новгорода и Пскова, которых тогда еще и в помине не было (М.Б. Бару. Самовар лоцмана Воронина. Окончание // «Волга», 2016). Выяснение отношений — это конфликт. Избежать конфликты — находиться в далеком от людей, общества месте.*
- с. Сквернословить, **выяснять отношения**, садиться на стол и тем более класть на него ноги — всё это считается непροстительным для верующих (Алла Лерчик. Пьедестал для еды // «Зеркало мира», 2012).*
- д. Не желая мириться с подобным положением вещей, птицы начинают **выяснять отношения** у гнезда, что обычно приводит к гибели кладки или птенцов (Александр Рубцов. Чарльз Дарвин и теория эволюции // «Наука и жизнь», 2009). Одно из последствий конфликта — гибель. Отсутствие терпимости — причина конфликта.*

Выяснение отношений — это конфликт, его раскрытие, плохое поведение и оно присуще как людям, так и животным.

Заключение

Таким образом, во внутренней форме и контекстах употребления идиом выявляются различные способы описания взаимопонимания и конфликта. Коммуникация носит диалектический характер, охватывает разные стороны и выражает обмен мнениями и процесс достижения понимания, согласия. Во внутренней форме идиом отражается семантика коммуникативных ценностей. Взаимопонимание — достижение согласия в результате диалога, в ходе речевого общения, а конфликт — расхождение во мнениях. В английском языке в выражение своей позиции и мнения заложен образ ума, разума, «то, что думаешь». В немецком и русском языках общей является лексема «мнение», в русском в содержании фразы «высказывание мнения» также акцентируются правдивость информации, открытость. Конфликт может иметь этапы, от начала, поддержки какой-либо из сторон до разрешения конфликта. Сопоставительный анализ показал, что в английском языке взаимопонимание — это хорошие, дружеские отношения, при которых говорят друг

с другом. Неодушевленные предметы тоже передают смысл для достижения понимания, этот процесс описывается как речевой способ передачи объема информации. В немецком и русском языках описан аналогичный опыт. В русском языке специфичным представлен семантический компонент «красноречивый», чем ярче и красивее речь, тем более она понятна и передает больше смысла.

Библиографический список

1. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово, 2008.
2. Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М.: Глобал Ком, 2013.
3. Ларина Т.В. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции через обучение национальному стилю коммуникации // Русистика. 2009. № 4. С. 64–72.
4. Robinson L. Beliefs, values and intercultural communication. 2006. P. 112 Режим доступа: https://www.open.edu/openlearn/ocw/pluginfile.php/618856/mod_resource/content/1/k205_1readerchap12.pdf (дата обращения: 24.10.2020).
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2008.
6. Кибанов А.Я. Этика деловых отношений. М.: Дрофа, 2013.
7. Шепель В.М. Настольная книга бизнесмена и менеджера: управленческая гуманитарология. М.: Финансы и статистика, 1992.
8. Якупов П.В. Коммуникация: определение понятия, виды коммуникации и ее барьеры. // Вестник университета. 2016. № 10. С. 261–266.
9. Wood J.T. Interpersonal Communication: Everyday Encounters. Rel.Lib, 2003.
10. Шаповалов В.Ф. Коммуникация как глобальная проблема современного мира // Философия и общество. 2010. № 4. С. 5–20.
11. Болдырев Н.Н., Магировская О.В. Языковая репрезентация основных уровней познания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 2. С. 7–16.
12. Zentall Th.R., Galizio M., Critchfield Th.S. Categorization, concept learning, and behavior analysis: an introduction // *Journal of the experimental analysis of behavior*. 2002. № 3(78). P. 237–248.
13. Ганиева И.Ф. Об использовании корпусов в лингвистических исследованиях // Вестник Башкирского университета. 2007. № 12(4). С. 104–106.
14. Плузган В.А. Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов. Лекция, прочитанная в рамках проекта «Публичные лекции». Режим доступа: <http://polit.ru/article/2009/10/23/corpus/> (дата обращения: 24.10.2020).
15. Борискина О.О. Корпусные исследования языка: мода или необходимость? // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 24–27.
16. Коптев М.В., Мустайоки А. Современная корпусная русистика // *Slavica Helsingiensia* 34. Инструментарий русистики: корпусные подходы. Хельсинки, 2008. С. 7–24.
17. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. Воронеж: Истоки, 2014. С. 3–10.
18. Зимина Л.И. Национальная специфика фразеологической семантики (на материале фразеологизмов с наименованиями частей лица в немецком и русском языках): Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Воронеж, 2007.
19. Конопелько И.П. Сопоставительный анализ в исследовании и преподавании языка. Воронеж: РИТМ, 2019.
20. Duden 11. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Mannheim: Dudenverlag, 2008.
21. Oxford idioms Dictionary for learners of English. Oxford: Oxford University Press, 2006.

22. НКЯЯ Режим доступа: <http://www.corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 24.10.2020).
23. НКНЯ. Режим доступа: <http://www.ids-mannheim.de/kl/.../korpora/> (дата обращения: 24.10.2020).
24. НКРЯ. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/new/>(дата обращения: 24.10.2020).

References

1. Ter-Minasova, S.G. (2008). *War and peace of languages and cultures*. Moscow: Slovo. (In Russ.).
2. Dement'ev, V.V. (2013). *Communicative values of Russian culture: category of personality in lexicon and pragmatics*. Moscow: Global Kom. (In Russ.).
3. Larina, T.V. (2009). Formation of intercultural communicative competence through training in the national communication style. *Russian Language Studies*, 4, 64–73. (In Russ.).
4. Robinson, L. (2006). *Beliefs, values and intercultural communication* P. 112 URL: https://www.open.edu/openlearn/ocw/pluginfile.php/618856/mod_resource/content/1/k205_1readerchap12.pdf (accessed: 24.10.2020).
5. Ter-Minasova, S.G. (2008). *Language and intercultural communication*. Moscow. (In Russ.).
6. Kibanov, A.Ya. (2013). *Ethics of Business Relations*. Moscow: Drofa. (In Russ.).
7. Shepel, V.M. (1992). *The table book of a businessman and manager: managerial humanities*. Moscow: Finance and statistics. (In Russ.).
8. Yakupov, P.V. (2016). Communication: definition of the concept, types of communication and its barriers. *Vestnik Universiteta*, 10, 261–266. (In Russ.).
9. Wood, J.T. (2003). *Interpersonal Communication: Everyday Encounters*. Rel. Lib.
10. Shapovalov, V.F. (2010). Communication as a global problem of the modern world. *Philosophy and society*, 4, 5–20. (In Russ.).
11. Boldyrev, N.N. & Magirovskaya, O.V. (2009). Linguistic representation of the main levels of cognition. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2, 7–16. (In Russ.).
12. Zentall, Th.R., Galizio, M. & Critchfield, Th.S. (2002). Categorization, concept learning, and behavior analysis: an introduction. *Journal of the experimental analysis of behavior*, 3(78), 237–248.
13. Ganieva, F. (2007). About the usage of corpora in linguistics studies. *Bulletin of Bashkir University*, 12(4), 104–106. (In Russ.).
14. Plungyan, V.A. (2009). Why modern linguistics must be a linguistics of corpora. URL: <http://polit.ru/article/2009/10/23/corpus/> (accessed: 24.10.2020). (In Russ.).
15. Boriskina, O.O. (2015). Corpus-Based Research of Language: a Fashionable Trend or a Must? *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 3, 24–27. (In Russ.).
16. Kopotev, M.V. & Mustayoki, A. (2008). Modern corpus Russian philology. In: *Slavica Helsingiensia*, 34, University of Helsinki, Department of Slavonic. Helsinki. pp. 7–24. (In Russ.).
17. Sternina, M.A. (2014). *Comparative-parametric method of linguistics studies*. Voronezh: Istoki. (In Russ.).
18. Zimina, L.I. (2007). *National specificity of phraseological semantics (on the material of idioms with the name of parts of face in German and Russian languages)* [dissertation]. Voronezh. (In Russ.).
19. Konopelko, I.P. (2019). Comparative analysis in research and teaching. Voronezh: RITM. (In Russ.).
20. Duden 11. Redewendungen (2008). Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Mannheim: Dudenverlag.
21. Oxford idioms Dictionary for learners of English (2006). Oxford: Oxford University Press.
22. English Corpora. URL: <http://www.corpus.byu.edu/bnc/> (accessed: 24.10.2020).

23. Deutsches Referenzkorpus (DeReKo). URL: <http://www.ids-mannheim.de/kl/.../korpora/> (accessed: 24.10.2020).
24. Russian National Corpus. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (accessed: 24.10.2020).

Информация об авторе:

Юсупова Седда Мусаевна, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова», *сфера научных интересов*: фразеология, корпусная лингвистика, сопоставительное языкознание, социолингвистика; *e-mail*: seda_linguist@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-4924-1476; Scopus Author ID: 57194391596.

Information about the author:

Seda M. Yusupova, Ph.D, Associate Professor, Dean of the Faculty of Foreign Languages at Kadyrov Chechen State University, *area of scientific interests*: phraseology, corpus linguistics, comparative linguistics, sociolinguistics; *e-mail*: seda_linguist@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-4924-1476; Scopus Author ID: 57194391596.

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-536-553

УДК [811.161.1:811.411.21]’373.612.2’373.2:070

Научная статья / Research article

Метафоризация топонимов в русском и арабском языках: на материале российской и арабской прессы

В.Ф. Ибрагим¹ , А.С. Мамонтов²

¹Факультет иностранных языков (Аль-Альсун) Айн-Шамского университета,
Египет, Каир, Эль-Абасейя, Эль-Халифа Эль-Маамун

²Институт русского языка им. А.С. Пушкина
117485, Российская Федерация, Москва, ул. Академика Волгина, 6
 wfi1980@yahoo.com

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей метафоризации топонимов в русском и арабском языках. В ходе исследования было проанализировано более 1350 единиц с использованием методов сопоставительного анализа, контекстуального анализа, описательного анализа, количественного анализа. Рассмотрение работ разных авторов, посвящённых топонимической лексики, показало, что любой топоним содержит культурный компонент, способствующий процессу его метафоризации и что при метафоризации топонимы превращаются в символы. Русские и арабские журналисты метафоризируют топонимы, так как метафора не только выражает отношение адресанта, его оценку того или иного явления действительности, но и оказывает влияние на его восприятие адресатом. Топонимические метафоры способны вызывать определённое количество различных ассоциаций и активизировать культурную память адресата. Ряд топонимов подвергается процессу деонимизации, что проявляется в их написании со строчной буквы, и употреблении в форме множественного числа. Обращает на себя внимание то, что самая большая группа исследуемого нами эмпирического материала представлена топонимами, которые связаны с военной тематикой, что свидетельствует в пользу актуальности роли и места темы «Война» в мировосприятии представителя любой из известных лингвокультур. При этом исследуемые нами единицы, как правило, обычно сопровождаются специфическими характеристиками: территориального, темпорального и т.п. свойств.

Ключевые слова: метафоризация, топоним, топонимические метафоры, пресса, деонимизация, прецедентность

Финансирование

Ибрагим В.Ф. финансируется за счет Министерства высшего образования Арабской Республики Египет.

© Ибрагим В.Ф., Мамонтов А.С., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления: 14.02.2022

Дата приема в печать: 15.04.2022

Для цитирования:

Ибрагим В.Ф., Мамонтов А.С. Метафоризация топонимов в русском и арабском языках: на материале российской и арабской прессы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 536—553. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-536-553>

Metaphorization of Toponyms in Russian and Arabic dy the Material of the Russian and Arabic Press

Wael F. Ibrahim¹ , Alexander S. Mamontov²

¹Ain-Shams university, Faculty of foreign languages (Al-Alsun),
El-Khalifa El-Maamoun, El-Abaseya, Cairo, Egypt

²Pushkin State Russian Language Institute,
6, Academic Volgin St., Moscow, Russian Federation, 117485

 wfi1980@yahoo.com

Abstract. The article is devoted to the study of the features of the metaphorization of toponyms in Russian and Arabic. During the study, more than 1350 articles using metaphorical toponyms were analyzed using the methods of comparative analysis, contextual analysis, descriptive analysis, and quantitative analysis. Studying the works of different researchers on toponyms proved that any toponym has some kind of cultural component, which contributes to the metaphorization of some toponyms. When metaphorizing toponyms turn into symbols. Russian and Arabic journalists metaphorize toponyms, since the metaphor not only expresses the attitude of the author, his assessment of this or that phenomenon of reality, but also influences the reader's opinion. Toponymic metaphors evoke many additional associations and awaken the cultural memory of the addressee. Some toponyms are subject to deonymization, which is manifested in their writing with a lowercase letter and the use in the plural. According to our observations, the largest group of our material is represented by those toponyms that are associated with war events, which is a natural result of the relevance of the topic “War” in the life of any nation. The toponyms of our material are usually accompanied by territorial, temporal and so on characteristics.

Key words: metaphorization, toponym, toponymic metaphors, press, deonymization, precedent

Financing. Acknowledgement

Wael F. Ibrahim is funded by Ministry of Higher Education of the Arab Republic of Egypt.

Article history:

Received: 14.02.2022

Accepted: 15.04.2022

For citation:

Wael, I.F. & Mamontov, A.S. (2022). Metaphorization of Toponyms in Russian and Arabic dy the Material of the Russian and Arabic Press. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), 536—553. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-536-553>

Введение

Географические названия занимают важное место в нашей жизни. Человек не может «представить себе жизнь современного общества без географических названий. Они повсеместны и всегда сопровождают наше мышление с самого детства. Все на земле имеет свой адрес. Ежедневное чтение газет, классической литературы, изучение истории культуры и развития науки приводит к новому, все расширяющемуся запасу географических названий в нашем языке» [1. С. 18].

Топонимы не просто называют географические объекты. Они являются богатым источником познания национальной истории, языка и культуры. Они свидетели важных исторических событий и судеб личностей. Топонимы документируют изменения в общественно-политической жизни любого народа и отражают его самобытную географическую культуру. Одновременно географические названия любой страны таят в себе и мудрость народа, и исторические предания, и многое другое, что вкладывают в них люди. Поэтому не случайно исследователи обращали и обращают внимание на культурный компонент в структуре топонима [2–8].

Методы и материал исследования

В работе применяются методы сопоставительного анализа, контекстуального анализа, описательного анализа, количественного анализа. Подобная комбинация обусловлена как целью исследования, так и спецификой анализируемого материала.

Материалом исследования послужили газетные тексты наиболее популярных российских и арабских газет и журналов. В ходе работы было проанализировано более 1350 статей с использованием метафоричных топонимов.

Культурный компонент топонимов

Известный российский учёный М.В. Горбаневский в своей книге «Русская городская топонимия» относит топонимы к свернутому многоплановому тексту, подчёркивая, что «за каждым топонимом без исключения стоит законченный (однако не закрытый, а открытый) информационный ряд, который в принципе подвергается структурированию в соответствии с объективно существующими в нём блоками» [9. С. 167]. В данной связи он предлагает выделять модульную структуру топонима-текста, в которую входят 8 модулей (адресно-идентификационный, хронологический, этимологический, историко-культурный, перифрастический, нормативно-речевой, структурно-словообразовательный, ассоциативно-текстовый), представляя их при этом в достаточной произвольной последовательности, поскольку, по его мнению, они значимы в равной степени: в той или иной ситуации может активизироваться

любая из предлагаемых модулей. Одновременно подчёркивая, что этот ряд ни в коей мере не следует считать закрытым [9. С. 184–208].

С точки зрения М.В. Горбаневского, ассоциативно-текстовый модуль «тесным образом связан с историко-культурным модулем и в принципе мог бы даже считаться его частью. Выделить его в самостоятельную часть структуры топонима-текста ... помогает практическое наблюдение: знания, потенциально аккумулируемые в этом модуле, представляют собой именно реально существующие тексты и носят в большей степени характер ассоциаций в связи с тем или иным топонимом, нежели знаний (представлений) о самом топониме, о слове, от которого он образован, или об объекте (улице и др.), к которому он относится [9. С. 206].

По мнению другого известного исследователя В.А. Никонова, топоним имеет три плана значений: до-топонимический (этимологическое значение топонимов), топонимический (прямое географическое значение топонима, указывающее на определенный объект) и от-топонимический (те ассоциации, которые у людей связаны с конкретным географическим названием) [10. С. 57–63].

Обращает на себя внимание тот факт, что топонимы обладают фоновой семантикой. В них «гораздо чаще наблюдаются коннотации историко-социального плана: Киев — мать городов русских, Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва» [11. С. 103].

Таким образом, следует считать релевантным утверждение, что: «Поскольку основное назначение топонимов — территориально фиксировать объекты, в представлении каждого человека определенное географическое название связано с известным местом и эпохой. Это пространственное распределение топонимов позволяет им быть представителями и хранителями значительной культурной информации» [12. С. 15].

Именно данная культурная и историческая нагрузка позволяет топонимам успешно конкурировать с антропонимами (среди собственных имён) по масштабам образного использования и разнообразию вторичных значений. Необходимо также подчеркнуть, что топонимы нередко используются метафорично, что и является — на русском и арабском материале — предметом настоящего исследования.

Попутно следует подчеркнуть, что в нашем исследовании метафора понимается максимально широко, то есть к числу метафор относятся все компаративные тропы и конструкции. Мы относим к числу метафор и такие конструкции, которые при традиционном подходе были бы охарактеризованы как сравнение или иные компаративные феномены, так как во всех этих конструкциях топонимы употребляются для обозначения совсем иных мест в условиях акцентирования соответствующих дифференциальных признаков. Этот широкий подход к выделению метафоры позволяет нам считать метафорическим словоупотреблением любое смысловое уподобление вне зависимости от на-

личия или отсутствия формальных показателей компаративности (как, будто, похож, словно и др.).

Метафоризация топонимов в российской и арабской прессе

Итак, метафоризация топонимов, по мнению специалистов, «основывается на наличии сходных (но не общих) потенциальных или коннотативных признаков у онима и референта, служащих основой образного переосмысления значения. Это обстоятельство позволяет большую свободу варьирования семантики онима, чем при метонимическом переносе. При этом появляется способность онима к своеобразному умножению в речи его номинативной функции. Топоним, осмысливаясь новому, приобретает особую экспрессивность, что помогает выразить индивидуально-авторское видение мира (...) В процессе привнесения дополнительного смысла (особенно, когда топоним получает эмоциональную окрашенность) наименование часто становится символом (*Бастилия, Берлинская стена, Хиросима, Васюки* и пр.) перестаёт выполнять свою основную (номинативную) функцию и переходит к выполнению эмоционально-оценочной функции» [13. С. 15].

В текстах СМИ топонимические метафоры выполняют важную функцию. Они «способны значительно усиливать эмоциональное воздействие на читателя, вызывая множество дополнительных ассоциаций, пробуждая культурную память и воображение адресата. Использование подобных метафор — мощное средство прагматического воздействия на адресата, способ пробудить внимание к метафорическим следствиям и оценкам, содержащимся в этих образах» [14. С. 80].

Данные топонимы логично назвать прецедентными, поскольку для них характерны вербальное выражение, известность значительной части представителей лингвокультурного сообщества, актуальность в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане, регулярная воспроизводимость, повторяемость в текстах. И прецедентный характер этих топонимов подвергает некоторым из них деонимизацию, что проявляется в их написании со строчной буквы, и употреблении в форме множественного числа. Но следует отметить, что свойство прописных и строчных букв не характерно для арабской графики:

«Москва и Санкт-Петербург больше не будут единственными Мекками искусства, считает Ольга Любимова» (Известия. 09.03.2021);

«Если послушать чиновников, у нас в стране не так уж все и плохо, даже по сравнению с «европами и америками»» (Свободная Пресса. 10.09.2021);

«Благодаря вечной мерзлоте и окружающим болотам он хорошо сохранился, не был разграблен и сегодня является клондайком для археологов» (АиФ. 30.12.2021).

Обычно топоним приобретает одно метафорическое значение. Так, например, *Чернобыль* обозначает любую катастрофу ядерного характера, или *Бородино*, топоним, который обозначает победу, и победу русских, в частности. Есть и некоторые топонимы, которые имеют несколько метафорических значений. Возьмём, например, *Китай*. Он может обозначать развивающую и сильную экономику, закрытую страну с минимальной свободой, некачественные и контрафактные товары. Обратимся к примерам:

«Второй *Китай*. Что ждет РФ, если к Таможенному союзу присоединится Вьетнам» (заголовок. Аргументы и Факты 11.11.2013). Из данного заголовка, даже без чтения текста всей статьи, видно, что Китай здесь символизирует сильную и развитую экономику.

«И глоток свежего воздуха, который до сих пор мы могли из Интернета получать, мы будем его лишены. И у нас тут воцарится **второй Китай** с его знаменитой Великой китайской интернет-стеной — Firewall» (Комсомольская правда. 01.04. 2021). В данном контексте Китай выступает как символ страны, которая ограничивает свободы своих граждан;

«Вьетнам — это не *Китай*» (подзаголовок. АиФ 11.11.2013). Здесь речь идет о том, что качество продукции из Вьетнама выше аналогичных товаров из Китая).

'في الوقت الحالي، يكمن أمل كشمير الوحيد في حقيقة أن الهند لم تسر بعد في الطريق الاستبدادي مثل الصين' (الشروق. 19.10.2019).

«На данный момент единственная надежда Кашмира заключается в том, что Индия еще не пошла по деспотическому пути, как **Китай**» (Аль-Шорук. 19.10.2019);

"إن كل الدول العربية فشلت في تقليد هذه الأجهزة مثل الصين" (الشروق 25/11/2016)

«Всем арабским странам, не как Китаю, не удалось производить контрафакт этих устройств» (Аль-Шорук. 25.11.2016).

Самая большая группа нашего исследовательского материала представлена теми топонимами, которые связаны с военными событиями. В данную группу входят названия стран (*Афганистан, Ирак, Нигерия, Сирия, Пакистан, Сомали, Ливия, Ливан, Панама, Купа, Косово, Вьетнам, Югославия, Никарагуа, Чечня, Гренада, Албания*), названия городов (*Сталинград, Алеппо, Хиросима, Нагасаки, Порт-Сауд, Будённовск, Акка, Айн-Джалут*), названия островов (*Цусима*), деревень (*Бородино, Ватерлоо*), названия полуостровов (*Балканы, Синай, Крым*), названия гаваней (*Перл-Харбор*). По нашему мнению, преобладание данных топонимов является естественным результатом актуальности

темы «война» в жизни любого народа. Эти топонимы сыграли важную роль в жизни и истории российского и арабских государств и мировой цивилизации. Они нередко становятся своего рода ориентирами, по которым оцениваются политические и военные ситуации в других местах. Арабские и русские журналисты употребили топонимы данной группы в следующих примерах:

«Возникает вопрос, что мы получим на месте бывшей, разложенной Украины. Второй «**Вьетнам**», вторую «**Югославию**» или второй «**Афганистан**»?» (Комсомольская правда, 10.05.2014);

«Расчет на то, чтобы город Алеппо стал новым **Сталинградом** для Асада и российских ВКС» (Правда. 21.10.2016);

«Сознавая, что сейчас произошло нечто более ужасное, политики, комментирующие это злодеяние, предпочитают говорить о «новом **Перл-Харборе**»» (Труд. 13.09.2001);

«Остается надеяться на дядю Барака, который при малейшем намеке на военную агрессию японцев вспомнит Перл-Харбор и пригрозит островитянам новой **Хиросимой**» (Известия. 06.07.2009);

«У каждого свой «**Ватерлоо**»» (подзаголовок. Российская газета. 18.08.2020);

"والإعلام دائماً يتحدث عن رد الفعل وليس الفعل، هل يصح أن اللاعب يتحدى ويحتفل كأنه فتح عكا" (اليوم السابع. 11.01.2021)

«СМИ всегда говорят о реакции, а не о действии. Правильно ли, что игрок бросает вызов и празднует, как будто он завоевал **Акку**?» (Альюм Альсабаа. 11.01.2021);

"أن الخوف الآن أن تتحول أوكرانيا إلى يوغسلافيا جديدة" (البيان. 01.11.2016)

«Сейчас опасаются, что Украина превратится в новую **Югославию**» (Альбаян. 01.11.2016);

"إن لم تغادر أميركا المنطقة فعليها الاستعداد لفيثنام جديدة"؛ تصريحات للرئيس الإيراني حسن روحاني" (الجمهورية 08.01.2020)

«Если Америка не уйдет из региона, ей придётся готовиться к новому **Вьетнаму**» — заявления президента Ирана Хасана Рухани» (Альжумхория. 08.01.2020)

"عين جالوت.. الجديدة" (عنوان. المصري اليوم. 04.09.2020)

«Новый **Айн-Джалут**» (заголовок, Аль-Масри Аль-Юм. 04.09.2020).

Большинство топонимов данной группы являются универсальными, т.е. известными любому среднему представителю любой культуры. Но среди них те топонимы, которые известны преимущественно представителям русской (*Будённовск, Цусима*) или арабской (*Порт-Сауд, Акка, Айн-Джалут, Синай*) культуры. Если в русской культуре *Сталинград* это символ сильного сопротивления врагам и победы над ними, то в арабской культуре *Порт-Сауд* и *Айн-Джалут* имеют ту же самую символику.

Похожей группой является та группа, в которую входят топонимы, связанные с трагедиями местного и мирового масштаба, места массовых казней, убийств, пыток, терактов, резни (*Бабий Яр, Хатынь, Кондопога, Чернобыль, Фукусима, Ходынка, Первомайск, Беслан, Бухенвальд, Бутовский полигон, Освенцим, Содом, Гоморра, Дейр-Ясин, Сабра и Шатила, Кирдаса*). К этой группе мы тоже относим топоним *Нюрнберг*, поскольку он связан с судебным процессом, состоявшимся для наказания людей, совершивших массовые убийства.

«И перед глазами крымчан встает уже не Косово — речь идет о возможности повторения «чеченского сценария», о новых Буденновсках и Бесланах на земле Тавриды» (Труд 03.06.2006);

«Нам не страшны Алма-Ата и события в Польше, ведь геройских патриотов с каждым днём всё больше, А для контры для матёрой, вроде Леха Валенсы, Мы по-новому откроем Бухенвальд и Освенцим» (Аргументы и Факты 14.11.2013)

«Второй Ходынки не будет» (Заголовок. Московский Комсомолец. 23.12.2010)

«Марш прошел вечером 1 января в украинской столице. Глава республики уверен, что участников марша и украинских националистов «ждет новый Нюрнберг»» (Московский Комсомолец 02.01.2017)

«В любой момент может случиться очередная «Фукусима»» (АиФ. 01.06.2011)

«Милиция утверждает, что никакой националистической подоплеки в событиях на Южном Урале нет, и новой Кондопоги они не допустят» (Московский Комсомолец 19.06.2008)

«ووصفت مجموعة الخبراء المكونة من 13 شخصا وباء كورونا في العالم بـ"تشرنوبل"

القرن الـ21"، مشيرة إلى أنه أمر كان يمكن تفاديه» (الشروق. 13.05.2021)

«Группа экспертов, состоящая из 13 человек, охарактеризовала эпидемию Короны в мире как «**Чернобыль 21 века**», отметив, что этого можно было избежать» (Аль-Шорук. 13.05.2021).

«نحن هنا لنظهر دعمنا لشعب اليابان في هذا اليوم الحزين، نقف سويا لنقول لا نريد

فوكوشيما جديدة في العالم» (جريدة الرأي الأردنية. 13.03.2012)

«Мы собрались здесь, чтобы выразить поддержку народу Японии в этот печальный день, мы собрались вместе, чтобы сказать, что не хотим новой *Фукусимы* в мире» (Иорданская газета Аль-Раи. 13.03.2012);

«البيزل»: الإخوان في حالة غليان. والأمن لن يسمح بـ«كرداسة» جديدة" (عنوان الشروق. 10.04. 2013)

«Эль-Язель: Братья-мусульмане находятся в состоянии кипения... и полиция не допустит новую «Кирдасу»» (Заголовок. Аль-Шорук. 04.10.2014);

مجزرة الشجاعة.. "صبرا وشاتيلا" أخرى" (عنوان. العربي الجديد. 20.07.2014)

«Резня в Шуджайе — это очередная «*Сабра и Шатила*»» (Заголовок. Аль-Араби Алжадид. 20.07. 2014);

"كان الجو النفسي المهيمن على القرية سوداويًا، وأن دير ياسين جديدة ستقع" (جريدة الصباح الفلسطينية. 01.05.2014)

«Психологическая атмосфера, царившая в деревне, была мрачной, и чувствуется, что новый *Дейр-Ясин* произойдёт» (Палестинская газета Аль-Сабах. 01.05.2014);

"للمرة الأولى المحررون من مخيم الركبان يروون لـ"سبوتنيك" رحلة الإفلات من "أوشفيتز سوريا"" (عنوان. سبوتنيك عربي. 26.04.2019)

«Впервые освобожденные из лагеря Рукбан рассказывают «Спутнику» о пути побега из «*Освенцима* Сирии»» (заголовок. Sputnik Арабский. 26.04.2019).

Немалое количество топонимов используются как символ богатства, элиты, престижа, гламура, моды, искусства, культуры, науки, цивилизации, власти, великолепной архитектуры или высокого социально-экономического статуса. Сюда входят континенты (*Европа*), страны или империи (*США, Швейцария, Византия, Эллада*), города (*Дубай, Рим, Пальмира, Вавилон, Манхэттен, Лас-Вегас, Голливуд, Венеция, Париж*), улицы (*Уолл-стрит, Шанз Элизе, Бродвей, Парк-авеню, Мухамед Али, Эмад Эль Дин*), туристические курорты (*Куршавель, Анталия, Шарм эль Шейх*), районы (*Рублёвка*), здания (*Версаль, Стоунхендж, Белый дом, Кремль, Смольный*), горы (*Олимп, Раимор*) и даже названия вымышленных мест (*Атлантида*):

«Не успели шасси самолета коснуться взлетной полосы, уже понравилась сама *Липецкая область* — настоящая *Европа*, чистая и ухоженная» (*Российская газета*. 04.07.2021);

«Там тут же вместо Кабардино-Балкарии появиться новая **Швейцария**, вместо Чечни — новый **Дубай**, вместо Дагестана — новая **Анталиа** или **Шарм эль Шейх** и так далее» (Политический журнал. 21.09.2010);

«Уже сегодня его называют местным **Манхэттеном** за яркость, необычность и новизну буквально во всем, начиная с проектировочных решений и заканчивая используемыми строительными материалами» (Российская газета. 13.02.2019);

«Вообще я представляла себе Владивосток чуть ли не как русский **Лас-Вегас** в блеске небоскребов, развлекательных центров, дорогих магазинов» (Комсомольская правда. 29.05.2018);

«Пассажиры могут узнать, к примеру, где находился «русский **Голливуд**», что такое тушинская прописка и почему на шпигле Северного речного вокзала красовалась золотая звезда» (Аргументы и Факты. 21.09.2019);

«Выйдя на улицу Ильича (своего рода местный **Бродвей**), я натыкаюсь на экскурсионную группу. Из Новосибирска сюда возят туристов на пешеходные прогулки» (Аргументы и Факты 23.11.2018);

«40 км от Сочи, добраться сюда — нет проблем. Садись на рейсовый автобус, и добро пожаловать в новый русский **Куриавель!**» (Комсомольская правда. 28.05.2014);

«Российский **Версаль** с верхним и нижним садами, дворцами, не уступающими по красоте европейским» (АиФ. 09.12.2021);

«Российский **Стоунхендж** и родина **Заратустры**» (заголовок. Комсомольская правда. 15.12.2010);

«Великая картина дополнена эскизами к ней и изображениями обнаженных юношей, создающими странный мир русской **Эллады**» (Известия. 08.06.2018);

«Но не совсем корректно представлять интригу ситуации как конфликт интересов рабочих из Нижнего Тагила и разжиревшей нефтянки вкупе с русским **Уолл-стритом**» (Коммерсантъ Деньги. 26.03.2012)

«Зачем власти сделали посёлок постоянным, допустили его рост — новую «**рублёвку**» сделать?» (Аргументы и Факты. 19.12.2013);

«Дочь Михаила Гуцериева Софья вышла замуж за Ингора Патиева. Грандиозное торжество в стиле **Атлантиды** устроили в Гостином» (Московский Комсомолец. 20.12.2021);

"وأطلق عليه أهالي طور سيناء «فينيسيا الشرق»» (المصري اليوم. 30.07.2020)

«Жители Тур-Синая называли его «**Венецией Востока**»» (Аль-Масри Аль-Юм. 30.07.2020);

"وعرف شارع الألفى باسم "شانزليزية وسط البلد"، للتشابه بينه وبين شارع شانزليزية

بياريس" (اليوم السابع. 28.04.2021)

«Улица Аль-Альфи была известна как «**Шанз Элизе** центра города» благодаря своему сходству с улицей Шанз Элизе в Париже (Альюм Альсабаа. 28.04.2021);

"لعدة عقود كان شارع عماد الدين يعتبر بروادوى مصر والشرق الأوسط" (صوت الأمة.

(29.10.2017

«В течение нескольких десятилетий улица Эмад Эль Дин считалась **Бродвеем** Египта и Ближнего Востока» (Саут Аль-Умма. 29.10.2017);

"تعدّ موسكو واحدة من أكبر المدن في العالم، وإحدى أهم الوجهات السياحية في روسيا.

يقال إنها مدينة لا تنام، فهي قلب روسيا النابض الذي لا يهدأ أبداً. سميت «روما الثالثة» لوجود

أكثر من 600 كنيسة فيها" (الاخبار. 14.06.2018)

«Москва — один из крупнейших городов мира и один из важнейших туристических центров России. Говорят, что это город, который никогда не спит, так как это бьющееся сердце России, которое никогда не отдыхает. Его называли «Третьим **Римом**», потому что в нём более 600 церквей» (Аль-Ахбар.14.06.2018);

"هل يجعل «بن سلمان» من مدينة «جازان» لبي جديدة؟" (صوت الأمة. 03.05.2017)

«Сделает ли «Бин Салман» город «Джазан» новым **Дубаем**?» (Саут Аль-Умма. 03.05.2017)

"صحيفة تبرز اكتشاف مصر لبقايا مدينة بخليج أبو قبير : **اطلانطس** مصر تدهش العالم"

(عنوان. اليوم السابع. 01.08.2019)

«Газета освещает открытие Египтом остатков города в заливе Абу-Кир: **Атлантида** Египта поражает мир» (Альюм Альсабаа. 01.08.2019);

"وتعتبر «مكاو» جاذبة للسائحين لوجود العديد من الكازينوهات فيها، وانتشار القمار

وكونه قانونيا بها، ولذلك تسمى **لاس فيجас** الشرق، أو **أوروبا** المنسية في آسيا" (المصري

اليوم. 20.10. 2017)

«Макао привлекателен для туристов тем, что в нем много казино, а азартные игры в нем широко распространены и легальны. Вот почему его называют **Лас-Вегасом** Востока или забытой **Европой** в Азии» (Аль-Масри Аль-Юм. 20.10.2017);

"يرد بايدن بأن هذه الانتخابات تمثل اختيارا بين الطبقة العاملة والطبقة الوسطى اللتين يدافع عنهما، و"بارك أفينيور" الشارع النيويوركي الذي يشكل رمزا للوريث الثري" (الغد.

(02.11.2021)

«Байден отвечает, что эти выборы представляют собой выбор между рабочим классом и средним классом, который он защищает, и нью-йоркской улицей **«Парк-авеню»**, которая является символом богатого наследника» (Аль-Гад. 2.11.2020).

В противоположную группу входят топонимы, которые символизируют бедность, преступность, нечистоту, безобразие, проституцию, дискриминацию или скандалы:

«**Окружающий мир** выглядел угрожающе, таил опасность, и режиссер великолепно обыгрывал урбанистическую натуру Свердловска — тогда «российского **Чикаго**»» (Российская газета. 19.01.2012);

«**Канцлер** не смогла решить кризис с беженцами, и прямо сейчас, когда она покидает свой пост, на границе Польши и Белоруссии строится новая **«берлинская стена»** — «впервые за 30 лет»» (Известия.03.12.2021);

««**Комсомолка**» даже обнаружила, что в Белоозерске, городке с населением в 13 тысяч человек, появился свой **«чайна-таун»**» (Комсомольская правда. 27.09.2014);

«**Но** стоит перейти дорогу и завернуть за угол первого попавшегося бирюлевского дома — как картинка «русского **Гарлема**» осыпается...» (Комсомольская правда. 20.10.2013);

«**По** его словам, в стране начинается киргизский **«уотергейт»**» (Независимая газета. 02.08.2021);

"عودة «حمام الملاطيلي».. التطور الرقمي لممارسة الأعمال المنافية للأداب" (الاخبار.

(30.01.2021)

«Возвращение **«Хаммама Эль-Малатили»**. цифровое развитие проституции» (Аль-Ахбар. 30.01.2021);

"صاروا فريسة لإرهاب النظام الذي قام بتحويل المحافظة إلى شيكاغو سوريا" (القدس

العربي. 16.07.2021)

«Они стали жертвой террора режима, превратившего провинцию в **Чикаго** Сирии» («Аль-Кудс Аль-Араби». 16.07.2021);

"وهو يذكر السياح الأميركيين بأحباء شهيرة تضم أكثرية من السود مثل هارلم وبروكلين"

(جريدة الغد. 09.08.2020)

«Он напоминает американским туристам районы, большинство жителей которых чернокожие, такие как *Гарлем и Бруклин*» (газета «Аль-Гад». 08.09.2020);

"نحذر من بويقة جديدة في أسوان.. الصخور تهدد منازل قرى أبو الريش" (عنوان. صوت

الأمة. 08.09.2018)

«Мы предупреждаем о новой *Деваке* в Асуане... скалы угрожают домам деревень Абу Ар-Риш» (Заголовок. Саут Аль-Умма. 09.08.2018);

"أحدث كتاب ماسون قدرا هائلا من الجدل. وأطلقت عليه جريدة نيويورك تايمز

"ووترجيت علم النفس"" (اليوم السابع. 04.06.2018)

«Книга Мейсона вызвала огромное количество споров. *New York Times* назвала её «*Уотергейтом* психологии» (Альюм Альсабаа. 04.06.2018).

Топонимы, где произошли акты протеста, также используют как символы любого подобного акта (*Болотная площадь, Новочеркасск, Пикалёво, Майдан, Гайд-парк, площадь Тахрир, Авеню Хабиба Бургибы* и др.):

«*Ждет ли нас новая «Болотная площадь» и как может выглядеть протестное движение сейчас?»* (Московский Комсомолец. 18.10.2018);

«*Эксперты считают, что таким образом власти пытаются избежать нового Пикалева и канализировать недовольство граждан в русло «борьбы с олигархами»*» (Независимая газета. 23.06.2009);

«*В Киеве решили проводить президента Зеленского на встречу в «нормандском формате» очередным Майданом*» (Московский Комсомолец. 08.12.2019);

«*Вопрос «Труда»: «Где наш Гайд-парк?»*» (заголовок. Труд. 25.05.2012);

"ساحة «باب الأحد» تحولت إلى «هايد بارك» العاصمة المغربية" (عنوان. الشرق

الأوسط. 02.07.2014)

«Площадь Баб-эль-Ахад превратилась в Гайд-парк марокканской столицы» (заголовок. Аль-Шарк Эль-Авсат. 2.07. 2014);

"تحولت منطقة حي النور، أمام مستشفى شرم الشيخ الدولي، إلى ميدان تحرير آخر، لم

تكن تتوقعه الجهات الأمنية" (المصري اليوم 13.4.2011)

«Район Аль-Нур, напротив Международного госпиталя Шарм-эль-Шейха, превратился в еще одну площадь Тахрир, чего не ожидали органы безопасности» (Аль-Масри Аль-Юм. 13.04.2011).

Арабские и русские журналисты, желая придать какому-то месту значение чрезвычайности, уподобляют его святым местам. Но здесь следует от-

метить, что русская культура более открытая, чем арабская, что проявляется в использовании русскими журналистами названий мусульманских святых мест для обозначения большого значения того или иного места:

«*Центр искусств Storm King (1 Museum Rd, New Windsor, NY 12553, около часа на машине от Нью-Йорка) — это открытый парк, который считается нью-йоркской «Меккой современного искусства»* (Московский Комсомолец. 24.09.2021);

«*Задонский район является одним из центров православия России, который с XIX века стали называть Русским Иерусалимом»* (Российская газета. 25.12.2015);

«*Следует понимать, что в исламском мире существует свой «Ватикан» — Саудовская Аравия, Катар»* (Московский Комсомолец. 28.03.2012);

«*مواطنو تشاد يشيدون بجهود مصر ويؤكدون "الأزهر قبلة العلم وعبدة العلماء"*

(الاهرام. 24.03.2021)

«Граждане Чада высоко оценивают усилия Египта и утверждают, что «Аль-Азхар — это Кибла науки и **Кааба** ученых» (Аль-Ахрам. 24.03.2021);

«*وقال رئيس لجنة الخارجية والأمن في البرلمان، الجنرال آفي ديختر، إن إسرائيل لن*

تسمح بتحول القدس إلى "مكة أخرى للمسلمين"» (العربي الجديد. 21.08.2016)

«Глава парламентского комитета по иностранным делам и безопасности генерал Ави Дихтер заявил, что Израиль не позволит того, что Иерусалим превратится в «ещё одну **Мекку** для мусульман»» (Аль-Араби Алжадид. 21.08.2016).

В русском языке топоним *Урюпинск* является символом провинциальности, замшелости, отсталости и где-то даже первобытности своих жителей. В арабском языке нет топонима с такой же символикой, но иногда используется топоним «*ين اوج لدا دي عصل*» для обозначения провинциальности:

«*Няня потом благополучно уехала в свой Урюпинск, а семья еще два года не могла восстановиться»* (Комсомольская правда. 24.06.2010);

«*عن ماذا يبحث الرئيس في الصعيد الجواني؟!»* (عنوان. المصري اليوم. 29.12.2021)

«Что ищет президент во **внутреннем Верхнем Египте?!»** (адрес. Аль-Масри Аль-Юм. 29.12.2021).

В арабской и российской прессе некоторые топонимы используются в метафоричном значении благодаря своей уникальности, так, например, *Бермудский треугольник* (символ таинственных исчезновений), *Эверест* и *Монблан* (символ высокого уровня какого-то дела, или совершенства), *Рубикон* (символ условной или реальной границы). В арабском языке пер-

вые два используются с той же символикой, в то время как третий вообще отсутствует.

«*Очередная авиакатастрофа добавила аргументации тем, кто давно утверждает: Приангарье, особенно в районе Иркутска, — это наш Бермудский треугольник*» (Труд. 12.11.2021)

«*Я ни секунды не пожалела, потому что Малашенко был для меня Эверестом и Монбланом в одном лице. Я поверить не могла своему счастью*», — рассказывала журналистка в социальных сетях» (Аргументы и Факты. 28.01.2022);

«*Наши Рубикон на пути в Европу*» (заголовок. Московский Комсомолец. 09.10.2012)

«*اعتبر مدرب ايطاليا انطونيو كونتي مواجهة ابطال العالم كاتسلق قمة ايفرست.*» (الشروق)

(02.07.2016)

По нашим наблюдениям, топонимы нашего материала обычно сопровождаются территориальными характеристиками (русский, российский, местный, арабский, египетский, свой и др.), темпоральными характеристиками (будущий, новый и др.), характеристиками регулярной повторяемости признака (второй, третий, очередной), указанием на подлинность признака (настоящий, оригинальный, сплошной); 5) характеристикой новой сферы принадлежности (культурный, компьютерный, цифровой, интеллектуальный и др.) [15. С. 409].

В арабской части нашего исследования мы, как можно, ограничивались топонимами, которые известны среднему представителю арабской культуры. Но, поскольку, арабский мир состоит из 22 стран, то в той или иной стране могут существовать топонимы, которые специфичны для именно данной страны, и употребляются побольше в разговорной речи. Например, в Египте, город *Шаркия* символизирует щедрость, *Минуфия* — скупость, *Мансура* — красивых девушек, гора *Мокаттам* — место «горячих» встреч влюбленных, улица *Аль-Харам* — значное место и др.

Если обратиться к русской лингвокультуре, мы также найдём релевантные топонимы, отмеченные национально-культурной коннотативной маркированностью: так, *Москва* в частности ассоциируется с самыми высокими карьерными возможностями; *Ростов-на-Дону* с опасностью, криминалом; *Санкт-Петербург* с культурой и красотой; *Великий Новгород* с древней историей; *Череповец* с промышленностью и производством; *Краснодар* с сельским хозяйством; *Иваново* с обилием невест и женской красотой и др. Вместе с тем, не следует забывать о том, что ассоциативный потенциал той или иной единицы способен в аспекте диахронии претерпевать определённые семантические сдвиги, отражая возможные изменения ценностных ориентаций социума.

Заключение

Анализ исследуемого нами материала позволяет сделать вывод о том, что в русскоязычных СМИ журналисты чаще, чем арабские, прибегают к приёму метафоризации топонимов, что в свою очередь находит своё отражение в количестве примеров с той и другой стороны. Обращает на себя внимание то, что в арабской и российской прессе преобладают универсальные топонимы, являющиеся, как отмечалось выше, неким свернутым текстом.

Как показывают результаты исследования, в процессе метафоризации топонимы способны трансформироваться в символы. Необходимо подчеркнуть и то, что как русские, так и арабские журналисты метафоризируют топонимы не только и не столько с целью наиболее адекватного представления мнения, оценки автором того или иного факта, явления действительности, но и в целях обеспечения максимально адекватного, в том числе эмоционального, воздействия на читателя. Поскольку, как известно, метафора способна участвовать в создании экспрессивно-эмоциональных зрительных образов, а они влияют также, как показывает практика и на чувственную сторону восприятия. Нельзя забывать и о том, что топонимические метафоры вызывают много дополнительных ассоциаций и активизируют культурную память адресата.

Библиографический список

1. Жучкевич В.А. Общая топонимика. Минск: Высшая школа, 1968.
2. Солопова О.А., Кошкарлова Н.Н., Сибиряков И.В. Образ Челябинска в британском медиадискурсе первой половины XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 1. С. 9–26. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-9-26>
3. Martynenko I.A., Chesnokova O.S. Hispanic Toponymy of Western Sahara: Stratigraphic and Typological Analysis // Training, Language and Culture. 2022. № 1. P. 75–85. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2022-6-1-75-85>
4. Радович М. Топонимы, катойконимы и топонимические прозвища Бразилии: морфологический и культурологический аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 4. С. 56–64.
5. Смирнова Е.В. Топонимические культурные доминанты в гастрономическом тезаурусе испанцев // Русистика. 2015. № 1. С. 87–91.
6. Перфильева Н.В., Новоспасская Н.В., Да Сильва Ф. Информационный компонент топонимов Гвинеи-Бисау и Кабо-Верде // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. № 6(2). С. 189–203. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2017.6\(2\).189-203](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2017.6(2).189-203)
7. Radović M., Chesnokova O.S., Akhrenov A.V. The role of toponymic periphrasis in developing professional competence in learning Spanish // Training, Language and Culture. 2020. № 1. P. 66–74. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2020-4-1-66-74>
8. Perfilieva N., Shi J., Novospasskaya N., Lazareva O. Linguistic and Cultural Features of Chinese Students Studying the Russian Language (Using the Example of Street Names in Chinese and Russian Cities) // INTED2020 Proceedings. Valencia, 2020. P. 3236–3240. <https://doi.org/10.21125/inted.2020.0932>
9. Горбаневский М.В. Русская городская топонимия. М., 1996.
10. Никонов В.А. Введение в топонимику. М.: ЛКИ, 2011.
11. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Индрик, 2005.

12. Суперанская А.В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1985.
13. Данильченко. А.В. Функционирование топонимов в русском газетном тексте: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Одесса, 1991.
14. Нахимова Е.А. Метафорические и метонимические значения топонимов в современных СМИ // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 1 (71). С. 78–85.
15. Врублевская О.В. Коннотативные макротопонимы: динамический аспект // Неофилология. 2021. Т. 7. № 27. С. 402–411. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-402-411>

References

1. Zhuchkevich, V.A. (1968). *General toponymy*. Minsk: Vishaya shkola. (In Russ.).
2. Solopova, O.A., Koshkarova, N.N. & Sibiriakov, I.V. (2022). The Image of Chelyabinsk in the 20th century British Media Discourse (1901–1950). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(1), 9–26. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-9-26> (In Russ.).
3. Martynenko, I.A. & Chesnokova, O.S. (2022). Hispanic Toponymy of Western Sahara: Stratigraphic and Typological Analysis. *Training, Language and Culture*, 1, 75–85. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2022-6-1-75-85>
4. Radović, M. (2016). Toponyms, demonyms and toponymic nicknames in Brazil: morphological and cultural aspects. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 4, 56–64. (In Russ.).
5. Smirnova, E.V. (2015). Toponymic Cultural Keynotes in Spanish Gastronomic Thesaurus. *Russian Language Studies*, 1, 87–91. (In Russ.).
6. Perfilieva, N.V., Novospasskaya, N.V. & Da Silva, F. (2017). The Information Component of Toponyms of Guinea-Bissau and Cape Verde. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 6(2), 189–203. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2017.6\(2\).189-203](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2017.6(2).189-203) (In Russ.).
7. Radović, M., Chesnokova, O.S. & Akhrenov, A.V. (2020). The role of toponymic periphrasis in developing professional competence in learning Spanish. *Training, Language and Culture*, 1, 66–74. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2020-4-1-66-74>
8. Perfilieva, N., Shi, J., Novospasskaya, N. & Lazareva, O. (2020). Linguistic and Cultural Features of Chinese Students Studying the Russian Language (Using the Example of Street Names in Chinese and Russian Cities). In: INTED2020 Proceedings. Valencia. pp. 3236–3240.
9. Gorbanevsky, M.V. (1996). *Russian urban toponymy*. Moscow. (In Russ.).
10. Nikonov, V.A. (2011). *Introduction to toponymy*. Moscow: LKI. (In Russ.).
11. Vereshchagin, E.M. & Kostomarov, V.G. (2005). *Language and culture*. Moscow: Indrik. (In Russ.).
12. Superanskaya, A.V. (1985). *What is toponymy?* Moscow: Nauka. (In Russ.).
13. Danilchenko, A.V. (1991). Functioning of toponyms in the Russian newspaper text [dissertation]. Odessa. (In Russ.).
14. Nakhimova, E.A. (2010). Metaphorical and metonymic meanings of toponyms in modern media. *Izvestia ural federal university journal. Series 1. Issues in education, science and culture*, 1(71), 78–85. (In Russ.).
15. Vrublevskaya, O.V. (2021). Connotative macrotoponyms: dynamic aspect. *Neophilology*, 27(7), 402–411. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-402-411> (In Russ.).

Сведения об авторах:

Ибрагим Ваиль Фахим, доцент кафедры русского языка Факультета иностранных языков (Аль-Альсун) Айн-Шамского университета в Каире (Египет); сфера научных интересов: лингвокультурология, межкультурная коммуникация, когнитивная лингвистика, семантика; e-mail: wfi1980@yahoo.com

ORCID ID: 0000-0002-3314-8672, eLIBRARY SPIN-код: 3982-8587.

Мамонтов Александр Степанович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, ФГБОУ ВО Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина; *сфера научных интересов*: лингвокультурология, лингвострановедение, этнопсихолингвистика, межкультурная коммуникация, методика преподавания РКИ, культурология; *e-mail*: as-mamontov2@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-6703-637X; eLIBRARY SPIN-код: 2815-4443.

Information about the authors:

Ibrahim W.F., Associate professor at the Department of Russian language, Faculty of foreign languages (Al-Asun), Ain-Shams university in Cairo (Egypt); *research interests*: cultural linguistics, intercultural communication, cognitive linguistics, semantics; *e-mail*: wfi1980@yahoo.com

ORCID ID: 0000-0002-3314-8672; eLIBRARY SPIN-code: 3982-8587.

Mamontov A.S. Professor at the Department of Russian Slovestnost and Cross-Cultural Communication, Pushkin State Russian Language Institute, *research interests*: cultural linguistics, linguistic and regional studies, ethnopsycholinguistics, intercultural communication, methods of teaching Russian as a foreign language, cultural studies; *e-mail*: as-mamontov2@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-6703-637X; eLIBRARY SPIN-code:2815-4443.

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-554-566

УДК [811.161.1:811.581]’23:61

Научная статья / Research article

Психолингвистическое описание ассоциативного поля МЕДИЦИНА в языковом сознании носителей русского и китайского языков

Вэй Сяо¹ , Лю Лифэн² , У Пэйхуа³

^{1,2} Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли,
510420, КНР, Гуанчжоу, бульвар Байюнь, 2

³ Шаньдунский женский институт,
250300, КНР, провинция Шандунь, Цзинань, Даксю, 2399

 grace-wei@yandex.ru

История статьи:

Дата поступления: 01.12.2021

Дата приема в печать: 1.04.2022

Для цитирования:

Вэй Сяо, Лю Лифэн, У Пэйхуа Психолингвистическое описание ассоциативного поля МЕДИЦИНА в языковом сознании носителей русского и китайского языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 554—566. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-554-566>

Psycholinguistic description of the associative field MEDICINE in the linguistic consciousness of Russian and Chinese speakers

Wei Xiao¹ , Liu Lifen² , Wu Peihua³

^{1,2} Guangdong University of Foreign Studies,
2 Baiyun Blvd N, Baiyun, Guangzhou, Guangdong Province, China, 510420

³ Shandong Women's University,
2399, Daxue Road, Shizhong District, Jinan, Shandong, China, 250300

 grace-wei@yandex.ru

© Вэй Сяо, Лю Лифэн, У Пэйхуа, 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Article history:

Received: 01.12.2021

Accepted: 1.04.2022

For citation:

Wei, Xiao, Liu, Lifan & Wu, Peihua (2022). Psycholinguistic description of the associative field MEDICINE in the linguistic consciousness of Russian and Chinese speakers. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), 554–566. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-554-566>

Введение

В настоящее время развитие психолингвистических исследований находится на этапе, когда «была разработана методология, основанная на традиционных и новых подходах к такому неоднозначному постоянно развивающемуся объекту, как язык» [1. С. 231]. Особое внимание исследователей сосредоточено на психологической структуре лексической единицы, анализ проводится в попытках установить «что лежит за словом в индивидуальном сознании и подсознании, какие параметры значения актуальны для пользователя словом» [2. С. 8] при осознании «недостаточности привычных дефиниций толкового словаря для описания многогранного психического коррелята значения слова» [3. С. 153]. Виды ассоциативных реакций исследователи классифицируют по-разному, так, Г.С. Щур классифицирует ассоциации как онтологические, которые связаны с социальными причинами, эмпирические, которые мотивированы личным опытом и психологические, которые понимаются как случайные [4]. Н.В. Уфимцева выделяет синтагматические, парадигматические и словообразовательные ассоциации [5. С. 207–219]. В.Н. Телия описывает национально-культурные, общекультурные, индивидуально-авторские [6. С. 91]. Под национально-культурными ассоциациями понимаются те реакции, которые связываются с конкретными представителями одной лингвокультуры и не могут принадлежать кому-либо, не связанному с ней; под общекультурными ассоциациями понимаются те, которые связаны с общечеловеческими ценностями и представлениями [7–10].

Ассоциативный эксперимент является также инструментом для сопоставительных исследований лексических систем разноструктурных или просто неродственных языков [11–13], в том числе, в аспекте межкультурной коммуникации [14–16]. Данный аспект мотивирован задачей выявления общего и культурно-специфического в сознании носителей разных лингвокультур для разделения взаимовлияния культурных, религиозных и других социальных особенностей на языковое сознание. В фокусе внимания оказывается ассоциативное значение, представляющее собой основу внутренней структуры, глубинные модели, связи и отношения которой складываются у носителя определенного языка через мышление и речь, лежат в основе когнитивной организации его опыта и могут быть обнаружены через анализ представленных ассоциативных связей лексической

единицы [17]. Ключевым для работ подобной направленности является утверждение Ю.Н. Караулова: «Любое слово в нашем сознании, в памяти (точно так же, как и в речевой цепи) не существует в отдельности: оно десятками, сотнями „нитей“ тянется к другим словам. Любое слово требует „продолжения“, ищет свою пару, хочет превратиться „в модель двух слов“» [18. С. 191].

Психолингвистический эксперимент проводится для того, чтобы поставить испытуемого в ситуацию выбора и принятия решения, которое, как известно, может быть осознанным и неосознанным [19. С. 74]. Наиболее частотным для исследования подобного рода является свободный ассоциативный эксперимент. В нашем исследовании мы опирались на данные, полученные в результате проведения свободного ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие респонденты, владеющие китайским и русским языком, как не имеющие отношения к медицине, так и связанные с медициной. Результаты анализа полученного языкового материала позволяют описать ассоциативное поле МЕДИЦИНА в языковом сознании носителей русского и китайского языков

Результаты исследования

В результате анализа полученных данных были определены тематические группы ассоциаций, полученных от информаторов-носители китайского и русского языков, которые можно объединить в такие сферы, как

- 1) ассоциации, связанные с нахождением в лечебных учреждениях, с которыми соотносятся наименования действий, направленных на лечение больных, наименование обследований и этапов лечения, документов и письменных указаний, атрибутов, а также лечебных и вспомогательных учреждений;
- 2) ассоциации, связанные с метаязыком медицины, к которым относятся наименование болезни и болезненных поражений, симптомов и физических реакций; наименование лекарственных средств, частей тела и систем организма, лекарственные растения, наименование медицинских специальностей и медицинского персонала, медицина как наука и ее разделы;
- 3) ассоциации, связанные со сферой получения медицинского образования;
- 4) наименование психо-эмоционального восприятия, чувств и физического ощущения, связанных с медицинскими услугами;
- 5) общефилософские ассоциации;
- 6) бытовые;
- 7) символические ассоциации.

Необходимо отметить, что на уровне тематической представленности группы в целом совпадают с результатами полученными из реакций на стимул *медицина* русскоязычных ассоциативных словарей [20–22]¹:

¹ Приведенные примеры взяты из [20].

- 1) ассоциации, связанные с лечебными учреждениями: *больница* (10); *врач* (*и*) (8); *халат* (3); *доктор* (1); *медсестра* (1); *шприц* (1); *бесплатная* (4); *страховая* (3); *нетрадиционная* (2); *лекарство* (2); *платная* (2); *военная* (1); *здравоохранение* (1); *спирт* (1); *таблетки* (1); *народная* (4); *скорая* (1); *тибетская* (1); *традиционная* (1); *болезнь* (1); *больной* (1);
- 2) ассоциации, связанные с метаязыком медицины: *хирург* (2); *вакцина* (1); *аппендицит* (1); *наркотик* (1); *медикаменты* (1); *лечение* (1); *скальпель* (1);
- 3) ассоциации, связанные со сферой получения медицинского образования: *наука* (7); (1); *высшая наука* (1); *гуманитарная* (1); *отрасль* (1); *научная* (1);
- 4) наименование психо-эмоционального и физического восприятия, чувств и ощущений, связанных с медицинскими услугами: *бессильна* (4); *плохая* (3); *бедная* (2); *бесполезна* (1); *всесильна* (1); *отличная* (1); *милосердная* (1);
- 5) общефилософские ассоциации: *здоровье* (2); *здоровье человека* (1); *смерть* (1); *страдание* (1); *человек* (1);
- 6) символические ассоциации: *змея* (1); *красный крест* (1).

Особенностью проведенного эксперимента стало наличие среди респондентов двух групп людей, имеющих медицинскую подготовку и не имеющих медицинского образования. Наиболее частотными (> 3) оказались следующие совпадения у русских и китайских респондентов (см. таблицу 1).

Данные, приведенные в таблице, позволяют описать ассоциативное поле МЕДИЦИНА как лексическое множество, выстраивающееся вокруг двух ядер: *врач* и *пациент*.

Основные различия в частотных ассоциациях между респондентами, не имеющими профессионального отношения к медицине (РНОМ), и респондентами, имеющими профессиональное отношение к медицине (РМ), мы увидели в использовании лексики, принадлежащей к метаязыку медицины и в преобладании реакций-оценок состояния здоровья, медицинских услуг и сопутствующих явлений, связанных с ядром «пациент» у РНОМ, и, соответственно, связанных с ядром «врач» у РМ. Например, упоминание лексики сферы стоматологических услуг у русскоговорящих (16) РНОМ относительно (1) РМ; у китайцев (1) РНОМ относительно (1) РМ; *рентген* (5) РНОМ относительно (0) РМ и у китайцев (3) РНОМ относительно (0) РМ говорит о том, что эти исследования и услуги являются наиболее востребованными у среднестатистического человека, и данная лексика актуализируется в рамках ассоциативного эксперимента. К этому же полю можно отнести вербализированные трудности профессии: *маленькая зарплата* (1); *врачебная ошибка* (1) у русских респондентов и *тяжелая работа* (5); *трудно стать врачом* (5); *не заботиться о семье* (1); *система медицины — не показывает цену врачей* (1); *тяжело* (1) у китайских участников ассоциативного эксперимента.

Таблица 1 / Table 1

Частотные ответы респондентов по группам / Frequency responses of respondents by groups

тематические группы / thematic groups	русские информанты / Russian informants		китайские информанты / Chinese informants	
	русские, не имеющие профессионального отношения к медицине (PHOM) / Russians who are not professionally related to medicine	русские, имеющие профессиональное отношение к медицине (PM) / Russians with a professional relationship to medicine	китайцы, не имеющие профессионального отношения к медицине (PHOM) / Chinese who are not professionally related to medicine	китайцы, имеющие профессиональное отношение к медицине (PM) / Chinese people who are professionally related to medicine
ассоциации, связанные с лечебными учреждениями:	врач (42); больница (27); укол (26); белый халат (22); таблетка (21); поликлиника (15); доктор (15); шприцы (12); капельница (9); аптека (8); больной (7); палата (7); медсестра (6); пациент (6); белый цвет (3); бахилы (3); клиника (3); нетрадиционная (3); китайская (3); народная (3); традиционная (3); полис (3)	врач (21); больница (16); белый халат (13); медсестра (8); укол (8); таблетка (5); бинт (4); доктор (4); дежурство (4); чистота (4); шприцы (4); поликлиника (4); операционная (4); медицинские инструменты (3); капельница (3); палата (3); госпиталь (3); бокс (3); излечение (3); народная (3); пациент (3)	медсестра (21); больница (19); китайская (16); врач (15); белый халат (13); скальпель (7); западная (6); укол (4); запах дезинфицирующего средства (4); народная (4); полис (4); маска (3)	белый цвет (3); маска (3); ночные дежурства (3)
ассоциации, связанные с метазыком медицины:	лекарство (29); лечение (13); операция (12); анализ (10); кровь (8); стоматология (8); стоматолог (8); хирургия (5); рентген (5); рецепт (4); флюорография (4); вакцина (3); вирус (3); заболевание (3); хирург (3); гинеколог (3)	лекарство (16); операция (12); лечение (9); анализ (5); кровь (4); исследование (4); история болезни (4); консилиум (3); хирургия (3); рецепт (3); фельдшер (3)	операция (15); лекарство (10); исследование (10); рак (8); иглоукалывание (8); хирургия (6); лекарственные травы (5); взять кровь (4); кровь (3); переливание крови (3); (3); рентген (3); насморг (3); вирус (3)	лекарство (4); щупать пульс (3)

Окончание таблицы 1 / The End of Table 1

тематические группы / thematic groups	русские информанты / Russian informants		китайские информанты / Chinese informants	
	русские, не имеющие профессионального отношения к медицине (PHOM) / Russians who are not professionally related to medicine	русские, имеющие профессиональное отношение к медицине (PM) / Russians with a professional relationship to medicine	китайцы, не имеющие профессионального отношения к медицине (PHOM) / Chinese who are not professionally related to medicine	китайцы, имеющие профессиональное отношение к медицине (PM) / Chinese people who are professionally related to medicine
ассоциации, связанные со сферой получения медицинского образования:		знание (4); колледж (3); медицинский факультет университета (3); наука (3); учеба (3)	анатомия (7); медицинский институт (5); наука (3)	наука (3)
наименование психо-эмоционального и физического восприятия	боль (13); помощь (8); спасение (3)	помощь (25); добро/доброта (11); боль (10); милосердие (10); ответственность (9); спасение (8); радость (5); благодетельство (5)	святость (6); вклад (6); ответственность (6); боль (5); уважение (4); профессиональный (3); спасать людей (3)	ответственность (8); святость (7); тщательность (4); любовь (4); доброта (4); помощь (4); ангел (3)
отрицательные эмоции	очередь (7)	дорого (3)	конфликт между больным и врачами (25); дорого (8); трудно стать врачом (5); тяжелая работа (5); очередь (4); прием к врачу трудно заказать (3)	усталость (12); конфликт между больным и врачами (8); не понять друг друга (4)
общепсихологические ассоциации:	болезнь (16); здоровье (16); жизнь (4)	здоровье (19); болезнь (13); жизнь (9); смерть (3)	здоровье (12); смерть (7); жизнь (4); болезнь (3)	
бытовые	каша (5); чай с лимоном (4)	грибы (3)	яблоки (4); красный сахар с имбирем (3); кипяток (3); питание (3)	грецкий орех (3); чеснок (3)
символические ассоциации (все)	красный крест (7); чаша со змеей (3)	змея (1); крест (1); кадуцей (1)	красный крест (3)	

Китайские и русские респонденты всех групп на первое место ставят в ассоциациях, связанных с лечебными учреждениями, такие, как *врач/ доктор, больница, медсестра, белый халат*. Необходимо отметить, что китайцы чаще упоминали *медсестер* (22), чем русскоязычные респонденты (14).

Ядро «пациент» рассмотрено в таких частотных ассоциациях, как *больной; очередь; здоровье; болезнь; выздоровление; исцеление; лечение дома*; нескольких определениях к слову медицина, характеризующий способы лечения — *китайская, народная, западная* (китайские респонденты); *традиционная, нетрадиционная, китайская, советская, спортивная* (русскоговорящие респонденты) и др. Китайцы ценят свою медицину — мы получили 20 ответов: *китайская* (16), *народная* (4), сделанных китайскими РНОМ.

И русские респонденты, и китайцы отметили что занятие медициной — *благородная профессия* (1), *достойная уважения* (2), ее отличает *сострадание* (1), внимание (1), ее цель — *спасение жизни* (1) (реакции русских респондентов обеих групп). Китайцы считают, что характерная черта врача — *святость* (14); *спасать людей* (3); врач — *глубокий* (1), *многогранный* (1), *ангел* (3), а *ответственность* (8) и *забота* (2) характеризуют данную сферу деятельности.

Среди врачей наиболее частым является группа ассоциатов *хирургия: хирург, хирургия, операция, скальпель, хирургический костюм, трепанация черепа*, которые присутствуют в ответах профессионалов и людей, не имеющих отношения к медицине. Среди манипуляций русские пациенты частотно (9) отмечают слово *капельница*, респонденты, имеющие отношение к медицине — (3); в китайских ответах такой ассоциации нет. *Дезинфекция* отмечена чаще в ответах китайских респондентов (5), чем в русских (1). Респонденты, которые пользуются медицинскими услугами, не забыли о *масках* и *бахилах, очереди*, высокой стоимости (*дорого*).

Среди наименований специальностей врачей отмечены *гинеколог* (3); *ортопед* (1); *уролог* (1); *психиатр* (1); *аллерголог* (1); *дерматолог* (1); *косметолог* (1); *акушерка* (1); *анестезиолог* (1); *терапевт* (1); *педиатр* (1); *кардиолог* (1) у русских респондентов. У китайцев список уже: *стоматолог* (2); *врач-специалист по судебной медицине* (2); *врач-педиатр* (2). Важно отметить, что оба рассматриваемых списка относятся к РНОМ.

Интересно сравнение ассоциатов-наименований болезней и болезненных поражений, представленное в таблице 2.

В каждой из групп доминируют единичные реакции, исключением является только *рак* (8), *насморк* (3), *простуда* (2) и *цирроз печени* (2) у китайских РНОМ; *психическая (душевная) болезнь* (2) у китайских РМ и *грипп* (2) и *перелом* (2) у русских РНОМ. Среди единичных реакций есть термины, которые употребляют РНОМ: *СПИД* (1), *ВИЧ* (1), *Альцгеймер* (1) у русских респондентов и *дисменорея* (1), *бактериальная инфекция* (1), *ВИЧ* (1), *детский спинномозговой паралич* (1), *СПИД* (1), *диабет* (1), гипертония (1), *гиперостоз* (1),

аппендицит (1) у китайских респондентов. Это, безусловно, свидетельствует о высоком уровне медицины, в том числе, превентивной, в Китае и России, с одной стороны, с другой — о распространенности болезней у респондентов и их ближайшего окружения.

Таблица 2 / Table 2

Наименования болезней / Names of diseases

Русские информанты / Russian informants		Китайские информанты/ Chinese informants	
русские, не имеющие профессионального отношения к медицине (PHOM) / Russians who are not professionally related to medicine	русские, имеющие профессиональное отношение к медицине (PM) / Russians with a professional relationship to medicine	китайцы, не имеющие профессионального отношения к медицине (PHOM) / Chinese who are not professionally related to medicine	китайцы, имеющие профессиональное отношение к медицине (PM) / Chinese people who are professionally related to medicine
<p>грипп (2); перелом (2); рак (1); СПИД (1); ВИЧ (1); оспа (1); свинка (1); ожог (1); рана (1); простуда (1); ранение (1); растяжение (1); смещение (1); вывих (1); Альцгеймер (1); аллергия (1)</p>	<p>лихорадка (1); рана (1); разрез (1); депрессия (1); грипп (1); близорукость (1)</p>	<p>рак (8); насморк (3); простуда (2); цирроз печени (2); дисменорея (менструальные боли) (1); ВИЧ (1); детский спинномозговой паралич (1); СПИД (1); диабет (1); гипертония (1); гиперостоз (1); аппендицит (1); инфекция (1); бактериальная инфекция (1)</p>	<p>психическая (душевная) болезнь (2); цирроз печени (1); ВИЧ (1)</p>

Национально-культурные отличия мы увидели в таких ответах, как *каша* (5) и *чай с лимоном* (4) у русских РНОМ, *яблоки* (4); *красный сахар с имбирем* (3) и *кипяток* (3) у китайских РНОМ, составляющих семантическую группу питание. Общеизвестно о том, что китайцы часто пьют горячую воду, считая, что многие болезни связаны с переохлаждением и соответственно потребление горячей воды — одно из главных составляющих крепкого здоровья. О популярности яблок свидетельствуют общеизвестные факты о том, что яблоки входят в первую тройку фруктов Китая по объему производства, Китай выращивает половину всех яблок в мире, большую часть продукции потребляет население страны. Ассоциат *грибы* (3), который отмечен в группе русскоговорящих РМ, на наш взгляд, связан с частотными отравлениями грибами заканчивающимися госпитализацией. Предсказуемыми были реакции *зелёнка*, *настойка йода* у русских РНОМ — широко распространенные антисептики, которые популярны в русской культуре.

Из нечастотных употреблений, которые можно отнести к национально-культурным отличиям, стоит упомянуть ассоциат *вайда красильная* (1) в группе китайских РНОМ. Это растение известно и в России, и в Китае, но в Китае его специально выращивают как лекарственное растение, используемое в народной медицине. Листья и корень применяется и в официальной медицине тоже в виде отваров при различных воспалительных и простудных заболеваниях. Данное растение включено в официальную фармакопею Китая.

Интересно рассмотреть использование продуктов питания в лечение или уходе за больным человеком: у русскоговорящих РНОМ отмечены ассоциаты *апельсины* (2), возможно в контексте *навещать кого-либо в больнице*, *женьшень* (2), *масала-чай*; у китайских РНОМ — *редька* (1), *сельдерей* (1), у РМ имбирь (2), все данные продукты имеют высокую биологическую активность.

К национально-культурным отличиям мы отнесли такие ответы с негативной семантикой, как: *купленные дипломы* (1) у русских РНОМ; *шарлатан* (1) у русских РМ; *конфликт между больным и врачами* (25) у китайских РНОМ, *конфликт между больным и врачами* (8) у китайских РМ. Для русской культуры не характерен конфликт между врачом и пациентом, хотя исследователи вопросов биоэтики отмечают подобный конфликт как нарастающую тенденцию. В Китае забота о своем здоровье актуализирована в сознании человека, следовательно, он борется за максимальное внимание к своему здоровью со стороны врача.

Символические ассоциации совпадают у русских и китайских респондентов: *красный крест*, *чаща со змеей*, *кадуцей*, что говорит о наднациональном значении символов. Это же можно сказать о наименовании медицинских традиций, например, о *клятве Гиппократа*, которую отметили в своих ответах русские РНОМ (2), русские РМ (6) и китайские РМ (1). Схожим образом в ответах опрошенных нашла свое отражение дихотомия *болезнь — здоровье и жизнь — смерть*: русские РНОМ: *здоровье* (16) — *болезнь* (16); *жизнь* (4) — *смерть* (1); русские РМ: *здоровье* (19) — *болезнь* (13); *жизнь* (9) — *смерть* (3); китайские РНОМ: *здоровье* (12) — *болезнь* (13); *жизнь* (4) — *смерть* (7).

Выводы

Цель, которая была поставлена перед проведением ассоциативного эксперимента, как нам представляется, достигнута — составлено психолингвистическое описание ассоциативного поля МЕДИЦИНА в языковом сознании носителей русского и китайского языков, которое представляет собой несколько семантических групп и в их общности воспроизводит фрагмент языкового сознания представителей русской и китайской лингвокультуры.

Носители китайского языка и носители русского языка, которые профессионально не вовлечены в медицину, совпадают в представлении о значимо-

сти медицинских услуг в жизни современного человека, характеризуются достаточно высоким уровнем погружения в структуру медицинской отрасли, знакомы с симптомами и названиями болезней и медицинских манипуляций, осознают работу врачей как тяжелый и социально значимый труд.

Носители китайского языка и носители русского языка, которые связаны с медицинской сферой, отличаются в степени детализации специальной лексики, разнообразие которой отмечено в единичных реакциях в ответах русских респондентов; ответы китайских респондентов данной группы более типизированы.

Перспективу исследования мы видим в построении ассоциативного поля ПАЦИЕНТ и ВРАЧ для носителей двух рассматриваемых лингвокультур в сознании представителей разных возрастных групп.

Библиографический список

1. Лазарева О.В. Языковая личность: результаты и перспективы исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 229–237. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-229-237>
2. Виноградова О.Е. Сопоставительный анализ методик экспериментального исследования семантики слова // Сопоставительные исследования. Вып. 13. С. 7–13. Воронеж: Истоки, 2016.
3. Залевская А.А. Некоторые актуальные направления психолингвистического исследования лексики. Проблемы семантики: психолингвистические исследования. Тверь, 1991.
4. Щур Г.С. О типах лексических ассоциаций в языке // Семантическая структура слова: психологические исследования. М.: Наука, 1986.
5. Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. М.: Институт языкознания РАН, 2000. С. 207–219.
6. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1971. С. 140–151.
7. Сафаралиева Л.А. Эволюция ассоциативно-вербальной сети концепта «Старость» в языковом сознании носителей русского языка 20-х гг. XXI столетия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 1147–1159. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-1147-1159>
8. Дмитриева Н.М., Чулкина Н.Л. Трансформации в семантике вербализаторов этических концептов «Любовь» — «Милосердие» — «Целомудрие» — «Добродетель» // Русистика. 2022. Т. 20. № 1. С. 52–67. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-1-52-67>
9. Ван Ч. Экспериментальное исследование ассоциативных единиц носителей китайского языка // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2012. № 4. С. 108–118.
10. Кольшиева О.Н. Война в языковом сознании молодых россиян: ассоциативный эксперимент // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 339–358. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-339-358>
11. Sibul V. Psycholinguistic analysis of lexical-semantic structure in linguistic consciousness of Russian, English and German native speakers // Training, Language and Culture. 2017. № 1(2). P. 54–70. <https://doi.org/10.29366/2017tlc.1.2.4>

12. Тихонова Е.В. Психолингвистическое описание конгруэнтности семантического поля РОДИТЕЛИ в языковом сознании русских и китайцев // *Magister Dixit*. 2013. № (2). С. 193–202.
13. Шаклеин В.М., Скомаровская А.А. Особенности перцепции слов греческого происхождения представителями современной русской лингвокультуры: ассоциативный эксперимент // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2021. Т. 12. № 4. С. 1036–1050. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-1036-1050>
14. Харченко Е.В., Цзино Ч. Образ ребенка в языковом сознании носителей разных лингвокультур (о данным ассоциативных словарей) // *Вопросы психолингвистики*. 2018. № 3(37). С. 82–92.
15. Исаева Э.С., Васильева Э.Г. Ассоциативное поле концепта «огонь» в языковом сознании носителей русского языка на фоне латышской лингвокультуры // *Русистика*. 2021. Т. 19. № 3. С. 241–252. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-3-241-252>
16. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение — новая онтология анализа языкового сознания // *Этнокультурная специфика языкового сознания. Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева*. М., 2003.
17. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М., 2001.
18. Караулов Ю.Н. Русские ассоциативный словарь как новый лингвистический источник инструмента анализа звуковой способности // *Русский ассоциативный словарь под ред. Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина, Г.А. Черкасовой, Н.В. Уфимцевой, Е.Ф. Тарасова*. М.: Помовский и партнеры, 1994. Кн. 1. С. 191–218.
19. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 2005.
20. Ассоциативные эксперименты и словари онлайн. Режим доступа: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 04.04.2021).
21. Черкасова Г.А. Русский сопоставительный ассоциативный словарь. М.: ИЯз РАН, 2008. Режим доступа: <http://it.claim.ru/Projects/ASIS/RSPAS/zapusk.htm> (дата обращения: 04.04.2021).
22. Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Русский ассоциативный словарь. М.: Астрель, АСТ, 2002. Режим доступа: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 04.04.2021).

References

1. Lazareva, O.V. (2021). Language Personality: Results and Prospects of the Study. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 229–237. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-229-237>
2. (In Russ.).
3. Vinogradova, O.E. (2016). Comparative analysis of the methods of experimental study of the semantics of the word. In: *Comparative studies*. Iss. 13. Voronezh: Istoki. pp. 7–13. (In Russ.).
4. Zalevskaya, A.A. (1991). *Some current trends in the psycholinguistic study of vocabulary. Problems of Semantics: Psycholinguistic Studies*. Tver. (In Russ.).
5. Shchur, G.S. (1986). On the types of lexical associations in the language. In: *Semantic structure of the word: psychological research*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
6. Ufimtseva, N.V. (2000). Linguistic consciousness and the image of the world of the Slavs. In: *Linguistic consciousness and the image of the world*. Moscow: Institute of Linguistics RAS. pp. 207–219. (In Russ.).
7. Teliya, V.N. (1971). *The connotative aspect of the semantics of nominative units*. Moscow: Nauka. pp. 140–151. (In Russ.).
8. Safaraliev, L.A. (2021). Evolution of the Associative-Verbal Network of the Concept “Old Age” in the Language Consciousness of the Native Russian-Language Speakers of the 20s

- of the XXI Century. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(4), 1147–1159. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-1147-1159> (In Russ.).
9. Dmitriyeva, N.M. & Chulкина, N.L. (2022). The transformed semantics of the verbalizers of the ethical concepts “Love” — “Mercy” — “Chastity” — “Virtue”. *Russian Language Studies*, 20(1), 52–67. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-1-52-67> (In Russ.).
 10. Wang, Ch. (2012). Experimental study of associative units of Chinese speakers. *Moscow University Philology Bulletin*, 4, 108–118. (In Russ.).
 11. Kolysheva, O.N. (2021). War in the Young Russians Language Consciousness: An Associative Experiment. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 339–358. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-339-358> (In Russ.).
 12. Sibul, V. (2017). Psycholinguistic analysis of lexical-semantic structure in linguistic consciousness of Russian, English and German native speakers. *Training, Language and Culture*, 1(2), 54–70. <https://doi.org/10.29366/2017tlc.1.2.4>
 13. Tikhonova, E.V. (2013). A psycholinguistic description of the congruence of the associative field PARENTS in the language consciousness of the Russian and the Chinese. *Magister Dixit*, (2), 193–202. (In Russ.).
 14. Shaklein, V.M. & Scomarovskaia, A.A. (2021). Peculiarities of Greek Origin Words Perception by the Representatives of Contemporary Russian Linguistic Culture: Associative Experiment. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(4), 1036–1050. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-1036-1050> (In Russ.).
 15. Kharchenko, E.V. & Jin, Zhi (2018). The Image of the Child in Language Consciousness of Native Speakers of Chinese and Russian Linguocultures (a Case Study of Associate Experiment Data). *Journal of Psycholinguistics*, 3(37), 82–92. (In Russ.).
 16. Isajeva, E.S. & Vasiljeva, E.G. (2021). Associative field of the concept “fire” in the linguistic consciousness of native Russian speakers at the background of the Latvian linguistic culture. *Russian Language Studies*, 19(3), 241–252. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-3-241-252> (In Russ.).
 17. Tarasov, E.F. (2003). Intercultural communication — a new ontology for the analysis of linguistic consciousness. In: *Ethnocultural specifics of linguistic consciousness*. Collection of articles, N.V. Ufimtseva (Ed.). Moscow. (In Russ.).
 18. Krasnykh, V.V. (2001). *Fundamentals of psycholinguistics and communication theory*. Moscow. (In Russ.).
 19. Karaulov, Yu.N. (1994). Russian Associative Dictionary as a New Linguistic Source of a Tool for Analyzing Language Ability. In: *Russian Associative Dictionary*, Yu.N. Karaulov, Yu.A. Sorokin, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimtseva, E.F. Tarasov (eds.). Moscow: Pomovsky and partners. Bk. 1. pp. 191–218. (In Russ.).
 20. Leontiev, A.A. (2005). *Fundamentals of psycholinguistics*. Moscow. (In Russ.).
 21. Associative experiments and online dictionaries. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (date of access: 04/04/2021).
 22. Cherkasova, G.A. (2008). *Russian comparative associative dictionary*. Moscow. URL: <http://itclaim.ru/Projects/ASIS/RSPAS/zapusk.htm> (accessed: 04/04/2021). (In Russ.).
 23. Karaulov, Yu.N., Cherkasova, G.A., Ufimtseva, N.V., Sorokin, Yu.A. & Tarasov E.F. (2002). *Russian Associative Dictionary*. Moscow: Astrel. URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (accessed: 04.04.2021). (In Russ.).

Информация об авторах:

Вэй Сяо, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка Института европейских языков и культур, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли; *сфера научных интересов*: психолингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, лексикология, семантика; *e-mail*: grace-wei@yandex.ru

ORCID ID:0000-0002-3524-9020

Лю Лифэнь, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Исследовательский центр переводоведения и Институт европейских языков и культур, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли; *сфера научных интересов*: сопоставительная лингвистика, контрастивная лингвистика, переводоведение, психолингвистика. *e-mail*: liulifen1993@163.com

ORCID ID: 0000-0002-0003-0723

У Пэйхуа, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка Института иностранных языков, Шаньдунский женский институт; *сфера научных интересов*: лингвокультурология, лексикология, семантика; *e-mail*: 1320236988@qq.com.

ORCID ID: 0000-0001-7406-7046

Information about authors:

Wei Xiao, PhD in Philology, Senior Lecturer, Department of the Russian language Faculty of European Languages & Cultures, Guangdong University of Foreign Studies; *Research interests*: psycholinguistics, cognitive linguistics, linguoculturology, lexicology, semantics; *e-mail*: grace-wei@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-3524-9020

Liu Lifan, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian language, Center for Translation Studies and Faculty of European Languages & Cultures, Guangdong University of Foreign Studies; *Research interests*: comparative linguistics, contrastive linguistics, translation studies, psycholinguistics; *e-mail*: liulifen1993@163.com

ORCID ID: 0000-0002-0003-0723

Wu Peihua, PhD in Philology, Senior Lecturer, Department of the Russian language, University of the Foreign languages, Shandong Women's University; *Research interests*: linguoculturology, lexicology, semantics; *e-mail*: 1320236988@qq.com

ORCID ID: 0000-0001-7406-7046

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-567-580

UDC [811.21:811.161.1:811.512.122]’27:316.6/.7:614.2

Research article / Научная статья

The Perception of Medical Doctors on the Part of Hindu, Russian and Kazakh Linguoculture Bearers: Association Experiment

Gulzhana A. Kuzembayeva¹ , Zhannat M. Maigeldiyeva² ,
Zhumagul A. Maydangalieva³

¹K. Zhubanov Aktobe Regional University,
7A, Grishina str., Aktobe, the Republic of Kazakhstan, 030000

²Korkyt Ata Kyzylorda University,
29A, Aiteke Bi str., Kyzylorda, the Republic of Kazakhstan, 120000

³Baishev University,
302A, br. Zhubanovykh str., Aktobe, the Republic of Kazakhstan, 030000

 kuzembayeva@mail.ru

Abstract. The objective of the article is to study the perception of medical doctors by Hindu, Russian and Kazakh linguoculture bearers by means of cognitive analysis of association data obtained from the psycholinguistic experimental study conducted among Hindi, Russian and Kazakh native speakers. Methods of the research include a free association experiment with a stimulus words *डॉक्टर* in Hindi, *врач* in Russian, and *дәрігер* in Kazakh, modelling the associative field DOCTOR and its cognitive structure, defining the universal and ethno-specific features of medical doctors as perceived by the representatives of Indian, Russian and Kazakh nations. The obtained associative data were distributed according to the frequency criterion, followed by content analysis and categorization. As a result, while comparing association fields in Hindi, Russian, and Kazakh languages the quantitative asymmetry of semantic zones and their associates is revealed. Conceptualization of medical doctors in the Hindu, Russian and Kazakh language consciousness includes both universal and ethno-specific features. The results of the study integrate the experiences of different nations simplifying the perception of their peculiarities, and may have a positive impact on cross-cultural interactions.

Keywords: medical doctors, Hindi, Russian, Kazakh, free association experiment, language consciousness, conceptualization

Article history:

Received: 01.02.2022

Accepted: 15.04.2022

© Kuzembayeva G.A., Maigeldiyeva Zh.M., Maydangalieva Zh.A., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

For citation:

Kuzembayeva, G.A., Maigeldiyeva, Zh.M. & Maydangalieva, Zh.A. (2022). The Perception of Medical Doctors on the Part of Hindu, Russian and Kazakh Linguoculture Bearers: Association Experiment. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), С. 567—580. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-567-580>

Восприятие врачей представителями индийской, русской и казахской лингвокультур: ассоциативный эксперимент

Г.А. Кузембаева¹ , Ж.М. Майгельдиева² ,
Ж.А. Майдангалиева³

¹Актюбинский региональный университет имени К. Жубанова,
030000, Республика Казахстан, Актобе, ул. Гришина 7А

²Кызылординский университет имени Коркыт Ата,
120000, Республика Казахстан, Кызылорда, ул. Айтеке Би, 29А

³Баишев Университет,
030000, Республика Казахстан, Актобе, ул. Братьев Жубановых, 302А
 kuzembayeva@mail.ru

Аннотация. Целью статьи является исследование восприятия врачей представителями индийской, русской и казахской наций посредством когнитивного анализа ассоциативных данных, полученных в результате психолингвистического исследования, проведенного среди носителей хинди, русского и казахского языков. Методы исследования включают свободный ассоциативный эксперимент с предъявлением респондентам слов-стимулов डॉक्टर (хинди), врач (рус.) и дәрігер (каз.), моделирование ассоциативного поля ВРАЧ и его когнитивной структуры, определение универсальных и этноспецифических признаков врачей в восприятии представители индийского, русского и казахского народов. Полученные ассоциативные данные были распределены по критерию частотности с последующим контент-анализом и категоризацией признаков. При сравнении ассоциативных полей в хинди, русском и казахском языках выявляется количественная асимметрия семантических зон и их ассоциатов. Концептуализация врачей в индийском, русском и казахском языковом сознании включает в себя как универсальные, так и этноспецифические черты. Результаты исследования интегрируют знания разных народов, упрощая восприятие их особенностей, и могут оказать положительное влияние на межкультурные взаимодействия.

Ключевые слова: врач, хинди, русский язык, казахский язык, свободный ассоциативный эксперимент, языковое сознание, концептуализация

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2022

Дата приема в печать: 15.04.2022

Для цитирования:

Кузембаева Г.А., Майгельдиева Ж.М., Майдангалиева Ж.А. Восприятие врачей представителями индийской, русской и казахской лингвокультур: ассоциативный эксперимент // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 13. № 1. С. 567—580. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-567-580>

Introduction

Reference to materials of word association tests has gained a particular relevance for the studies with cognitive focus [1]. An association experiment sheds light on human linguistic consciousness and subjective-intuitive world outlook, which is not usually perceived by the native speakers and is not revealed by other research methods, and it has proved to be a reliable tool in psycholinguistics to explore the psychological, categorical, and substantive meaning of words [2—12].

Linguistic consciousness, synonymous to “the image of the world” [13] represents mental images having linguistic equivalents that reflect cultural and mental peculiarities and moral standards of a specific community. This makes linguistic consciousness a tool not only for psychological and linguistic analysis but also for the analysis of cultural perspectives of a community [14]. Thus, the importance of the association experiment in the cross-cultural ethnic language consciousness studies increases day by day.

Uncontrolled associations are a direct projection of internal content of consciousness. They represent the phenomenon of mass consciousness and are able to identify convincingly the national and cultural specifics of the images of consciousness of speakers of different language communities and cultures [15]. Associations act as “a logical link in the contents of consciousness — sensations, perceptions, thoughts, feelings, etc. — in the person’s experience, proving that the appearance in the mind of one of contents entails the appearance of another” [16].

Association field is a specific cognitive structure of the linguistic consciousness, which is involved in the forming of the conceptual picture of the world [17]. Semantic gestalt of an association field [18] reconstructs the knowledge about the surrounding world in the linguistic consciousness of native speakers by means of dividing the reactions of one association field into several semantic zones each of which covers similar features of an object or a phenomenon.

Thus, the data obtained through an association experiment can be interpreted as a consciousness reflection of representatives from different cultures, and is going to reveal the national and cultural specificity of a particular ethnos.

The study is aimed at describing Indians’, Russians’ and Kazakhs’ conceptualization of medical doctors. Being a universal concept inherent in any nation and “an integral part of any modern society” [19], *medical doctor*, verbally represented by the lexemes “डॉक्टर” in Hindi, “врач” in Russian, and “дәрігер” in Kazakh, is of undoubted interest for research. It is one of the key concepts of the medical discourse, forming the structure of the whole category [20]. The relevance of the study is defined by the interest in one of the key concepts during the times of COVID-19 pandemic and post-pandemic period, the significance of the intersection between culture and language, and the possibility to describe the content and structure of conceptualization of *medical doctors* in Hindi, Russian and Kazakh languages. Study of perceptions of the

concept under study by the Indians, Russians and Kazakhs contributes to fixing the constants of ethnic consciousness and culture, determines the importance and place of medical doctors in lives of the representatives of these ethnic groups.

Data and Methodology

A psycholinguistic study was conducted among the native speakers of Hindi, Russian and Kazakh languages. Verbal associations were collected by means of a free association experiment which represents the specifics of a certain language or culture bearers' consciousness [21]. The experiment was conducted online, the survey was administered by providing links to Google Forms.

Participants of a free association experiment received the stimulus word *doctor* in their native language (डॉक्टर/*spayu/dəpizep*) to provide verbal reactions. The respondents were asked to state the first associations with it that came to mind. The number of responses was not limited.

A total of 300 people (aged 17—23) took part in the experiment. The Russian native speakers were 100 students at Orenburg State Pedagogical University (Russian Federation). The representatives of Indian ethnos comprised of 100 international students of the West Kazakhstan Marat Ospanov Medical University. The Kazakh respondents consisted of 100 students of K. Zhubanov Aktobe Regional University (Republic of Kazakhstan).

The association field DOCTOR and its contents in three languages were identified and further on categorized based on the calculation of indices of verbal associations.

Data analysis and Discussion

As a result of the free association experiment, 691 associative responses were received from the representatives of the Kazakh ethnos, 531 — from Indians, and 515 — from Russians. Kazakh students' responses exceed the responses of Indians and Russians by nearly 30 %.

Based on the frequency of lexical associations, the association field (AF) including the centre (identified by reactions from more than 20 subjects), the near periphery (identified by reactions from 10 to 20 subjects), the far periphery (identified by reactions from less than 10 subjects), and the outer periphery (individual associates) were determined.

The AF structure in three languages is as follows: in Hindi — 103 components, of which 39 components are stated only once (individual associations (IA), in Russian — 181 (124 IA), and in Kazakh — 307 (212 IA).

Features of *medical doctors* as perceived by the Indian ethnic group are presented in the form of the AF DOCTOR in Table 1.

Table 1 / Таблица 1

The AF डॉक्टर / Ассоциативное поле डॉक्टर

री / surgery (24), चार / communication (21), रोगी का इतिहास / patients' history (20)

Centre (more than 20)

Near periphery (10-20)	परचे / prescription, असुवधिजनक महसूस / uncomfortable feeling (19), उपचार / treatment (17), ऑपरेशन टूलस / operation tools (16), नदिन / diagnose (15), सफ़द एपन / white gown (13), स्टेथोस्कोप / stethoscope (13)
Far periphery (less than 10)	अच्छा व्यवहार / good behavior, अस्पताल / hospital, ऑक्सीजन मस्क / oxygen mask (9), मेहरबान / kind, सनायुमामामीटर / sphygmomanometer, दवा / medicine, ऑपरेशन थियेटर / operation theatre, बीमारी / illness, थर्मामीटर / thermometer (8), मूल्यांकन / evaluation (7), इसीजी / electrocardiogram, सहानुभूति / empathy, ददगार / helper, सो जाओ / sleep, आवास चिकित्सक / residency doctor (6), डॉक्टर अच्छे सेवभाव है / good nature, ज्ञान / knowledge, उत्तरदायी / responsible, धैर्य / calm (5), इन्जेक्शन / injection, आत्मनिश्चिन्ता / self-confident, पृथ्वी पर डॉक्टर भगवान / doctor — god on earth, सहायक / helper (4), अच्छा / communication skill, समर्पण / dedicated, लोगों के पुरो उत्कृष्ट व्यवहार / excellent behavior towards people, पररक / motivational, वनिम / polite, आदरनीय / respectful, सम्मान लोग स्वस्थ, बीमार / respect people, healthy, ill, जामिमदार / responsible, वनीत / respectful, सामाजिक / social, समर्थन रोगियों और उनके प्यार / support patients, सातवना / sympathetic, लालची / greedy (3), सक्रिय / active, सहायक / assistant, मलिनसार / communicative, अच्छी सुनने की शमता / good listener, शरता / the best listener, अच्छी बातचीत करने वाला / well communication, करतव्य के लिए ईमानदार / conscientious to duty, ईश्वर / god, अच्छा इंसान / good human, अच्छा व्यक्तित्व / good personality, बुद्धिमिनि / intelligent, दयालु सेवभाव / kind nature, खुले दमिग / open mind, सकारात्मक सोच / positive thinking, हमेशा सकारात्मक सोच / always think positive, पेशवर / professional, वास्तव्य के रूप में अच्छी तरह से इलाज बीमारी को बढ़ावा देने के / promote health as well as treat disease, समय का पाबन्द / punctuate of time, मरीजो को अतिरिक्त समय / works over time for the patient, इजजतदार / respected, रैरजमिमदार / irresponsible, लापरवाह / careless, अच्छी समप्रक योग्यता / good communication skills (2)

Outer periphery Individual associations

Outer periphery Individual associations	अच्छे से सुनने वाला / active listener, हमेशा धन के लिए काम करना / always work for money, जागरूकता / attention, चौकस / attentive, सावधान / attentive, खुद से पहले मरीजो की सोचने वाला / before thinking of himself he/she should take care of patient, खुली सोच वाला / broad-minded, सक्रम / capable, सावधानी से / careful, देखभाल करना / caring, भरोसेबन्द / comfoter, मजबूत कोशल संवाद / strong communication, रोगी के साथ के बारे में अच्छा संचार / good communication with patient, दयालु / compassionate, सक्रम / competent, एकाग्र दमिग / concentrate mind, आश्वस्त / confident, रोगी को वाशवास हो सकता है / can be confident to patient, सहायक / cooperative, रोगी के साथ सहयोग करना / cooperate with patient, अनुशासन / discipline, मदद लोगों तक पहुँचने के लिए आसान / easy to reach to help people, शक्ति / educated, परभावी / effective, दकसता / efficiency, भावना के लिए सहानुभूति empathy for feeling, हर समय मुस्कान / every time smile, आग की सोचने वाला / forward thinker, दोस्त / friend, अनुकूल / friendly, नोषिकष सलाह दे / give unbiased advice, अच्छा भाग लेने के कोशल / good attending skill, सादा सेवभाव / normal behavior, अच्छा व्यवहार / well behavior, मरीज की अच्छी देखभाल परदाता / good care provider of the patient, अच्छा नैदानिक (good diagnostic), अच्छी आदत / good habits, डॉक्टर एक अच्छा आदमी है / doctor is a nice man, एक अच्छा इंसान / nice human being, मन ठक नहीं है / feelingless, लोगों के पुरो उत्कृष्ट व्यवहार / good reputation, अच्छा आदत / good habits, डॉक्टर एक अच्छा आदमी है / doctor is a nice man, एक अच्छा relationship between doctor and patient, इजजतदार / good respect, परतिठति व्यक्तित्व / reputed person, रोगी के खालिक अच्छा विचार / good thought about patient, उच्च शक्ति / highly qualified, ईमानदार / honest, अपराध / inattentive, उच्च वेतन / high salary, माननीय / honourable, नम्र / humble, समाज में डॉक्टर के महत्व / importance of doctors in society, दयालु व्यक्तित्व / kind attitude, जमिमदारी परमी / low responsibility, कोई व्यक्तित्व जीवन / no personal life, वाशवास नहीं / not confident, परेम धन / love money, नर्स / nurse, मालम / ointment, सबर / patience, धीरज patience, कोई भी स्थिति को संभालने वाला / perfect in handling any situation, अच्छा / personality, व्यक्तित्व विशेषताओं / personal characteristics, शक्तिपूर्वक / polite, व्यावसायिकता / professionalism, आदरणीय / respected, लोगों के पुरो उत्कृष्ट व्यवहार / respectful behavior for people, समाज में सबसे सम्मानित व्यक्तों / the most respected person in society, संतोषजनक / satisfactory, ईमानदार / sincere, रमार्ट / smart, मजबूत / strong, मजबूत साख / strong credentials, तेज दमिग / super-fast mind, सर्वोत्तम उपलब्ध जानकारी वाले लोगों को समर्थन करना / support people with best available information, मरीजो की भावना को समझना / understand patients feeling, अच्छी तरह से मनोविज्ञान के बारे में ज्ञान / well knowledge about psychology, सुयोग्यता प्राप्त / well-qualified, स्वास्थ्य देखभाल टीम के अन्य सदस्यों के साथ मिलकर काम करना / work cooperative with other members of healthcare team
---	--

Source: authors' elaboration based on the association experiment

Table 2 / Таблица 2

The AF ВРАЧ / Ассоциативное поле ВРАЧ	
Centre (more than 20)	белый халат / white gown (48), больница / hospital (38), (скорая) помощь / (ambulance) help (35), лечение / лечений / лечит / лечить / treatment (21)
Near periphery (10-20)	здоровье / health, болезнь / illness (16), лекарства / drugs, спасение (спасать / спасатель / спасает жизни) / save lives (rescuer) (14), доктор / physician, укол / injection (11)
Far periphery (less than 10)	медицина / medicine, справка (о болезни) / medical illness certificate (9), боль / pain (8), работа / work (8), маска / mask (7), жизнь / life, таблетки / pills (6), диагноз (диагностика) / diagnosis, очереди / queues, страх / fear (5), доверие / trust, специалист / specialist, стетоскоп / stethoscope, человек / person, ум (умный) / (smart) mind (4), волнение / excitement, градусник / thermometer, интересная и тяжёлая профессия / interesting and difficult profession, мужчина (средних лет) / man (middle-aged), надежда / hope, операция / operation, осмотр / examination, ответственный (ответственность) / responsible, профессионал / professional, смерть / death, стоматолог / dentist, строгий (строгость) / strict (severity), температура / temperature, труд / labor, шприц / syringe (3), Айболит / Alibolit, бедный (беден) / poor, внимательный / considerate, деньги / money, добрый / kind, звонки пациентов / calls from patients, капляница / drip, ковид / COVID, компетентный (компетентность) / competent (competence), кровь / blood, недовольство / dissatisfaction, опыт / experience, симптомы / symptoms, страдания (страдание) / suffering, терапевт / therapist, уважение / respect, эксперт / expert (2)
Outer periphery Individual associations	Айна Бакеева / Aina Bakeeva, амбулаторная карта / outpatient card, анализ / analysis, анамнез / anamnesis, аптека / pharmacy, бахилы / shoe covers, благодарность / gratitude, благородный / noble, бессонные ночи / sleepless nights, болен / sick, безопасность / safety, беспомощность / helplessness, бинт / bandage, богатство / wealth, важная работа / important work, вакцина / vaccine, вежливость / politeness, врачина / woman doctor, гастроэнтеролог / gastroenterologist, герои / heroes, горло / throat, герб медицины / symbol of medicine, грэх / took, грубость / rudeness, грязная / dirty, давление на врача / pressure on the doctor, Даниил / Daniil, дежурство / duty, диспансеризация / prophylactic medical examination, добро, доброта / kindness, друг / friend, женщина / woman, забота / care, занятость кабинета / fullness of office, запах стоматолога / smell of a dentist, защитник / defender, знакомство / acquaintance from the medical college, знание / knowledge of medical terms, игла / needle, информация / information, качество / quality, квалификация / qualifications, клизма / enema, клятва / oath, колит прививку чтобы не заболеть ковидом / vascinating to not get covid, консультации / consultation, крики / screaming, кроксы / crocs, кушетка / couch, латынь / latin, маленькая зарплата / small salary, мама / mom, медикаменты / medicines, медики / doctors, медицинская карточка / medical card, медицинское оборудование / medical equipment, мораль / morality, МРТ / MRI, невнимателен / inattentive, невозможность попасть к нему / impossibility to get to him, неуверенность / insecurity, низкие зарплаты / low salaries, обман / deceit, образованный / educated, общение / communication, операционная / operating, организм / organism, отвага / courage, отвращение / disgust, отрешенность / detachment, очень сильный человек (морально и физически) / morally and physically strong person, очень трудная работа / very difficult work, палач / executioner, признание / calling, полная запись на прием / full medical appointment, поможет / help, понимание, понимающий / understanding, потеря добрых и действительно желающих тебя вылечить врачей из детской больницы / loss of kind and really willing doctors from the children's hospital, прививка / vaccination, преданность / devotion, приёмное отделение / emergency department, проблемы / problems, пролизывающий взгляд, что даже страшно становится / a piercing look that even becomes scary, путаница / confusion, рассудительность / prudence, реанимация / resuscitation, рентген / x-ray, ругань / swearing, самопожертвование / self-sacrifice, своевременность / timeliness, сложная профессия / difficult profession, специальное медицинское образование / special medical education, спешка / haste, спокойствие / calmness, старание / diligence, старые стены, с которых сыпется штукатурка / old walls, стерильная вата / sterile cotton wool, стерильность / sterility, супер-человек / super-human, таблетка / pill, термометр / thermometer, тяжело / hard, улучшение состояния / improvement, устал / tired, усталый вид / tired look, Фатима и Зухра / Fatima and Zukhra, фонендоскоп / phonendoscope, халатность / negligence, хирург / surgeon, хирургическое вмешательство / surgery, ладнокровие / composure, холодные руки / cold hands, цвет / color, человечность / humanity, черствость / callousness, чистота / purity, чума / plague, шизофрения / schizophrenia, яркий свет от ламп / bright light from lamps, Dr.

Source: authors' elaboration based on the association experiment

Table 3 / Таблица 3

The AF ДӘРИГЕР / Ассоциативное поле ДӘРИГЕР

Centre (more than 20)	аурухана / hospital (22), ақ халат / white gown (21).
Near periphery (10-20)	дәрі-дәрмек / medicines (18), тазалық / cleanness (14), укол / injection (13), фонендоскоп / phonendoscope, науқас / patient (12)
Far periphery (less than 10)	жедел-жәрдем / ambulance, ақ халатты абзал жан / kind person in a white gown (9), білімді / educated (8), жауапкершілік / responsibility, пациенттер / patients, өмір / life, ауру / ill, халат / gown, емхана / polyclinic, хирург / surgeon (7), қалпақ / hood, диагноз / diagnosis, қан / blood, дәріхана / pharmacy (6), мейірімді / kind, мейірімділік / compassionate, ұқыпты / caring, ақылды / smart, маска / mask, скальпель / scalpel, термометр / thermometer (5), клиника / clinic, хирургиялық костюм / surgical suit, тонометр / tonometer, ота / operation, көмек / help, анализ / analysis, психолог / psychologist, өлім / death, емдеу / treatment, анатомия / anatomy (4), сабырлы / calm, түсіністік / understanding, Гиппократ анты / Hippocratic oath, білім / knowledge, абзал жандар / kind people, денсаулық / health, туберкулез / tuberculosis, ота / operation, көмек / help, анализ / analysis, спирт / alcohol, шприц / syringe, перчатка / glove, ине / needle, гинеколог / gynecologist, медбике / nurse (3), санитарка / hospital aide, жедел ойлау / emergency thinking, травматолог / traumatologist, палата / ward, УЗИ / ultrasonography, пинцет / tweezers, стетоскоп / stethoscope, бинт / bandage, гипс / plaster, оба / plaque, ауру түрі / type of disease, адам / person, гигиена / hygiene, рецeпт / prescription, температура / temperature, бала / child, бөпелер / infants, қарт / elderly, жүрек / heart, сүйек / bone, пульс / pulse, ұйқысыздық / insomnia, сенімділік / confidence, сенім / trust, алғыс / gratitude, ризашылық / satisfaction, үміт / hope, сауатты / literate, сыйайлық / polite, еңбекқор / hardworking, төзімділік / endurance, ақшаға құныққан / money-loving, жақсылық / good, батыр / hero, жауапкершілігі мол / responsible, ізгі / virtuous, мәдениетті / cultured, салмақты / serious (2)
Outer periphery Individual associations	бәрін өзім білем демеу / not saying "I know all", еңбек / labor, hardworking / еңбекшіл, thorough / тиянақты, clean / тазайым, жұмыс басты адам / hardworking, өз ісіне адал / honest, өз ісіне мұқият / careful, парақорлық / corruption, жемқорлыққа жиі барады / often corrupt, арамтамақ / greedy, кеңпейілділік / kind, көкірегі ояу / open-minded, құрметшіл / respectful, мақұрат / respect, қуаныш / joy, тәрбиелі / well-bred, төзімділік / tolerance, ұстамды / restrained, үздік мамандық / best profession, талант / talent, реанимация / resuscitation, тез шешім қабылдағыш / quick decision-making, ұқыптылық / punctuality, шаттық / joy, көңілді / fun, ең сенімді жан / the most trusted soul, адамдарға қамқорлық / caring for people, адам жанының арашасы / the mediator of the human soul, әдепті / polite, адамгершілік / humane, аяушылық / compassion, басқалар ойын тыңдай білу / able to listen to others, бауырмалдық / brotherhood, бәріне түсінісушілікпен қарау / understanding, адамдарды қастаға бөлмеу / non-caste, ақ жүректі / white hearty, байсалды / calm, байыпты / serious, елін, халқын, жерін сүйетін / loving country, people, land, сезгіш / sensitive, батылдық / courageous, төкаппар / proud, өрөккірек / arrogant, қорқақ / cowardly, жылы көзқарас / kind attitude, жылы сөздер / kind words, науқастардың қорғаушы періштелері / guardian angels of the sick, науқастарды емдеу / healing the sick, өзі ауырсада жұртты емдейтін / healing the sick even if ill themselves, өліммен күрес / fighting death, науқастармен тығыз қарым-қатынаста болу / keeping in touch with the sick, пациенттермен сөйлесудің өзіндік қалыптары / peculiarities of communication with patients, науқастарға жақсы қарау / good care for patients, жүзі ашық / kind, науқас үшін бәрін жасайды / does everything for the patient, күтеді / cares, мейірім / kindness, қамқор / kindness, науқастардың ауруын жазу / writes down the patient's illness, науқасқа қарайды / looks after the patient, құтқарушы / rescuer, қорғаныш / protection, өз-өзін ұстай білуші / calm, пациенттің сауыққанын көру / seeing the patient becoming well, алғысын алу / thanked, сыйластық / respect, кішіпейіл / humble, қамқорлық / care, дөрекілеу / rude, пациенттерге салғырт қарау / indifferent to patients, өкпе, реніш / resentment, сөз түсінбейтін / misunderstanding, мән бермеушілік, немқұрайлық / indifference, қатыгездік, қаталдық / cruelty, ашу мен күлкі / anger and laughter, белгілі бір маман иесі / a certain professional, жақсы білім / good knowledge, көзі ашық / open-minded, тәжірибе мен білім / experience and knowledge, сөйлеу мәнері жоғары / eloquent, тәжірибелі маман / experienced specialist, Гиппократ антын ұстанған / holds Hippocratic oath, кітаптар / books, кітап оқу / reading books, мақсат / purpose, оқу / study, оқушы / student, мұқият шешім / careful decision, психологиялық тұрғыдан дайын / psychologically ready, жылан / snake, оқыған / educated, ординатура / residency, өнер / art, өзіндік өмірлік принципі бар / has its own principle of life, нақты / concrete, өз ісінің маманы / professional, өмірлік тәжірибе / life experience, кәсібінің маманы, өз мамандығының нағыз маманы / real specialist, жылдамдық, БҚМУ / WKMU, университет / university, анатомия кітап / book of anatomy, әр кезде ізденуші, ізденуші / searcher, біліктілік / qualification, білікті / qualified, білімнің төмендігі, сауатсыз / uneducated, ақ ардагер / kind, адамдардың көз жасы мен қуанышы, әлемнің жақсаруына бір қадам / one step to improvement, әдемі сырт бейне / beautiful appearance, мәдениет иесі / culture, ауыр энергетика / heavy energy, біреуі атақ-абыройын ойласа, біреуін науқас алаңдатады / one thinks about fame, one worries the patient, дәрігер пациенттің арқа сүйегі бола алады / the doctor can support the patient, беделді адам / an authoritative person, дәрігер кез-келген уақытта қолынан келгенін аяп қалмайды / the doctor can help at any time, денсаулық қорғаны / health care, емін табатын адам, емдеуші / a healer, дәрігерге өз жанын сеніп тапсырады, жанға дауа адам / a soul healer, қоғамға пайда / benefit to society, қолынан бәрі келетін жан / can do anything, сынықшы / heals bone breakage, сиқыршы / magician, ажал қорғаны /

Centre
(more than 20)

аурухана / hospital (22), ақ халат / white gown (21).

a death guard, ұлы маман / a great specialist, сыйлықтар / gifts, сәнқой / fashionable, пациентке диагноз қоя алмай / inability to diagnose a patient, емдей алмай / inability to cure, науқастың дәрігер көмегімен өмірден өтуі / patient death with the help of a doctor, ең адал мамандық / the most honest profession, ақ сарбаз / white soldier, өлмейтін маман / immortal specialist, ата-ана / parents, ата-әже / grandparents, талма ауруы / epilepsy, бомж / homeless, халық / people, жетім балақайлар / orphans, мүгедек балалар / children with disabilities, әке / father, балалар / children, қарттар / the elderly, артроз / osteoarthritis, аурудың емін табу / finding treatment of the disease, анамнез / anamnesis, ауру тарихы / medical history, дұрыс диагноз қою / correct diagnosis, аурулардың өзіне жұқтырып алу қауірі / risk of infection, емделу / treatment, артрит / arthritis, ауыр жарақаттар / severe injuries, азап / suffering, вирустық аурулар / viral diseases, гайморит / sinusitis, ем, ем-шара / treatment, бақытты адамдар / happy people, жаңа өмір / new life, жара / wounds, зақымдану / injuries, ишемия / ischemia, жедел көмек / acute help, алғашқы көмек / first aid, кардиограмма / cardiogram, коммуникация / communication, консультация / consultation, қан тамыры / blood vessels, қан қысымы / blood pressure, ларингит / laryngitis, менингит / meningitis, иммунитет / immunity, операциялық / surgery, педикулез / pediculosis, пневмония / pneumonia, ринит / rhinitis, рак / cancer, стоматит / stomatitis, труп / corpse, тамақ / food, уақыт / time, ұрық ұлпа / fetal tissue, ұшық / herpes, ірің / pus, инфекция / infection, ұзақ өмір сүру / longevity, шок / shock, ширақ / period, тағдырдың уақыт құмсағаты / the hourglass of destiny, өлім мен өмір / death and life, көп жыл өмір / many more life, таблетка / drug, пеницилин / penicillin, прививка / vaccination, балалық шақ / childhood, көз жасы / tears, карантин / quarantine, кішкене сәбилердің тілі / baby's tongue, қысым / pressure, құлақ / ear, дәрігер қателігі / doctor's error, жүрек соғысы / heartbeat, жұлын / spinal cord, ет / flesh, ми / brain, морфология / morphology, ағза / organism, асқазан / stomach, миокард / myocardium, нерв / nerves, омыртқа / spine, шарана / pelvis, хирургиялық инструменттер / surgical instruments, манжет / cuffs, қолғап / gloves, көз / eye, көзілдірік / glasses, шкаф / wardrobe, физиотерапия / physiotherapy, йод / iodine, ЭКГ / ECG, бахила / shoe covers, екінші аяқ-киім / second shoes, зеңбіл / cannon, құралдар / tools, лейкопластер / adhesive plaster, медициналық құралдар / medical supplies, мақта / cotton, новокаин / novocaine, хирургиялық пышақ / surgical knife, чепчик / cap, градусник / thermometer, пышақ / knife, вакцина / vaccine, амбулатория / outpatient clinic, аурухана тосеги / hospital bed, палата / ward, екпе бөлмесі / vaccination room, қабылдау / reception, қабылдау бөлімі / admission department, морг / morgue, терапия / therapy, травматология / traumatology, физиология / physiology, хирургия / surgery, перзентхана / maternity hospital, корпус / building, кіші санитарка / junior nurse, акушер / obstetrician, дәрігер-хирург / surgeon, кардиолог / cardiologist, кардиохирург / cardiac surgeon, онколог / oncologist, терапевт / therapist, ауыр жұмыс күні / hard work day, бос уақыт жоқ / no free time, ұйқысыздық / insomnia, дежурство / duty, жеке өміріне көңіл бөлмейді / inattention to personal life, жұмыстан шаршау / fatigue from work, қиыншылықтар / difficulties, көп қағаздар / a lot of paperwork, күресу / struggle, қарбалас / hustle, қажырлы еңбек / hard work, макулатура / waste paper, арман / dreams, болашақ / future, сырғыған уақыт / quick time, айлығы көп, көп ақша / a lot of money, апта сайын халат жуу / weekly washing the gown

Source: authors' elaboration based on the association experiment

By the representatives of Indian ethnos, *medical doctors* are mostly associated with the following notions: *communicative* (31.1%), *surgery* (23.3%), *patients' history* (19.4%), *uncomfortable feeling*, *prescription* (18.5%), *treatment* (16.5%), *diagnosis* (14.6%), *good nature* (12.6%), *stethoscope* (12.6%), *white gown* (12.6%), *good behaviour* (11.7%), *kind* (10.7%), *helper* (9.7%), *oxygen mask* (8.7%), *hospital* (8.7%).

Features of *medical doctors* as perceived by the Russian ethnic group are presented in the form of the AF DOCTOR in Table 2.

As perceived by Russians, *medical doctors* are associated with a *white gown* (9.3%), *hospital* (7.4%), *help* (6.8%), *treatment* (4.1%), *health*, *illness* (3.1%), *drugs*, *save lives* (2.7%), *physician*, *injection* (2.1%).

Features of *medical doctors* as perceived by the Kazakh ethnic group are presented in the form of the AF DOCTOR in Table 3.

According to the Kazakhs, *medical doctors* are associated with *hospital* (4.4%), *white gown* (4.1%), *patients* (2.8%), *remedy* (2.6%), *educated* (2.2%), *cleanliness* (2.02%), *noble* (1.7%), *kind* (1.4%).

The comparative core-near periphery structure of the AF DOCTOR in three languages structure is presented in Table 4.

Table 4 / Таблица 4

**Centre-and-near periphery structure of AF डॉक्टर/ВРАЧ/ДӘРИГЕР /
Структура АП डॉक्टर/ВРАЧ/ДӘРИГЕР**

AF components	Hindi (N)	Russian (N)	Kazakh (N)
Core	surgery (24), communication (21), patients' history (20)	white gown (48), hospital (38), (ambulance) help (35), treatment (21)	hospital (22), white gown (21)
Near periphery	prescription, uncomfortable feeling (19), treatment (17), operation tools (16), diagnose (15), white gown (13), stethoscope (13)	health, illness (16), drugs, rescuer / saves lives (14), physician, injection (11)	medicines (18), cleanness (14), injection (13), phonendoscope, patient (12)

Source: authors' elaboration based on the association experiment

The common and specific components identified in the associative meaning to the stimulus *doctor* (डॉक्टर/врач/дәрігер) are due to differences in the structures of languages and the ethnic specificity of Indian, Russian, and Kazakh cultures.

Features of *medical doctors* obtained as a result of the association experiment in three languages were categorized forming the semantic zones without remainder (Fig. 1).

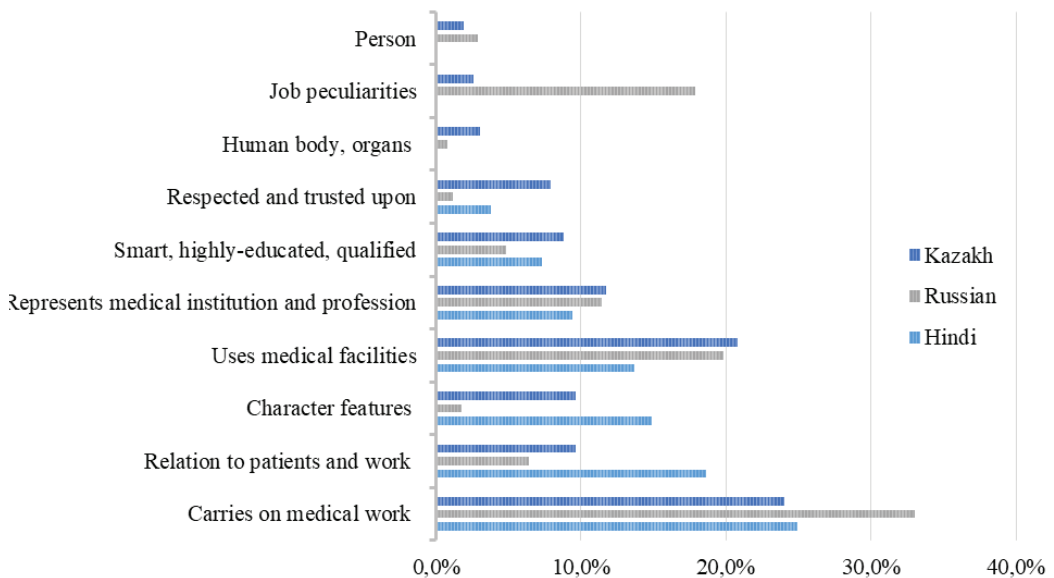

Fig. 1. Categories in Hindi, Russian and Kazakh languages

Рис. 1. Категории на хинди, в русском и казахском языках

The most voluminous category in the association field DOCTOR as perceived by all three ethnic groups is “*Carries on medical work*” (in Hindi — 132 (24.9%), in Russian — 170 (33%), in Kazakh — 166 (24.02%).

As perceived by the Hindu linguoculture bearers, *medical doctors* are further associated according to their relation to patients and work — 99 (18.6%), character features — 79 (14.9%), using of medical facilities — 73 (13.7%).

Russians mostly perceive *medical doctors* as using medical facilities — 102 (19.8%), having specific job peculiarities — 92 (17.9%), and their relation to patients and work — 33 (6.41%).

Kazakhs’ perceptions of *medical doctors* are mostly associated with the use of medical facilities — 144 (20.8%), work at medical institutions and holding medical profession — 81 (11.7%), character features and relation to patients and work — 66 (9.6%).

The results of the axiological analysis of conceptualizations of *medical doctors* by the representatives of Indian, Russian and Kazakh nations identified negative perceptions of *medical doctors* (Fig. 2).

Fig. 2. Ratio of negative conceptualizations of medical doctors

Рис. 2. Соотношение негативных характеристик

Negative perceptions of *medical doctors* by Indians include the following notions: *greedy* (3), *careless*, *irresponsible* (2). According to Russians, *medical doctors* are *rude*, *inadvertent*, *deceitful*, *detached*, *negligent*, *callous*, and *executioners*. Negative features of a *doctor* according to Kazakhs, are *money-loving* (2), *corruption* (2), *greedy*, *rudeness*, *haughtiness*, *inattentiveness*, *malpractice*, *severity*, *cruelty*, *low knowledge*, *illiteracy*, *inability to diagnose and treat*, *death caused by a doctor*.

Medical doctors are conceptualized by the representatives of Indian ethnos mostly as communicative, kind helpers with good behaviour and good nature, wearing a white gown with a stethoscope, working in surgery, a hospital with patients’ history, prescriptions, diagnosing and treating, sometimes causing an uncomfortable feeling.

As perceived by Russians, *medical doctors* wear a white gown, work in a hospital, where they help to preserve health, treat illness, prescribe drugs, injections, and save lives.

The significant features of *medical doctors* for Kazakh language consciousness are hospital, white gown, patients, remedy, educated, cleanliness, noble, kind.

Concluding remarks

Summing up the conceptualization of *medical doctors* by the representatives of Indian, Russian and Kazakh nations actualized from the data of the word association experiment, the conducted study proved to be an effective tool in determining the specifics of ethnic language consciousness.

The results of the study define the differences and commonalities in perceptions of *medical doctors* in Hindu, Russian and Kazakh linguistic mentality according to the constants identified in the ethnic language consciousness.

As a result of the study, it was revealed that the concept under study is of the utmost significance in the consciousness of the studied ethnic groups, and it is especially noticed from the variety of words-associations and cognitive features in those three languages. Informational, communicative and functional features of *medical doctors* are most actualized in the language consciousness of respondents. *Medical doctors* are conceptualized by Indians, Russians and Kazakhs as highly qualified specialists with high moral qualities, related to medical activity and respected in society.

The results of the study simplify the perception of *medical doctors* from the cross-cultural perspective, and may have a positive impact on intercultural communication.

References

1. Morel, D.A., Spivak, L.N. & Shatilina, S.I. (2015). Stereotypical risks and threats in the youth's opinion (diachronic comparative aspect). *Scientific result. Issues of theoretical and applied linguistics*, 1(4 (6)), 4—7.
2. Galton, F. (1879). Psychometric experiments. *Brain*, 2, 149—162.
3. Russell, W.A. & Jenkins, J.J. (1954). *The Complete Minnesota norms for Responses to 100 Words from the Kent-Rosanoff Word Association Test*. Minneapolis: Minnesota of University.
4. Cramer, P. (1968). *Word Association*. London: Academic Press.
5. Postman, L. (1970). *Norms of Word Association*. New York: Academic Press.
6. Leontiev, A.A. (1993). Language Consciousness and Image of the World. In: Tarasov, E.F. (Ed.) *Language and Consciousness: The Paradoxical Rationality*. Moscow: RAN Institute of Linguistics. pp. 16—21. (In Russ.).
7. Nelson, D.L., McEvoy, C.L. & Schreiber, T.A. (1998). The University of South Florida word association, rhyme, and word fragment norms. *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers*, 36, 402—407.
8. Vygotsky, L.S. (1999). *Thinking and Speech*. Moscow: Labyrinth. (In Russ.).

9. Zalevskaya, A.A. (2007). *Introduction to Psycholinguistics*. Moscow: Russian State Humanitarian University. (In Russ.).
10. De Deyne, S. & Storms, G. (2008). Word Associations: Network and semantic properties. *Behavior Research Methods*, 40/1, 213–231.
11. Kovács, L., Orosz, K. & Pollner, P. (2012). The network of Hungarian word associations. *Magyar Tudomány*, 6, 699–705.
12. Gravino, P., Servedio, V.D.P., Barrat, A. & Loreto, V. (2012). Complex structures and semantics in free word association. *Advances in Complex Systems*, 15(3–4). URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-00701709/document> (accessed: 12.01.2022).
13. Ufimtseva, N.V. (2014). Russian Psycholinguistics: Contribution to the Theory of Intercultural Communication. *International Communication Studies*, XXIII:1, 1–13.
14. Lenart, I., Markovina, I. & Endrődy, O. (2021). Preschool Children’s Verbal Image of the World: A Cross-Cultural Russian-Hungarian Comparison Based on Word Associations. *Journal of Tomsk State University. Philology*, 72, 91–118. <https://doi.org/10.17223/19986645/72/5>
15. Dmitryuk, N. & Abramova, G. (2021). Associative Dictionaries as an Ethnic Mental Phenomenon: Basic Values in the Core of Ethnic Group Language Consciousness. *Psycholinguistics*, 30 (2), 59–84.
16. Goroshko, E.I. (2006). *Linguistic consciousness: Gender paradigm*. Saint-Petersburg: Aleteyya. (In Russ.).
17. Nedashkivska, T. & Kushmar, L. (2017). Associative Way from Perception to Understanding: Associative Field vs Lexical-Semantic Field. *Journal of Modern Education Review*, 7(1), 44–50.
18. Karaulov, Yu.N. (2000). National mentality indicators in an associative-verbal network. In: Ufimtseva, N.V. (Ed.) *Language consciousness and image of the world*. Moscow: RAN Institute of Linguistics. pp. 191–206. (In Russ.).
19. Madzhayeva, S.I. (2010). Verbalization of concept doctor — linguacultural and cognitive aspects. *Scientific Statement. Humanities*, 24 (95), 18, 152–156. (In Russ.).
20. Kubryakova, Ye.S., Demyankov, V.Z., Pankrats, Yu.G. & Luzina, L.G. (1996). *Concise dictionary of cognitive terms*. Moscow. (In Russ.).
21. Abramova, G., & Dmitryuk, N. (2021). Edification Dictums in the Language Consciousness of the Kazakh Ethnos. *Psycholinguistics*, 29 (2), 8–24. <https://doi.org/10.31470/2309-1797-2021-29-2-8-24>

Библиографический список

1. Morel D.A., Spivak L.N, Shatilina S.I. Stereotypical risks and threats in the youth’s opinion (diachronic comparative aspect) // Сетевой журнал «Научный результат». Серия «Вопросы теоретической и прикладной лингвистики». 2015. Вып. 1. № 4 (6). С. 4–7.
2. Galton F. Psychometric experiments // *Brain*. 1879. № 2. P. 149–162.
3. Russell W.A., Jenkins J.J. The Complete Minnesota norms for Responses to 100 Words from the Kent-Rosanoff Word Association Test. Minneapolis: Univiversity, Minnesota, 1954.
4. Cramer P. Word Association. London: Academic Press, 1968.
5. Postman L. Norms of Word Association. New York: Academic Press, 1970.
6. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность*, Е.Ф. Тарасов (ред.). М.: Институт языкознания РАН, 1993. С. 16–21.
7. Nelson D.L., McEvoy C.L., Schreiber T.A. The University of South Florida word association, rhyme, and word fragment norms // *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers*. 1998. № 36. С. 402–407.
8. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999.
9. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2007.

10. De Deyne, S., Storms G. Word Associations: Network and semantic properties // Behavior Research Methods. 2008. № 40/1. P. 213—231.
11. Kovács L., Orosz K., Pollner P. Magyar szóasszociációk hálózata [The network of Hungarian word associations] // Magyar Tudomány. 2012. № 6. P. 699—705.
12. Gravino P., Servedio V.D.P., Barrat A., Loreto V. Complex structures and semantics in free word association // Advances in Complex Systems. 2012. № 15(3—4). Режим доступа: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-00701709/document> (дата обращения: 12.01.2022).
13. Ufimtseva N.V. Russian Psycholinguistics: Contribution to the Theory of Intercultural Communication // International Communication Studies. 2014. XXIII:1. pp. 1—13.
14. Lenart I., Markovina I., Endrődy O. Preschool Children's Verbal Image of the World: A Cross-Cultural Russian-Hungarian Comparison Based on Word Associations // Вестник Томского государственного университета. Серия Филология. 2021. № 72. С. 91—118. <https://doi.org/10.17223/19986645/72/5>
15. Dmitryuk N., Abramova G. Associative Dictionaries as an Ethnic Mental Phenomenon: Basic Values in the Core of Ethnic Group Language Consciousness // Psycholinguistics. 2021. № 30(2). P. 59—84.
16. Горошко Е.И. Языковое сознание: гендерная парадигма. Санкт-Петербург: Алетея, 2006.
17. Nedashkivska T., Kushmar L. Associative Way from Perception to Understanding: Associative Field vs Lexical-Semantic Field // Journal of Modern Education Review. 2017. Выпуск 7. № 1. С. 44—50.
18. Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира, Н.В. Уфимцева (сост.). М.: Институт языкознания РАН, 2000. С. 191—206.
19. Маджаева С.И. Вербализация концепта «врач» — лингвокультурный и когнитивный аспекты // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2010. № 24(95). Выпуск 8. С. 152—156.
20. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Лузина Л.Г., Панкрац Ю.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
21. Abramova G., Dmitryuk N. Edification Dictums in the Language Consciousness of the Kazakh Ethnos // Psycholinguistics. 2021. № 29(2). P. 8—24. <https://doi.org/10.31470/2309-1797-2021-29-2-8-24>

Сведения об авторах:

Кузембаева Гульжана Айтжановна, кандидат филологических наук, доктор философии (PhD), доцент кафедры английского и немецкого языков Актюбинского регионального университета имени К. Жубанова; *сфера научных интересов*: психолингвистика, сравнительное языкознание, лингвокультурология; *e-mail*: kuzembayeva@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-8964-3683; eLIBRARY SPIN-код: 1510-2232

Майгельдиева Жаннат Мусабековна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Кызылординского университета имени Коркыт Ата; *сфера научных интересов*: сопоставительное языкознание, фонетика, морфонология; *e-mail*: jmussabek@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-1297-274X; eLIBRARY SPIN-код: 5825-1084

Майдангалиева Жумагуль Алдияровна, доктор философии (PhD), доцент кафедры иностранных языков и литературы Баишев Университета; *сфера научных интересов*: лингвокультурология, методика русского языка; *e-mail*: maydangalieva@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-3189-8880; eLIBRARY SPIN-код: 4996-8927

Information about the authors:

Gulzhana A. Kuzembayeva, Ph.D. in Philology, Associate Professor of the Department of English and German Languages, K. Zhubanov Aktobe Regional University; *Research interests*: psycholinguistics, comparative linguistics, cultural linguistics; *e-mail*: kuzembayeva@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-8964-3683; eLIBRARY SPIN-code: 1510-2232

Zhannat M. Maigeldiyeva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, Korkyt Ata Kyzylorda University; *Research interests*: comparative linguistics, phonetics, morphophonology; *e-mail*: jmussabek@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-1297-274X eLIBRARY SPIN-code: 5825-1084

Zhumagul A. Maydangalieva, Ph.D. in Education, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Literature, Baishev University; *Research interests*: linguoculturology, methodology of teaching Russian; *e-mail*: maydangalieva@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-3189-8880; eLIBRARY SPIN-code: 4996-8927